

ТИБЕТ

СИЯНИЕ ПУСТОТЫ

Е.Н. Молодцова

СОКРОВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Е.Н. МОЛОДЦОВА

ТИБЕТ: СИЯНИЕ ПУСТОТЫ

2-е издание

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВЫЙ АКРОПОЛЬ»
2013

УДК 94(515):398.21(515)
ББК 63.3(54):86.35(54):82.3(54)
М75

Серия «Сокровенная история цивилизаций».
Основана в 2000 г.

Молодцова Е.Н.

М75 Тибет: сияние пустоты. — М.: Издательство «Новый Акрополь»,
2013. — 344 с.: ил. — (Сокровенная история цивилизаций).
ISBN 978-5-91896-056-1

Тибет — это иной мир, полный жестокой мудрости и подлинной поэзии. Здесь пространство и время теряют свое значение, а реальное и воображаемое неразличимы, как часто неразличимы сон и явь. Это культура, о которой ее легенды могут поведать подчас больше, чем исторически достоверные факты.

Эта книга является попыткой рассказать о духовной культуре Тибета, а также о жизни этой культуры за пределами Тибета.

УДК 94(515):398.21(515)
ББК 63.3(54):86.35(54):82.3(54)

© Идея серии. Культурный центр
«Новый Акрополь», 2000
© Е.Н. Молодцова, 2001
© Издательство «Новый
Акрополь», 2013

ISBN 978-5-91896-056-1

Елена Николаевна Молодцова — кандидат философских наук, специалист в области истории духовной культуры Индии и Тибета, автор многочисленных публикаций по этому вопросу, а также книги «Традиционные знания и современная наука о человеке». В настоящее время Е.Н. Молодцова возглавляет Проблемную группу философско-психологического анализа оснований научного знания Института истории естествознания и техники РАН.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	11
ГЛАВА ПЕРВАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ПРИХОДЕ БУДДИЗМА В ТИБЕТ	15
Трое Великих	15
Прародители тибетцев	18
Первый правитель Тибета Ньятри Цэнпо	20
Падение небесных книг	22
Великий Сронцэнгампо	23
Богиня Тара	28
Что такое танка	32
Гений Дзанабадзар	34
Личное знакомство с Ваджрасаттвой	39
Цэнпо Трисонг Дэвцэн	41
ГЛАВА ВТОРАЯ, РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О СТАРЕЙШЕЙ РЕЛИГИИ БОН	44
Население Тибета до появления человека	45
Появление человека	46
Учитель Тогьял-Екхен	46
Священная страна Олмо	48
Учитель Шенраб	49
Суть бонской веры и практики	53
Бонцы, цари и женщины	55

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

ЦЕЛИКОМ ПОСВЯЩЕННАЯ НЕСРАВНЕННОМУ ПАДМАСАМБХАВЕ
И ЕГО ВЕЛИКИМ И СЛАВНЫМ ДЕЯНИЯМ 61

Царь Индрабодхи	62
Чудесное рождение, детство и юность Падмасамбхавы	63
Уход от мира и подвиги Падмасамбхавы	64
Обучение Падмасамбхавы	72
Принцесса Мандарава	73
Прибытие Падмасамбхавы в Тибет	76
Бон и буддизм	78
Еще Цогель	80
Уход Падмасамбхавы	83

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

ТРЕБУЮЩАЯ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ,
ТАК КАК В НЕЙ БУДЕТ РАССКАЗАНО О СУЩНОСТИ УЧЕНИЙ,
КОТОРЫЕ ПАДМАСАМБХАВА ПРИНЕС В ТИБЕТ 84

Житие Будды Шакьямуни	84
Хинаяна	88
Махаяна	90
Ваджраяна	94
Термы и тертоны	94
Школа ньингма	96
Великая Пустота	97
Параллели	102
Картина мира	105
Путь будды	110
Буддизм и исихазм	114
Очищение ума	118
Подведем итоги	122

ГЛАВА ПЯТАЯ,

ИЛИ ПОПЫТКА РАССКАЗАТЬ О МИСТЕРИИ ЦАМ 124

Божества и духи, прирученные Падмасамбхавой	125
Первый великий танец	132
История Цам	134
Цам дхармапал	140
Цам Калачакры	146

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ШЕСТАЯ,	
РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЕ И ТИБЕТСКИХ ВРАЧАХ	153
Медицина — искусство жизни и смерти	153
История <i>Чжуд-ши</i>	154
Житие Ютокпы-Старшего	155
Божественная передача медицинского Учения	160
Медицинская мандала	162
Учение о человеке в тибетской медицине	163
Структура тибетской медицины	166
Акупунктура и пульсовая диагностика	168
Личность врача	172
ГЛАВА СЕДЬМАЯ,	
ПОСВЯЩЕННАЯ ИСКУССТВУ УМИРАТЬ, КОТОРОЕ И ЕСТЬ ИСТИННОЕ ИСКУССТВО ЖИТЬ	175
Появление в Тибете <i>Книги мертвых</i>	176
Процесс смерти	176
Вход в блаженную страну Сукхавати	178
Чистый свет смерти	181
Третий этап бардо	182
Выход мирных божеств	183
Выход гневных божеств	186
Чистые страны	187
Шамбала и учение Калачакратантры	192
Бардо поисков перерождения	196
ГЛАВА ВОСЬМАЯ,	
ИЗЛАГАЮЩАЯ ИСТОРИЮ ШКОЛЫ КАГЬЮ	198
Потомки Трисонга Дэвцэна	199
Царствование Ландармы	200
Рождение традиции кагью	202
Тилопа	204
Тилопа и Наропа	208
Уроки полковника Хозиева	211
Наропа	214
Марпа-лоцзава	215
Миларепа	218
Речунгпа и Гампопа	223

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, РИСУЮЩАЯ ОБРАЗ КАРМАПЫ И КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННЫХ РАСПРОСТРАНТЕЛЕЙ УЧЕНИЯ КАРМА-КАГЬЮ	227
Кармапа	227
Шамарпа	232
Преемственность тулку	235
Европейские ученики Кармапы	236
Центры кагью на Западе	240
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ЛИНИЯХ САКЬЯ И ГЕЛУГ В ТИБЕТСКОМ БУДДИЗМЕ, А ТАКЖЕ О ЖИЗНИ И СТРАДАНИЯХ ДАЛАЙ-ЛАМ	247
Традиция сакья	247
Традиция гелуг	248
Линия Далай-лам	254
Современный Далай-лама	268
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ТИБЕТСКОМ БУДДИЗМЕ	271
Факультет философии	272
Обучение и воспитание	276
Путь тантры	279
Факультет медицины	285
Монастыри	285
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ МЕДИТАЦИЯМ В ТИБЕТСКИХ ТАНТРАХ	288
Место медитации	289
Медитация параллельно смерти	290
Туммо йога	294
Йога иллюзорного тела	298
Йога сна	300
Результат тантристских практик	301

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	303
Карта Тибета	323
Список использованной литературы	324
Список иллюстраций	327
Указатель имен	330
Указатель тибетских понятий и литературных произведений	336
Указатель географических названий	341

*Посвящается тем,
кто учил меня мужеству
и мудрости жить.*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

важаемый читатель! В этой книге я попытаюсь рассказать Вам о духовной культуре Тибета, о великой и странной Стране Снегов. В моем рассказе легенды будут переплетаться с реальной историей, ибо так это и происходит в любой традиционной культуре, особенно же в культуре загадочного для нас Востока.

Это сегодня, на Западе, мы ищем чистые, исторически достоверные факты, искусственно вычленив их из сплетения нитей чудесного ковра преданий. Но при этом мы неизменно теряем живой узор, предназначенный для медитаций и полетов воображения, уносящих к иным мирам.

На Востоке все иначе. Деньги и время, которые на Западе являются мерилем всех ценностей, на Востоке мало что значат. Об этом я расскажу Вам несколько историй, типичных для менталитета восточного человека и странных для менталитета человека западного.

Вначале о деньгах. Однажды на дамасском базаре я купила сердоликовое кольцо и только потом заметила среди вещей торговца прелестную сердоликовую пластину с арабской вязью. На два предмета у меня не было денег, и я хотела вернуть кольцо, чтобы купить пластину. Хозяин категорически отказался взять кольцо и продал приглянувшуюся мне безделушку за те малые деньги, которые нашлись в моем кошельке. Более того, он оставил мне несколько монет, так как пустой кошелек — дурная примета. А когда перед отъездом денег у меня вообще

не было и я просто бродила по базару, совершенно незаинтересованно любуясь его богатствами, за мной бежал мальчик-посыльный, чтобы вручить колечко — подарок его хозяина, для которого мой отказ означал бы смертельную обиду. Можете ли Вы представить такую ситуацию на европейском рынке?

А «гражданин мира» венгр Имре Грыок как-то признался мне, что когда-нибудь непременно окончательно оседет именно на Востоке, и вот почему. Однажды Имре с семьей приехал в сирийский город Алеппо. В дороге у него заболела дочь. Дело было к вечеру, Имре спешно пошел в банк менять деньги, но хозяин уже закрывал дверь. Имре очень просил его открыть, объясняя, что срочно нужны лекарства. Но возвращаться в свой банк хозяин категорически отказался, это был для него совершенно непосильный подвиг. Он просто дал Имре, которого видел первый раз в жизни, нужную сумму денег и попросил занести ему их завтра. Можете Вы представить себе такое поведение нашего банкира? Вот и Имре был приятно удивлен. А сирийский хозяин банка, напротив, долго удивлялся, зачем нужно вновь открывать дверь, если можно просто дать деньги.

Время, как и деньги, на Востоке мало что значит. В моей памяти прочно отпечаталась история, приключившаяся в той же прекрасной и яркой Сирии. Наша научная делегация в полном составе молча сидела в прохладном холле дамасского отеля и мрачно ждала автобуса, который должен был повезти нас на экскурсию по пыльному раскаленному городу. «Когда же, наконец, будет автобус?» — спросили мы нашего сопровождающего Джамала. «Через 15 минут», — не задумываясь ответил он. Через полчаса мы вновь задали ему тот же вопрос и получили точно такой же ответ. Время уходило от нас, мы нервно смотрели на часы... Наконец Джамаль пошел куда-то звонить. Вернулся он со стандартным ответом: «Через 15 минут», — но на сей раз, лукаво улыбаясь, добавил: «Иншалла», то есть «Если то будет угодно Аллаху». К тому моменту, когда автобус совершенно неожиданно приехал, мы сумели, наконец, перезнакомиться. В холодке, в мягких удобных креслах неспешно текла наша очень интересная беседа (люди собрались неординарные), нам уже было жаль тратить время на банальную экскурсию. Мы поняли, что время никуда не ушло, оно просто иначе наполнилось и потеряло свое главное значение. А слово «Иншалла» с тех пор стало нашим девизом и очень помогло во время пребывания в удивительной стране Сирии. Мне же оно и потом часто помогало в моих восточных странствиях.

А в некогда нашей Средней Азии я была глубоко поражена, когда однажды должна была вылететь из Ташкента в Андижан в 8 часов утра, местным рейсом, но в час дня никто в аэропорту не знал, то ли мой самолет уже улетел, то ли еще не прилетел. Можете ли Вы представить себе такую ситуацию в европейском аэропорту? В два часа дня вылет каким-то чудом все-таки состоялся, но наша «стрекоза» сразу же попала в шторм, ее посадку нигде не принимали, и мы летали по всему Узбекистану до 8 часов вечера. Зато в этом рейсе мне встретились

удивительные собеседники, так что было даже немножко грустно, когда мы наконец приземлились (причем, к нашему удивлению, именно в Андижане). Так что важно не то, сколько прошло времени, а то, чем оно было наполнено.

На Востоке любая случайность может изменить твой путь. Идешь куда-то по сказочной Бухаре, где свет играет с тенью, и вдруг оказываешься в чайхане, являющейся продолжением дороги. Величавый седобородый старец приглашает тебя за свой столик, ты неспешно пьешь с ним вкусный зеленый чай, старец говорит с тобой, и ты вдруг понимаешь, что шла совсем не туда, куда тебе надо. И вдруг встаешь и уезжаешь в чуждые горы Арсланбоба, где живут мудрецы и низвергаются с круч серебристые водопады. Можете ли Вы вообразить себе такой поворот здесь, у нас? На Востоке же, если не смотреть на часы и не зависеть рабски от цели, можно круто изменить свою жизнь.

Есть прекрасная арабская притча о человеке, гонимом злыми ветрами судьбы. Ветры судьбы влекли измученного человека по оврагам и буеракам, бешенные псы судьбы гнались за ним по пятам, и в конце концов он был вплотную прижат к высокой стене. Отчаяние удесятеряет силы, и человек перепрыгнул через стену. За ней открылся чудный сад, в саду стоял прекрасный дворец, а из дворца вышла невероятной красоты девушка — оказалось, что она всю жизнь ждала именно этого человека, чтобы стать его женой и преподнести ему в дар все мыслимые и немыслимые сокровища. Ведь мы никогда не знаем, к какой цели ведет или гонит нас судьба, которой мы так яростно сопротивляемся.

Вы видите, уважаемый читатель, что это не наш, это иной мир. Путешествуя по нему, следует набраться терпения и доброжелательности и очень внимательно смотреть вокруг, не забывая улыбаться встречным.

Вот я и хочу показать Вам Тибет во всей его инаковости, где сказка неразрывна с действительностью. Кажется, что именно Тибет имел в виду истинный гений Велимир Хлебников, говоря о месте, «где быть — лишь разумная боль о славе, о Боге, о беге по верам, и где на олене король для крали цветы собирал старовером»...

Итак, в путь, уважаемый читатель! Только не надо никуда спешить, и может быть, Иншалла, нам и приоткроется малая толика жестокой мудрости и истинной поэзии Востока.

*Е.Н. Молодцова
Москва, февраль 2001 г.*

*Неспособность есть
не добродетель, а бессилие.*

Тибетская мудрость

Автор выражает глубокую признательность:

коллективу издательства «Алетейа» — за высокий профессионализм в работе и безграничное терпение;

А.А. Маслову — за любезно предоставленные для фотосъемки предметы из личной коллекции;

В.В. Солкину — за дружеское участие в подготовке книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

ПОВЕСТВУЮЩАЯ

О ПРИХОДЕ БУДДИЗМА В ТИБЕТ

Было время, когда на свете еще не было тибетцев, но Тибет уже был, и населяли его одни лишь злобные демоны. И тогда сошлись и держали совет трое самых главных из бесчисленного множества *бодхисаттв* — великих существ, которые достигли полной готовности обрести покой прекрасной *нирваны*, однако остановились на самом пороге великого блаженства, чтобы помочь всем живым существам переправиться через вечно волнующийся океан страданий мирского существования, через бурлящий поток *сансары*, и достичь мирного берега нирваны. Это были три наиболее почитаемых буддистских божества, с древности и до сего дня преданно любимые в Тибете, в Монголии и в Бурятии.

Трое Великих

Первый из них — бодхисаттва мудрости Манджушри, к которому принято обращаться с просьбой о даровании молящему истинного знания. Манджушри — владыка речи, он царь среди беседующих, господин священных заклинаний. Точное представление о его облике дают буддистские скульптуры и *танки* (буддистские иконы). Манджушри запечатлен на них сидящим на лотосовом троне, что говорит о божественном происхождении бодхисаттвы. Правой рукой он высоко поднимает пылающий меч, отсекающий корни невежества, а в левой

держит голубой лотос, символ духовной чистоты, и *Праджняпарамитасутру* — сутру высшей мудрости, один из основных священных текстов буддизма, что говорит о беспредельной глубине познаний и запредельной мудрости этого божества.

Илл. 2 Вторым членом этого священного совета был бодхисаттва Ваджрапани, гневное божество синего цвета. Взмахнув вверх правую руку, бог грозно сжимает *ваджру*, состоящую из собранных в пучок скрещенных молний. Ваджра — главное оружие богов и основной символ буддизма, указывающий на алмазную твердость и нерушимость Учения. Подставкой для ног Ваджрапани служит, конечно же, лotosовый трон, непременный атрибут существа очень высокого божественного ранга. Ваджрапани бестрепетно рассеивает страшных врагов человека — тупость и невежество, а еще к нему следует взывать о спасении от несчастных случаев и ранений.

Илл. 3 Наконец, третьим в божественном триумвирате был бодхисаттва Авалокитешвара, или просто Авалокита, наш будущий постоянный герой. Его тибетское имя — Ченрези, что означает Сострадающий Дух Гор. Основные свойства Авалокиты — безграничная милость и бесконечное сострадание. Кроме того, считается, что он наделен особой силой спасать от ужасов ада и избавлять от всего того, что вызывает страх, даровать защиту слабому и страдающему существу. Постоянный эпитет этого божества, ставший одним из его многочисленных имен, — Махакарунника, Великий Милосердный. Обычно этого бодхисаттву изображают сидящим на лotosовом троне в *падмасане*, или позе лотоса, для которой характерны выпрямленный позвоночник и скрещенные ноги; при этом у божества только одно лицо. Но чаще всего мы можем встретить одиннадцатиликого Авалокитешвару, в этой форме он имеет титул Милосердный Владыка. В таком случае он обычно стоит на цветке лотоса, и его тело венчают одиннадцать возвышающихся одна над другой голов.

Илл. 4 Рассказывают, что в своем последнем воплощении Авалокитешвара уже обрел природу будды и был готов уйти в нирвану, но в последний момент, стоя уже на самом пороге блаженства, став Всевидающим, он оглянулся со своей божественной высоты и увидел вокруг себя страдания бесчисленных живых существ. Потрясенный до самой глубины души, Авалокита остановился и заплакал. Из упавшей слезы вырос лотос, и из него родилась богиня Тара, ставшая его вечной спутницей. Тара, Спасительница, по-женски воплотила в себе деятельную энергию сострадания Авалокитешвары, и люди начали прибегать к ее помощи во всех своих нуждах, она стала самой почитаемой богиней Тибета, Монголии и

Илл. 1. Манджушри, бодхисаттва мудрости

Бурятии. Собственно говоря, обычно считают, что обрести Высшее Просветление можно лишь в теле мужчины, и женщине, накопившей должные заслуги, необходимо испытать еще одно перерождение. Но бодхисаттва Тара объяснила всем, что нет такого различия, как мужчина и женщина, а потому она, вопреки всем предрассудкам, будет в теле женщины работать на благо всех живых существ до тех пор, пока мир сансары не опустеет, и лишь тогда станет буддой и из тела женщины непосредственно уйдет в нирвану.

Однако скорбь самого Авалокитешвары была столь велика, что его голова разлетелась на десять частей. Духовный отец Авалокиты, дхьяни-будда Амитабха, своей магической силой превратил каждый из осколков в новую голову Авалокитешвары и к этим десяти прибавил еще изображение своей собственной головы. Так Авалокитешвара стал одиннадцатиголовым. Он тут же дал обет уйти в нирвану самым последним, лишь после того, как все другие существа спасутся и из темного мира сансары попадут в светлый мир нирваны.

Прародители тибетцев

И вот эти три бога, Три Святых покровителя, неразлучные друг с другом и всегда действующие совместно, приняли решение, согласно которому Авалокитешвара и Тара должны добровольно воплотиться в страшном заснеженном Тибете и стать прародителями тибетцев.

Бодхисаттвы вольны выбирать для себя любой облик, наиболее соответствующий обстоятельствам места и времени. В пустынной и холодной стране демонов Тара воплотилась в тело скальной дьяволицы по имени Брангринмо, что значит Женское Чудовище Ущелья, а Авалокитешвара превратился в прекрасного царя обезьян, и звали его Брангринпо, то есть Мужское Чудовище Ущелья.

Как и следовало ожидать, горная ведьма страстно влюбилась в красивого и мужественного обезьяньего предводителя и долго соблазняла великолепного самца, но тот был непреклонен, так как принял обет безбрачия. Тогда Брангринмо пригрозила, что если царь будет упорствовать в своем отказе откликнуться на призыв любовной страсти, то она совокупится со злобным демоном и вместе они будут убивать каждый день, не пропуская ни дня, по десять тысяч человек из окружающих Тибет земель. Но это будет еще не все: вместе с демоном они произведут потомство гораздо более жестокое, чем родители, которое полностью захватит Тибет и истребит всех людей в радиусе десяти тысяч километров от Тибета. Конечно же, сострадательный Авалокита в облике царя обезьян содрогнулся от такой перспективы и, чтобы не допустить подобного, стал мужем дьяволицы, воплощенной Тары. Таким образом предначертанное свершилось.

То место, где совокупились царь обезьян и горная ведьма, находится в районе современного Цзетана, в долине Ярлунг, лежащей к юго-востоку от нынеш-

ней Лхасы. Именно здесь, в одной из плодороднейших долин Южного Тибета, должно было появиться со временем первое тибетское государство.

Но до этого было еще далеко, пока Брангринмо и Брангринпо успели только произвести на свет потомство — трех сыновей и трех дочерей, и все они были обезьянами, от которых и произошли жители Тибета. Постепенно у обезьян стали отпадать хвосты и выпадать теплая шерсть. Они замерзали, и нужда научила их изготавливать себе одежду — вначале из листьев деревьев, а потом и из других подручных материалов. Однако обезьян постигла еще одна беда: они сильно расплодились и съели все пригодные в пищу растения в округе. Начался голод, но милостивый Авалокита, ставший вместе с Тарой постоянным покровителем созданного племени, дал им семена ячменя, пшеницы, кукурузы и бобов. Обезьяны начали возделывать эти культуры и постепенно окончательно превратились в людей.

И люди эти сразу же разделились на две категории. Одни унаследовали самое мерзкое из природы животных-обезьян и из нрава горной ведьмы. Они стали краснолицыми от постоянного пьянства, завистливыми, попали в рабство ко многим самым низким страстям, возлюбили торговлю и барыши, развили в себе разрушительный дух соперничества. Эти люди обладают сильным телом и смелым сердцем, однако очень плохо соображают, совершенно неспособны к серьезному знанию, они постоянно смеются и хихикают, всегда радуются недостаткам других людей и своими повадками сильно напоминают зверей. Другие же восприняли от родителей их божественную природу бодхисаттвы и обликом стали похожи на небожителей, обрели большую и благородную душу, сделались милосердными и добродетельными. К тому же они никогда не ругаются, прекрасно владеют речью и несказанно умны. Две эти разновидности людей бок о бок живут в Тибете по сей день.

У меня сложилось впечатление, что сами тибетцы полущутя, полусерьезно верят в такую версию своего происхождения, которым гордятся: ведь они произошли от прекрасных бодхисаттв. Когда едешь по бесконечному горному серпантину сказочно прекрасных Гималаев к границе с Тибетом, на всем пути каменные парапеты дороги просто усыпаны сидящими обезьянками с симпатичными любопытными мордашками. Они беззастенчиво заглядывают в окна машины и чрезвычайно осмысленно смотрят тебе в глаза, причем, в отличие от других животных, не избегают взгляда в упор. Если попросить водителя остановить машину, он с радостной готовностью выполнит твою просьбу, и ты сможешь попытаться подойти к забавным зверькам. Однако попытка обречена на провал, потому что обезьяны позволяют человеку приблизиться к себе лишь на безопасное с их точки зрения расстояние, после чего бесследно исчезают, словно растворяясь в горах. Кладешь на парапет лакомство — и сразу же возникает огромный вожак-самец. Неусыпно следя за тем, чтобы путешественник не пере-

шел запретную черту, спокойно и важно, с сознанием «я в своем праве», он не торопясь поедает все, даже не думая делиться со своими подданными, маленькие мордашки которых осторожно выглядывают отовсюду. И каждый шофер, везший меня по этой дороге, с лукавой улыбкой, но в то же время вполне серьезно обязательно сообщал, что они, тибетцы, являются потомками этих самых обезьян. В знак своего происхождения от краснолицых обезьян тибетцы до сих пор соблюдают обычай в торжественных случаях, а иногда и в повседневной жизни, окрашивать лица в красный цвет.

Первый правитель Тибета Ньятри Цэнпо

Еще тибетцы именуют себя народом Бод, ибо так называется центральная часть Тибета, которая начинается на восток от реки Тисе и озера Манасаровар и тянется вдоль берегов реки Цангпо (Брахмапутры). Народ этот, по всей видимости, возник после того, как немногочисленные тибетские племена, о которых нам очень мало известно, были подчинены и ассимилированы представителями одной из ветвей древних цянских племен, живших в верхнем и среднем течении реки Хуанхэ и вторгшихся с севера на тибетское плато. Так сложился тибетский этнос, и уже в V веке н.э. китайская летопись упоминает о некоем Фаньни, который создал в Тибете царство, царствовал милосердно и потому привел всех под свою власть.

Впрочем, наши исторические сведения по вопросу происхождения тибетцев и их государства крайне недостоверны и ненадежны. Но зато в нашем распоряжении имеется множество очень красивых легенд, несущих в себе много полезной информации. Фаньни, о котором упоминают китайские источники, — это, скорее всего, тибетский *цэнпо* (государь) Ньятри.

Согласно тибетской версии, будущий царь Ньятри Цэнпо был долгожданным сыном индийского царя Удаяны из Ватсы. Но когда царь впервые увидел новорожденного царевича, он не смог удержаться от крика. И было отчего: рот младенца был полон зубов, на лице красовались синие брови, а пальцы на руках и ногах были соединены перепонками, как у гуся. Вдобавок придворный астролог, посмотрев гороскоп царевича, тут же предсказал, что ему суждено править еще до смерти царя. Словом, было над чем призадуматься.

Долго думали собравшиеся великие брахманы и наконец произнесли пророчество: если отправить ребенка в северную Снежную Страну, то есть в Тибет, он сможет принести пользу многим живым существам. Так и сделали. Четыре быстрых скорохода поставили на свои шеи четыре опоры золотого трона, поса-

Илл. 2. Бодхисаттва Ваджрапани (танка)

дили на него мальчика и двинулись в путь. Достигнув Тибета, они опустили трон в горное ущелье и ушли, оставив царевича одного. Дул сильный ветер, солнце клонилось к закату, но малыш спокойно сидел и ждал. Проходившие мимо охотники увидели странного ребенка на золотом троне и тут же созвали главнейших жрецов *бон* — царствовавшей тогда в Тибете религии, — а также глав различных племен. Жрецы спросили ребенка: «Кто ты?». Он ответил: «Я — цэнпо (могучий)». На вопрос о том, откуда он пришел, мальчик указал пальцем на небо. А Небо было главным богом у последователей бон. И жрецы объявили ребенка богом, осознав его небесное происхождение. Вожди же племен, уставшие от разрозненности, решили, что, поскольку у них нет царя, Небо сжалилось над ними и послало им правителя — ведь ребенок сидел на золотом троне, обладал совершенно необычной внешностью и к тому же демонстрировал поистине неземное спокойствие. Правда, вновь прибывший царь и его будущие подданные, собравшиеся у трона, не могли понять язык друг друга, но это абсолютно никого не смутило.

Четверо самых сильных мужчин подняли трон, водрузили его ножки на свои шеи и отнесли наконец-то обретенного правителя в город. Здесь он и получил свое имя Ньятри Цэнпо, что значит и Могучий На Троне Шей, то есть царь, взошедший на престол на шеях. Тут же родилась новая легенда, согласно которой найденный таинственный ребенок был сыном самого Неба, то есть небесным божеством (*лха*), и на глазах у всех спустился к людям со священной горы, соединяющей земное и небесное царства. Как бы то ни было, мудрые индийские брахманы и астрологи, а также тибетские жрецы не ошиблись в своих предсказаниях: Ньятри Цэнпо стал мудрым и справедливым государем, сделавшим счастливыми своих подданных.

Вся дальнейшая дошедшая до нас письменная история Тибета является, по сути, историей прихода учения буддизма в эту страну гор и снегов; она очень тесно сплетена с легендами, неотличимыми в сознании истинного буддиста от реальности. Внимательному же читателю легенды расскажут больше, чем самая выверенная история.

Падение небесных книг

Ньятри Цэнпо основал целую династию тибетских правителей, которая так и называлась — династия Ньятри, и всего в ней было 32 государя. После Ньятри Цэнпо сменились 25 царей, жизнь которых была очень непродолжительной, и редко они умирали своей смертью. И вот 26-м государем стал Лхатхотхори Ньянцэн, живший, по очень приблизительным подсчетам, в IV–V веках н.э. Судя по тому, что его имя начинается с *Лха*, он был божеством, происходящим от Неба, как и Ньятри Цэнпо.

Когда Лхатхотхори достиг возраста 16 лет, он вышел однажды на крышу своего храма во дворце Ямбулхакан, выстроенном еще Нятри Цэнпо, и прямо ему на голову с неба упала драгоценная шкатулка, не причинив царю никакого вреда. В шкатулке лежали священные тексты буддизма: *Авалокитешвара-каранда-вьюха-сутра* (Детальное описание корзины достоинств Авалокитешвары, родоначальника и покровителя тибетцев), а также *Сто наставлений в почитании Авалокитешвары*. Также в шкатулке лежала золотая *чайтъя* (ступа) с драгоценными реликвиями Будды Шакьямуни. Илл. 13

Но увы, никто в Тибете тогда еще не умел ни читать, ни писать, и ничего не знали жители о значении священных останков Будды, поэтому понять смысл находящихся в шкатулке предметов было невозможно. Однако упавшая с неба драгоценность имела явно божественное происхождение, поэтому шкатулка была названа Таинственным Помощником и ей стали благоговейно поклоняться. Особо же она почиталась царем Лхатхотхори, который благодаря своему благочестию прожил 120 лет, что вовсе не характерно для правителей Тибета.

Падение с неба драгоценных книг при царе Лхатхотхори рассматривается как начало распространения буддистского учения в Тибете. Во сне этот царь получил пророчество, что при пятом после него государе люди смогут узнать значение священных текстов, столь чудесным образом попавших в Тибет.

Впрочем, выдающийся ученый и переводчик Го-лоцзава Шоннупал в своем знаменитом огромном труде *Голубые анналы*, написанном в 1476–1478 гг. и посвященном истории появления и распространения учения буддизма в Тибете, скептически утверждает, что вышеизложенную версию придумали жрецы бон, которые почитали Небо и все деяния приписывали именно ему. На самом же деле эти книги были принесены в Тибет индийским *пандитом* (ученым) Буддхи-ракшитой и *лоцзавой* (переводчиком) Ли-тхе-се. Обнаружив же, что тибетский царь неграмотен, не умеет ни писать, ни читать и объяснять ему смысл принесенных книг совершенно бесполезно, миссионеры удалились.

Великий Сронцэнгампо

Однако пророческое сновидение Лхатхотхори полностью исполнилось, когда пятым после него цэнпо стал мудрейший из мудрых Сронцэнгампо, который обладал особой силой, чтобы стать Защитником Учения в Тибете. Этот царь являлся земным воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары, а потому был необычайно хорош собой. Его тело было отмечено всеми 32 знаками божественного происхождения, а на голове у него красовалось изображение дхьяни-будды Ами-табхи, духовного отца Авалокитешвары, окруженное гирляндой из маков.

Сронцэнгампо был сыном тибетского царя Намрисронцэна, с именем которого обычно связывают основание тибетского государства: он осуществил це-

Илл. 3. Бодхисаттва Авалокитешвара

лый ряд успешных завоеваний, начавшихся в 607 году. Дело отца продолжил и успешно завершил Сронцэнгампо, объединив Тибет и сделав его сильнейшей военной империей, которую боялись и уважали все соседние государства.

Но Сронцэнгампо, достойный сын достойного отца, знаменит не только и не столько военными подвигами. Вступив на престол в 13 лет (а правление его длилось с 617 по 649 г.), Сронцэнгампо фактически заменил господствовавшую в Тибете религию бон религией буддизма, что является его величайшей заслугой.

Будучи ревностным буддистом, Сронцэнгампо достиг высоких степеней совершенства и обладал многими сверхъестественными способностями. Однажды, выйдя из тела и поднявшись высоко в небо, он взглянул вниз на землю и ужаснулся: Тибет был подобен телу упавшей на спину злобной демоницы, которую надлежало подавить. Для этого царь выстроил на теле этой демоницы «четыре монастыря че-

тырех сторон света» и еще восемь буддистских монастырей, так что всего им было возведено 12 храмов. Кроме того, он перенес свою столицу из долины реки Ярлунг на место нынешней Лхасы и здесь, на искусственном острове посреди озера Отханг, выстроил первый лхасский монастырь — Рей Тулпанг.

История строительства этого храма чудесна. Вначале царь заложил фундамент из камня, обшитого деревом. Скрепляющее вещество было взято из земель *нагов*, богатого и мудрого племени змей, которые повелели горному козлу доставить этот древний цемент в Тибет. Когда строительство было завершено, рабочие сложили свой инструмент в северной нише монастыря, и здесь сама собой возникла прекрасная статуя одиннадцатиликого Авалокитешвары. Ей немедленно были возданы самые пышные почести, после чего она так и осталась там. С тех пор в каждом тибетском монастыре непременно сооружались стенные ниши для статуи главного храмового божества и делался проход, позволяющий совершать

Илл. 4. Одиннадцатиликий Авалокитешвара,
Милосердный Владыка

обход вокруг статуи по часовой стрелке. Правда, по другой версии статуя Авалокиты с одиннадцатью головами, также самовозникшая, из наилучшего сандалового дерева, была принесена в Тибет из Южной Индии.

После завершения строительства буддистского храма Сронцэнгампо возвел в Лхасе свой прекрасный дворец на горе Марпо, что значит Красная, и дворец этот стал называться Марпори. И еще, для окончательного укрощения демоницы, царь провозгласил свод непреложных законов, соответствующих Учению буддизма. Эти законы категорически запрещали убийство, воровство, прелюбодеяние, ложь и другие скверные действия. Они предписывали непреложно следовать пути добродетели: верить в Три Драгоценности буддизма, то есть в Будду, Учение и Общину, воздавать родителям за их благодеяния, уважать высокородных и стариков, делать добро всем живым существам и во всем следовать святому учению Будды.

Созданное и упроченное великое государство более не могло существовать без письменности. И в 632 году царь посылает в Кашмир своего советника, сына Ану из племени Тхонми, который впоследствии прославился под именем Тхонми Самбхота. Цель поездки одна — изучение искусства письма. Посланец несколько лет тщательно изучал индийский язык, которым тогда был санскрит, у *Ачарьи* (Учителя) Дэваитшимбхи, а затем вернулся в Тибет. На родине Тхонми Самбхота создал на основе древнего индийского письма *брахми* тибетский алфавит, а также тибетскую грамматику, написав ее, как это было принято в Индии, в стихах. После этого он, не медля, перевел сутры из шкатулки, упавшей с неба на царя Лхатхотхори, пророческий сон которого таким образом сбылся. Тхонми Самбхота стал знаменитым переводчиком и перевел на тибетский язык еще много индийских буддистских текстов. Согласно преданию, Сронцэнгампо также принимал участие в создании тибетской письменности, для чего на три года уединился вместе с Тхонми Самбхотой в царском дворце Марпори, поскольку создание тибетского письменного языка мудрый правитель считал важнейшим государственным делом.

Кроме того, этот божественный цэнпо, воплощение Авалокиты — всевидящего милостивого владыки, проповедал в Тибете множество буддистских учений и многих посвятил в практику концентрации, так что большое количество тибетцев благодаря Сронцэнгампо стали обладателями необыкновенных способностей, превосходящих наше разумение.

После всех этих великих деяний царю настало время жениться. Созданная Сронцэнгампо военная мощь Тибета была столь велика и устрашающа, что он с полным правом стал добиваться руки китайской принцессы императорской династии. Принцессу звали Вэнь-Чэн, и была она несравненной красавицей. Царь отправил сватом своего первого министра Гаву во главе каравана, состоявшего из лучших слонов и лучших лошадей, тяжело нагруженных золотом, се-

ребром, драгоценными камнями и многими другими диковинными дарами. Гава прибыл во дворец танского императора, но, увы, оказался здесь отнюдь не одинок, ибо многие искали руки прекрасной принцессы. Тогда владыка Китая устроил Гаве, как и полагается, три испытания, которых до тех пор не мог пройти ни один претендент.

Во-первых, следовало узнать, какой кобылой рожден каждый из жеребят, предварительно отделенных от кобылиц. Гава вышел из испытания с честью: он стал выводить кобылиц по одной к жеребяткам, и каждый малыш бегом бросался к своей матери. Далее Гаве предложили за день съесть целого барана и выпить большой кувшин вина. Многие до него просто умерли в ходе этого испытания. Но Гава взял в руки тушу барана, а кувшин пристроил за плечом и стал медленно расхаживать по двору, постепенно отправляя в рот кусочки мяса и запивая их глотком вина. К вечеру с угощением было покончено, и Гава ушел в свои апартаменты. К великому удивлению наблюдателей, тибетский посланец заказал еще целый чайник вина и выпил его с нескрываемым удовольствием. Он оказался самым умным, тогда как другие послы пытались съесть и выпить все сразу, но просто падали на землю, с криками хватаясь за раздутые животы. Третьим заданием было найти принцессу среди пятисот одинаково одетых девушек. Учтите, что Гава ни разу не видел будущую невесту царя. Конечно же, он призадумался и пригорюнился, но случайно разговорился во дворце со старой женщиной, которая поведала Гаве, что вокруг головы принцессы постоянно вьются две пчелки, серебряная и золотая. Мудрый Гава очень легко нашел принцессу.

Однако именно мудрость и доставила Гаве много неприятностей, так как император потребовал, чтобы Гава не покидал его, — только при таком условии он соглашался отдать свою дочь. Гаве пришлось остаться в Китае, а прекрасная Вэнь-Чэн отправилась в Тибет. Она захватила с собой семена пяти видов злаков и овощей: ячменя, гороха, рапса, гречихи и пшеницы, — белых и черных овец, а также много искусных ремесленников и много прекрасных девушек из своей свиты. Но главным, что она взяла с собой, была ее ревностная приверженность буддизму, а также дивная статуя Будды Шакьямуни, которую по прибытии поместили в тибетском храме Рей Тулпанг. А мудрый Гава нашел способ сбежать из Китая обратно в Тибет.

Затем Сронцзэнгампо добился брака с принцессой Бхрикути, дочерью непальского правителя Асуравармы. Бхрикути также была ревностной буддисткой и привезла с собой изваяние дхьяни-будды Акшобхьи, а также статуи богини Тары и грядущего будды Майтрейи, выточенные из сандалового дерева. Поговаривают, что царь женился на обеих принцессах исключительно с целью завладеть знаменитыми изображениями. Статуи, привезенные двумя женами Сронцзэнгампо в Тибет, бережно хранились в Лхасе в храме Джо-кханг вплоть до 1959 года, до вторжения китайцев, учинивших в Тибете страшные разрушения.

Сронцэнгампо впоследствии женился неоднократно, в основном из политических соображений, но главными его женами всегда оставались Вэнь-Чэн и Бхрикути.

Поскольку с хронологией на Востоке всегда очень сложно, буддистская традиция, несмотря на фиксированные европейцами 617–649 годы правления Сронцэнгампо, утверждает, что этот царь правил 69 лет и умер в возрасте 82 лет. Собственно говоря, когда наступило время смерти царя, он сам и две его главные жены, Вэнь-Чэн и Бхрикути, растворились в солнечном луче, вместе с ним вошли в статую одиннадцатиликого Авалокиты в монастыре Рей Тулпанг и без остатка растаяли в божестве.

В такой кончине нет ничего удивительного, потому что сам Сронцэнгампо был воплощением Авалокитешвары, который лишь на минуту, по божественным временным меркам, сошел со своего лотосового трона, чтобы оказать помощь живым существам и даровать им буддистскую веру. Ибо для чего же иначе было Авалоките зачинать тибетцев? А две жены царя, конечно же, были воплощениями всемилостивейшей богини Тары. Поскольку божество может по своей воле принимать столько обликов, сколько ему нужно, царица Вэнь-Чэн была воплощением Белой Тары, а царица Бхрикути — воплощением Зеленой Тары.

Необычность кончины закрепила за Сронцэнгампо титул *Дхармараджи* — Владыки Учения. А две его главные жены вошли в историю буддизма своим религиозным рвением и добрыми делами, направленными на укрепление Учения. Кроме того, именно они стали традиционными прообразами для создания изображений Белой и Зеленой Тары.

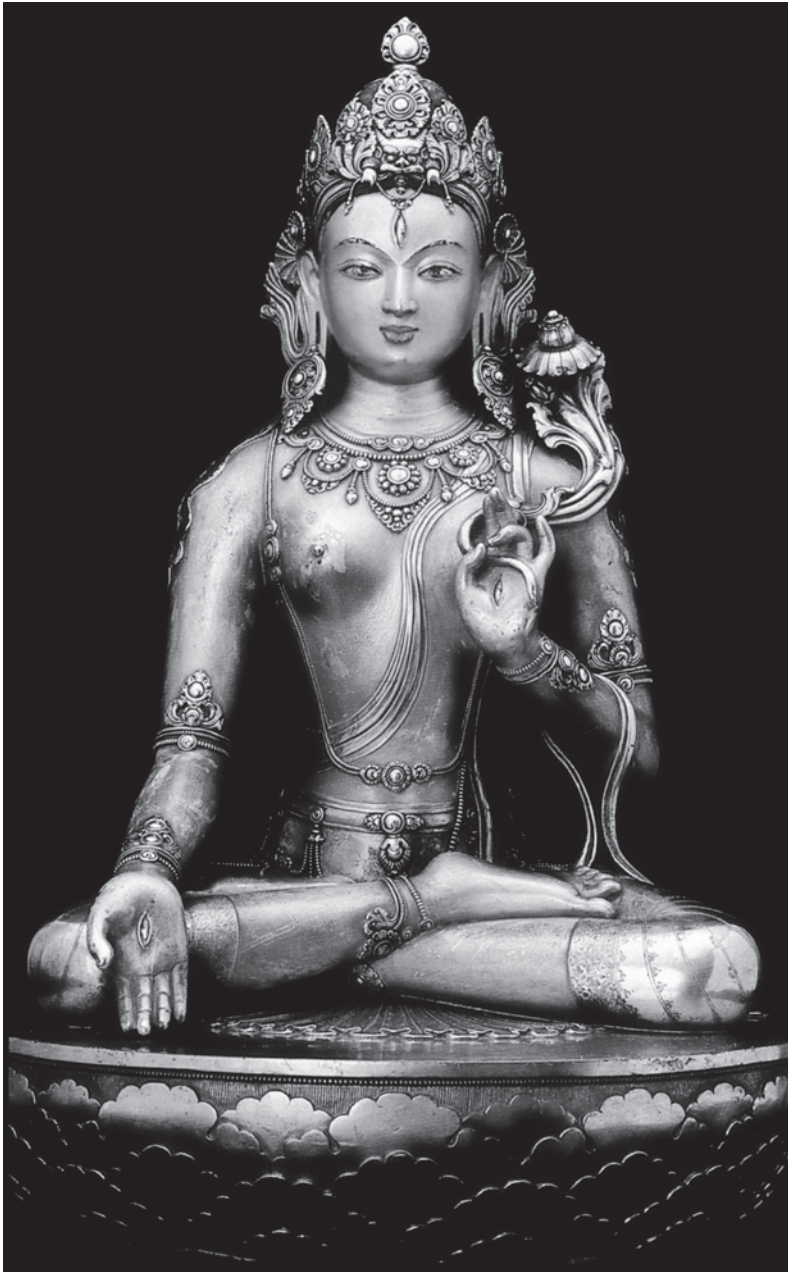
Богиня Тара

Белая Тара изображается на *танках* в белом цвете, в облике очень юной и очень чистой девушки, какой была принцесса Вэнь-Чэн; ей всегда шестнадцать лет. Она воплощает мудрость и сострадание, дарует адепту долгую жизнь. Она всевидяща, о чем говорят ее семь глаз: два обычных, два на ладонях рук, два на ступнях ног и один во лбу. Белая Тара всегда рисуется или ваяется сидящей на лотосовом троне со скрещенными ногами, что говорит о ее некоторой отдаленности от мира, отрешенности от земных интересов: ее задача — спасти от круговорота существования, а не участвовать в нем.

Илл. 6

Зеленая Тара изображается с зеленым телом и лицом, она — молодая женщина в полном расцвете красоты. Эта прекрасная богиня дарует освобождение от всех печалей, от боли и бедности. Она способна уничтожить даже величайшее

Илл. 5. Белая Тара. Статуя работы Дзанабадзара

зло, с которым встречается смертный человек, она дарит людям радость. Ее называют также Арья Тара, где *Арья* значит Освобожденная, перешедшая границы мирского существования. Другое ее имя — Долма, то есть Освобожденная и одновременно Освобождающая, выводящая человека из темного леса сансары. Зеленая Тара — любимая богиня тибетцев. Танка с ее изображением имеется в каждом тибетском доме, где ее благоговейно почитают и поклоняются ей. Считается, кстати, что исключительно благодаря ее милости в Тибете возникли религиозное искусство и литература.

Зеленую Тару изображают сидящей на лотосовом троне с опущенной вниз правой ногой, что говорит о ее готовности немедленно, по первому зову прийти на помощь страдающему живому существу. Правая рука Долмы пребывает в *мудре* (жесте) высшей щедрости, «дарующей дары», левая рука — в мудре защиты, жесте «дарования прибежища». Зеленая Тара очень близка к людям и готова помочь им в любой нужде, встречающейся в повседневной жизни, ее основное призвание — спасти все живые существа, снисходя к их сансарическому существованию. Малейшего возгласа страдания, обращенного к Таре, достаточно для того, чтобы немедленно обеспечить себе защиту от ужасов этого мира. А еще лучшая защита — правильное ритмичное повторение ее мантры-заклинания *Ом-та-ре-тут-та-ре-ту-ре-сваха*, которая в сочетании с зеленым цветом богини дает очень чистые и светлые вибрации. Спешащая на помощь Зеленая Тара быстра и бесстрашна, она наделена особой сверхъестественной силой немедленно помогать людям. Она рассеивает любой хаос и удовлетворяет любые нужды, исполняя всякое доброе желание, воплощая собой молодость, красоту и великое сочувствие.

Белая и Зеленая — это мирные формы богини Тары, о чем говорят их цвета. Тибетцы же верят, что Тара всегда испускает те мистические формы, которые требуются в данный момент для блага живых существ. Иконография Тары знает 21 ее форму, 21 ипостась одной и той же Тары, причем ипостаси эти не только и не столько мирные, сколько гневные. Считается, что в случаях, когда человеку нельзя помочь милостью, даже беспредельной, следует для его же блага прибегнуть к гневу, который является более действенным помощником, и потому яростные формы божеств рассматриваются как более сильные, нежели мирные. Но Тара, как и ее вечный спутник Авалокитешвара, обладает еще и триумфальной тысячерукой и тысячеглазой формой, которую невозможно вообразить неподготовленному.

Пламенный адепт Тары кашмирский поэт Сарваджнямитра, воспевая богиню, говорит, что она принимает на себя пять священных цветов: белый, зеленый, желтый, красный и синий. Ее можно видеть алой, как солнце, синей, как сапфир,

Илл. 6. Зеленая Тара. Статуя работы Дзанабадзара

белой, как морская пена, ослепительной, как блистающее золото. Ее вселенская форма подобна кристаллу, меняющему свой вид, когда окружающее переживает перемену, — то есть вселенская, триумфальная форма не фиксирована, трансформируется в зависимости от обстоятельств и поэтому не имеет своей иконографии, ибо она невообразима и недоступна для земных очей.

Таре воздают поклонение не только индивидуально, но и публично, при большом стечении людей во время религиозных празднеств. Так, когда в Тибете происходит Монлам Ченмо — грандиозный молитвенный праздник, который длится в Лхасе две недели и собирает более 20 000 священнослужителей, — обязательно каждый день исполняется цикл *садхан* (медитаций) на богиню Тару и рецитируются канонические гимны, восхваляющие ее. При этом многократно повторяется мантра Тары. Считается, что правильно интонированная мантра, произнесенная 100 000 раз, силой вызываемых ею вибраций оказывает мощную помощь ищущему, если, конечно, он не занят механическим повторением звуков, а всей душой сосредоточен на любви к призываемому божеству, в данном случае к Таре, канонический образ которой, запечатленный в иконах и скульптурах, адепт постоянно держит в своем воображении. Именно для этого и предназначены и статуи, и *танки*.

Что такое танка

Илл. 2 *Танка*, или «знамя» — это иконописное изображение божества в тибетском буддизме, которое во время религиозных процессий прикрепляют к шесту и несут как знамя, как военный стяг. Танки, как и русские иконы, пишутся по строго определенным каноническим правилам и в совершенно особых состояниях сознания, в которые вводит себя мастер. Художником является непременно духовное лицо, лама достаточно высокого ранга, хорошо знающий священные тексты. Достаточно часто он ведет жизнь странника, постоянно переходя с места на место.

В создании танки участвуют несколько человек. Канву обычно делает ученик, который также является духовным лицом. В точном соответствии с каноном на предварительно покрытый слоем клея и мела, а затем отполированный раковинной шелк, холст или бумагу черной и красной тушью наносятся контуры изображения по строго заданным пропорциям, чаще же просто накладывается трафарет, так как соблюсти все предписанные требования чрезвычайно трудно.

Только после этого к работе приступает лама-мастер, который расцвечивает нанесенный рисунок красками. Вначале он пишет окружение божества, затем расписывает фигуру главного персонажа. Самые важные детали, такие, как лики будд и бодхисаттв, а также надписи на танке, можно прорисовывать лишь по благопри-

ятым дням, которые специально определяет лама-астролог. Существуют также фиксированные благоприятные дни, которыми в Тибете считаются 15-й и 30-й дни каждого месяца. В тибетском лунном календаре каждый месяц имеет 30 дней; 15-й день соответствует полнолуннию, в этот день максимально выражена женская энергия, а 30-й день — новолунию, в нем максимально выражена мужская энергия. Лик прорисовывается в 15-й день месяца, а краски на него накладываются в 30-й. В течение всего времени работы ламы-художника другой лама, непременно присутствующий при живописании, читает специальные мантры изображаемого божества.

Илл. 7. Бурятский лама, расписывающий танку с изображением Вайрочаны

Мантры — это набор определенных слогов, в которых смысл имеет не столько значение, сколько определенные звуковые вибрации, возникающие при их произнесении. Поэтому очень важно правильное интонирование мантр. Каждый слог мантры окрашивается в специальный цвет, так как существуют строго определенные соотношения цвета и звука. Правильно произнесенная мантра своими вибрациями попадает в резонанс с определенными высшими слоями реальности, которая отражает их и спускает обратно вниз уже заряженными ее божественными энергиями. По сути, мантра оказывается средством общения с божеством.

В Тибете считается, что делать скульптуру или танку значит вызывать реальное присутствие изображаемого персонажа, а потому скульптуры и танки рассматриваются как искусственные перерождения божества. Потому и художник рассматривается как творец божества. Вибрации мантр воздействуют на творца, очищая его сознание, предварительно подготовленное *садханой* — специальной серией медитаций в строгом уединении, а также постом и непродолжительным сном. Очевидно, что творение танки — это сакральный процесс. А каждый цвет, присутствующий в этой своеобразной иконе, имеет свое четкое соответ-

ствие в звуке, так что знающий лама может услышать танку как симфонию звуков, связанную и со звуками-цветами мантр изображенных божеств.

Законченная танка-знамя обводится парчовой каймой и после этого обязательно освящается высоким ламой, живым буддой, который оставляет отпечаток своей руки или ноги на ее заднике. Теперь танка готова для выполнения своего предназначения — служить опорой при медитации над определенной формой божества. Такой освященный предмет запрещается брать на хранение непосвященному и тем более увозить за пределы ламаистского мира.

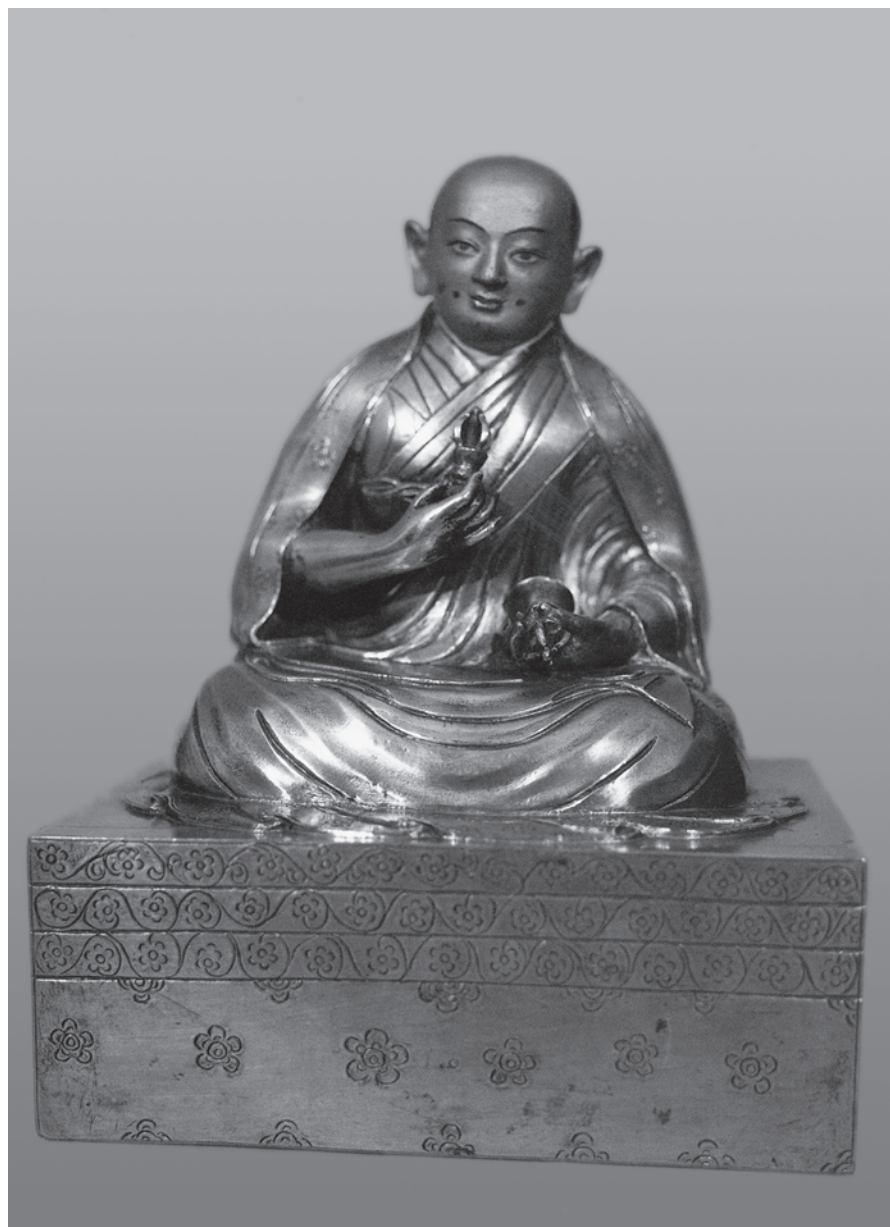
Гений Дзанабадзар

А теперь я предлагаю уважаемому читателю перенестись ненадолго в Монголию. Здесь, бродя в свободное время по Улан-Батору, я впервые зашла в храм-музей Чойджин-ламын-сумэ, где испытала глубокое потрясение. В этом храме высшие адепты тибетской версии буддизма, бытующей в Монголии, собирались для исполнения своих тайных ритуалов; теперь он превращен в музей, бережно хранящий таинственную атмосферу храма, его прежние интерьеры и изображения. Обходя музей по часовой стрелке, как это принято в буддизме (и не только в нем), посетитель медленно переходит из одного святилища в другое, они все более и более высоки и загадочны, и в каждом из храмовой полутьмы смотрят на тебя прекрасные танки и великолепные бронзовые скульптуры.

Изумительное исполнение и живая тайна изображений завораживали меня, но в каждом святилище надолго притягивали к себе определенные бронзовые изваяния, выполненные, судя по всему, одним и тем же человеком. В конце концов я не выдержала и спросила у смотрительницы: «Кто автор этих работ?». — «Дзанабадзар», — ответила она очень сухо. «Кто это?» — искренне изумилась я, так как слышала это имя впервые, несмотря на все мои прежние востоковедные штудии. «Наш великий скульптор», — ответила смотрительница и, уже не скрывая обиды, отвернулась. Скульптуры своим совершенством и внутренней напряженной жизнью поистине превосходили все, что я когда-либо и где-либо видела. Мне стало очень стыдно за себя, за высокомерное невежество европейцев, которых совершенно миновало великое искусство Востока (и, к сожалению, не только искусство).

Позже я многое узнала об этом великом человеке, который воплотил в себе идеальный тип служителя буддистского искусства, поэтому я и расскажу здесь о нем. В древней знатной семье халхасского Тушету-хана Гомбодорджа 25-го числа девятого месяца в год Деревянной Свиньи, что соответствует нашему 1635 году,

*Илл. 8. Дзанабадзар, великий скульптор
и первый глава буддистской церкви Монголии*

в местности Есон зуйл (в настоящее время это Зуйл сомон Убурхангайского аймака) родился мальчик. Его матерью была «совершеннейшая из княгинь» Ханджамц. Ребенок с детства был предназначен родителями к религиозной деятельности, а потому уже в четыре года его посвятили в духовное звание *гэгэна*, что в монгольском языке значит «светлый», и присвоили ему имя Дзанабадзар. Тогда же было установлено, что он является *хубилганом*, то есть перерождением известного деятеля буддизма, и уже имел 18 предыдущих перерождений. Первым его земным воплощением был пандит (ученый) Лодойгэндэннамдаг, который жил в Индии во времена исторического Будды Шакьямуни и являлся одним из 500 ученых и священнослужителей знаменитого буддистского монастыря-университета в Наланде. Одиннадцатым его перерождением был Дашбалдан, ученик великого тибетского реформатора буддизма Цзонхавы, основавший в Тибете известнейший монастырь Галданбрайбун и прославившийся под именем Жамьянцорж. Пятнадцатым воплощением Дзанабадзара был выдающийся проповедник буддизма в Тибете, прекрасный знаток санскрита Жавзан Таранатха Гунганьинбо, который на 35-м году своей жизни в год Желтой Обезьяны, что соответствует 1609 году нашего календаря, написал подробную историю возникновения буддизма в Индии — шастру *Жагар Чойнзун*.

Мальчик, имевший столь выдающийся ряд земных жизней, с ранних лет прекрасно знал санскрит и тибетский язык. В возрасте 13 лет он основал Иххурэ, главный монастырь, при котором возникли семь *аймаков* — монашеских общин. Весь этот комплекс образовал тот центр, вокруг которого впоследствии вырос город Урга — столица Монголии, после революции переименованная в Улан-Батор (Красный Богатырь).

В 15 лет, в 1650 году, Дзанабадзар отправился в столицу Тибета Лхасу, где принял духовное посвящение от Панчен-ламы Лувсанчойжанцана и был провозглашен Далай-ламой перерождением святого Джебдзундамба-хутухты. Таким образом он получил высший духовный титул *хутухты*, «живого бога». Дзанабадзар был первым из духовных лиц Монголии, получившим титул лично от Далай-ламы, и с тех пор титул Джебдзундамба-хутухты стал постоянным для главы буддистской церкви Монголии. Первым главой этой церкви и стал Дзанабадзар по особому благословению Далай-ламы, который даровал ему в качестве свидетельства, как это и положено по обычаю, желтый шелковый балдахин и личную золотую печать вместе с правом отныне самому присваивать духовные титулы. Преемственность этой линии перерождений Джебдзундамба-хутухты закончилась в Монголии в 1924 году со смертью последнего главы церкви, который был восьмым по счету носителем титула Джебдзундамба-хутухта.

По возвращении из Тибета Дзанабадзар стал известен под этим именем как скульптор, а под именем Ундур-гэгэн (Великий Просветленный, Высокий Наставник) или Богдо-гэгэн — как глава церкви. Его дальнейшая деятельность

протекала в основном в этих двух направлениях. Но не только в них. Так, он создал новый монгольский алфавит *ᠠᠯᠠᠭᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ*, построил множество храмов и монастырей. Будучи, как глава духовенства, еще и видным политическим деятелем, он много способствовал делу объединения Монголии.

Однако более всего он интересен нам в ипостаси художника, творчество которого рассматривалось как одна из форм служения божеству. Именно Дзанабадзар стал основателем монгольского религиозного искусства, принадлежавшего к позднетибетской школе. Лепить из глины и рисовать Дзанабадзар начал с детства, а из Тибета вместе с его свитой прибыли профессиональные художники, обучившие юношу канонам тибетского искусства, строгое следование которым необходимо при изображении каждого божества. Но Дзанабадзар был гением, а потому сумел, ни в чем не нарушая канона, создать произведения, отмеченные печатью его глубокой индивидуальности. Он жил в одно время с Рубенсом, Веласкесом, Рембрандтом и превосходил их своей духовной одаренностью — они же превзошли его своей всемирной славой.

Великий монгольский мастер создал за свою долгую жизнь большое количество иконописных и скульптурных изображений главных буддистских божеств, и эти изображения являются вполне совершенными в своей одухотворенности. Скульптуры, как и танки, всегда выполнялись в атмосфере глубокой мистической сосредоточенности, и глубина медитации творца нашла свое выражение во всех его творениях. Одной из особенных удач Дзанабадзара стал круг скульптурных изображений 21 формы богини Тары. Но с этой работой связана отдельная история.

Илл. 5,
илл. 6

Дзанабадзар был не только главой духовенства Монголии, но и живым человеком, и у него была горячо любимая женщина. Она была женственно-прекрасна, добра, умна и искренне религиозна и отвечала художнику нежной и страстной любовью. Но окружение Дзанабадзара не могло простить ему этой связи, порочащей в глазах людей светлый образ Высокого Наставника, Ундур-гэгэна. Для хубилгана, которым был Дзанабадзар, пристрастие к женщинам считалось непростительным грехом. Причем монголы более снисходительно относятся к тем случаям, когда хутухты просто меняет женщин, не испытывая особой привязанности ни к одной из них. Если же хубилган живет лишь с одной женщиной, то есть открыто заводит себе наложницу, он теряет в народе всякое уважение.

Дело в том, что добродетелью для высокого духовного лица в буддизме является отсутствие привязанности к чему-либо или кому-либо мирскому, одинаковое, равно сострадательное отношение ко всем живым существам. Отметим, что точно так же дело обстоит и в христианстве: монах не должен быть особенно привязан ни к одному предмету или живому существу, все его привязанности — в Боге. Знаменитый христианский авва Дорофей, обучая своего самого лучшего ученика, однажды заметил, что тот принес откуда-то красивый нож и очень лю-

*Илл. 9. Наковальня,
на которой работал Дзанабадзар*

бит им пользоваться, просто смотреть на него, то есть внутренне привязался к этому предмету. Тогда авва Дорофей категорически запретил ученику прикасаться именно к этому ножу, тогда как всем остальным позволялось делать с ним что угодно. Это запрещение действовало до тех пор, пока эмоционально окрашенная привязанность к красивому предмету не ушла из сердца послушника.

Окружение Ундургэгэна долго пыталось воздействовать на него,

но Дзанабадзар был непоколебим в своем чувстве, он был уже не волен в нем, что делало его непригодным для служения Церкви. Тогда придворные, ревностные буддисты, отравили прекрасную возлюбленную своего Наставника. Правда, люди говорят, что дело было не в религиозном рвении, а в элементарной зависти: придворная челядь завидовала большому влиянию этой женщины на Дзанабадзара, ее молодости, красоте и уму.

Дзанабадзар был убит горем, которое выплеснул в своем творчестве, создав 21 скульптурный образ Тары в ее гневных и мирных формах. Каждой форме он придал конкретные черты сходства с утраченной возлюбленной, а в форме Зеленой Тары полностью воссоздал портрет любимой, сделав ее прекрасным воплощением женственности. Художник вложил всю душу в эту скульптуру. И случилось так, что статуэтка заговорила и назвала имена своих убийц, попросив в своем великом сострадании не наказывать их. Дзанабадзар выполнил ее просьбу и не стал ничего предпринимать против негодяев. Однако те были достаточно наказаны: каждый раз во время религиозных служб они должны были теперь совершать поклонение 21 форме Тары, в каждой из которых узнавали черты своей жертвы.

Так возлюбленная гения стала вечно живой богиней, из точки между бровями которой всегда исходят лучи света. Ибо Тара принадлежит к тем четырем божествам, которые испускают свет: это Будда, одиннадцатиликий Авалокита,

бодхисаттва Майтрейя, будда грядущего века, и сама Тара. Как и других божеств высокого ранга, Тару изображают с диадемой из пяти зубцов, каждый из которых символизирует одного из пяти высших *дхьяни-будд*. В этой пятизубчатой короне синий дхьяни-будда Акшобхья искореняет гнев, белый Вайрочана — тупость и невежество, желтый Ратнасамбхав — гордыню и жадность, красный Амитабха — корысть и страсть, а зеленый Амогхасиддхи — зависть. Так что Зеленой Таре предназначено было уничтожить зависть в сердцах убийц.

Дзанабадзар же продолжил свое высокое духовное служение, а также деятельность религиозного художника, которая тоже была служением. Скончался он на 89-м году жизни в Желтом храме в Пекине, куда его забросила судьба в силу политических перипетий, 14-го числа первого весеннего месяца года Водяного Зайца, то есть в 1723 году. И вот уже на протяжении почти 300 лет монголы почитают его как божество, как живого *бурхана*, живого будду. А танки и скульптуры Дзанабадзара при медленном и вдумчивом, сосредоточенном созерцании несут душе мир и покой, что важнее всего для верующего монгола, приветствие которого звучит как «Менду сайн вайно?», что значит: «Есть ли мир в твоей душе?».

Личное знакомство с Ваджрасаттвой

Свои произведения Дзанабадзар, как и другие творцы, оформлял по всем правилам буддистского канона, запечатывая танки следом своей руки, а скульптуры — печатью двойной ваджры, крестом из двух скрещенных молний. Скульптура обычно делалась полый, и в полость внутри нее помещались различные вложения — написанные на бумаге мантры, освященные таблетки и другие предметы, — потом дно наглухо закрывалось и лама ставил печать двойной ваджры. После этого изображение считалось живым рукотворным богом, и ему следовало поклоняться, совершать подношения воды и риса, возжигать ароматы — в противном случае божество умрет.

«Живые» изображения божеств перед продажей иностранцу обычно освобождали от вложений и ваджрной печати ради безопасности безбожного покупателя. Гуманность такого подхода я прочувствовала на себе. Во время командировки в Индию мне было очень трудно получить визу на поездку в закрытый горный штат Сикким, пограничный с Тибетом. Наконец, почти чудом, виза была получена и мне был вручен билет на самолет до Багдогры. Оставалось только молиться о летной погоде.

До вылета оставалось еще два дня, и я в очередной раз отправилась на делийский тибетский базар, где и купила статуэтку дхьяни-будды Ваджрасаттвы. Придя в свой гостиничный номер, я с изумлением обнаружила, что на днище статуэтки стоит печать ламы, двойная ваджра, а это означает, что внутри

Илл. 70

сделаны вложения и выполнены соответствующие ритуалы, делающие изображение живым. Тут мне припомнилось, что молодой торговец сопровождал эту продажу особыми благопожеланиями и наставлениями. Далее, внимательно всмотревшись в статуэтку, я обнаружила, что у нее плохо проработаны руки, особенно пальцы. Хорошая проработка рук является неизменным признаком мастерской работы. Рука очень много говорит об изображаемом божестве: каждый жест, каждый изгиб пальца несет большую смысловую нагрузку. У скульптур Дзанабадзара руки совершенны.

Словом, принесенная вещь стала меня потихоньку раздражать, но одновременно странным образом постоянно притягивала мой взгляд. Вскоре гостиничный номер, в который я так любила возвращаться поздно вечером и который был до сих пор таким уютным, стал мне тягостен. Далее начались мелкие неприятности, одна за другой срывались назначенные встречи, чего до сих пор не было. Но кульминация оказалась просто поразительной.

В день вылета в пять утра, положив в сумку среди прочих вещей и несчастного Ваджрасаттву, я села в такси, и сквозь густой, как молоко, туман мы медленно прибыли в местный аэропорт. Вскоре туман, из-за которого обычно и отменялись все местные рейсы, совершенно рассеялся, установилась прекрасная летная погода. Я сидела в зале ожидания и удивлялась тишине и безлюдности у нужной мне стойки регистрации. Но тут ко мне подошел служащий аэропорта и поинтересовался, чего, собственно говоря, ждет мадам. «Рейса на Багдогру», — наивно ответила я. «Мадам, Вы — единственный пассажир на Багдогру. Рейс уже две недели как снят! Где Вы взяли билет?!». Билет мне купила принимавшая меня Индийская национальная академия наук ровно за два дня до описываемых событий.

Это было уже слишком. Вернувшись в гостиницу в мой же номер, который никто не успел занять, и выяснив отношения с моими кураторами, которых нелепость происшедшего просто поставила в тупик, я взглянула на Ваджрасаттву и ясно поняла, что нам пора расстаться. На том же тибетском базаре уже другой продавец, увидев печать двойной ваджры, с готовностью взял моего Ваджрасаттву, но не выставил статуэтку на продажу, а куда-то убрал. Взамен мне был вручен тот же Ваджрасаттва, только не сделанный вручную, как мой предыдущий, а отлитый серийно по хорошему классическому образцу, безо всяких печатей и вложений.

После этого небо надо мной прояснилось. Сорвавшиеся ранее встречи спокойно состоялись. Более того, я вновь получила билет на Багдогру и благополучно долетела до нее. Из всего этого я четко поняла, что впредь шутить с изображениями божеств не следует. Ведь мой оживленный будда умирал у меня на глазах, и это не могло принести мне ничего кроме вреда. Он не мстил мне, просто кармические законы так устроены. Зато второй Ваджрасаттва, без печати, до сих

пор живет у меня в доме и радуется глаз, ибо руки у него проработаны четко. Впрочем, мне почему-то до сих пор грустно без того, первого, живого и страдающего божества.

Цэнпо Трисонг Дэвцэн

Однако вернемся из дальних стран обратно в Тибет, где история продолжается. Здесь пятым цэнпо после Сронцэнгампо стал Трисонг Дэвцэн, жизнь которого пришлась на 755–797 годы. Этот царь вступил на престол в возрасте восьми лет со всеми вытекающими отсюда последствиями: править самостоятельно ребенок, конечно же, не мог, хотя и был признан земным воплощением бодхисаттвы мудрости Манджушри. Реально же управлением государства занимался министр Машан Домпа из рода Кэ, отличавшийся исключительно злобным характером и люто ненавидевший учение буддизма, будучи приверженцем древней тибетской религии бон. Для начала он выгнал из страны буддистских монахов, среди которых было много китайцев. Китайские миссионеры возвратились на родину, но самый старший из них забыл в спешке один свой башмак и, подумав, сказал по этому поводу: «Учение вновь вернется в Тибет». С тех пор тем, кто готов разрушить Святое Учение, обычно говорят: «Башмак забыт приверженцем буддизма».

Но Машан не ограничился изгнанием буддистов. Он решил отправить обратно статую Будды Шакьямуни, привезенную китайской принцессой Вэнь-Чэн. Однако и тысяча человек не смогли сдвинуть статую с места, и тогда ее просто засыпали песком. Чтобы как можно больнее оскорбить буддистское учение, запрещающее убийство живых существ, Машан превратил построенные еще Сронцэнгампо храмы в скотобойни и в лавки мясников. Ко всему прочему он издал закон, запрещающий исповедовать буддизм.

Пять лет бессильно взирал на все эти бесчинства несовершеннолетний Трисонг Дэвцэн, который был глубоко верующим буддистом. Но вот он достиг возраста 13 лет и по праву взял бразды правления в свои руки. Прежде всего он отменил закон, запрещающий исповедовать буддизм, и сам получил от оставшихся еще в Тибете Учителей буддизма ряд мистических посвящений, позволивших ему освоить искусство умственной концентрации. Затем законный царь решил положить конец соперничеству между буддизмом и бон. Он повелел уничтожить все бонские рукописи, что и было ревностно исполнено его соратниками, сторонниками буддизма.

И наконец, Трисонг Дэвцэн нашел способ расправиться с Машаном. Тибетский астролог-предсказатель сообщил Машану, что царю грозит большое несчастье и защитить цэнпо может только он, Машан, если войдет в указанный ему могильник. Министру ничего не оставалось, кроме как выполнить данное предписание. Но когда злодей оказался внутри могильника, дверь за ним тут же

захлопнулась. Так яростный гонитель буддизма был заживо погребен ревностным приверженцем буддизма, главная заповедь Учения которого — сострадание ко всем живым существам.

Китайские священнослужители, как и было предсказано их забывшим башмак старейшиной, вновь вернулись в Тибет и посоветовали царю пригласить к себе индийского пандита Шантиракшиту, известного еще и как Ачарья (Учитель) Бодхисаттва. Шантиракшита был основателем индийской буддистской школы *йогачара-мадхьямика-сватантрика*, много лет преподавал буддистскую мудрость Сутраяны в университете Наланды; его жизнь продолжалась с 705 по 765 год.

Трисонг Дэвцэн послал приглашение, и Шантиракшита прибыл в Тибет. Когда царь и ученый встретились, Шантиракшита спросил Трисонг Дэвцэна: «Не забыл ли ты, как в Непале перед священной ступой мы с тобой пришли к решению распространить Святое Учение в Тибете, и было это еще в то время, когда Учение проповедовал Кашьяпа?». А Кашьяпа был буддой, непосредственно предшествовавшим Будде Шакьямуни, то есть еще доисторическим буддой, и жил много тысячелетий назад. Царь задумался и сказал: «Видишь ли, мои способности умственной концентрации настолько ограничены, что я не могу вспомнить этого». Тогда Шантиракшита дал царю благословение, и тот вспомнил все свои прошлые перерождения, в том числе и то, которое пришлось на времена будды Кашьяпы.

Однако Трисонг Дэвцэн решил все-таки проэкзаменовать пандита относительно характера учения, которое он намеревался проповедовать в Тибете. Шантиракшита с честью выдержал испытание, ответив: «Мое учение заключается в том, чтобы следовать тому, что подтверждается после исследования разумом, и избегать того, что не согласуется с разумом». Тут же он изложил тибетскому царю множество известных ему учений. Как видим, Шантиракшита был истинным ученым, причем того типа, который мы называем кабинетным.

Тем не менее гость затеял возведение ставшего впоследствии знаменитым монастыря Самье. Но местные божества, владыки почв, взбунтовались против этой затеи и стали регулярно насыщать землетрясения, которые за ночь успевали разрушить все, что Шантиракшите удавалось возвести за день. Ярость тибетских богов этим не ограничилась: молнией они дотла сожгли построенный Сронцэнгампо дворец Марпори, а королевский дворец Трисонг Дэвцэна Рхан-тан смыли ревущими потоками воды. Эти же боги наслали на страну невиданный голод и разнообразные эпидемии.

Только и ждавшие столь удобного момента сторонники покойного Машана оживились и объявили причиной всех несчастий буддистское учение и его проповедника, Шантиракшиту, потребовав его изгнания. Трисонг Дэвцэн был морально сломлен обрушившимися на него бедами. Он описал Шантиракшите сло-

жившуюся безвыходную ситуацию и проводил его из Тибета, наградив большим количеством золота. Но Шантиракшита успел сказать цэнпо, что в Джамбудвипе, то есть в Индии, есть великий и знающий Падмасамбхава, владыка мощнейших сверхъестественных сил, которые одни только и способны усмирить разбушевавшихся злобных демонов.

Царь послал приглашение Падмасамбхаве, и тот, преодолев на пути множество препятствий, в 747 году прибыл в Тибет.

Но мы не поймем великих деяний Падмасамбхавы, пока не узнаем, с чем же он столкнулся в Тибете, что представляла собой исконно тибетская религия бон. Об этом и будет повествовать следующая глава.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

РАССКАЗЫВАЮЩАЯ

О СТАРЕЙШЕЙ РЕЛИГИИ БОН

т древнего бон веет страшной тайной и магией злых чар. Могущественные *шен*, жрецы бон, плетут магическую сеть ужаса. Соседи отказываются воевать против тибетцев, рассказывая, что те обладают непреодолимо сильной магией, знают, как вызвать дождь и как призвать небесный огонь, умеют повергнуть в дрожь небеса и землю, проявляя свою неизмеримую мощь. Некоторые из них способны летать по небу и, становясь невидимыми, убивают людей своими остро заточенными мечами. Говорят, что есть там великое множество и других необычайных вещей. Гитлер, намереваясь покорить мир, призвал себе в советники именно бонских жрецов, в руках которых бон полыхает, словно огонь гнева.

Вечный бон никогда не возникал и никогда не может быть уничтожен, так как всякое истинное знание, светлое или темное, существует в высшей реальности за пределами пространства и времени и лишь частично нисходит в нужный момент в наш временной и пространственный мир. И потому неизменным символом бон является специфическая свастика, по-тибетски *юнгдрунг*, что значит «вечное и нерушимое»; высшие разделы бонского учения именуются *Юнгдрунг бон*.

Вечный бон необъятен и многообразен, и в мир он приходит в лице великих Учителей бон. Нам известно, что всего было тринадцать таких Учителей, но неизвестно, сколько их осталось за пределами нашего знания. Первые Учителя бон появились на земле, как только она стала обитаема.

Население Тибета до появления человека

Вначале, как считают приверженцы бон, наша Земля являла собой безводную и мертвую пустыню. Но вскоре возникли пять тонких элементов: земля, вода, воздух, огонь и эфир, взаимопорождающие друг друга. Вслед за тем животворные воды пришли к бытию, и именно они породили всех населивших Землю живых существ. Эти изначальные животворные воды стали подобны кровеносным сосудам в теле Земли и на ее поверхности, превратившись в океан, озера, реки и источники.

Подводное и подземное царства сразу же заселило великое племя *нагов*, родившихся из космических яиц. О нагах очень хорошо знали в Древней Индии, в Тибете же их называют *Лу*. Эти существа, имеющие тройственную природу — отчасти божественную, отчасти человеческую и отчасти змеиную, — построили в подводном и подземном мирах великолепные города, где улицы вымощены золотом, а храмы и дворцы сложены из сверкающих драгоценных камней. Так они создали свой собственный мир, Нагалоку, из которого выходят на поверхность через реки, озера и источники. Их блистающей и сверкающей страной правят восемь великих царей — *нагаараджей*: Ананта, Каркотака, Васуки, Падма, Такшака, Шанкапала и Варуна.

Илл. 10

В это время и сошли на землю из звездных миров первые Учителя древней мудрости бон. Они проповедали свое учение специально для нагаараджи Такшаки, полностью передав ему знание о состоянии наивысшего совершенства, которое называется *дзогчен* и является самым тайным и самым главным во всей премудрости бон. Нет ничего удивительного в том, что после этого нагаараджа Такшака стал первым и главным *видьядхарой* — держателем полного и совершенного знания, объемлющего все, что есть в мире и за его пределами, — и не было на земле никого, кто мог бы превзойти его в силе и славе.

Такшака передал свои познания всем бесчисленным нагам, благодаря чему все они, оставаясь жить в земном мире, вышли за пределы смерти и страдания. Обретя бессмертие и мощные магические чары, наги предстают перед людьми в том облике, в каком пожелают, а женщины-наги легко вступают в связь с мужчинами-людьми, обретая над ними полную власть благодаря своей темной чувственной красоте.

Мудрые и могущественные наги, первыми получившие сокровенное знание, по сей день являются хранителями всех сокровищ земли, а также сокровищ внеземного всеведения и внеземной силы. Столица их подземного королевства расположена в основании священной горы Меру, являющейся становым хребтом и центром всего мироздания.

Но змеи-наги были отнюдь не единственными существами, жившими на земле до появления человека. В небесах и в воздухе жили небесные боги, кото-

рые назывались *Лха*. Их тела светились прекрасным белым светом. Они носились по воздуху на мощных белых конях и доблестно сражались с силами тьмы, которыми правила ужасная черная демоница Дуд, вышедшая из северных ворот ада. Армия света была и остается непобедимой, впрочем, как и армия тьмы, так что их битва длится по сей день.

В скалах, в горах и на деревьях обитали злые и опасные духи *Ньян*. Бесчисленное множество духов *Садаг*, хозяев земли, жили в почве, являясь правителями любого конкретного географического места, любой точки земли.

Таким образом, согласно бонской космологии, мир состоит из трех сфер; сферу неба населяют *Лха*, сферу земли — *Садаг*, сферу подземного мира — *Лу*. Впрочем, существуют и другие духи, их огромное множество. Все они заняли свои места обитания и получили в свое распоряжение определенные сферы земных энергий задолго до появления человека и сохраняют свои владения до сих пор.

Появление человека

Ну а человек, по мнению приверженцев бон, произошел отнюдь не от краснолицых обезьян, как думают буддисты, а от яйцерожденных нагов. Правда, о том, как это произошло, бонская история умалчивает. Как бы то ни было, человек появился на Земле и вынужден был выстраивать свои отношения с ее аборигенами. А для этого нужны были специальные знания, которые дали бы возможность поддерживать должный энергетический баланс между человеком, принесшим в мир новую разрушительную силу, и духами различных классов, обитающими в местах наибольшей концентрации энергии Земли.

И тогда, чтобы гармонизировать разлаженное человеком взаимодействие земных сил, в мир пришел первый бонский Учитель людей Нанба-Ранбьюн-Тугдже. Во времена его земной проповеди срок жизни человека составлял сто тысяч лет. По мере того как человечество истощало терпение богов, жизнь людей неуклонно сокращалась. Дело дошло до того, что в нашу эпоху срок человеческой жизни достигает всего ста лет, но и это еще не предел. Наступит время, когда продолжительность жизни человека будет равна десяти годам, и вот тогда появится совершеннейший жрец по имени Премудрый, который наконец приведет заблудшее человечество к полной реализации абсолютного блага. Однако до этого еще далеко.

Учитель Тогьял-Екхен

В то время, когда люди жили на Земле по тысяче лет, в мир пришел великий Учитель бон Тогьял-Екхен. Он спустился из страны под названием Светлый Мир, расположенной в высших сферах бытия, среди других звездных надземных оби-

телей. В Светлом Мире у него были родители: отец по имени Кхри-од и мать по имени Кунше. Всего было у них три сына: Чистый, Светлый и Мудрый. Все они вступили в круг юнгдрунг бон, круг бонской свастики, где бонское учение им преподавал сам То-Бумкхри — бог, порождающий в душе светлые мысли, обладающий языком, разящим словно удар молнии. Зная судьбы миров, божественный Учитель бон повелел старшему брату, Чистому, первым отправиться на Землю к людям, безмерно страдающим в круговороте смертей и рождений, дал ему человеческое тело и нарек человеческим именем Тогьял-Екхен.

Спустившись в наш мир, Тогьял-Екхен обнаружил, что здесь живет лишь род Йему, Белого Орла, и, вооружившись своим безмерным милосердием, начал проповедовать обнаруженным на Земле людям вечносушее учение бон. Проповедь Учителя спасла множество живых существ, но гораздо большее их число отвергли проповедь наставника, а тем самым и возможность спасения. Убедившись в этом, Тогьял-Екхен впал в глубокую скорбь и депрессию.

Выход был один — обратиться за советом к богам. И Тогьял-Екхен отправился в небесный бирюзовый дворец страны Колеса Великого Света, где предстал перед божеством мудрости по имени Обладающий Лампадой Душ и воздал ему должные почести. Мудрый бог с первого взгляда понял его проблему и сказал, что в произошедшем нет никакой вины Тогьял-Екхена. Дело в том, что отвергнувшие спасение живые существа изначально творили лишь злые дела и в душах их не было посеяно даже зародышей добродетели. Вечно они то пылали гневом, словно огонь, то кипели страстями, бурлившими в них, словно кипяток; их окутывал мрак невежества и тупости; для них было столь же естественно порождать из себя зависть, как для земли естественно рождать растения; словно ветер, закручивались они вихрями гордыни. Как же можно было их спасти?

Илл. 10. Изображение нага, мифического обитателя подземного и подводного мира

Тогьял-Екхен сходил еще и к царю бытия Йему, но тот ограничился тем, что сообщил сраженному неудачей Учителю: белое становится черным, полное — пустым, постоянное — изменяющимся, появляющееся неизменно разрушается, рождающееся обязательно умирает. Однако это ничем не помогло Тогьял-Екхену.

И тут он вспомнил, что и отец Кхри-од, и божественный наставник Тобумкхри предупреждали его, что он не сможет обратить в веру всех живых существ этого мира, и тогда настанет для него время отправиться в Высшее место, где обитают совершеннейшие жрецы (*раб-шен*). Вот это время для него и пришло. Тогьял-Екхен совершил положенные обряды, прочитал нужные мантры, произнес пророчество, согласно которому после него появятся другие Учителя и спасут людей, и со спокойной душой покинул этот мир страданий.

Священная страна Олмо

Много тысячелетий прошло с тех пор и много воды утекло, а милосердие богов сильно истощилось. Зато расширились и умножились страны мира. В западной части мира, среди гор и скал, в государстве Шанг-Шунг, знания о котором свято хранит бонская традиция, и только она одна, возникла страна Олмо Лунг Ринг — Олмо Длинная Долина. Столицей этой страны, к которой постоянно прилагается эпитет Высшее или Лучшее место, стал город Барпосо-гьял.

В центре страны Олмо располагается священное для индийцев и тибетцев озеро Манасаровар, а в центре этого озера возвышается еще более священная гора Кайласа, которую тибетцы называют Юнгдрунг Гутсек — Девятиэтажная Гора Свастики. Эта гора является космическим позвоночным столбом, соединяя между собой небесный, земной и подземный миры — а других миров на свете нет. Четыре великие реки стекают с горы Кайласа и растекаются по четырем сторонам света. И индийцы, и тибетцы почитают своим священным долгом хотя бы раз в жизни совершить паломничество к священному озеру и священной горе и проползти вокруг них на коленях. Высшее же счастье — встретить здесь смерть, ибо тогда человеку не придется более возродиться. Многие неверующие европейцы пытались совершить восхождение на гору Юнгдрунг Гутсек, но все они терпели неудачу в этом предприятии, никто не достиг ее вершины. По возвращении же святотатцы немедленно умирали ужасной смертью. Возможно, виной тому особые энергетические вибрации этого священного места.

Расположенная вокруг горы Юнгдрунг Гутсек вечная святая страна Олмо имеет форму восьмилепесткового лотоса, а небо над ней выглядит как колесо с восемью спицами. Внутренний район этой страны представляет собой окружающий священную гору комплекс дворцов, храмов, рек и парков. Это тайный из тайных, недоступный земному видению центр священной страны, и он замкнут круговой цепью неприступных гор. За горами находится средний район Олмо,

состоящий из двенадцати больших городов, а внешний ее район мы в нашем материальном мире воспринимаем как земли Западного Тибета.

Страну Олмо часто отождествляют с великой Шамбалой, в названии которой *шамбха* означает «мир», «благо», а *ла* — «держать», так что мы говорим о стране — держателе блага мира. Никто не может по собственной воле, не будучи позван, прийти в эту страну. Возможность посетить ее открывается лишь для духовно возвышенных людей, обладающих высшим знанием и безусловно владеющих своим физическим телом. Это для них Учитель бон Шенраб натянул тетиву лука и выпустил стрелу, пробившую узкий проход в мощном горном массиве, который называется с тех пор не иначе как Путь Стрелы. Путь этот столь же труден, как и путь человеческой жизни. «Как правильно перейти жизнь?» — спрашивают живущих в Шамбале Махатм, продиктовавших Елене Рерих неисчерпаемую *Агни-йогу*. Махатмы отвечают: «Как по струне пробасть: красиво, бережно и стремительно». Таков он, путь в Олмо-Шамбалу.

Учитель Шенраб

Правителем города Барпосо-гьял, столицы страны Олмо, был Дмугьял-Ланги-Тхемпа из царской династии Дму — династии сынов божественного Неба. Великим и благородным человеком был Дмугьял, и такой же была его жена. Весной, в день полной луны, у них родился сын, обладающий всеми благоприятными знаками. Достигнув 13 лет, возраста совершеннолетия, он взял себе подобающую своему высокому роду жену. Как раз в это время небесное божество по имени Дитя Чистого Света умилилось и решило вновь проповедать людям учение бон, утраченное с отбытием Тогьял-Екхена из мира страданий в мир совершенных жрецов. Окинув мысленным взором весь мир, божество нашло легендарную страну Олмо наилучшей из стран, а принца и его жену — наилучшей из супружеских пар. И тогда Дитя Чистого Света вошло в утробу принцессы и через девять месяцев родилось в мир в облике великого Учителя бон Шенраба, имя которого переводится как Совершеннейший Жрец. В то время на Земле уже царила наша эпоха и срок жизни людей составлял сто лет.

Тогьял-Екхен, непосредственный предшественник Шенраба, в своей прошлой небесной жизни был старшим из трех братьев, которые должны последовательно сойти в мир; его небесное имя было Дагпа, что значит Чистый. Шенраб же был средним из небесных братьев и носил в своей прошлой жизни имя Салва, что значит Светлый. После него в земной мир спустится третий небесный брат по имени Шейпа, что значит Мудрый, который и сможет дать людям окончательное освобождение. Но это будет уже не наша эпоха.

О жизни Шенраба, Учителя бон нашего скорбного времени, мы узнаем из его жития — сутры *Зермиг*. Текст этот написан в государстве Шанг-Шунг, а

затем переведен с шангшунгского на тибетский язык. Когда царь Тибета Трисонг Дэвцэн устроил великое гонение на учение бон и его приверженцев, эта священная книга была захоронена в тайном месте на кладбище монастыря Самье и пролежала там ровно 114 лет, пока бонец Сермиг не извлек ее на свет божий.

Шенраб известен еще и под именем Дмура, так как, согласно *Книге ста тысяч нагов*, он принадлежал к божественному небесному роду Дму, живущему и по сей день в небесной сфере Дму Кха Му. Изначально это небо было связано с миром земли тонкой нитью из сверкающего серебра, которую называли *му*, и потому люди на земле не умирали, а, когда кончался срок их земной жизни, поднимались в небеса по этой нити. У людей были в этом надежные помощники — особый клан жрецов Дму, мастеров веревки и лестницы, которые сопровождали человека в его подъеме вверх. По этой же нити небожители рода Дму могли свободно нисходить к людям, и именно таким образом появился в этом мире Шенраб или Дмура, представитель Неба на Земле. Он умел летать на большом колесе, удобно устроившись на оси, а восемь его верных учеников располагались на спицах.

Согласно одной из версий биографии первого правителя Тибета Ньятри Цэнпо, он также спустился на землю по серебряной нити и по ней же взошел вверх, когда срок его жизни подошел к концу. Вообще, все семь первых царей Тибета ушли с земли, не оставив на ней своих останков, а по мере подъема по священной нити их земные тела постепенно преображались в небесные — этому преображению и помогали жрецы Дму. Однако на восьмом царе Тибета, которого звали Тригум Цэнпо, непосредственная связь неба с землей оборвалась. Простолудин Логам Тадзи перерубил острым мечом тонкую священную нить и этим же мечом убил царя Тригума Цэнпо. Так впервые на земле Тибета оказалось мертвое человеческое тело, и встал вопрос: а что же с ним делать? Пришлось приглашать знатоков похоронного ритуала из великого священного царства Шанг-Шунг.

Итак, в стране Олмо, в царь-год Деревянной Мыши, в полнолуние первого месяца весны — месяца Огненного Тигра, в главный день (то есть 15-го числа), в начале рассветного часа, когда на небе сияла несравненная звезда Гиругон, родился Шенраб, основатель учения бон нашей эпохи. Если перевести все это на наше летоисчисление, то следует сказать, что родился он в 1857 году до н.э. Правда, некоторые указывают год его рождения как 1917 до н.э.; современные западные исследователи относят деятельность Шенраба к VI веку до н.э.

На земле к тому времени было уже много жрецов-воплощений Дму, обладающих светом. Но великий Шенраб вобрал в себя все излучение света, наполняющее все страны мира, — поэтому при рождении на небе ему и дали имя Светлый. На земле же нарекли его Победителем, Несравненным и Совершеннейшим Жрецом.

И уже в возрасте одного года юный принц Шенраб вступил на царский престол. Впрочем, не все здесь так просто. Дело в том, что боги, люди и сошедшие с неба светозарные жрецы, к числу которых принадлежал Шенраб, живут в разном времени. Так, один день жизни Шенраба равен трем месяцам жизни обычного человека. Сто человеческих лет — это всего один год жреца. Шенраб дожил до 82 жреческих лет, что равно 3500 годам жизни обычного человека. После этого он вышел из мира страданий, и тело его исчезло, трансформировавшись в иную форму. Из 3500 лет своей жизни Шенраб проповедовал учение бон всего 518 лет. Но так как до него были другие Учителя, то бон существует на нашей грешной земле вот уже 9000 лет. О внимательный читатель! Я решительно отказываюсь брать на себя ответственность за приведенные здесь вычисления, ибо один лишь бонский бог им судья.

А с богами у Шенраба отношения были такие. Верховным своим богом Шенраб почитал мудрого Бумхри, титулованного как Царь Бытия. Это божество, или Лха, небожитель, живет в построенном из наилучшей бирюзы дворце в небесной стране Колеса Великого Света. Второе место после Бумхри занимает бог-жрец по имени Белый Свет, воплощением которого, собственно говоря, и является сам Шенраб. И наконец, третьей является богиня Сатриг Эрсан, мать мира, свет которой способен рассеять любой мрак. В соответствии с этой иерархией строго установлен и обязательный порядок почитания. На первом месте — женщина, мать. Именно из сферы матери Сатриг Эрсан впервые появи-

Илл. 11. Шенраб, тибетский Учитель бон

Илл. 12. Ритуальный кинжал *нурба*

лось все то, что благополучно продолжается до сих пор. Поэтому вначале следует воздать почести золотоцветному сияющему телу матери, воплощенному в скульптурном изображении этой богини. Затем следует почитать бога Белый Свет, жреца мудрости, тело которого прозрачно и сияет, словно чистейший хрусталь. Далее необходимо произнести мантры мудрого Бумкхри с прекрасным серебристым телом. И уже после всего этого необходимо воздать хвалу самому Шенрабу. Таков ежедневный ритуал бонца.

Надо сказать, что действовал Шенраб в полном соответствии с потребностями того жестокого времени, в которое он жил. Так, когда ему исполнилось три года (то ли в жреческом исчислении, то ли в человеческом), к нему торжественной процессией явились боги и попросили объяснить им учение бон. Наученный горьким опытом своего предшественника Тогьял-Екхена, который был его старшим небесным братом, Шенраб прекрасно понимал, что путем уговоров, проповедей, миролюбием и незлобивостью никак не обратить в истинную веру живых существ этого мира,

погрязшего в грехе. Кроме того, божественный мальчик-жрец обладал дарованными ему свыше особыми сверхъестественными силами. А потому он передал богам бон учение черных заклинаний, с помощью которых те покорили себе злых духов.

Шенраб странствует по многим странам, особенно много времени проводя в Тибете. Но время от времени он непременно возвращается на родину, в прекрасную страну Олмо, где черпает новые силы, необходимые ему для повсеместного покорения себе злых духов и прочих живых существ. Дело в том, что Шенраб обладает бонской свастикой света, но есть мир, обладающий бонской же свастикой мрака, — это мир демонов, с которыми постоянно сражается Шенраб.

Суть бонской веры и практики

Чему же учил Шенраб? Сущность бонской веры заключалась в том, чтобы, вызывая к богам, приносить кровавые жертвы. Слово *лха-шен*, или бог-жрец, имело в древнем учении бон вполне конкретное значение: это тот, кто имеет право взять в руки трехгранный ритуальный кинжал, *пурбу*, и заколоть им жертвенное животное. В этом состояла основная функция бонского жреца. Дело в том, что кровь жертвы давала жизненную энергию богам, нагам, духам земли, людям и самим бонским жрецам. В бон работали с энергетическими процессами, причем работали «по-черному». Это уже потом бон разделился на черный и белый, а белый практически слился с буддизмом. Вначале же все было значительно более жестко.

В норме энергия космоса движется по кругу по часовой стрелке, а потому в буддизме и в любой белой магии обход храма всегда совершается по часовой стрелке; края буддистской свастики загнуты слева направо. Бонская свастика отличается тем, что ее края загнуты справа налево, а обход бонского святилища всегда совершается против часовой стрелки. Это значит, что бонцы не следуют естественному течению энергетических процессов, но разворачивают их вспять, идя как бы наперекор природным закономерностям, подчиняя их себе. Поэтому бон — это черная вера. Она до сих пор существует в северных районах Тибета, сохраняя все древние обряды и ритуалы, в том числе и кровавые жертвы, с помощью которых люди шен до сих пор управляют энергиями Земли.

Для бон нет ничего невозможного, здесь бог и жрец — одно и то же лицо, они являют абсолютное тождество. Потому что бон — это бог (*лха*), рожденный из центра юнгдрунг (бонской свастики), бон — это жрец (*шен*), рожденный из центра юнгдрунг. Шенраб объясняет: сущность бонской веры в том, что бон — это центр свастики, бон — это центр мудрости, бон — это центр неба, бон — это центр проявления, бон — это центр бытия, бон — это бог, рожденный из центра бытия.

А если жрец — это бог, то по отношению к любому другому живому существу он может позволить себе все что угодно. Такой черный маг может силой завладеть жизненной энергией человека и обрести над ним полную власть. Жертва слабеет, болеет и умирает, а ее жизненная энергия переходит к бонцу-чародею. Если шен хочет уничтожить своего врага, то он изготавливает его фигурку, *линка*, вызывает к себе *ла*, жизненную энергию врага, вселяет ее в муляж и уничтожает его, а тем самым убивается враг. Это ритуальное убийство человека, для обозначения которого существует специальный эвфемизм «освободить» — он подразумевает, что сознание жертвы, убитой в ходе ритуала, сразу же переносится в чистое измерение, в сферу чистого, освобожденного бытия, то есть жрец еще и оказывает своей жертве огромную, ни с чем не сравнимую услугу, убивая ее в ходе ритуала.

Практика бон требует от жреца жестокости: безо всякого сострадания он должен уметь уничтожать и держать в подчинении. Для этого необходимо особое воспитание исполнителя, его бестрепетность в любой ситуации, и потому ритуальное убийство часто осуществляется просто с целью тренинга личности жреца. Тибетская мудрость жестко гласит: «Неспособность есть не добродетель, а бессилие».

Жрец шен в ходе ритуала теряет всякий сознательный контроль над собой, он ведет себя подобно сумасшедшему, обнаруживая совершенно непредсказуемые силы. Не столько жрец здесь управляет энергией, сколько энергия правит им, проявляясь через него. Его ритуальное и магическое искусство абсолютно неуправляемо.

Шен не следует по обычному пути видимого мира, он преодолевает видимый мир, сознательно поступая вопреки принятым в нем нормам и правилам, нарушая все запреты. Главное, что надо знать, — какие мантры-заклинания в каких случаях применять, добиваясь собственных целей.

С точки зрения бонского жреца-бога, наш видимый феноменальный мир является всего лишь иллюзией, которую шен и преодолевает. С этой целью жрец уединяется для особой медитации во внушающих ужас горах или на страшных кладбищах, то есть в местах наибольшего скопления энергии. В медитации очень важны жесты, движения рук. Так, в исходной позе руки жреца покоятся, постепенно он разворачивает ладони и формирует требуемый жест, который наполнен смыслом в каждой мельчайшей детали. Он знает специальные жесты для призвания богов с небес, для втягивания их в свое собственное пространство, для соединения в неразрывное целое с призванным богом. Специальными жестами обозначает он предметы почитания и вожделенные вещи, принося их в жертву богам в своем воображении, и их иллюзорная форма вполне равноценна реальным вещам: ведь и то и другое — иллюзия. Боги, которые столь же иллюзорны, как и все остальное, начинают действовать соответственно целям жреца. В итоге весь мир и его творения участвуют в этом сопровождаемом жестами ритуальном танце жреца, помимо своей воли вовлекаясь в него.

Медитирующий танцор по ходу ритуального танца совершает требуемые ритуалом действия, прекрасно сознавая, что они противоречат всем принятым нормам. Но ему важен лишь достигаемый результат. Пребывание во внушающем ужас месте выглядит дико с точки зрения мира, но именно здесь жрец может подчинить своей мощи все что угодно, работая с наиболее концентрированной энергией. Кровавые жертвоприношения, в том числе и человеческие (так как речь идет об использовании пяти священных предметов: человеческого семени, плоти, кала, утробной крови и мочи, а также человеческой кожи), — противоречат всем обычным нормам. Но с их помощью достигается ритуальное единение с богами, ритуальное убийство врага и появляется возможность произвести желае-

мые магические манифестации, создать нужные жрецу магические формы, действие которых неотлично от форм реальных, ибо и то и другое — иллюзия.

В ходе ритуала жрец подкрепляет себя и богов хмельным *чангом* — крепким тибетским пивом, использует человеческие черепа, ужасный трехгранный ритуальный кинжал пурбу и многое другое. В результате бон простирается в пространстве, полностью заполняя его своей энергией, подчинившей себе все энергии мира, повернув вспять их естественный ход.*

После этого жрец должен обрести партнершу, которой может быть летающая по небу *дакия* или прекрасная юная девушка, и результатом всех его действий будет естественное состояние знания, которое вечно. Это и есть нерожденная, высшая сфера бон — Юнгдрунг бон. Тот, кто обрел это невыразимое в словах абсолютное знание, становится подобен птице в небе и рыбе в океане. Словно ударом молнии рассекает он скалы и собирается в магические кусты. Рукой касается он вершины горы Кайласа и втягивает в себя океан. Он поворачивает вспять реки и приковывает к месту планеты. Ему не может повредить никакое оружие, он свободен от власти страха, трепета и стыда. Очевидно, что достигший вершины учения и практики бон полностью подчиняет себе окружающий мир, живущих в мире людей, а главное, самого себя.

Бонцы, цари и женщины

И вот такие люди на протяжении 33 поколений царей — начиная с Нятри Цэнпо и кончая Сронцэнгампо — неотлучно находились при тибетских правителях, исполняя роль царских жрецов, *кушен*. Они были телохранителями царя, они нарекали царевичей именами на шангшунгском языке и совершали над новорожденными царскими отпрысками все положенные обряды очищения и предсказания.

* Вот как описывает Снеллгроув «практическое применение жестокости» бон в своем переводе-пересказе бонской сутры. В диком и страшном месте нужно подготовить магическое вместилище ужасного треугольника и приступить к делу в тот момент, когда звезды и предзнаменования будут благоприятны. Медитировать об ужасном божестве Бал-сас. Вонзить круг жизни в сердце, а потом заключить сердце в круг и привести его в полное подчинение себе. Теперь призвать Бал-сас для жертвоприношения плоти и крови. Почтить жертвами ужасных богов этого мира, напрячь все силы в их почитании и в служении им. Написать имена врагов и чинящих препятствия. Очень ясно представить себе цель, которой хочешь добиться. Собственно говоря, следует подчинить себе врага, растворить его в *линка*, человеческой фигурке, а потом убить и уничтожить его. Ну а затем последует радование, жертвоприношение и искупление. Это практическое применение жестокости должно быть совершено во всей его целостности и без всякого сочувствия. И когда все будет кончено, на этом ставится печать бон — развернутая влево свастика.

Само же государство Шанг-Шунг было чрезвычайно могущественно. За правителей этого царства отдавали замуж китайских принцесс, и те изнывали там от скуки. Правители Тибета женились на принцессах из Шанг-Шунга, и у самого Сронцэнгампо среди множества всевозможных выбранных по политическим мотивам жен была и дочь царя Шанг-Шунга Литигмэн. А сестру Сронцэнгампо Сэмаркар выдали замуж за царя Шанг-Шунга Лигмягя.

Надо прямо сказать, что жены шангшунгских царей не жаловали своих благовверных, а деятельного Сронцэнгампо стали сильно раздражать могущественные жрецы кушен, наводнившие его свиту, да и само государство Шанг-Шунг.

И вот в Шанг-Шунг навестить царицу Сэмаркар прибыл хитрый и могущественный тибетский министр Мангчунг. Он воздал печальной царице подобающие почести, а та сказала, что писать брату писем она не собирается, но рада, что он находится в добром здравии, и попросила министра передать свой дар царю прямо в руки. И еще она послала царственному брату собственноручно написанные стихи, в которых оплакивала свою шангшунгскую жизнь. Прочел Сронцэнгампо сестрицыны стихи и развернул переданный ею сверток, а в нем было ровно тридцать камней прекрасной старинной бирюзы. Царь немного подумал и расшифровал тайный язык камней. Он понял, что сестра сказала ему этим подарком: «Если ты мужчина, то, как принято у мужчин, надень эту бирюзу на шею и выступи против Лигмягя. Если же ты не решишься на это, то укрась этой бирюзой свою прическу, как это принято у женщин».

Ну что ж, просьба сестры вполне совпадала с планами брата. Однако в открытом сражении у тибетцев не было ни малейших шансов на победу. И здесь опять пригодилась женщина. У Лигмягя, царя Шанг-Шунга, было три жены, и самой младшей из них, царице Са Нангдрон Лэгмэ из рода Гуруб, было всего-навсего 18 лет. К ней-то и подослал мудрый Сронцэнгампо, хорошо знавший женскую природу, своего самого сладкоречивого придворного, хитрого и коварного министра Нангнама Лэгдруба. Министр явился к Лэгмэ с рогом дикого яка, полным золотого песка, и сказал, что благородный царь Тибета не может больше терпеть того, что столь красивая и достойная женщина является всего лишь младшей женой Лигмягя. Вот если бы ему удалось свергнуть царя Шанг-Шунга, Лэгмэ немедленно стала бы главной женой царя Тибета и получила бы в дар ровно две трети его царства.

У младшей жены детей от Лигмягя не было, и интересы Шанг-Шунга были ей глубоко безразличны. Поэтому она ответила так: «У царя Шанг-Шунга такое

*Илл. 13. Дворец Ямбулхакан
в долине реки Ярлунг*

войско, что оно запросто может заполнить весь Тибет, войско же царя Тибета поместится на белой полосе, идущей по хребту пестрой коровы, а потому никогда не победить ему Лигмягя в честном бою. Но его можно победить хитростью и коварством. Знай, что в следующем месяце Лигмягя вместе со свитой поедет в Сумпа, где будет участвовать в сходе в Ланги Гимпод. Спрячясь в засаде и убей его! Я сама буду твоим связным». Они договорились, а для сообщения точной даты Лэгмэ обещала оставить условные знаки на каменной пирамиде, сложенной на вершине перевала.

Когда пришло время, Сронцэнгампо вместе со своими министрами и с несколькими тысячами воинов прибыл в условленное место. Царь взобрался на вершину перевала и обнаружил там чашу с водой, в которой было три предмета: кусочек золота, кусочек раковины и отравленный наконечник стрелы. Царь все понял. Наполненная водой чаша означала, что Лигмягя прибудет в день полнолуния следующего месяца, а кусочки золота и раковины сказали ему о том, что он должен держать солдат наготове в Золотой и Перламутровой пещерах, которые находятся у озера Дангра. Отравленный же наконечник стрелы предлагал заманить царя Шанг-Шунга в засаду и там убить его. Все было выполнено в точности. Лигмягя был убит, Шанг-Шунг пал, и вскоре следы этой великой цивилизации затерялись в веках. Но вот о том, что стало с восемнадцатилетней красавицей, история умалчивает.

Однако не все жены ненавидели Лигмягя, и не все они были безразличны к судьбе государства Шанг-Шунг и неразрывно связанной с ним черной бонской веры. Первая и главная жена Лигмягя, Кюнгса Цогель, пылала гневом и жаждала мщения. И хотя главный виновник трагедии, царь Сронцэнгампо, уже умер и царем Тибета стал Трисонг Дэвцэн, Цогель решила, что именно он должен в полной мере испытать чашу гнева. И она пригласила к себе великого Учителя бон Нангжера Лодпо, который учился у великого мага Тапихрицы. Воздав ему все положенные почести, Кюнгса Цогель, рыдая, проговорила, что ее муж предательски убит, в результате чего Тибет расколот, великое учение бон погублено, и невозможно оставить все это безнаказанным.

Тогда великий Учитель бон задумался и, сочтя ее слова справедливыми, предложил ей на выбор три варианта своих действий. Если три года он, обладая одной унцией золота, будет практиковать ритуал *ну*, а потом метнет особое устройство — *сор*, которым может быть любой предмет, заряженный в ходе ритуальной медитации сконцентрированной энергией мага, — то весь Тибет будет стерт с лица земли. Если же, обладая половиной унции золота, он будет три месяца практиковать ритуал *кюнг*, а затем метнет *сор* соответствующей конструкции, то будет уничтожен только район Ярлунга, а также царь Трисонг Дэвцэн со всей своей свитой. Можно также, имея лишь одну десятую унции золота, ровно неделю практиковать ритуал *нгуб*, и тогда убит будет только царь.

Как ни застилала яростная ненависть глаза Цогель, она была мудрой женщиной и понимала, что чем больше смертей, тем больше потребуется отмищений, а потому выбрала третий вариант действий.

Тогда Нангжер Лодпо удалился на крошечный остров Тарог, что на озере Цолинг. Здесь он воссел на сиденье из девяти парчовых подушек, водрузив над собой белый расписной балдахин. Ровно неделю практиковал Учитель бон ритуал *нгуб*, а затем разделил одну десятую унции золота на три части. Первую часть он швырнул в озеро близ Ярлунга, и оно немедленно пересохло. Вторую треть золота он бросил на гору Согка Цунпо, и там погибли два оленя, а пять остались обездвиженными. Наконец, на рассвете он метнул последнюю часть золота на крепость Чива Тагце, и царя Трисонга Дэвцэна поразила внезапная болезнь.

Мудрый царь тут же понял, что это результат гнева великого Учителя бон, которому есть за что гневаться. Ясно стало царю, что лишь наславший болезнь знает также и средство ее исцеления, а потому он сразу же послал к Нангжеру Лодпо своих гонцов.

Долго блуждали гонцы в поисках Учителя бон. Наконец пастухи указали им дорогу, предупредив, правда, что Нангжер Лодпо может принимать абсолютно любой облик и потому каждый раз является под разными личинами. Посланцы соорудили челн, переплыли на нем на остров Тарог и увидели, что под белым балдахином на девяти парчовых подушках восседает... большой прозрачный Хрустальный Рог. Впрочем, гонцов, ко всему в этом мире привыкших, это совершенно не смутило, а потому они совершили круговой обход сиденья Рога, простерлись перед ним ниц и поднесли ему в дар заблаговременно врученный им Трисонгом Дэвцэном рог дикого яка, наполненный золотом. После этого Хрустальный Рог превратился в Нангжера Лодпо.

Нужно сказать, что рог здесь — не просто подарок, но предмет, символизирующий царские почести, воздаваемые тому, кому его подносят в дар. Дело в том, что в Шанг-Шунге существовал список из 18 царей этого государства, носивших рогатый головной убор, и последним в этом списке значился царь Сэрги Чаручен, правивший во времена Шенраба и покровительствовавший ему. В те времена на голове царя Шанг-Шунга непременно возвышался некий шлем с двумя рогами дикого яка, наполненными золотым песком, и это было знаком царской власти и царского достоинства. Поэтому, желая польстить маленькой Лэгмэ, царский министр дарит ей рог, наполненный золотым песком; желая умиловить бонского Учителя, ему подносят тот же дар; более того, отнюдь не случайно сам Нангжер Лодпо принимает перед посланцами Трисонга Дэвцэна именно облик рога. Передача рога с золотым песком символически говорит о том, что за получателем сего дара признается достоинство, равное царскому.

Итак, удовлетворенный оказанными ему почестями, Нангжер Лодпо заговорил. Задумав отомстить за горестную судьбу учения бон, мудрый Учитель

сразу же понял, что со смертью царя Трисонга Дэвцэна погибнет весь Тибет, а это не входило в его планы. Поэтому бонец изложил гонцам свои требования. Во-первых, царь не должен уничтожать 360 разделов учения бон Шанг-Шунга. Во-вторых, члены рода Гуруб, к которому принадлежит Нангжер Лодпо, а также и юная предательница Лэгмэ, должны быть всячески почитаемы в Тибете и освобождены от каких бы то ни было податей. В-третьих, царю следует изготовить золотую статую убитого Лигмягя в натуральную величину. И наконец, в-четвертых, Кюнгса Цогель должна получить возмещение за потерю мужа.

Гонцы тут же согласились со всеми поставленными условиями. Тогда Учитель бон сам прибыл к царю Трисонгу Дэвцэну и совершил ритуал, обратный проделанному им ранее. Нангжер Лодпо извлек из девяти отверстий тела царя девять тонких, словно шелк, золотых нитей. Эти нити взвесили, и их вес оказался в точности равен одной трети от одной десятой унции. Тут из тела царя вышло очень много крови, лимфы и гноя, и его болезнь сразу же исчезла, словно ее и не было.

Вот таким оказался истинный бонский жрец. Недаром под шен понимается человек, господствующий над всей видимой вселенной и руководящий всеми живыми существами.

И именно с такими умельцами встретился прибывший в Тибет по приглашению Трисонга Дэвцэна академический ученый Шантиракшита. Он стал увещевать их пространными велеречивыми проповедями, но тибетцы всегда говорили, что «слово — это просто пузыри на воде, дела же — вот крупницы золота». Конечно же, тут требовался Падмасамбхава, который не замедлил явиться.

ЦЕЛИКОМ ПОСВЯЩЕННАЯ
НЕСРАВНЕННОМУ ПАДМАСАМБХАВЕ
И ЕГО ВЕЛИКИМ И СЛАВНЫМ ДЕЯНИЯМ

так, по приглашению царя Трисонга Дэвцэна на смену Шантиракшите в VIII веке н.э. в Тибет прибывает Падмасамбхава, который не был обычным человеком, — он был *махасиддхи*, то есть обладал великими сверхъестественными силами. Слава и авторитет Падмасамбхавы в

Тибете и поныне столь велики, что было бы нарушением всех восточных традиций не передать в подробностях его чудесное житие.

Я расскажу вам *намтар* (житие) Падмасамбхавы, который существует в английском переводе, но никогда подробно не воспроизводился на русском языке. Изложение намтара — это работа по спасению души того, кто его записывает, а также тех, кто его читает, то есть и наших с вами душ. Как и всякое житие, намтар описывает жизнь и поступки отнюдь не обыкновенного человека, но махасиддхи, великого, достигшего всех мыслимых и немыслимых целей и свойств. Его герой видит *все* связи вещей и событий, скрытых от непросветленного взгляда, и в силу этого его действия не подлежат мирскому суду, ибо махасиддхи находится за пределами действия законов сансарического мира. А потому поведение Падмасамбхавы является образцом, но не для обычного человека, а лишь для того, кто сделал себя махасиддхи, поступки которого с точки зрения мира выглядят, мягко говоря, экстравагантными — но они оправданы с точки зрения высшей мировой гармонии или божественной воли, если хотите. Так что, уважаемый читатель, прошу Вас не удивляться тому, о чем будет рассказано в этой главе. Однако перейдем к делу.

Царь Индрабодхи

Начнем с того, что в стране Ургьян, или Уддияна, которая расположена неизвестно где, жил могучий слепой царь Индрабодхи, и был он одним из тех махасиддхи, которых, согласно индийской традиции, было всего 84 (причем все они — абсолютно реальные люди, жившие или бывавшие в Индии в VII–XI веках н.э.). У слепого царя было все, чего может пожелать даже самый счастливый правитель. Он жил в прекрасном изумрудном дворце, у него было огромное богатство и громадная власть, было у него целых пятьсот жен и несчетное число подданных. Но судьба всех заставляет платить за все свои дары, и у царя внезапно умер его единственный сын и наследник, а сразу вслед за тем невиданные бедствия обрушились на его страну и подданные стали один за другим умирать от голода и болезней. Тогда Индрабодхи раскрыл для людей свою сокровищницу, но вскоре его казна опустела. Все, чем владел, раздал Индрабодхи в качестве милостыни, но сыпавшиеся отовсюду несчастья не иссякали. И понял царь, что причина происходящего лишь в том, что нет у него сына.

Слепой правитель держал совет с местными мудрецами, после чего собрал всех живших в его царстве жрецов, чтобы они совершили жертвоприношения богам, рецитировали священные тексты, должным образом почтили всех охраняющих божеств страны Уддияны. Богов и защитников веры молили об одном — даровать Индрабодхи сына. Но все было напрасно.

Сильно разгневался царь и приказал жрецам больно наказать непослушные высшие силы, за семь дней уничтожив все их изображения. Впрочем, и это не помогло. Тогда приказано было лишить богов и духов-хранителей обычно приносимых им жертв, кровь которых и дым от сжигаемой на жертвенном огне животной плоти служили пищей богам и духам, поддерживали их жизнь и снабжали их жизненной энергией. Одним словом, смертью пригрозил Индрабодхи богам и духам, и те не на шутку перепугались и разгневались. Ведь до прихода на землю человека и боги, и всякая нелюдь сами добывали для себя энергию, сохраняя должный баланс во всем. Человек же пришел и начал строить себе жилища, вспахивать почву, рубить деревья, жечь костры, возводить плотины, тем самым истощая и разрушая энергию земли. Учителя бон восстанавливали справедливость, заставив человека возмещать богам и духам, питавшимся энергией земли, утрачиваемую ими силу с помощью кровавых жертвоприношений. И вот человек взбунтовался и отказал богам в установленных законом жертвах.

Страшно прогневались высшие силы, почуяв опасность, и наслали на страну Уддияну штормовые ветры и град, и потекли по земле потоки человеческой крови. словно рыбы, вытасщенные из воды, были беспомощны перед всем этим люди, и только обладающий сверхчеловеческими силами махасиддхи Индрабод-

хи продолжал сражаться с богами и духами. Бой этот грозил затянуться до бесконечности, никто не щадил противника, нанося все новые ответные удары.

Чудесное рождение, детство и юность Падмасамбхавы

Сострадательное сердце милостивого бодхисаттвы Авалокитешвары, взиравшего на все это сверху, не выдержало столь ужасного зрелища. Он отправился в небесную сферу Сукхавати и предстал перед дхьяни-буддой Амитабхой, творцом и хозяином этого небесного рая. Если бодхисаттва — это тот, кто подошел к порогу нирваны, но добровольно отказался от последнего шага, то дхьяни-будда — тот, кто достиг нирваны и в известной мере отрешился от людских забот, а его общение с земным миром обычно опосредуют бодхисаттвы. Авалокита попросил Амитабху вмешаться и остановить безжалостную бесконечную бойню, защитить живых существ от выпавших на их долю страданий. Его просьба имела несомненный успех, и не только потому, что будды тоже отнюдь не лишены сострадания, но и потому, что будда Амитабха был духовным отцом бодхисаттвы Авалокитешвары.

Амитабха подумал и решил самолично родиться в забытой богами стране Уддияне. Происходило это так: Амитабха, обладающий телом красного цвета, испустил из своего языка красный световой луч, который, словно метеор, вошел прямо в середину озера Дханакоша, лежащего в Уддияне. В этом месте на озере образовался небольшой остров, покрытый золотистой травой, из нее выросли три побега цвета бирюзы, и в центре острова расцвел цветок лотоса. Будда Амитабха испустил из своего сердца пятиконечную ваджру, которая попала точно в центр цветка лотоса. Впечатленные всем этим боги и духи-хранители немедленно перестали вредить людям.

Слепой же Индрабодхи получил множество пророчеств о рождении у него сына и о его местонахождении и послал своего министра к озеру Дханакоша. Тот взглянул и застыл, пораженный. В цветке лотоса восседал маленький годовалый мальчик, окруженный прекрасной чистой аурой.

Все это было столь необычно, что слепой царь, выслушав доклад своего министра, отправился в подводное царство нагов за чудесной жемчужиной, исполняющей все желания, и принцесса нагов вручила ее царю. Индрабодхи сразу пожелал прозреть на один глаз, и глаз тут же стал видеть.

И первым, что предстало взгляду прозревшего царя, было видение чудесной пятицветной радуги над озером Дханакоша на фоне ярко сияющего солнца. А ночью Индрабодхи приснился сон, будто в ладонь ему упала пятиконечная ваджра, а из его собственного сердца родился у него сын. Царь и его министры отправились к озеру Дханакоша, переплыли на остров и восхитились, увидев

саморожденного ребенка, причем Индрабодхи тут же прозрел и на второй глаз. Прослезившись от счастья, царь взял ребенка и принес его в свой изумрудный дворец.

С тех пор мир установился на земле Уддияны, люди вновь стали приносить жертвы богам и духам-хранителям, а те, в свою очередь, вновь стали покровителями людей. Казна Индрабодхи наполнилась, спокойствие и благоденствие снизошли на его государство.

Прекрасный юноша, которого звали Падмасамбхава, что значит Самовозникший Из Лотоса или Лотосорожденный, быстро рос, хорошо учился и достиг больших успехов в музыке, в поэзии и в философии. Он плавал как рыба, ему не было равных в борьбе и в других видах спорта. Стрелой он попадал в игольное ушко. Он мог выпустить одну за другой тринадцать стрел столь быстро, что вторая стрела догоняла первую и подталкивала ее, и так все последующие стрелы усиливали полет предыдущих. Когда же он выпускал стрелу вверх, уже никто не мог проследить, на какую высоту она улетела. Словом, он сумел стать великим атлетом и был весьма образован.

Когда же юный принц достиг возраста зрелости мужчины, который наступает в 13 лет, он был коронован на царство. На церемонию восшествия Падмасамбхавы на трон, сделанный из чистого золота и лучшей бирюзы, прибыли будда Амитабха, бодхисаттва Авалокитешвара и десять богов-хранителей десяти направлений. Все они окропили юношу водой, заряженной божественной энергией, а присутствовавшие жрецы совершили все положенные ритуалы, обеспечивающие благополучие врученного ему государства.

Но очень скоро новоиспеченный правитель обнаружил несомненную склонность к медитативной жизни, чем сильно озадачил ушедшего от дел Индрабодхи, который подумал и решил, что пора Падму женить. Была найдена прекрасная принцесса Бхасадхара, и хотя она уже была просватана за другого, ее все-таки выдали замуж за Падмасамбхаву. Но согласно обычаям страны Ургьян-Уддияны, царь должен был иметь пятьсот жен, и молодой правитель получил в жены еще 499 прекрасных юных дев. Лотосорожденный царь целых пять лет наслаждался с ними мирским счастьем.

Уход от мира и подвиги Падмасамбхавы

Собственно, Индрабодхи лишь для того и женил своего с таким трудом обретенного сына, чтобы привязать его к дому, и это ему удалось, но всего на пять лет. Потому что через пять лет перед Падмасамбхавой предстал сам дхьяни-будда Ваджрасаттва, и молодой царь Уддияны, достигший вершин мирской власти и чувственного наслаждения, мгновенно осознал иллюзорность и нестабильность мирских благ. Ни секунды не колеблясь, Падмасамбхава покинул дом, чтобы

Илл. 14. Падмасамбхава

целиком посвятить себя буддистской вере. Ибо зачем же еще могли выпустить его в мир создавшие Падму будды и бодхисаттвы?

Для начала Падмасамбхава сорвал с себя царские одежды и украшения, нанес на свое нагое тело магический орнамент из человеческих костей — символ отречения от мира иллюзии — и, взяв в одну руку ваджру, а в другую трехгранный ритуальный кинжал пурбу, закружился в бешеном танце, словно обезумев. Танцуя, метнул он ваджру, пронзив ею сердце женщины, метнул трехгранный кинжал, разбив голову ее сына. Таким образом совершил он в своем великом сострадании ритуальное убийство людей, чья карма была нечиста, освободив их для лучших перерождений.

Дело в том, что Падмасамбхава принял ту разновидность буддизма, которая очень близка к учению бон и согласно которой убийство может являться актом сострадания, если жертву никак иначе нельзя отвратить от большого греха и спасти от грядущих страданий в цепи перерождений. Акт убийства такого существа является большой помощью ему и совершается лишь ради того, чтобы перенести его в блаженное состояние. Естественно, совершить такое убийство может лишь человек, достигший очень высоких духовных степеней. Ибо лишь из чувства высшего сострадания берет он на себя тяжкую карму убитого, зная, что способен тем самым очистить сознание жертвы, которую он таким образом насильственно водворяет в чистые и счастливые обитатели. Своей кармы, ни плохой, ни хорошей, у махасиддхи просто нет, он сумел полностью изжить ее, и то же самое он проделывает с принятой на себя кармой. Если же живое существо убивает обычный человек, неспособный оперировать с кармой и с переносом сознания, то он совершает самый тяжкий с точки зрения буддизма грех и непомерно загрязняет собственную карму. То, что для Падмасамбхавы, предвидящего будущее убиваемого, — благое деяние, то для мирянина — смертный грех. Ибо что позволено Юпитеру, то не позволено быку.*

Чтобы быть способным на столь экстравагантные поступки, человек проходит различные стадии подготовки (подчас столь же экстравагантной), ибо, как любят повторять тибетцы и монголы, «неспособность есть не добродетель, а бес-

* Не следует думать, что такие взгляды являются достоянием глубокого прошлого. В двадцатые годы XX века знаменитый монгольский буддистский то ли святой, то ли просто бандит Джа-лама, убивший несчетное число людей, в ответ на вопрос, как он, будучи буддистским монахом, может носить оружие и убивать, высказал те же мысли. Джа-лама сообщил, что истина «не убий» годна лишь для тех, кто стремится к совершенству, но не для совершенных. Подобно тому как человек, взойдя на гору, должен спуститься вниз, так и совершенный должен стремиться вниз, в мир — служить на благо другим. Если совершенный видит, что какой-то человек способен погубить тысячу других и стать причиной бедствия целого народа, то он может убить такого человека, и это убийство очистит душу грешника, ибо убивший возьмет его грехи на себя, и грешник воспарит в небеса.

силе». Одной из составляющих такой подготовки являются специфические медитации, в которых перед практикующим мир предстает вначале пустым, а затем наполненным лишь кровью, трупами и костями.* Такое видение мира, лишенного привычного нам многообразия чувственных форм, ужасающее неподготовленного человека, говорит об отрешенности медитирующего от мира иллюзий.

Есть индийская притча об отшельнике, которого спросили: кто только что прошел мимо него — мужчина или женщина? Отшельник ответил, что прошел человеческий скелет. Есть в Индии и притча о знатоке лошадей. Однажды раджа захотел получить для себя самую быструю в мире лошадь. К нему привели наилучшего знатока коней, и тот сказал, что есть у него на примете один вороной жеребец, которого раджа повелел тут же доставить. Знаток лошадей привел в поводу гнедую кобылу. Властитель широко раскрыл глаза и высказал знатоку все, что о нем подумал. Знаток же спокойно ответил, что он привел радже самую быструю в мире лошадь, а все прочие детали его не интересуют. И действительно, гнедая кобыла выиграла все мыслимые и немыслимые призы, так что раджа был безмерно счастлив. Умение отвлечься от деталей — вот сердцевина искусства проникновения в суть вещей.

Но в вопросе такой медитации есть и другая сторона: она приучает участника к виду крови и груды мертвых тел, неизбежных в любой войне. Дело в том, что у человека изначально есть некий психологический барьер, естественный врожденный страх перед убийством человека, впрочем, как и любого живого существа. Есть много людей, которые вообще не выносят вида и запаха чужой крови, теряя сознание при ее появлении. Описанная медитация способствует

* В книге «Самодержец пустыни» Л. Юзефович рассказывает о весьма специфической медитации, которая предлагалась участникам церемонии перед началом службы в честь бога войны и лошадей Чжамсарана, или Бегдзе, в Монголии в те же 20-е годы XX века. Послушники должны были представить себе с полной достоверностью все пространство мира пустым, а затем в этой пустоте — безграничное волнующееся море из человеческой и лошадиной крови, поднимающуюся из моря крови медную гору, на ее вершине — ковер, лотос, солнце, трупы коня и человека, а на трупах — восседающего Чжамсарана в короне из пяти черепов. Он держит в правой руке пламенеющий меч, упирающийся прямо в небо, и этим мечом беспрепятственно отсекает жизни нарушающих обеты. На его левой руке висит лук со стрелами, в пальцах же он сжимает сердце и почки врагов веры. Его рот оскален четырьмя страшными клыками. Его брови и усы пламенеют тем огнем, что сжигает мир в конце каждой эпохи. Рядом с ним на бешеном волке восседает божество Амийн-Эцзен с сетью в руке, ею он ловит грешников. Другими спутниками Чжамсарана являются небесные меченосцы и палачи — *ильдучи* и *ярлачи*, облаченные в человеческие и лошадиные кожи, они держат в зубах печень, легкие и сердце врагов буддизма, языками же лижут их кости и высасывают мозг. Следует учесть, что яркость и достоверность воображенного в ходе медитации неотличима от реальности; собственно, для медитирующего между ними нет или, по крайней мере, не должно быть никакой разницы. Примем во внимание и то, что эта медитация предлагается в качестве тренинга не продвинутым адептам, а начинающим буддистским послушникам-*хуваракам*.

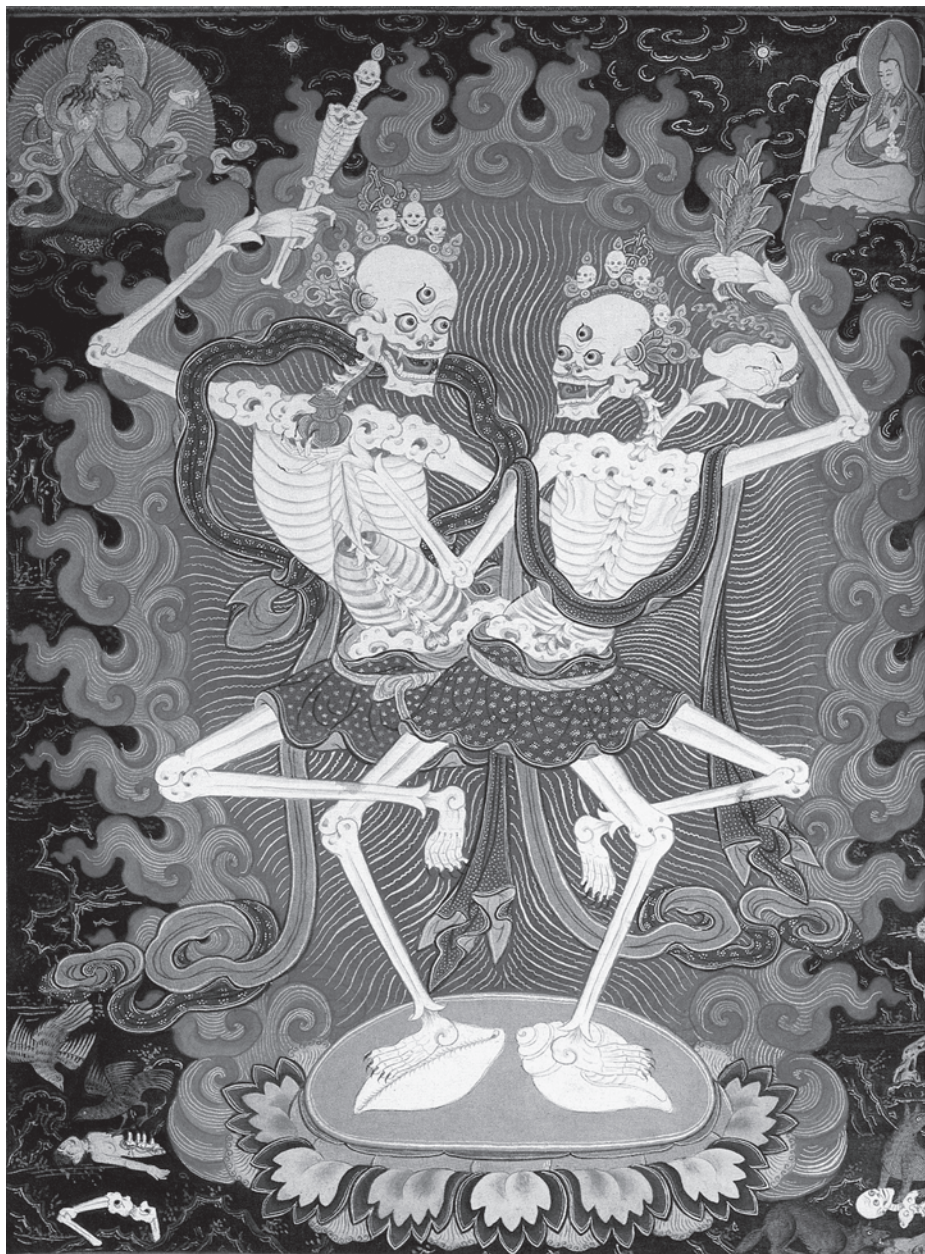
преодолению барьера перед убийством, но если его снятие не сопровождается соответствующим уровнем духовного развития личности, прочими духовными императивами, то мы получаем чудовище вместо человека.*

Именно во избежание таких последствий обучение боевым искусствам на Востоке всегда начинается с духовного развития личности, с выработки строгих норм поведения и этических правил, которые превращаются в неотъемлемую часть психики обучаемого; для него боевое искусство становится не самоцелью, но лишь одним из возможных путей духовных исканий. Великие Учителя говорят: только тогда, когда, взяв в руки меч, человек почувствует, что лишь спокойствие, мир и любовь к врагу наполняют его сердце, можно утверждать, что он чего-то достиг.

Впрочем, вернемся в прошлое, в далекие времена Падмасамбхавы, и продолжим рассказ о его биографии, которая еще не раз удивит нас.

Итак, освободив сознание женщины и ее сына от пут сансары, Падмасамбхава отправился в Индию на Прохладное Сандаловое кладбище. Здесь он ровно пять лет практиковал медитацию, которая называется Сосаника, что значит «Часто повторяемая на кладбищах». Цель этой практики — прочно запечатлеть в сознании адепта три исходные истины буддизма: истину о преходящем характере существования всех мирских феноменов, истину о страдании, неизменном спутнике жизни и смерти, и истину о пустоте и иллюзорности всего сущего, о его неспособности к самостоятельному существованию. Такому осознанию весьма способствовали постоянное созерцание похорон, скорби родственников, наблюдение за сражениями кладбищенских животных за человеческие останки, а также неизменное зловоние, исходящее от разлагающихся трупов. Кроме того, кладбище, одно из мест наибольшего скопления энергии земли, больше всего подходит для получения самых сильных впечатлений. Добавим, что Падмасамбхава все пять лет питался лишь той пищей, которую родственники, согласно обычаю, оставляли для умершего, — как правило, это был вареный рис, — одеждой же ему служили только саваны мертвецов. А когда случился голод и умершим перестали оставлять еду, Падма сумел трансмутировать мясо трупов в чистую пищу и питался ею, а одеянием ему стали служить кожи мертвых. Благодаря такому образу жизни и постоянному сосредоточению в медитации Падмасам-

* Молодые ребята, участвовавшие в Афганистане в ближних боях, много раз рассказывали мне, что постоянные рукопашные убийства развивают в человеке непреодолимую жажду постоянно видеть кровь. В мирной жизни одни для утоления этой жажды ходят на среднеазиатский базар смотреть, как режут животных, другие же могут просто идти по улице и неожиданно для себя, то есть совершенно бессознательно, вонзить нож в спину случайного прохожего. К сожалению, сегодня мы получаем столь же психически изуродованное поколение молодых людей, возвращающихся с чеченской войны.

Илл. 15. Читипати, владыки кладбищ

бхава подчинил всех духовных обитателей этого кладбища и заставил их служить ему.

Тем временем Индрабодхи, царь страны Ургьян-Уддияна, окончательно отпал от буддистской веры, более того, сделался ее врагом, и его примеру последовали все его подданные. Бороться с врагами истинной веры — священный долг истинно верующего. И Падмасамбхава принял облик одного из гневных божеств, явился в таком обличье в свою родную Уддияну и лишил царя и его неверовавших подданных их тел, которые служили для них средствами накопления скверной кармы. Более того, владея мощной магией трансмутации тел, он пил их кровь и ел их плоть. Зато сознание жертв теперь было освобождено и защищено от нисхождения в ад. Каждую встреченную женщину Падмасамбхава брал себе, чтобы очистить ее сознание и наделить ее буддистски настроенным потомством.

Согласно воззрениям тибетцев, Падмасамбхава подал другим пример подлинного благодеяния, направленного исключительно на счастье живых существ. Впрочем, повторяю, что совершать такие подвиги разрешалось, более того, предписывалось только очень могущественному человеку, истинному махасиддхи. Отнять жизнь у живого существа, не обладая достаточной силой, чтобы нужным образом направить его сознание, означает совершить самый тяжелый из всех возможных грехов. Перенос своего ли, чужого ли сознания непосредственно в сферу чистой реальности — это особая, требующая огромной подготовки процедура, выполняемая с напряжением всех ставших сверхчеловеческими сил. Поэтому то, что мы с вами сочли бы злодеяниями, с точки зрения верующего тибетца выглядит великим подвигом Падмы. Увиденное во многом зависит от того, кто смотрит.

Что же касается поедания плоти трупов и питья крови врагов, то это явление было весьма распространено в древних культурах. Считалось, что если съесть сердце, печень и легкие убитого неприятеля и испить его крови, то обрешь его жизненную силу, жизненную энергию, присовокупив ее к своей собственной. Так что деятельность Падмасамбхавы полностью находится в рамках обычая. Более того, и в европейских средневековых литературных памятниках мы найдем немало сюжетов, связанных с тем, что ревнивый муж заставляет свою жену съесть сердце ее возлюбленного, убитого им.

Точно следуя предписанным правилам медитации, Падмасамбхава практиковал Сосаника-йогу еще на семи кладбищах — то есть всего таких кладбищ было восемь, как и должно быть согласно традиции, и все они находились в Индии. Его неизменными партнершами при этом были летающие по небу даки-

ни. Он передавал им свою мудрость, а взамен получал знание их учений, общаясь с ними на их собственном тайном языке, известном лишь очень высоким посвященным.

Обучение Падмасамбхавы

Говоря о Падмасамбхаве и его человеколюбивых (без кавычек) деяниях, я сознательно избегаю применения к нему слова «человек», поскольку вся его жизнь свидетельствует о его сверхчеловеческой природе. Вернувшись с кладбищ после многочисленных контактов с дакинями, столь любящими именно в таких местах передавать свои таинственные силы, Падма прибыл в Бодх-Гайя, священное место буддистов, и предался там медитации в храме. К этому времени он уже достиг очень многого в обращении с собственным телом, умел как угодно умножать его и демонстрировал свои способности окружающим, превращаясь на их глазах то в огромное стадо слонов, то в многочисленных йогоинов. Вспомним, что он был отнюдь не одинок в подобных упражнениях: до него аналогичные таланты демонстрировал великий бонский Учитель Нангжер Лодпо, да и все другие махасиддхи.

Но даже столь выдающиеся достижения не спасли Падмасамбхаву от каверзных для него вопросов. Люди спрашивали его, кто он такой, кем были его родители, а главное, кто был его Гуру, духовным наставником, Учителем. Падмасамбхава вначале горделиво отвечал, что у него нет ни матери, ни отца, ни касты, ни Гуру, потому что он — саморожденный будда, то есть Просветленный. Окружающие охотно прощали ему отсутствие матери и отца — всякое бывает, — но вот отсутствия Гуру, Учителя, индийцы перенести не могли. С их точки зрения, только демон может не иметь Гуру, а потому они смотрели на Падму как на обычного злого духа. Врать же наш герой просто не умел.

И пришлось ему идти к индийским пандитам, чтобы избежать конфликта с окружающими. Первым его наставником был махасиддхи из Бенареса, большой знаток астрономической и астрологической системы Калачакра. Благодаря такому Учителю Падмасамбхава стал весьма сведущ в калачакринской астрологии. Потом под руководством сына известного врача он в совершенстве изучил восточную медицину. Далее Падма учился орфографии и письму, в итоге выучив 64 типа письма и попутно 360 языков, включая древнеиндийский классический санскрит, а также языки демонов, богов и прочих живых существ. Он научился также работать с металлами и драгоценными камнями, создавать статуи, рисовать, изготавливать шляпы, ботинки и т. д. — словом, обучился всем существующим ремеслам и искусствам. Выучил он и теоретические основы учения буддизма, ибо до этого занимался лишь медитативной практикой, искусство которой было у него врожденным. Теперь же он мог назвать имена множества своих на-

ставников из человеческого мира, тем самым адаптировавшись, наконец, к этому миру. Дальнейшее свое обучение Падма вновь продолжил на кладбищах, а также в божественных мирах будд и бодхисаттв.

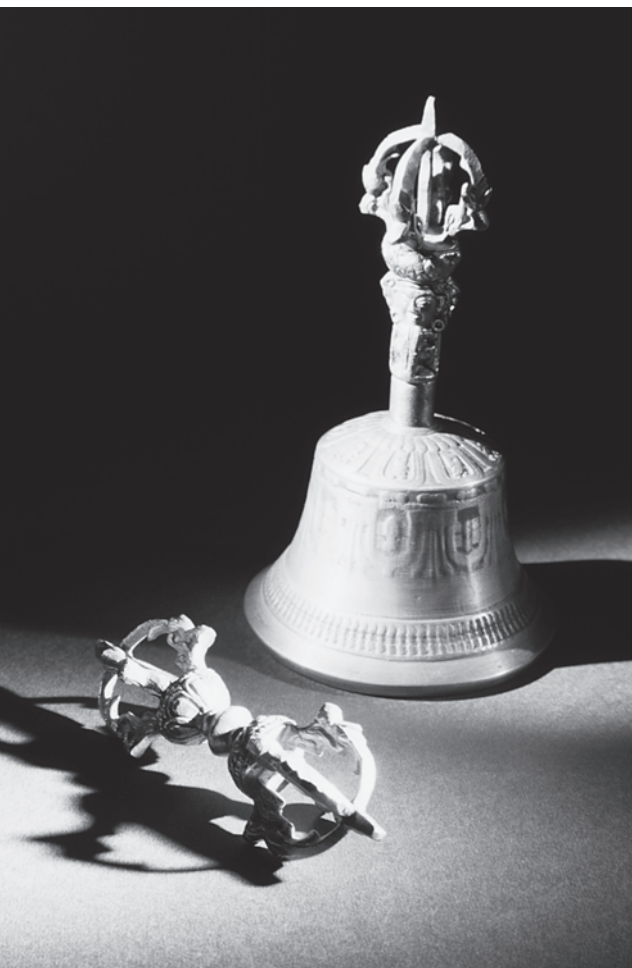
В итоге Падмасамбхава приобрел всю полноту существующих на свете практических и теоретических знаний как в мирской, так и в сакральной сферах. Но полной реализации, последней ступени высшей мистической мудрости нельзя достичь в одиночестве, и нашему герою потребовалась партнерша. Только вместе могли они достичь соединения метода (*уняя*), воплощенного в мужском начале, и мудрости, воплощенной в женщине. Следовало слить воедино *яб-юм*, мужское и женское начало.

Принцесса Мандарава

Но найти такую партнершу нелегко. Девушка должна быть достойным потомком богов, происходить из хорошей семьи, быть законным потомком правителей. Она должна быть юной и прекрасно сложенной, обликом уподобляясь райскому дереву. Она должна иметь все знаки и атрибуты совершенного знания и физического совершенства. Она должна принять на себя все предварительные религиозные обеты и неукоснительно выполнять их. Такая женщина встречается редко, она может и вообще не существовать в этом мире.

И чтобы не тратить время на поиски, Падмасамбхава решает такую девушку для себя создать. Для этого он возвращается в свою родную страну Ургьян, которой в это время правил царь Аршадхара, а его главной женой была царица Хауки. Падма застал супругов в момент соития, испустил из себя луч света и направил его в утробу царицы. После этого ночью царице приснилось, будто тысяча солнц взошли одновременно, а из короны у нее на голове вырос бирюзовый цветок. Все время ее беременности боги и богини хранили Хауки. В положенное время царица родила дочь. Осмотрев девочку, великие йоги нашли, что она обладает всеми 32 благоприятными знаками, а также решили, что она является дочерью бога и потому не может быть отдана замуж, а должна стать великой йогиней. Они нарекли ее Мандаравой, полное же ее имя было Мандарава Кумари Деви. И была она сестрой того самого Шантиракшиты, который прибыл в Тибет по приглашению царя Трисонг Дэвцэна, а потом предложил правителю пригласить в Снежную Страну Падмасамбхаву.

Когда Мандарава достигла возраста 13 лет, сонмы высокопоставленных женихов начали просить ее руки, но она твердо настаивала на том, что должна посвятить себя исключительно духовной жизни. Ее отец, царь Аршадхара, поначалу разгневался, однако решимость принцессы была столь велика, что ему оставалось только построить для нее и ее пятисот служанок роскошный монастырь, где девушки и уединились.

Илл. 17. Колокольчик ламы (символ мудрости, женского начала) и ваджра (символ метода, мужского начала)

Решающим аргументом, смягчившим гнев строгого отца Мандаравы, послужило такое престранное событие. Служанка царицы Хауки была послана на рынок за мясом, пригодным для правительницы, но не нашла там ничего подобного. Тогда Хауки тайком попросила свою дочь Мандараву отыскать для нее подобающее мясо, но и принцесса потерпела неудачу в своих поисках. Однако ей страстно хотелось удовлетворить желание матери, и Мандарава отрезала кусок мяса от валявшегося на дороге трупа ребенка. Мать наказала принцессе потушить мясо, что та и сделала. Кушанье было предложено строгому царю, и, отведав его, тот поднялся над своим стулом и полетел, чувствуя себя в полете столь свободно, словно всю жизнь ничем другим и не занимался. Аршадхара понял, что его угостили волшебным мясом человека, который семь раз перерождался брахманом. Поэтому он послал Мандараву принести остатки трупа и превратил их в магические пилюли, затем аккуратно уложил их в ящичек и захоронил его на кладбище, где удивительные таблетки находились под охраной дакинй.

Но вот пришло время надлежащим образом обучить Мандараву. Ради этой благой цели Падмасамбхава на облаке улетел с озера Дханакоша, служившего тогда его обителью, и на облаке же прибыл к принцессе. Он предстал перед монахинями в лучах радуги, по случаю его

прибытия воздух наполнился звуками литавр и ароматами чудесных благовоний. Конечно же, Мандарава пригласила его в свой монастырь, где он и проповедал буддистское учение. Падма сообщил принцессе о своем божественном происхождении, поведав, что, по сути, он является воплощенным буддой Амитабхой и

даром изначальной Пустоты, являющейся истинной сущностью всех вещей, а также людей и богов.

Однако и божественных созданий подстерегает случай. Пастух, постоянно гонявший стадо мимо монастыря, заметил в нем Падмасамбхаву и донес царю, что его дочь отнюдь не столь добродетельна и невинна, как думают окружающие, поскольку живет с молодым красавцем-брахманом. Царь вначале не поверил, но негодяй пастух привел свидетелей.

Конечно же, после этого царские стражи схватили и связали Падмасамбхаву, которого царь повелел сжечь. А несчастную красавицу Мандараву обнаженной столкнули в наполненную колючками глубокую яму, решив держать ее там целых 25 лет.

Стражи догола раздели прекрасного Падму, надели ему на шею веревку и накрепко привязали его к столбу, специально поставленному на развилке трех дорог. 17 000 человек носили к столбу поленья и сосуды с кунжутным маслом. Длинный кусок черного полотна смочили в этом масле и с головы до ног обернули им Падму, а потом еще и обвязали его листьями пальмы. Все принесенные дрова были обильно политы собранным доброхотами маслом и подожжены. Костер полыхнул до небес, дым от него скрыл от глаз и солнце, и само небо. Толпа получила полное удовлетворение, и довольные граждане отправились по домам обсуждать происшедшие яркие события, которыми была так бедна их жизнь.

Но боги не бросили своего ставленника в беде: они заставили землю содрогнуться, создали на месте костра озеро, а горящие поленья разбросали по сторонам. И когда царь на седьмой день послал министра полюбоваться делом своих рук, того ожидало поистине незабываемое зрелище. На месте костра красовалось окруженное радугой озеро, по берегам которого полыхал огонь, а в центре всего этого в цветке лотоса восседал ребенок лет восьми, и аура его была прекрасна. Восемь девушек прислуживали мальчику, и внешность каждой была в точности подобна облику принцессы Мандаравы. Король не поверил докладу министра, решив, что тот просто сошел с ума, и отправился на место происшествия лично. Тут уж он сам не поверил своим глазам, а Падмасамбхава — ибо, конечно же, это был он — вдобавок еще и сообщил ему, что не знает ни боли, ни наслаждения и ничто не может повредить его божественному телу. Аршадхара протер глаза и повелел немедленно вытащить из ямы и привести Мандараву, которую и отдал Падме безоговорочно вместе со всем своим царством.

Падмасамбхава знал, что вскоре для него наступит время покинуть Индию и отправиться в Тибет, ибо ему были открыты прошлое, настоящее и будущее. Но Мандараву он не считал нужным брать с собой и сказал ей об этом. Та расплакалась и попросила обучить ее тайнам йоги. Несколько лет посвятил Падма этому обучению. А потом однажды он увидел кладбище, на котором животные умирали от голода, так как не было новых трупов. Без размышлений он предло-

жил им на съедение свое собственное тело, но оно было не грубым, как у обычных людей, а тонким, божественным телом, а потому не годилось в пищу несчастным зверям — те просто не могли его съесть. Тогда наш герой пригласил Мандараву и объяснил ей, что если она из сострадания отдаст свое нынешнее тело на съедение диким тварям, то в следующей жизни она непременно переродится в Тибете и, странствуя по жизням, они не раз еще встретятся. Принцесса безропотно отправилась на кладбище, где и была благополучно съедена.

Думаю, что даже ко многому уже привыкший читатель ужаснется поведению нашего героя. И совершенно напрасно. Падмасамбхава поступил вполне по-махасиддхски, то есть сострадательно. Дело в том, что милосердное принесение своего тела в жертву ради спасения живых существ есть богоугодное дело с точки зрения истинного буддиста, и пример такого поступка показал сам основатель буддизма Будда Шакьямуни, живший в Индии в VI веке до н.э.

В одном из своих прошлых перерождений, будучи большим белым слоном, Будда забрел далеко в лес и там на поляне увидел умирающих от жажды и голода людей, бежавших со своей родной земли из-за постигших ее бедствий. Увидев слона, люди очень испугались, думая, что сейчас он просто растопчет их, однако были столь истощены, что не могли сдвинуться с места даже перед лицом смертельной опасности. Слон же ощутил острую жалость к этим несчастным и решил их спасти. Он показал им дорогу к чистому озеру, из которого они напились, а затем бросился вниз с высокого обрыва, и люди смогли поесть его мяса. Восстановив силы, путники пошли дальше, славя прекрасного белого слона, который тем временем уже получил в награду за свой поступок гораздо более высокое перерождение, причем именно потому, что двигало им не желание получить выгоду, а чистое сострадание.

Падмасамбхава просто подтолкнул принцессу Мандараву к тому, чтобы она воспроизвела тот образец поведения, который дал Будда Шакьямуни, и теперь ее ждало еще более высокое рождение, чем то, что она имела в этой жизни. Так что на Падмасамбхаве нет вины, но есть заслуга. В этой жизни Мандарава была еще не готова следовать за Падмой в Тибет, и ей предоставили возможность обрести новую жизнь и новое тело.

Прибытие Падмасамбхавы в Тибет

А Падмасамбхава тем временем держит путь в Тибет, он уже совершил остановку всего в двенадцати километрах от Лхасы. Трисонг Дэвцэн выслал ему на встречу двух своих министров с письменными приветствиями и с множеством

Илл. 18. Монастырь Эрдени-дзу в Монголии. Святыни храма

подарков в сопровождении 500 всадников. Собственный великолепный жеребец Трисонга Дэвцэна под золотым седлом шел в поводу, предназначенный для нашего героя. Достигнув места стоянки Падмы, вся многочисленная делегация, утомленная дорогой, страдала от жажды, но нигде окрест не было воды. Тогда Падмасамбхава взял длинный жезл, ударил им в скалу, и из камня забила вода, так что и люди, и кони смогли полностью утолить жажду. Место это существует до сих пор, оно священо для буддистов, ведь здесь по-прежнему из скалы истекает вода, рассказывая о дивном подвиге Падмы. Называется это место Цзонпахилхачу, что в переводе означает «Божественный нектар для конницы».

Утолив жажду, процессия двинулась в обратный путь, и в семи километрах от Лхасы навстречу Падмасамбхаве выехал сам царь, сопровождаемый массой народа. Под звуки музыки череда одетых в маски танцоров втянула Падму в свой танец, так что в Лхасу он прибыл вместе с ними, и празднество было нескончаемым. Однако до этого произошел весьма примечательный инцидент, из которого становится ясно, что смерть от скромности нашему герою не грозила. Когда царь и Падмасамбхава встретились, Падма не стал, как это принято в Тибете, приветствовать Трисонга Дэвцэна простиранием. Видя, что правитель явно ждет от него этого общепринятого знака уважения, Падмасамбхава сообщил, что царь имеет чисто земное происхождение, тогда как его гость саморожден из лотоса и прибыл сюда для блага царя и его подданных, поэтому царь должен совершить простирание перед Падмой. Махасиддхи указал рукой на царя, и огонь брызнул из-под его пальцев, спалив царские украшения, а вслед за этим прогремел гром и земля содрогнулась. Не устояв перед столь весомыми аргументами, Трисонг Дэвцэн, его свита и вся собравшаяся толпа простерлись ниц перед Падмасамбхавой.

Бон и буддизм

После этого Падма вместе с царем отправились к монастырю Самье, тому, что начал строить Шантиракшита, которому не суждено было закончить это дело. Как помнит внимательный читатель, приверженцы бон посылали на стройку своих злых духов, и за ночь те успевали разрушить все, что удавалось возвести за день. Проповеди Шантиракшиты не оказывали на них решительно никакого влияния.

Падмасамбхава вежливо попросил ехидно ухмыляющихся бонцев сесть по левую руку от царя, а буддистов — по правую. Начался теоретический диспут, в котором бонцы потерпели сокрушительное поражение. По правилам, проигравший в споре должен был принять учение победителя и во всем подчиниться ему. Однако шен настаивали на том, чтобы провести еще и соревнование в магических силах. Но и в этом нашему герою бояться было нечего. Шен Трэнпа Намка на глазах у всех вызвал *ла* (жизненную силу) только что умершего министра Нама

Тогра Лугонга и возвратил его к жизни, и это видели все. «Вот какими силами обладают жрецы бон», — радовались бонцы. Удостоверившись, что Трисонг Дэвцэн поверил всему происходящему и принял сторону бон, Падмасамбхава приступил к разоблачению фокуса. Жестом он остановил призрак министра и приказал ему назвать свое тайное имя. Дело в том, что у каждого тибетца, будь он бонцем или буддистом, помимо общеизвестного есть еще и тайное имя, которое знают лишь он сам и его Учитель, — имя это дается при получении секретного посвящения, которое не минует никого из живущих в Тибете. Оживший покойник в отчаянии закричал, что не знает своего тайного имени, и трусливо бежал, подгоняемый искрами, летящими от ваджры Падмасамбхавы. Человек не может не знать своего тайного имени, и махасиддхи наглядно доказал, что бонцы не воскресили покойника, но лишь вызвали его призрак. Царь признал победу буддистов и повелел всем бонцам немедленно, не сходя с места, принять буддизм.

Буддисты тут же запустили в оборот версию, согласно которой бонский Учитель Шенраб вовсе не был божественным воплощением, а был обыкновенным мальчиком. У него были ослиные уши, и чтобы скрыть их, ему приходилось носить на голове шерстяную повязку (вспомним «рогатый» головной убор царей Шанг-Шунга). И вот этого мальчика, жившего в городе Нам Шовон в тибетской провинции У и происходившего из рода Шен, в возрасте 13 лет похитили духи. Целых 13 лет они носили его по всему Тибету, и все эти годы он не встречался ни с одним человеком. Духи научили его видеть, какой дух в каком месте обитает и какие ему следует делать подношения, какую пользу или вред он может принести, какие ритуалы надлежит перед ним исполнять, и в возрасте 26 лет вернули его к людям, на землю. И весь бон — это всего-навсего культ духов. А когда самого Шенраба спросили, что, собственно говоря, он умеет, тот якобы ответил: «Я практиковал всего три вида бон: это ритуалы подавления духов вниз, ритуалы почитания богов-предков вверх и ритуалы охраны домашнего очага посередине». Все эти виды бон называются Чабнаг, или Черные Воды. Вот и вся мудрость Шенраба.

С тех пор как, проиграв Падмасамбхаве в споре, все бонцы разом приняли буддизм, очень трудно стало отличить бон от буддизма. Во-первых, бонцы стали стилизовать свои тексты под буддистские и органично вписывать в них чисто буддистские учения. Во-вторых, Падмасамбхава подчинил себе всех духов и богов, ранее находившихся под управлением бон, но не уничтожил их самих и их культы, а просто включил в свой пантеон в качестве хранителей Учения. Такая тактика вообще характерна для буддизма: придя в чужую страну, буддисты не воюют с туземной верой, но включают ее в свою, как бы вбирая ее. Традиция Падмасамбхавы в наибольшей степени вобрала в себя элементы бон, так что бон и буддизм в ней тесно взаимодействовали, заимствуя друг у друга, переливаясь друг в друга. Поэтому очень трудно выделить для анализа чистый бон и чистый

тибетский буддизм: описывая бон, все время опасаясь встретить заимствование из буддизма, а описывая то, что принес в Тибет Падмасамбхава, боишься столкнуться как раз с бонскими традициями.

Но все это не так важно, а главное то, что многострадальный монастырь Самье наконец был достроен, так как днем его возводили люди, а ночью — подчиненные Падмасамбхавой духи. Буддизм, казалось бы, окончательно воцарился в Тибете, потому что те бонцы, которые все-таки имели мужество его не принять, были высланы в дикие и пустынные северные окраины, а также в Непал и в Монголию.

Еще Цогель

А Падмасамбхаве благодарный царь Трисонг Дэвцэн преподнес в подарок шестнадцатилетнюю Еще Цогель, которая заслуживает отдельного рассказа. Надо сразу сказать, что была она, в отличие от нежной принцессы Мандаравы, сильной и мужественной женщиной и потому прочно завоевала место супруги и лучшей ученицы Падмы, ей он передал все свои знания и навыки, а также ряд чрезвычайных миссий.

Еще Цогель явилась в мир как земное воплощение небесной дакини, а дакини являются наилучшими партнершами для мощных йогических практик, которым имеют обыкновение предаваться махасиддхи. Падмасамбхава лично провел ее по пути йогических посвящений и практик, но настал момент, когда для успешного прохождения дальнейших этапов ей потребовался другой партнер. Падма, ее Учитель, повелел ей немедленно отправиться в Непал и отыскать шестнадцатилетнего юношу по имени Атсар Сале. Еще Цогель быстро нашла этого прекрасного парня, который был послан ей навстречу самой судьбой, но увы, он был рабом, а денег на его выкуп у нее не было. Но в это время в дом очень богатого торговца принесли тело его сына, павшего в войне, которую тогда вел Непал. Обезумевшие от горя родители были готовы взойти вместе с ним на погребальный костер, но тут к ним подошла наша героиня и пообещала вернуть к жизни их сына, если они выкупят предназначенного ей юношу. Конечно же, убитые горем родители согласились выкупить для нее хоть самого бога.

Еще Цогель взяла шелковое покрывало, сложила его вчетверо и накрыла им труп юноши. Потом она направила свой палец в сердце умершего, и тело его начало согреваться. Тогда она уронила ему в рот каплю своей слюны и прошептала ему на ухо тайную мантру. Руки Еще Цогель коснулись глубоких ран на теле юноши, и они тут же зажили. Убитый стал постепенно пробуждаться и

Илл. 19. Белая дакия

наконец пришел в сознание. Родители были вне себя от радости, а Еше Цогель получила желаемое.

Надо сказать, что тот, кто встал на путь йоги, всегда должен уметь своим искусством обеспечить себя деньгами, если они ему требуются. Недаром же Падмасамбхаву учили тачать башмаки, ткать ковры, делать ювелирные украшения и т. д. По индийским и тибетским правилам, человек должен уметь сам содержать себя. Так, когда родители Будды Шакьямуни посватали за него нравившуюся ему девушку, родители невесты вначале ответили отказом на том основании, что он изнеженный царский сын и не владеет никаким ремеслом, а потому не сможет в случае нужды содержать их дочь, которая, конечно же, также принадлежала к царскому роду. И лишь после того как принц Гаутама продемонстрировал великолепное владение многими профессиями, согласие на брак было получено. Для тренированной же Еше Цогель и воскресить мертвого было не в труд. Но тут перед ней предстал сам Падмасамбхава и сообщил, что способность воскрешать мертвых относится к числу низших *сиддхи* (сверхъестественных сил), а потому не следует этим гордиться и сосредотачиваться на этом.

Еше Цогель уединилась с Атсаром Сале в пещере для медитаций, в результате которых девушка научилась спокойно проходить сквозь стены, и старение и болезни больше не могли затронуть ее тело. А юноша стал духовным сыном Падмасамбхавы и Еше Цогель.

Конечно же, жизнь и поведение Еше Цогель вызывали массу нареканий со стороны обычных людей, более того, она стала предметом их ненависти, и они решили ее сжечь. Но Падмасамбхава не стал повторять эксперимент, учиненный им в его бытность с принцессой Мандаравой, а просто превратил Еше Цогель в свой ритуальный трезубец, и они беспрепятственно отбыли в Тибет, где он и расколдовал девушку, которую очень высоко ценил.

Однажды в ходе медитации перед Еше Цогель предстало страшное видение. Казалось, она попала в страну дакинй, где внутри огромного дворца, построенного из человеческих черепов, дакини, принявшие человеческий облик, совершали подношения Ваджрайогине — главной дакине. При этом одни отрезали для нее куски от собственных тел, другие вскрывали себе вены и выпускали для нее потоки крови, кто-то вырезал свое сердце и другие органы, а некоторые отрезали даже свои головы. Расчленив себя, они готовили подношения из своих членов и органов, и за это главная дакиня давала им свое благословение.

Еше Цогель все это показалось диким, и она спросила: зачем же они причиняют себе такую боль и расстаются с жизнью, не завершив свой путь? Ей ответили, что нельзя откладывать то, что может обрадовать твоего Гуру, и поскольку мы владеем этим телом лишь одно мгновение, нельзя ни секунды медлить с принесением его в дар, постыдно останавливаться в нерешительности, так как от этого теряются все былые заслуги и возникают все новые препятствия.

Еще Цогель пересказала все это своему Гуру Падмасамбхаве и пожелала исполнить для него такую же практику. Но Падма, бестрепетно пославший на съедение принцессу Мандараву, на сей раз ответил, что это видение было чисто символическим, обозначая духовное принесение всего себя в дар Учителю, и для Еще Цогель нет никакой необходимости совершать реальное жертвоприношение своей плоти — у нее другая миссия на земле.

Еще Цогель была посвящена Падмасамбхавой во все высшие практики и достигла всего, чего только можно было достичь на этом пути высшей тантры. Оставаясь на земле еще долгое время после ухода Падмы, она должна была спрятать в *термы* — тайные хранилища — все книги, написанные ее Учителем, изустно передать людям все его тайные наставления, полностью описать его житие и также спрятать этот текст в термы. Именно для выполнения этих задач она на-долго пережила Падму.

Уход Падмасамбхавы

А Падмасамбхава, который ничего не делал по-человечески, удалился с земли таким образом. К нему спустился с небес голубой конь, окруженный радужным сиянием, послышалась небесная музыка и появился целый сонм божеств. Падма вскочил в седло, конь рванулся вверх и вместе со всадником и с сопровождающими их божествами растворился в солнечных лучах.

Еще Цогель добросовестно записала все события чудесной жизни Падмасамбхавы. Составленный ею намтар призван был служить образцом поведения для всех живых существ, которым следует стремиться стать махасиддхи ради того, чтобы столь же бестрепетно и мощно, как Падмасамбхава, распространять и защищать буддистскую веру и постоянно помнить, что данная нам земная жизнь не имеет самостоятельной ценности, она — лишь мгновение в океане вечности. Смысл и оправдание этой жизни состоит лишь в том, что она может стать ступенью на пути к Просветлению как к единственно истинной цели. Только исходя из такой иерархии ценностей можем мы понять действительное значение поступков махасиддхи Падмасамбхавы.

А о том, какие именно учения принес Падмасамбхава на землю Тибета, вдумчивый читатель узнает из следующей главы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

ТРЕБУЮЩАЯ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ, ТАК КАК В НЕЙ БУДЕТ РАССКАЗАНО О СУЩНОСТИ УЧЕНИЙ, КОТОРЫЕ ПАДМАСАМБХАВА ПРИНЕС В ТИБЕТ

прибытием в Тибет Падмасамбхавы в эту суровую страну приходит буддизм тантры, буддизм Ваджраяны, самая жесткая форма буддизма. Из биографии, вернее, намтара Падмасамбхавы читатель уже понял, что учение это «не для слабонервных». Чтобы понять его суть, нам придется вначале познакомиться с другими течениями буддистской мысли и рассмотреть житие Будды Шакьямуни.

Житие Будды Шакьямуни

Итак, согласно мнению нынешних ученых-буддологов, исторический Будда жил и работал на благо человечества в Индии в VI веке до н.э. Правда, буддисты имеют ряд других мнений относительно времени его земной жизни, однако не будем вдаваться в хронологические разночтения. До появления на земле каждый будда несет за собой длинную череду различных перерождений, в своем же предпоследнем перерождении, уже обретя статус бодхисаттвы, он обычно пребывает в чистой небесной стране, которая носит название Тушита и является одним из райских мест.

О том, что на земле должен появиться будда, индийские боги обычно узнают за тысячу лет. Тогда они отправляются в радостный град Тушиту и спрашивают, готов ли очередной бодхисаттва добровольно принять на себя земное тело и

неблагодарный труд по спасению человечества. Не было случая, чтобы им ответили отказом, и наш бодхисаттва не стал исключением. Он просто посмотрел, настало ли время для его появления в мире. Дело в том, что когда люди живут на земле по сто тысяч лет, они не замечают неизбежности рождения и смерти, а потому проповедь будды для них бесполезна; когда же люди живут на земле менее ста лет, они слишком греховны, чтобы их можно было попытаться спасти. Взглянув на землю, будущий будда увидел, что люди живут там по сто лет, а это самое время для его прихода.

Местом своего рождения бодхисаттва выбрал Индию, а в ней — город Капилавасту. Выбрал он для себя и родителей, принадлежащих к касте кшатриев — воинов и правителей. Отцом его стал царь Шудходана из кшатрийского рода Шакьев, а потому исторического Будду называют Шакьямуни, то есть Мудрец из рода Шакьев. Матерью же его стала Махамайя, жена царя, которая сто тысяч веков перерождалась во все более высоких обликах и наконец достигла в этом рождении физического и духовного совершенства. Жить же ей оставалось всего десять лунных месяцев и семь дней, и этого времени как раз хватало на то, чтобы зачать, выносить и родить будущего будду. И бодхисаттва без колебаний покинул Тушиту, возложив свою корону на голову грядущего за ним будды Майтрейи.

Царица же увидела сон, что боги перенесли ее в Гималаи, их супруги омыли ее в священном озере и белый слон вошел хоботом в ее правый бок. Махамайя забеременела, а когда настал срок рожать, вошла в прекрасную рощу, схватилась за ветви дерева, как это принято в таких случаях в Индии, и чудный мальчик вышел из ее правого бока, не принеся царице никакой боли. На пятый день, по обычаю, царевича нарекли именем Сиддхартха, что значит Достигший Цели, фамильное же его имя было Гаутама (так называлась одна из ветвей рода Шакьев). На седьмой день после рождения царевича царица, как и было предсказано, умерла. Воспитывала Сиддхартху его тетя по имени Махапраджапати, ставшая женой царя Шудходаны, и она очень любила мальчика.

Астрологи предсказали, что Сиддхартха покинет дворец и станет буддой, увидев старика, больного, мертвого и отшельника. Царь решил уберечь сына от столь опасных встреч и выстроил для него дивные дворцы, окруженные высокой стеной, а в подходящее время женил его на прекрасной принцессе, которая родила ему сына Рахулу.

Если бы царевич жил обычной жизнью и встречался не только с ее радостями, но и с горестями, может быть, ничего бы и не случилось. Но попытки уйти от судьбы обычно приводят к обратному результату, и царевич устремился навстречу избравшему его року. Он попросил колесничего, который в Индии часто бывает также и Наставником, Учителем, показать ему мир за оградой дворца. В первый же выезд Сиддхартха увидел бредущего навстречу древнего старика и

услышал от колеснического, что эта участь не минует никого. Вся радость юности покинула нашего героя. Вторым выезд принес ему встречу с носилками, на которых лежал человек, страшно страдавший от неизлечимой болезни. Колесничий сообщил, что и эта участь не минует никого. Радость здоровья и силы покинули юношу. На третьей прогулке навстречу царской колеснице двигалась печальная похоронная процессия, которая несла как бы увядшее тело. Колесничий объяснил, что это смерть, она постигает каждого живущего. В четвертый раз встретили они отшельника, и возникший сказал, что этот человек следует истинному Учению.

Задумчивым вернулся Сиддхартха в свой дворец. Танцовщицы и музыканты, развлекавшие его, устали и заснули, разметавшись во сне. Царевич взглянул на них, и ему показалось, что он на кладбище и перед ним одни трупы. И понял Сиддхартха Гаутама, что пора коренным образом изменить свою жизнь, так как мирские радости после пережитых потрясений потеряли для него всякий смысл. Он зашел взглянуть на спящих жену и сына, а затем покинул родной город Капилавасту. Было ему в это время 29 лет. Как только царевич вышел за городские ворота, перед ним предстал демон Мара и пообещал отныне следовать за ним как тень, то искушая соблазнами, то наводя ужас, чтобы заставить царевича сойти с избранного им пути. К каждому, кто вышел из сферы обыденной жизни и углубился в дебри своего бессознательного, из глубин его собственной сущности непременно выходит такой демон и уже никогда не покидает его.

Но наш царевич сразу же восстал против Мары и отверг его злые чары. Доехав до берега реки, он сошел с коня, которого звали Кхантака, и тут же поменялся одеждой с нищим отшельником. Затем Сиддхартха подошел к любимому верному Кхантаке и на прощание поцеловал его в мягкие шелковые губы. Конь не вынес предчувствия разлуки с хозяином и пал замертво. Сиддхартха продолжил свой путь в совершенном одиночестве, ибо только так можно обрести истину пути.

Шесть лет странствовал царевич по Индии, переходя от одной группы отшельников к другой, усвоил все их учения и испытал на себе все предложенные ими практики. Но ни одно учение и ни один Учитель не смогли принести ему желанного покоя души — а это было все, чего он искал. Наконец, выйдя ни с чем из очередной строгой аскезы, он сел под прекрасным деревом бодхи на подстилке из священной травы куша, гасящей воздействие энергий земли, и сосредоточился в глубокой медитации. Сразу же он смог вспомнить все свои предыдущие перерождения. Впрочем, сделать это может каждый — нужно предельно сосредоточиться и секунда за секундой прокрутить в обратную сторону свой нынешний день, затем предыдущий, дойти таким образом до часа своего рождения и времени пребывания в утробе, затем воссоздать в памяти момент за моментом свою предыдущую жизнь и продолжить странствие по всем бесчисленным пере-

рождениям. Сиддхартхе же все это открылось сразу, в едином акте мгновенного видения. И из самых глубин его существа пришло к нему ясное осознание четырех благородных истин: во-первых, что череда смертей и рождений неразрывно связана со страданием, во-вторых, что это страдание имеет причину, в-третьих, что возможно это страдание прекратить, и наконец, в-четвертых, что есть путь, ведущий к концу страдания. А затем все знание прошлого, настоящего и будущего открылось ему и вошло в самую сердцевину его существа, и чувство глубокого и нерушимого покоя запечатлелось в его сердце.

С этого момента бывший царевич Сиддхартха словно бы пробудился от тяжелого, гнетущего сна и стал буддой, Пробужденным, Просветленным, Всеведущим. Ему было больше нечего познавать, нечего достигать, ибо он стал махасиддхи, «великим достигшим». Исторический Будда, перед которым были тысячи будд (мы же помним лишь Кракучанду, Канакамуни, Кашьяпу и знаем о грядущем будде Майтрейе), вышел из глубокой медитации, из своего самадхи, и коснулся рукой земли, призвав ее в свидетели того, что он достиг Просветления и что на земле появился четвертый будда нашего исторического цикла. Жест «прикосновения к земле» запечатлен на многочисленных скульптурных и живописных изображениях Будды Шакьямуни, или Гаутамы Будды, как его обычно называют.

Илл. 20. Будда Шакьямуни

Итак, стояло ясное безоблачное индийское утро, безжалостный свет солнца заливал все вокруг, и новоявленному Будде стало страшно. Никто не давал этому небесному пришельцу изначального полного знания; чтобы достичь его, он должен был пройти весь путь человека, проникнуться его страданием и состраданием к нему. У Будды больше не было никакой опоры — ведь он отверг все учения и опыт всех Учителей, проторенному пути которых он отказался следовать. Теперь надо было идти одному, «подобно слону в слоновьем лесу», — у него не могло быть равного ему спутника, так как на земле не может быть одновременно двух будд. Оставалось опираться лишь на самого себя, а это самая рискованная из всех возможных позиций. А главное, предстояло провести людей по открывшемуся ему пути Освобождения, принять на себя подвиг Учительства. Внутреннему взору Будды немедленно представилось, как люди не поверят ему, когда он попытается передать им свой опыт, как они не поймут его и как исказят его слова.

И первым импульсом Будды было воспользоваться плодами своего Просветления и немедленно уйти в радостный покой и блаженство нирваны. Но индийские боги не дремали и тут же напомнили о предопределенной ему великой миссии спасения человечества. И Будда, которого до сих пор все знали как простого царевича Сиддхартху, начал проповедовать буддистское учение, буддистскую дхарму, по возможности приспособляясь к восприятию окружающих его людей. Ибо, как говорит прекрасный буддистский текст *Дхаммапада*, если что-либо должно быть сделано — делай, совершай с твердостью, так как расслабленный странник только больше поднимает пыли.

Хинаяна

Следуя этапам своего собственного духовного пути, Гаутама Будда начал учить *Малой Колеснице*, пути *Хинаяны*, согласно которому человек только самостоятельно, без всякой посторонней помощи может достичь Освобождения из печального круговорота смертей и рождений, и освободить он может только самого себя. На этой тернистой тропе со множеством препятствий никто никому не подает руку помощи, каждый сам должен нести свой крест.

Следуя учению Хинаяны, мы встречаем прежде всего фигуру *пратьекабудды* — человека, который должен искать Просветления в то время, когда в мире нет будды. Принц Сиддхартха Гаутама вынужден был идти именно этим путем. Пратьекабудда достигает Просветления совершенно самостоятельно и немедленно покидает мир, уходя в нирвану, унося с собой весь свой духовный опыт, ни для кого не становясь Учителем. Именно таким было первое желание Будды Шакьямуни после обретения Просветления.

Но когда в мир приходит будда и начинает свою проповедь буддистской дхармы, то есть в мире появляется Учитель, появляются у него и ученики —

шравака, что значит «слушающие голос». Шравака, в свою очередь, делятся на четыре категории согласно той ступени, на которой они стоят на буддистском Пути. На первой ступени стоит *сропатанна*, только что вступивший в поток, который ведет к нирване, к великому покою. На второй ступени Пути стоит *сакридагамин*, продвинувшийся уже настолько, что ему осталось еще всего один раз переродиться в нашем мире, который называется мир *Саха*, и на этом его страдания закончатся. Ступенью выше стоит *анагамин*, который настолько освободился от всех страстей и желаний, что уже не возродится в нашем мире, но непосредственно перейдет в высшие миры. И наконец, на наивысшей ступени Хинаяны мы находим фигуру *архата*, который уже здесь, на земле, достиг нирваны «с остатком» в виде собственного тела, а после гибели тела перейдет в «нирвану без остатка», которая в Хинаяне понимается как полное уничтожение.

Каждый шаг на этом пути обусловлен огромным количеством перерождений в круге смертей и жизней, так что дорога может длиться долгие миллионы лет. Впрочем, индийцы, любовь которых к очень большим числам общеизвестна, могут предложить еще и не такой срок.

Учение Хинаяны существует по сей день, но не дай вам бог применить этот термин в присутствии его представителей — после этого всякая возможность беседы будет исключена. Дело в том, что термин *Хинаяна*, *Малая Колесница*, был введен европейскими учеными в XIX веке, и в названии *Малая* носители учения усматривают весьма уничижительный смысл. Сами же они называют свою школу *Тхеравада*, *Учение Старейшин*, и считают, что именно они хранят в исходной чистоте первоначальное, истинное Учение Будды Шакьямуни, а все остальное — просто позднейшие искажения, отступления от изначального Учения. (Впрочем, термин «буддизм» также всецело европейский, сами носители учения Будды называют себя в соответствии с принадлежностью к определенному направлению — например, *тхеравадины*.)

Однако на самом деле все обстоит несколько иначе. Как мы помним, первым импульсом царевича Сиддхартхи, внезапно ставшего всеведущим буддой, Просветленным, было острое желание немедленно уйти в нирвану, не взваливая на себя нестерпимые тяготы Учительства. Но зрелое размышление и советы богов заставили его вспомнить о своей миссии спасения человечества и вообще всех живых существ, и он принял совершенно осознанное решение остаться на земле и начать проповедь своего Учения, рассказ о том, что открылось ему в пережитом опыте Просветления. Для окружающих, близко знавших его и его семью, он был царевичем Сиддхартхой, сыном царя Шудходаны и царицы Махамайи, а вовсе не буддой, Пробужденным, и потому не мог излагать свои новые знания во всей полноте — его бы просто не поняли. И он начал с первой ступени своего нового опыта, проповедуя для начала Хинаяну. Лишь много лет спустя, уже подготовив своих учеников, он поведал им учение *Махаяны*, *Большой* или

даже *Великой Колесницы*, Великого Пути, и проповедь эта запечатлена его слушателями в знаменитой *Лотосовой сутре*.

Махаяна

В чем же суть этого учения, излагающего второй этап духовного опыта Будды? Прежде всего в том, что идеал *архата*, столь характерный для Хинаяны, сменился идеалом *бодхисаттвы* — человека, который достиг порога Просветления, границы состояния будды, но не сделал последнего шага, остановился у последней черты, добровольно остался в потоке смертей и жизней, чтобы спасти из него всех живых существ. То единственное, что движет бодхисаттвой, — это безмерное сострадание, он ничему не удивляется и ничего не страшится на своем пути, каждый шаг по которому должен сопровождаться радостным покоем. Отсутствие чувства радости есть показатель серьезной ошибки, ложного шага. Путь Хинаяны вообще лишен радости, он просто суров, и спастись здесь могли только «вышедшие из дома», то есть монахи. Махаяна же открывает путь спасения для всех живых существ, так как в сердце каждого из них глубоко скрыт золотой будда, цвет которого символизирует Просветление, и задача — открыть будду в себе и дать ему возможность полностью проявиться. Все мы — потенциальные будды, все способны достичь Просветления, равного для всех. Помочь нам в этом — задача бодхисаттв, которые делают это с бесконечным терпением и мягкостью, искусно лавируя на трудном пути истинного Учения; ничто не может поколебать их абсолютной невозмутимости и равного отношения ко всем существам, как праведным, так и заблудшим.

Задача же будды — наставить бодхисаттв, открыть им и только им свое Учение во всей его полноте. То есть будда должен вначале воспитать бодхисаттв, поставить их на путь бодхисаттвы и только потом давать им всеведение, на других же этапах становления личности Учение открывается лишь частично, в зависимости от уровня духовного развития учеников. Соответственно новому этапу развития личности в Махаяне меняется также и представление о нирване, которая теперь понимается не как угасание, уничтожение, полное сгорание на огне аскетического подвига, а напротив, как наибольшая полнота жизни, исполненная радостного покоя. Именно к этому ведет путь бодхисаттвы, проложенный для всех живых существ.

Получается, Будда обманул своих адептов в первоначальной проповеди? Отнюдь нет. Во-первых, он начал проповедь Махаяны в то время, когда все слушатели учения Хинаяны еще были живы и никто не успел уйти в «нирвану без

Илл. 21. Танка «Поток сансары»

остатка» и окончательно уничтожиться в этой ложно понятой реальности. Вторых, и это самое главное, человек может понять лишь то, к чему он сам уже внутренне готов, а степень готовности у всех разная. Поэтому проповедь Будды дается в строгом соответствии с уровнем слушателей, с их способностью воспринять его слова. Но все люди разные, и как нет одной таблетки от всех болезней, так нет и одного средства спасения для всех людей. Поэтому Будда просто вынужден прибегать к самым разнообразным уловкам, которые иллюстрируют прекрасные притчи *Лотосовой сутры*.

Первая притча — о горящем доме. В давние времена в далеком государстве жил старец, владевший неизмеримыми богатствами. Но однажды его огромный дом охватило пламя, а наверху в это время беззаботно играли дети, не знавшие, что такое пожар. Старец подумал, что если просто сказать им о случившемся несчастье, они ничего не поймут и продолжат игры. Тогда он прибег к одной из своих уловок. Почтенный старец пошел к детям и с улыбкой сообщил им, что за домом на зеленой поляне их ждут запряженные повозки, наполненные разнообразными игрушками и прочими желанными вещами. Дети тут же радостно выбежали из горящего дома на поляну и таким образом были спасены. Конечно же, старец сказал детям неправду, но он не обманул их ожиданий. Его закрома были полны многочисленных сокровищ, и он тут же вручил каждому ребенку по запряженной прекрасными быками низенькой повозке, наполненной именно теми вещами, о которых мечтал каждый малыш. Горящий дом в этой притче — символ нашего с вами существования в непрерывном круге смертей и рождений, в сансаре, старец — это, конечно же, Будда, а малые дети — люди, которые не доросли до понимания правды.

Следующая притча посвящена блудному сыну, который в ранней юности покинул дом своего отца и стал нищим странником. Так бродил он по миру много лет и случайно набрел на полный несметных богатств отцовский дом. Отец мечтал о возвращении сына, надеясь передать ему все свои сокровища. Но сын не узнал ни дома, ни отца, он испугался богатого дома и сидящего перед ним богатого человека, подумав, что ничего хорошего его здесь не ждет, и стал поспешно уходить. Отец, сразу же узнавший сына, послал вслед ему гонца с поручением вернуть нищего. Гонец схватил убогого и стал силой тащить его к отцу, но странник только перепугался, решив, что пришла его смерть. От страха он упал и стал судорожно биться о землю. Добрый отец велел отпустить нищего, побрызгать ему водой в лицо и не затевать с ним больше никаких разговоров, ибо с грустью осознал все его ничтожество. Нищий оправился, встал с земли и побрел в бедную деревушку, чтобы заработать там немного денег себе на пропитание.

Тогда мудрый старец решил прибегнуть к очередной уловке. Он послал двух худых, одетых нищими гонцов, которые предложили сыну хорошую плату, если

он согласится убирать вместе с ними нечистоты рядом с домом отца. Долго наблюдал старец за сыном, затем снял с себя драгоценности, облачился в грубое платье и приблизился к нему, играя роль надсмотрщика за работами. Это продолжалось достаточно долго, для того чтобы отец смог предложить сыну остаться, увеличив плату и дав ему много еды и всякую утварь; более того, он сказал молодому человеку, что теперь он ему совсем как сын, ибо старец за все время не видел от него ничего плохого.

Прошло еще много лет, и отец стал слаб и болен, но к этому времени он уже приучил сына входить в свой дом, постепенно, под разными предлогами, ознакомил его с хранящимися в нем сокровищами. Долгое время сын жил в сознании своей ничтожности и даже не мыслил взять себе что-либо, кроме чашки еды. Однако с течением времени у него вызрели большие замыслы, он стал стыдиться своих прежних взглядов, и тогда отец всенародно объявил, что это его сын, которому принадлежат все сокровища отцовского дома. И теперь сына охватил уже не страх, а великая радость.

Так благополучно закончилась эта тяжелая история, в которой отец — это, конечно же, Будда, его богатства — сокровищница знаний Будды, а сын — это любой из нас с вами, старательно бегущий от несметных сокровищ. Отец передал сыну свое всеведение, лишь тщательно подготовив его к этому, ибо вручение такого дара до срока весьма опасно для получившего. Как говорит великолепная *Дхаммапада*, когда глупец на свое несчастье овладевает знанием, оно уничтожает его удачливый жребий, разбивая ему голову.

И наконец, третья притча — о призрачном городе. Группа людей, ведомая мудрым и опытным проводником, двинулась в путь по трудной и опасной дороге, навевающей на путников безотчетный ужас, в надежде дойти до места, где спрятаны несметные сокровища. Долго ли, коротко ли они шли, но всех их обуял страх и охватила смертельная усталость, так что они решили повернуть назад, поскольку дорога вперед была для них слишком длинна. Острая жалость к путникам вошла в сердце искусного проводника, и он возвел посреди дороги призрачный город, который дал им пристанище и кров, более того, даровал покой. Когда же наши путешественники достаточно отдохнули, призрачный город исчез, словно его и не было, ибо был возведен лишь для того, чтобы перевести дух. Ведомые проводником, люди вновь смогли двинуться в путь и достичь места, где их ожидали сокровища.

Конечно же, мудрый проводник — это Будда, группа путников — люди, впервые вступившие на путь Учения, призрачный город — это Хинаяна, созданная лишь для того, чтобы достичь хотя бы призрачной цели, дальнейший же отрезок пути — это путь Махаяны, а место сокровищ — махаянистская нирвана, истинная цель затеянного предприятия.

Ваджраяна

Но проповедь Махаяны — отнюдь не последнее слово учения Будды, ибо в нем вообще нет последнего слова. Вслед за Махаяной Будда Шакьямуни дал людям учение *тантры*, или учение *Ваджраяны*, *Колесницы Ваджры*, *Колесницы Удара Молнии*. До сих пор речь шла о пути *сутры*, подобном нити, на которую нанизаны жемчужины; *тантра* же — это непрерывность потока психики, работа с самыми тонкими энергиями мира и человека. Ваджраяна входит в Махаяну, так как идеал бодхисаттвы и махаянистское понимание нирваны в ней сохраняются. Радикальное же различие состоит в том, что путь Махаяны предполагает достижение Освобождения в течение очень многих перерождений — так, Будда Шакьямуни перерождался 550 раз, пока не получил Просветление. Путь Ваджраяны предполагает возможность достижения полного Освобождения, то есть нирваны, в течение одной краткой человеческой жизни. Но идти по этому пути могут лишь существа очень высоко развитые и духовно, и физически, способные всю жизнь посвятить напряженной и неимоверно трудной работе, чтобы поймать тот краткий — внезапный, подобный удару молнии — блаженный миг, в который их посетит Просветление и их человеческая природа преобразуется в природу будды.

Термы и тертоны

Именно это учение, учение Ваджраяны, принес Падмасамбхава в Тибет, во многом смешав его с учением бон. Будучи в Тибете, он написал множество книг, хотя и знал, что время для них еще не пришло, что эти учения не могут быть донесены до людей в своей исходной чистоте. И тогда он спрятал свои писания в мире людей, в мире змей-нагов и в небесных мирах, чтобы сохранить для будущих поколений изначальные неискаженные учения.

Такой путь показал ему бодхисаттва мудрости Манджушри, который учил Падму астрологии. Манджушри первым спрятал книги по астрологии, ибо люди тогда отрицали буддистское Учение. Но люди не смогли жить без астрологического руководства своей жизни, на них тут же обрушились болезни, сокращение сроков жизни, падеж скота и прочие несчастья. Всевидящий милостивый Авалокитешвара жалился над несчастными и попросил Падмасамбхаву вернуть трактаты и наставить в них людей. Падма выполнил это с неизменно сопутствующим ему успехом.

Сам же Падмасамбхава заложил свои писания в мире людей в *термы* — клады, разбросанные по самым разным местам, с тем чтобы его рукописи были обнаружены в должных местах должными людьми — *тертонами*. С этой целью махасиддхи наделил некоторых из своих учеников волшебной силой достигать реинкарнации в нужное время, которое определялось астрологическими вычислениями, и извлекать из кладов книги вместе со спрятанными там же сокровищами, удовлетворяя таким образом нужду людей в правильных обрядах, описание которых давалось в текстах. В сущности, эти ученики-тертоны, открыватели кладов, были воплощениями самого Падмасамбхавы, а потому в одно и то же время мог существовать только один тертон, рядом с ним не было места другому.

В итоге многие — но далеко не все — книги из кладов были обнаружены и сведены в 61 том собрания сочинений Падмасамбхавы. Они и составили канон основанной им в Тибете школы *ньингма*.

Школа ньингма

Иерархия высших божеств этой школы, как и учения Ваджраяны, начиналась с высшего, первичного будды, *ади-будды*, которым в этой школе являлся Самантабхадра; именно из его уст основатель школы получает исходное учение. Далее следуют *дхьяни-будды*; эманацией одного из них, а именно дхьяни-будды Амитабхи, является наш Падмасамбхава, саморожденный в лотосе. Рангом ниже помещаются *бодхисаттвы*, и, наконец, завершают этот ряд добровольно принявшие на себя земное тело *будды*, одним из которых и являлся исторический Будда Шакьямуни.

Итак, первотолчок, первоначальный энергетический заряд тибетская буддистская традиция получает от ади-будды Самантабхадры. Этот заряд переходит непосредственно к Падмасамбхаве, а уже от него — от одного к другому из его самых продвинутых учеников, и так проносится от человека к человеку вплоть до настоящего времени. Важнее всего здесь сохранить непрерывность линии передачи даже не самого знания, но исходного энергетического импульса, оживляющего любое знание, делающего его действенным. Если же линия передачи где-либо прерывается, учение теряет свою первоначальную чистоту и силу. К счастью, традицию ньингма минула чаша сия, учение передавалось строго от Учителя к ученику, нигде не прерываясь и сохраняя мощь исходного божественного заряда, передавая не только знание, но и первоэнергию, которая задает глубинное родство Учителя и ученика, объединяет их сущности. Учитель передает своему непосредственному ученику не только суть учения, но свою собственную суть, делая в конечном счете ученика полностью идентичным Учителю, который теперь может спокойно покинуть мир.

Школу ньингма еще называют школой *красношапочников*, так как цвет их головного убора всегда красный, что отличает их от приверженцев других школ.

Красный цвет доминирует и на танках, изображающих принадлежащих к традиции ньингма адептов. Дело в том, что каждому из дхьяни-будд (а их пять) присущ свой цвет, характеризующий качество передаваемой ими в мир энергии. Падмасамбхава является эманацией дхьяни-будды Амитабхи, которому присущ именно красный цвет, и этот красный цвет своей энергии Амитабха передает своему духовному сыну Падмасамбхаве, а тот, в свою очередь, своим непосредственным ученикам, которые несут его дальше по всей линии передачи учения. Красный цвет всегда свойствен деятельной, агрессивной, жесткой энергии, и все эти качества в полной мере присущи традиции ньингма, отличая ее от других тибетских школ.

Название *ньингма* переводится как «старая», ее часто называют «школой старых переводов», так как вместе с ней в Тибет пришла огромная волна переводов индийских буддистских текстов с санскрита на тибетский язык. Задача такого перевода чрезвычайно сложна, и в Тибете возникает целый институт переводчиков (лоцзавы), которые вместе с индийскими учеными (пандитами) вырабатывают общие правила такого перевода, унифицируют терминологию, — то есть искусство перевода ставится ими на строгую систематическую основу, превращаясь в специальную науку. Тибетские лоцзавы регулярно ездят в Индию, где совершенствуются в санскрите, и привозят оттуда священные буддистские тексты, принимаясь на родине за их перевод. Таким образом осуществляется огромный по объему и по значимости переводческий проект, который не мог бы возникнуть и быть выполненным, не будь в Тибете Падмасамбхавы, не будь его побед над бонцами и его школы ньингма, к которой и принадлежали переводчики. Представители этой школы именуют себя *ньингмана*. Впоследствии ньингма стала одной из четырех основных линий тибетского буддизма наряду с линиями кагью, сакья и гелуг.

Великая Пустота

Вместе с этими переводами, с написанными Падмой текстами и с устной передачей самого Падмасамбхавы в Тибет приходит великое буддистское учение о *Пустоте*, *Шунье*, как сущности и основе всех проявленных вещей, в разных модификациях свойственное всем школам буддизма. Я должна сразу предупредить уважаемого читателя, что изложить это учение легко и бегло не получится, придется на некоторое время перейти на более строгий язык.

Великое Ничто, Великая Пустота, Шунья — последняя основа буддистского учения и первоначало всех его построений. Шунью понимают и описывают по-разному, но суть в том, что Пустота лежит за пределами познавательных возможностей нашего разума и вне возможностей словесного выражения. Она — ничто, полное отсутствие чего бы то ни было, какой бы то ни было определенности, а потому она не имеет никакого знака, ибо любой знак призван обозначать

нечто определенное. Постичь ее можно лишь в личном опыте, в собственном мгновенном переживании, посещающем человека в особых состояниях сознания, поэтому и передать свое переживание можно не в словах, а лишь введя ученика в такое состояние.

Слова же и письменные тексты, через которые пытаются зафиксировать свое осознание Пустоты пережившие ее, служат лишь одной цели — указать на существование этого Великого Ничто в качестве единственно истинной реальности, порождающей все остальное в качестве Великой Иллюзии.

Здесь можно вспомнить мировой океан в «Солярисе», порождающий неотличимые от реальности фантомы соответственно настроенности психики человека. Можно привести и одно из буддистских описаний Пустоты, наиболее близкое к теоретическим построениям современной науки, демонстрирующее поразительные совпадения результатов анализа реальности в современной физической науке и в древних традициях.

Чтобы лучше понять буддистскую концепцию Пустоты, сделаем небольшое отступление и начнем с древнейшего канонического текста Индии — *Ригведы*, с ее знаменитого гимна 129, входящего в десятую мандалу. Этот гимн, хотя и рассматривается иногда как довольно поздняя вставка, принадлежит к корпусу текстов памятника, датируемого концом II — началом I тысячелетия до н.э.

Гимн, названный индологами космогоническим, так повествует о начале и основе мира: «Тогда не было ни сущего, ни несущего, не было ни воздушного пространства, ни неба над ним. Что в движении было? Где? Под чьим покровом? Чем были воды, непроницаемые, глубокие? Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было различия между днем и ночью. Без дуновения само собой дышало Единое, и ничего, кроме него, не было».

Что же с определенностью утверждается в этом гимне? Было Единое, и не было никаких противоположностей, никакой двойственности, не было ничего, кроме Единого. Оно дышало, то есть присутствовало дыхание или энергия — оба понятия передаются в санскрите термином *прана*, а в тибетском — термином *лунг*. Единство и энергия — вот исходная данность, она внутренне едина, так как Единое и энергия суть здесь одно и то же. И это абсолютное тождество, полное отсутствие различий пронизывает все сущее, возникающее во времени, тогда как Единое — вне временных характеристик, для него нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего, ибо здесь вообще нет времени.

Знание же об этом Едином возможно лишь путем созерцания, путем непосредственного видения. Впрочем, и это весьма проблематично: «Кто видел это на высшем небе, тот поистине знает. А если не знает?».

Илл. 23. Дхьяни-будда Вайрочана

Отметим, что этот гимн задает парадигму, образец рассмотрения проблемы не только для индуистской, но и для буддистской традиции. Более того, эта парадигма распространяется также и на древнее и средневековое восточное православие христианство, в частности на очень интересное его течение, называемое *исихазм* (от слова *исихия* — «безмолвие»), так что я не устою здесь перед соблазном сопоставить его с буддизмом. Идея Единого как первоначала и разлитой повсюду всепронизывающей энергии, от этого Единого исходящей, свойственна обоим этим течениям мысли. С приобщением к вездесущей энергии связаны все практики и учения как в буддизме, так и в исихазме.

Итак, единство и энергия — вот что нам известно о первом начале. Как в классическом индийском буддизме, так и в буддизме Тибета это представление, идущее из глубины веков, преобразуется в учение о Пустоте, Шунье, которую *арья* (наиболее высоко развитое существо) постигает напрямую, без посредства мышления и речи, постигая также, что все есть проявление Пустоты. Пустота — это не некая сущность, но, напротив, отсутствие сущности, отсутствие самобытия, самостоятельного независимого существования явлений. И прежде всего следует осознать отсутствие самобытия у нашего «Я», у нашего возлюбленного эго.

Всякое явление лишено самобытия, поскольку имеет взаимозависимое происхождение: оно зависит от причин, зависит от частей и зависит от обозначения мыслью. То есть существует изначальная и бесконечная сеть взаимозависимости, абсолютной истиной которой является пустота, отсутствие самобытия любого отдельного феномена. В этой сети, с точки зрения буддистской школы *Мадхьямика Прасангика*, у вещей нет собственных характеристик, и ни одна вещь из сети взаимозависимого происхождения не является более фундаментальной, более основополагающей, чем другая. Все они расположены на одном уровне, и среди них нельзя обнаружить последней неделимой частицы, последнего предела — его просто нет.

Итак, предмет пуст в отношении своей собственной сущности. Некоего основообразующего, субстанционального существования просто нет, и сама Пустота включена в сеть взаимозависимого происхождения, только в ней она и существует. Вернее, о ней нельзя сказать, существует она или не существует, она вне любых мыслительных различий, вне всяких оппозиций, вне любых «или-или». Учение Будды потому и называется *Учением срединного пути*, что в нем нет и не может быть никаких дилемм, и если человек встает перед выбором «или-или», то это значит, что он идет неверным путем. Пустота — это пустотность от самобытия, от отдельного, независимого существования. И лишь Пустота постоянна, неизменна, нерушима, все остальное — всего лишь ее проявления. Однако Пустота и ее проявления — аспекты одного и того же, они не существуют друг без друга; недаром буддисты говорят, что сансара и нирвана — это одно и то же.

Пустота может познаваться концептуально, теоретически, что мы с вами сейчас как раз и пытаемся сделать, но это лишь предварительный путь познания, нуждающийся в выражении в словах. Высший путь познания — непосредственное восприятие Пустоты, в таком случае она действительно не выразима в словах и просто не нуждается в словесном выражении.

Поразительные совпадения с таким пониманием мира демонстрирует современный физик Джеффри Чу, узнавший о буддизме от собственного сына-школьника уже после того, как сформулировал свою теорию — знаменитый «бутстрэпный» («шнурочный») подход. Джеффри Чу предлагает рассматривать Вселенную как динамическую цепь взаимосвязанных событий, отказываясь от сведения ее к набору фундаментальных сущностей, констант. Он считает, что в мире отсутствуют какие-либо фундаментальные, неизменные сущности, законы, уравнения, а потому нет никакой иерархии включенных в эту мировую «шнуровку» уже не вещей, а событий. Все во всеобщей зависимости равно друг другу, в том числе и человеческое сознание, и все находится в постоянной динамике — потяни за один «шнурок», и изменится вся сеть взаимосвязей. Так что совершенно напрасно искать в ней последнюю, фундаментальную, неделимую частицу — таковой просто не может быть. Любое происходящее событие немедленно сказывается на всех других, все течет, все изменяется. Ухватывая фрагмент, сознание искусственно останавливает изменение, фиксируя, собственно говоря, то, что уже не существует, ибо уже прошло. Ничто не существует самостоятельно, ничто не имеет самобытия, ничто не является первоосновой — вернее, *ничто* является первоосновой этой цепи, и оно лишено как существования, так и несуществования.

Согласно буддистскому учению, ум — столь же пустой от самобытия, как и любая другая вещь, имеющий своей сущностью одинаковую для всех Пустоту, находящуюся во всем и содержащую в себе все, — выделяет фрагментарные куски в сети зависимого происхождения и, не будучи соответствующим образом очищен, то есть преобразован, рассматривает их как отдельные вещи, приписывая им в силу своего неведения самостоятельное бытие. Одним из таких выделенных по неведению фрагментов оказывается и наше большое «Я», наша личность, якобы противопоставленная миру. В итоге таких умственных выделений человек живет в мире отдельных фрагментов, в раздробленном мире, из частей которого никак невозможно составить целое, выйти к Единству. Но это лишь в том случае, если он живет в обыденном мире, в мире относительной реальности, относительной истины. Выход же к абсолютной истине, к абсолютному знанию возможен путем преобразования ума, в результате чего он становится пустым от самого себя, свободным от самобытия и тогда непосредственно постигает целостность всей сети взаимосвязей, абсолютную истину Пустоты.

Итак, всякое частное проявление единой Пустоты связано с деятельностью ума, который в некультивированном, непросветленном состоянии неизбежно

дробит исходное единство, разрывает его на части, из которых никак нельзя составить целое. Однако это целое содержится в каждой из частей и содержит в себе все части. Как и у Джефри Чу в его бутстрапе, «шнуровке ботинок», каждая частица содержит в себе также и все другие частицы, порождая их и порождаясь ими же в общей связи целого, в котором все находится во всеобщем взаимодействии и взаимопроникновении.

Параллели

Чрезвычайно схожие взгляды на соотношение фрагментарного мира и Бога как исходной целостности развивают и представители традиции исихазма. Как пишет Дионисий Ареопагит, почти во всяком богословском сочинении Богоначалие воспевается как Монада или как Единица — по причине простоты и единства сверхъестественной неделимости, которая как единая сила соединяет нас и сверхмирно объединяет наши частные различия, тем самым собирая нас в боговидную монаду и богоподобное единство. Комментируя, Максим Исповедник продолжает эту мысль, говоря, что нет никакой двойственности в божественном, пребывающем совершенно простым и превыше всего простым, однако в нем присутствует все, оно содержит в себе все, связывая и соединяя, и потому можно сверхмирными очами увидеть все во всеобщей Причине, даже противоположное друг другу — единовидно и соединенно. Работает неизменный принцип: все во всем.

О выходе же Бога в мир Дионисий говорит следующее: «Люди, посвященные в священные предания нашего богословия, божественным единством называют сокровенные и неисходные сверхпребывания сверхнеизреченного и сверхнепознаваемого постоянства, разделениями же — благолепные выступления богоначалия вовне и его изъяснения». Как только Бог выходит вовне, в мир, так сразу же возникает разделенность, которая никак не может быть снята на уровне мира. Мир, таков, как он есть, фрагментарен, и только таким он и может быть познан в обыденном и научном познании, не выходящем за пределы мира. Но поскольку смысл всему этому, целостность всем фрагментам задает иное, запредельное миру бытие, человек должен культивировать свой ум и самого себя, чтобы выйти на этот уровень бытия, равного небытию, знания, равного незнанию, — точнее, незнания, которое выше знания, как определяет этот уровень исихаст Григорий Палама.

Но не выходит ли и современная наука в ряде своих новейших представлений как раз на те самые слои, которые описаны в исследуемых нами традициях,

Илл. 24. Дхьяни-будда Акшобхья

и отнюдь не только в них? Укажем, например, на введенную в 1976 году Бенуа Мандельбротом теорию фракталов. Согласно его определению, «фракталом называется структура, состоящая из частей, которые в некотором смысле подобны целому», то есть она выглядит одинаково при любом «масштабе» рассмотрения, на любом уровне. Фракталы можно интерпретировать как составляющие единой структуры мира: Вселенная во всех своих точках и на всех своих уровнях состоит из фрактальных систем, которые везде подобны самим себе (здесь можно вспомнить, например, подобие структуры атома и Солнечной системы). Вырисовывается картина тотально разорванного на клочки мира, причем в любом мельчайшем кусочке такого клочка проглядывает целое, и, в сущности, все эти разломы равны друг другу, ни один не более фундаментален, чем другой.

Ученые, говоря о теории фракталов, прибегают к не свойственному им обычно языку — например, они говорят о фрактальных *прозрениях* в науке, о *красоте* фракталов, о том, что естественные процессы, представленные графически, можно постичь во всей их сложности, опираясь на нашу *интуицию*. При этом говорится о порождении новых идей, о пробуждении творческого потенциала у тех ученых, которые способны мыслить в образах. Такой язык описания явно не традиционен для науки, стремящейся обычно к строгому рационализму. Сам автор теории, Бенуа Мандельброт, считает недостаточным чисто формальное определение ряда понятий и говорит, что если бы ему не удалось развить в себе интуитивное понимание, претворить знания в интуицию, то, вероятнее всего, не было бы и фрактальной геометрии. Он же пишет о вкладе фрактальной геометрии не только в науку, но и в эстетику, ибо графические изображения фракталов приносят в мир новые формы красоты, фракталы прежде всего красивы.

Сдвиг познавательной установки в сторону эстетики, образного мышления, интуиции приводит к вопросу о пределах применимости математики. Наука до сих пор не достигла ясного понимания границ применимости математических методов к познанию мира, однако ряд парадоксов, неразрешимых противоречий, возникающих при интерпретации квантовой механики, явно указывает на такие пределы. В эволюционной теории познания неизбежно возникает предположение о том, что познавательные способности человека как вида «хomo sapiens», «человека разумного», принципиально ограничены, так как имеют биологическую основу, а следовательно, не могут полностью содержать все структуры, имеющие место в действительности. Следовательно, должны существовать и пределы для математического описания природы.

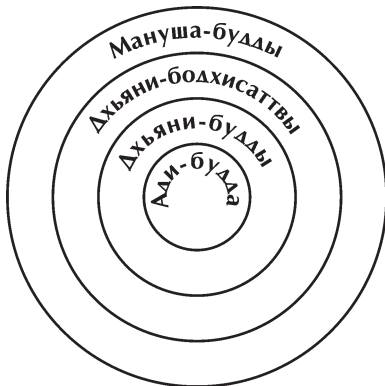
Итак, если утверждается, что познавательные возможности человека отнюдь не безграничны, но ограничены самой его природой, то отсюда логически следует, что для расширения пределов познания надо выйти за рамки обычной человеческой природы, преодолеть ее ограниченность. И буддизм, и исихазм, и не только они, с одинаковой уверенностью утверждают, что такое преобразо-

вание человека возможно и необходимо, ибо в каждом человеке скрыт зародыш божественной природы, зерно всеведения, свойственное как Богу, так и будде, и существует возможность приобщения к божественному, возможность стать Богом или буддой, Пробужденным. Пути и средства для этого тщательно проработаны и описаны в буддизме, и если внимание читателя не ослабеет, мы с ними познакомимся чуть позже. И буддизм, и исихазм, равно как и многие другие мистические учения, предлагают человеку целую науку об изменении ума и о достижении абсолютного знания.

Картина мира

Но чтобы понять, что такое наш ум, следует рассмотреть ту онтологию, общую картину мира, которая в буддизме разворачивается из исходной Пустоты и из сети взаимозависимого происхождения, из которых наш непросветленный ум вырывает фрагменты, разламывая целое и творя таким образом реальности нашего повседневного мира. Следует также рассмотреть и ту картину мира, которую дает нам учение исихастов, ибо здесь обнаруживаются удивительные параллели. Характерно, что обе эти картины являются чисто энергетическими. В таких совпадениях нет решительно ничего удивительного; буддизм вообще считает, что истина едина, но ищут ее разными средствами, поэтому и результаты поисков часто оказываются одинаковыми или очень похожими.

Изобразив схематически картины мира по тибетским тантрам и по исихазму, мы получим следующие рисунки:

*Образ мира
в тибетском буддизме*

*Образ мира в исихазме (согласно
описанию Дионисия Ареопагита)*

Опишем приведенные схемы. В тибетских тантрах в центре помещено первое тело будды — *свабхавикакайя*. Оно олицетворяется в образе *ади-будды* — первичного, изначального будды, сущности всех последующих будд и бодхисаттв. Ади-будда имеет синий или голубой цвет, что обозначает его непосредственную связь с одним из пяти первичных элементов-энергий, элементов-движений, — с элементом *акаша*, эфир или пространство. Свабхавикакайя, самодостаточное тело, пребывает за пределами мысли и слова и является исходной точкой всей последующей эманации.

Далее буддистский космос разворачивается как результат медитации ади-будды. Отметим, что под медитацией в тибетском буддизме понимается предельное сосредоточение всех энергий как мира, так и человека и управление ими, поэтому естественно, что акт медитации обладает творческой и преобразующей силой.

И потому вслед за свабхавикакайя возникает следующее космическое тело будды, *дхармакайя* — тело дхармы, тело истины. Это тело проявляет себя уже в образе пяти *дхьяни-будд*, дробя на фрагменты исходную единичность. Однако такую персонификацию можно считать чисто условной, необходимой лишь на определенном уровне развития сознания адепта, для которого, собственно, и разворачивается весь процесс эманации. Ведь, как пишет исихаст Дионисий Ареопагит, Божественное открывает себя и бывает воспринято в соответствии со способностью каждого из умов.

Илл. 23 В центре круга дхармакайя располагается дхьяни-будда или *татхагата* («так пришедший») Вайрочана. Он голубого цвета и манифестирует элемент акаша, эфир, пространство. Фигура Вайрочаны показывает неразрывную связь тела дхармакайя с ади-буддой, с исходной точкой разворачивающегося процесса. Находясь в центре, элемент акаша как бы выключен из вечного круга вращения остальных четырех элементов, расположенных по окружности. Первый из расположенных на окружности — это тонкий элемент воды, олицетворяемый дхьяни-буддой Акшобхей. Илл. 24 Далее, по ходу часовой стрелки, на окружности возникает татхагата Ратнасамбхава, воплощающий тонкий элемент земли. Илл. 25 Затем следует дхьяни-будда Амитабха, представляющий тонкий элемент огня. Илл. 26 И наконец, завершает круг татхагата Амогхасиддхи, с ним связан элемент воздуха или ветра. Илл. 27

С каждым дхьяни-буддой связана строго определенная энергия, являющаяся качеством его элемента. И каждый из этих элементов-энергий — за исключением наделенного энергией, однако неподвижного элемента акаша, аспектами которого являются четыре других элемента, — вращается по часовой стрелке по общему кругу, одновременно обращаясь каждый вокруг своей оси. Возникает

Илл. 25. Дхьяни-будда Ратнасамбхава

как бы хоровод, кружащий вокруг неподвижного центра, причем этот центр — везде, а окружность его — нигде. И таким центром оказывается первичный ади-будда из тела свабхавикакая, так как голубой элемент акаша является его проявлением в образе татхагаты Вайрочаны. А так как четыре кружащихся элемента являются лишь аспектами неподвижного акаши, то об общем хороводе можно сказать, что он одновременно движется и неподвижен.

В тантрах дхьяни-будды благодаря своему энергетическому аспекту, вернее, своей энергетической сущности, не являются совершенно отделенными от мира. Напротив, каждый человек, место или событие связаны с тем или иным дхьяни-буддой благодаря доминированию в них энергии определенного вида.

Элемент-энергия акаша является центральным и главным в дхармакайя, он — носитель всеведущего ума будды, он — мудрость пространства, мудрость Пустоты, он всепроникающ, ибо мудрость заключена во всем. Согласно учению тибетских тантр, сознание вовсе не основывается на чувственных данных, ибо основой чувств служат четыре других великих элемента. Акаша является носителем ума-сознания, еще не знающего разделения на субъект-объект, лишённого любых разделений в своей исходной чистоте. Разделение реальности на субъект-объект, выделение индивидуального и отдельного существования начинается на уровне первого из круга четырех элементов, элемента воды.

Итак, вовсе не сознание и не ум в своей первичной незамутненности дробят реальность, но ум-сознание, загрязненный связью с чувственно данным, — именно здесь источник ложного восприятия и иллюзии самостоятельного существования, самобытия как вещей, так и нашего «Я». Но если выйти на уровень дхармакайя, уровень естественного состояния знания, уровень всеведения, то эта иллюзия исчезнет, ибо здесь ее просто нет, а есть непосредственное восприятие сети взаимозависимого существования и порождающей ее Пустоты как одномоментно схватываемого целого во всей полноте его изменений.

Поэтому дхармакайя, как и свабхавикакая, находится за пределами мысли и слова и предельно пусто.

Разбираемое нами второе тело будды, дхармакайя, согласно учению буддистской школы *виджнянавада*, является еще и сферой *алайявиджняны* — универсального сознания-хранилища, связанного с элементом акаша. В нем естественным образом пребывают все возможные знания, причем пребывают вне времени и пространства, так как пространство и время на уровне дхармакайя отсутствуют.

Таким образом, состояние всеведения, состояние внутренне присущего знания на уровне дхармакайя обретает онтологическую реальность, становясь из состояния субъекта, человека или будды, состоянием мира, состоянием буддистского космоса. Сама проблема знания в таком контексте обретает общемировой статус: есть цельная энергия абсолютного ума, которая несет в себе и сообщает миру в процессе эманации все возможное знание, и эта энергия является такой

же исходной данностью, как энергия-дыхание того первичного Единого, о котором говорится в *Ригведе*.

Ну а далее, постепенно сгущаясь, энергия ума обретает форму в третьем теле будды — *самбхогакайя*, теле наслаждения. Это тело уже может быть схвачено в мысли и в слове, оно предназначено для связи с земным миром, оно реагирует на мысли, мольбы и поступки людей, отвечая на них, тогда как дхармакайя не имеет такой функции. Тело самбхогакайя включает в себя пять *дхьяни-бодхисаттв*. Бодхисаттва — существо, основной характеристикой которого является бесконечное и безграничное сострадание, причем это сострадание деятельное, активное, и потому бодхисаттвы не переступают порога прекрасной и благой нирваны. Собственно, пять дхьяни-будд дхармакайя просто отражаются в пяти бодхисаттвах как в своих духовных сыновьях, повторяясь в соответствующих им элементах-энергиях и в их движениях. Но если дхьяни-будды выполняют в мировом процессе роль архитекторов, замысливающих процесс, и при этом не имеют связи с происходящими по их воле событиями, то дхьяни-бодхисаттвы наделены ролью конструкторов, которым надлежит разработать замысел своих духовных отцов во всех деталях.

Затем происходит очередное сгущение и огрубление энергии, и самбхогакайя испускает из себя следующее, четвертое тело будды — *нирманакайя*, тело воплощения или добровольно принятое на себя тело. Но это — не тело обычного человека, а тело Просветленного, принимаемое им на себя по доброй воле, по сознательному решению, способное по желанию своего носителя трансформироваться в различные формы. В нирманакайя воплощаются земные будды, отправляющиеся в сансару, в бессмысленный круговорот мира, на помощь живым существам. Ибо только будда может осуществить новый поворот колеса Дхармы, то есть дать полную проповедь Учения, отвечающую потребностям текущего момента. Это — человеческие будды, *мануша-будды*. Этих будд также пять, и они являясь точными отражениями или духовными сыновьями дхьяни-бодхисаттв.

Мануша-будды спускаются в земной мир в положенный срок. Их функция на земле — осуществить замысленный дхьяни-буддами и разработанный дхьяни-бодхисаттвами план мировых циклов, являясь их земными творцами, земными Учителями человечества, мирскими представителями высших сил. Для нашего цикла таким представителем, повернувшим колесо Дхармы, колесо Учения, был исторический Будда Шакьямуни. Будда грядущего мирового цикла — это ожидаемый человечеством мессия, будда Майтрейя, пребывающий ныне в теле самбхогакайя в небесах Тушита в статусе бодхисаттвы. Статус земного будды выше статуса небесного бодхисаттвы, так как проповедать Учение полностью может только будда. Но земные будды — это отражения дхьяни-бодхисаттв, и мы находим в теле нирманакайя пять мануша-будд: Кракучханду, Канакамуни, Кашьяпу, Шакьямуни и Майтрею — духовных сыновей

соответственно дхьяни-бодхисаттв Самантабхадры, Ваджрапани, Ратнапани, Авалокитешвары и Вишвапани. Как видим, наш Будда Шакьямуни соответствует милостивому всевидящему бодхисаттве Авалокитешваре.

Наше с вами обычное земное тело не принадлежит к телам будды и является сгустком очень грубой энергии. Это тело является порождением под-сознательных желаний и стремлений человека, тогда как нирманакайя — порождение сознательной, целенаправленной, творческой деятельности.

Путь будды

Работая в определенных техниках медитаций, адепт высших тантр, в частности *Калачакратантры*, может и должен в течение жизни испытать на собственном опыте состояния всех четырех тел будды. Дело в том, что знание в тибетских тантрах, да и вообще в буддизме понимается вовсе не как некая теоретическая конструкция, не как информация, но как нечто, полностью преобразующее весь умственный континуум индивида. Такое преобразование возможно лишь через личностный опыт, через личное переживание. Адепт Калачакратантры в ходе специальной медитации испытывает четыре типа радости, каждая из которых превосходит предыдущую. Для этого необходимы четыре специальных посвящения; при четвертом он соединяется с ади-буддой, принимая на себя тело свабхавикакайя, вернее, точное его подобие, после чего непосредственно испытывает Пустоту, переживает ее в собственном опыте и становится Просветленным, буддой.

Но что же заставляет его вернуться обратно в мир? Неотъемлемо присущее ему сострадание, и только оно. Осознав испытываемое как свабхавикакайя, он становится недоступен никому; испытав дхармакайя, он понимает, что стал недоступен никому, кроме других будд. Сострадание дает ему импульс спуститься в самбхогакайя. Для этого появляется восьмилепестковый лотос, на котором покоится лунный диск. И тогда дхармакайя, то есть сам ум будды, проявляется как голубой столб света. Он обладает природой ума будды и представляет самбхогакайя. Но затем адепт осознает, что и в качестве самбхогакайя он остается недоступен многим живым существам, и это побуждает его воплотиться в более грубой форме, в нирманакайя. В процессе превращения самбхогакайя в нирманакайя этот голубой столб света, который стоит на восьмилепестковом лотосе и луне, растворяется в основании лотоса и луны и адепт возникает как ади-будда нирманакайя, то есть как воплощенный на земле первичный будда.

Илл. 26. Дхьяни-будда Амитабха

Я думаю, теперь мы лучше поймем, почему Будда Шакьямуни проповедовал не все сразу, а по частям. Представьте себе, если бы Сиддхартха Гаутама сразу же объявил соотечественникам, что он не просто достиг Просветления и хочет указать им путь к нему, но что он, всем известный царевич Сиддхартха, на самом деле является воплощением первичного будды в теле нирманакая! Думаю, его просто сочли бы безумцем, сошедшим с ума от своих аскетических подвигов, и пустились бы от него наутек. Этого и должен был избежать Гаутама Будда. Потом уже он мог одновременно проповедовать в разных местах в одном теле учение Праджняпарамиты, в другом — учение Калачакратантры, и все воспринимали этот факт как должное, поскольку уже были подготовлены с необходимой постепенностью.

Но вернемся к странствиям по телам будды. Чтобы совершать их регулярно в течение жизни, следует, в первую очередь, полностью преодолеть иллюзию самостоятельного существования нашего «Я», его выделенности из остального мира, более того, противопоставленности миру. Ибо именно наше «Я», непременно гипертрофированное и непременно с большой буквы, творит для себя все иллюзии, добросовестно принимая их за чистую правду, за непреложную истину очевидности.

Собственно говоря, поскольку ставится задача получить *целостное* знание, важнейшей его характеристикой является снятие противопоставления субъекта и объекта, полное снятие субъект-объектного отношения. А для этого надо найти средства преобразования внутренней структуры субъекта при его восхождении по ступеням истинного познания к целостности, данной на уровне высших тел будды.

Проиллюстрируем это на примере современной науки, которая в XX веке, похоже, достигла каких-то пределов чисто рационально-логического, рассудочного способа осмысления действительности и выходит на те уровни, которые такому описанию не поддаются.

Когда Альберт Эйнштейн приходит к своей теории относительности, она повергает в шок слои общества, считающие себя здравомыслящими. Пространство и время перестают быть константами, на первый план выходит их относительность, зависимость от системы отсчета, в которой работает наблюдатель. Чем глубже тот слой реальности, в который входит ученый, тем более результаты исследований оказываются сопряженными с субъектом, с принятой им для себя позицией, по сути дела, с его психическим пространством. И тем резче в исследуемых фрагментах прослеживаются черты целого, которое можно познать по любому фрагменту.

Когда Нильс Бор сформулировал свой знаменитый принцип дополнительности, выяснилось, что для воспроизведения целостности исследуемого объекта приходится применять взаимоисключающие понятия. Это создает неприемлемую в

рамках классической науки неизбежность парадокса, который не только не имеет решения на данный момент, но и вообще не подлежит разрешению, ибо неустрашим. На уровне микромира частица — одновременно и волна, и корпускула, но специфика описания такова, что может осуществляться лишь в терминах «или-или», в зависимости от позиции наблюдателя, от используемого им прибора. Но в буддизме само возникновение дилеммы «или-или» уже говорит о ложности пути. Пустота в буддизме не может быть описана в терминах существования или несуществования, этот язык к ней абсолютно неприменим. Так и микрочастица есть и волна, и корпускула, а вообще-то ни то и ни другое. Субъект и объект, человек и мир не противостоят друг другу, но, напротив, соединены в единое неразрывное целое, пребывают в единой сети всеобщей взаимосвязи и взаимодействия. И, как утверждает основатель науки синергетики Г. Хакен, все должно рассматриваться в рамках совместного действия, в рамках познания целого.

Но для познания целого и его взаимосвязей должно быть полностью уничтожено переживание нашего индивидуального «Я», эго, нашей уникальной личности как противостоящей миру. Мир и себя следует пережить как полное единство, как тождество, нужно раствориться в мире, что и дает опыт мистического переживания. Состояния, описанные мистиками различных конфессий, оказываются практически совпадающими.

Подобные состояния искусственно моделируются и подробно разбираются в современной трансперсональной психологии — например, в тщательно проработанных научных экспериментах С. Грофа, проводимых со смертельно больными пациентами. Такое моделирование проводилось, например, с помощью наркотического вещества ЛСД, как, впрочем, и других наркотиков. Переживание полного уничтожения своего «Я» часто сопровождается видениями слепящего белого или золотого света, а также чувством освобождения от гнета и ощущением своей «разлитости» в мире. Все окружающее воспринимается как нечто невыразимо прекрасное. Те, кто прошел через такие психоделические сеансы, впервые открывали для себя важность смирения, принятия неизбежного. Собственно, буддизм требует, чтобы человек перестал бороться с бурным течением потока сансары, перестал сопротивляться ему и даже перестал плыть, а просто позволил бы течению событий нести себя. Как утверждает православный митрополит Вениамин, когда человек полностью осознает, что он — ничто, тогда Бог начинает творить из него нечто. Так и пациенты С. Грофа под действием ЛСД осознавали отсутствие истинных границ между ними и миром, точнее, непосредственно переживали это ощущение, им все представлялось полем единой космической энергии.

Те же переживания естественным образом моделируются зачастую в экстремальных ситуациях, когда смерть кажется неизбежной. Люди, попадавшие в такие ситуации, вначале испытывали огромную активизацию своего сознания, скорость мышления и его интенсивность повышались в сотни раз, ибо шел поиск

спасения. Но затем приходило полное спокойствие и принятие ситуации на глубинном уровне. Все окружающее как бы преображалось райским светом, было прекрасно и свободно от горя, тревоги, боли. Причем состояние близости смерти распадалось на две фазы: фазу сопротивления и фазу пассивного подчинения неизбежному, человек метался между стремлением к активному господству над ситуацией и тягой к пассивному уходу. И как только стремление к пассивному следованию за ситуацией побеждало, возникало ощущение безмятежности и уравновешенности.

В предельном случае такого переживания индивидуальное сознание охватывает всю целостность существования и отождествляет себя с Универсальным Разумом, или Абсолютом. Высшей точкой этого переживания непременно будет Сверхкосмическая Пустота, предвечное Ничто.

По сути дела, современное моделирование ситуаций в опытах с ЛСД, описание своих состояний людьми, побывавшими на пороге смерти, и результаты сложных мистических техник оказываются совпадающими, что говорит об их истинности. Во всех случаях обязательным условием оказывается смерть нашего эго — только так можно выйти на уровень высшей реальности.

Буддизм и исихазм

Но давайте вернемся к буддизму и исихазму и посмотрим, насколько совпадают между собой эти учения.

Как мы уже наблюдали, в буддизме по мере продвижения вниз энергия уплотняется, сгущается, становясь доступной для восприятия обычных индивидуальных умов, передавая таким образом в мир знание в доступных ему формах. И именно в терминах энергии и ума мыслят высшее Единое Начало, или Бога, представители исихазма. Точнее всего такое понимание выражает Максим Исповедник, говоря, что Сверхблагость, будучи умом и обращенной к себе цельной энергией, является единственно чистым умом, которому чуждо привносимое понимание, который мыслит совершенно самостоятельно. И знание, и мудрость содержатся в Боге вне всякого процесса, вне познания, но изначально; Бог премудр не от познания, но Он и есть само знание или мудрость. Многообразна же премудрость потому, что из-за немощи озаряемых она преобразуется во многие виды знания.

Итак, в исихазме говорится об извечно существующем и всепронизывающем знании, имеющем внеопытное происхождение, всегда пребывающем во всей своей полноте и на все распространяющемся. Это знание внутренне присуще

Илл. 27. Дхьяни-будда Амогхасиддхи

Уму, всегда пребывает в нем, и таким Умом является и называется Бог, причем этот Ум превышает все. Ум этот тождественен знанию, точнее, всеведению.

Отметим, что в мистике исихазма, как и в буддизме, проблема знания переводится в онтологический, бытийный план. Знание становится высшей онтологической данностью, и обретение всей полноты истинного знания является Освобождением. Подход к знанию как к составной части бытия отнюдь не чужд современному теоретическому мышлению, и известный философ науки Карл Поппер, к которому присоединяется известный физик Илья Пригожин, считает, что философская проблема, в разрешении которой заинтересовано все мыслящее человечество, — это проблема космологии, проблема понимания мира, включая и нас самих, и наше знание как часть мира.

Высший Ум в исихазме является также и силой, энергией, которая отлична и от той, которую воспринимают наши чувства, и от познаваемой в рассудочных концепциях, — оба эти пути познания неверны. Значимым является лишь прямое восприятие реальности через созерцание. По крайней мере, так считает святой Григорий Палама, который, «будучи наученным отцами, иных уже слышавший и им уверовавший», утверждает, что и вещественное множество и весь этот чувственный мир они созерцали не чувством, не рассудком, а «свойственной боговидному уму силой и благодатью, которая и далекое ставит перед глазами и будущее сверхприродно делает присутствующим».

И точно так же, как дхармакайя и свабхавикайя в буддизме есть сферы света, в которых достигается Просветление, так в исихазме ум, знание, сознание светоносны, потому что, согласно Григорию Паламе, умпостигаемый свет наполняет небесный ум — то есть ум очищенный, превзошедший самого себя. А если ты соединишься со Светом, пишет представитель исихазма Симеон Новый Богослов, то Он Сам всему научит тебя.

Следовательно, задача состоит не в том, чтобы приобрести знание, а в том, чтобы непосредственно соединиться с ним. Да, достижение всеведения, которое и есть соединение со Светом, теоретически возможно для всякого человека, более того, является его жизненной задачей. Григорий Палама утверждает, что всезнание, которое мы приписываем одному Богу, есть цель, стоящая перед совершенным человеком, и для достижения этой цели он должен очистить, облагородить свой ум, поднять его до уровня божественного ума, сделать его способным к принятию света. Ибо духовная премудрость даруется человеку через свет, и этот-то свет и есть вечная жизнь, входящая в обоженного и неотделимая от Бога, говорит Дионисий Ареопагит.

У читателя, вероятно, давно уже зреет мысль: а откуда они все это знают? Утверждаю: из собственного опыта восхождения к Богу. Всеведение доступно человеку потому, что, по словам апостола Павла, мы имеем ум Христов. Согласно буддистской традиции, человек носит в себе все четыре тела будды, и тело

дхармакайя является в нем зародышем состояния татхагаты, семенем Просветления, первичным чистым умом. Задача человека — очистить свой обычный ум, преобразовать его в ум дхармакайя, взрастить в себе исходно заложенное семя, из которого вырастает буддство, ведь каждый человек — это «потенциальный» будда. Вся полнота мира заложена в человеке, и любой человек может стать буддой и достичь состояния абсолютного знания, всеведения, если разовьет заложенные в нем самом потенции. И сила, энергия собственного ума является самой мощной из всех доступных человеку сил, служащей преобразованию его телесно-умственного континуума, а следовательно, согласно буддизму, и мира, творимого умом. Дергаем за «шнурок» ума — и изменяется мир, смещается вся конфигурация сети.

Если в буддизме знание последовательно нисходит в мир по телам будды, становясь все менее концентрированным и рассеиваясь, дробясь, то в исихазме знание нисходит в мир по четырем уровням небесной иерархии. В центре иерархии расположен Бог, и этот центр неподвижен, это — высшее состояние внутренне присущего всеведения, которое не способен воспринять, принять в себя обычный мирской ум. Непосредственно вокруг Бога размещается первый чин иерархии, состоящий из *престолов, серафимов и херувимов*. Этот чин пребывает в вечном и однообразном движении вокруг неподвижного центра, Бога. Дионисий Ареопагит описывает этот чин как «первый посреди небесных сущностей вокруг Бога и при Боге непосредственно стоящий и просто и бесконечно в вечном Его познании в хороводе кружащий по высочайшему для ангелов находящемуся в непрестанном кружении храму». Получается двойное круговое движение этих небесных сил.

Силы, как их определяет Максим Исповедник, это то, что относится к еще не проявившемуся в твари; когда же говорят об энергиях, то тут творчество было доведено уже до созидания проявленного. То есть пока мы имеем дело с некоторыми потенциями, непосредственно не входящими в мир. И эти силы есть умы.

Итак, в исихазме в центре помещается специфическим образом понимаемый Бог, что соответствует позиции свабхавикакайя в тибетском буддизме. На втором месте — кружащиеся силы, еще не вышедшие в мир. Это вполне соответствует уровню дхармакайя, энергии которого, находясь в двойном круговом движении, также не входят непосредственно в мир, но преобразуются для контакта с миром в более грубые энергии самбхогакайя и нирманакайя.

На третьем уровне в исихазме помещаются *силы, господства и власти*, составляющие второй чин небесной иерархии. Они уже не общаются непосредственно с Богом, а контактируют лишь с первым чином, но зато они уже приближены к людям. Третий чин иерархии помещается в четвертом круге и состоит из *начал, архангелов и ангелов* («вестников»). Эти сущности уже непосредственно выходят к людям, передавая им дошедшую строго по иерархии божественную

весть, ослабляя энергию этой вести до уровня, доступного человеку, который еще не достиг ступени святости. То есть первоначальные озарения, доступные первому чину, передаются лишь частично. Итак, мы наблюдаем полное соответствие с функциями бодхисаттв самбхогакайя и земных будд нирманакайя.

И все четыре уровня иерархии, равно как и четыре тела будды, человек может непосредственно наблюдать внутри себя. Все, что есть в мире, есть и в человеке. Задача человека в буддизме — пройти по четырем телам будды, выявить их в себе и стать Пробужденным, всеведущим. Задача человека в исихазме — правильно управляя свойственными ему силами и энергиями, при жизни достичь обожения. Средством для этого является знание, которое объединяет познающих и познаваемое, как утверждает Дионисий Ареопагит. Наш ум устроен в строгом соответствии с божественной иерархией, каждый небесный и человеческий ум имеет собственные и средние, и первые, и последние умы и силы, соответственно проявляющиеся для своих восхождений к светоначальным озарениям. И четыре тела будды, и четыре уровня иерархии в исихазме — все наличествует в человеке.

Очищение ума

Чтобы достичь Пробуждения, обожения, необходимо прежде всего очистить свой ум. Цитируя Диадокха, Григорий Палама утверждает по этому поводу: когда ум начинает испытывать непрестанное действие Божьего света, он становится весь как бы прозрачным, так что сам явственно видит свой свет — ведь он весь становится светом, когда сила души овладевает страстями. То есть ум становится как бы пустым от собственной природы, от своей деятельности, наполняясь божественным светом. Он уже не накладывает на познаваемое свою омраченную страстями и привязанностями природу, но точно и адекватно сразу и целиком видит внутренним зрением реальность Истины.

Очищение ума достигается, согласно исихазму, правильной направленностью умственных энергий. Григорий Палама утверждает, что нашему уму дана, с одной стороны, сила мышления, благодаря которой он рассматривает умопостигаемые вещи, а с другой стороны — превосходящее природу мысли единение, благодаря которому ум сочетается с запредельным; он ищет это высшее из всего в нас, единственно совершенное, цельное и нераздробленное бытие, как бы образ образов, которое очерчивает и собирает воедино свивающееся и развевающееся движение нашей мысли, на чем как раз и стоит всякое прочное знание. Итак, наш ум может идти в двух направлениях: один путь ведет вовне, связан со

Илл. 28. Лама-красношапочник (школа ньингма)

свиванием и развеванием мысли, — это знание мирское, внешнее, рационалистическое, чувственно-рассудочное; но есть второй путь — путь единения, превосходящего мысль, когда ум непосредственно сочается с запредельным, собираясь при этом в единство, в точку, концентрируясь. Не об этом ли говорил мне в Индии профессор Делийского университета доктор Чатурведи, принадлежащий к традиции индуизма, утверждая, что сегодня мир предстает перед нами как одна огромная лаборатория, в которой наука исследует очень много вещей, тогда как истинный ум концентрируется в одной точке и благодаря этому получает всю информацию полностью?

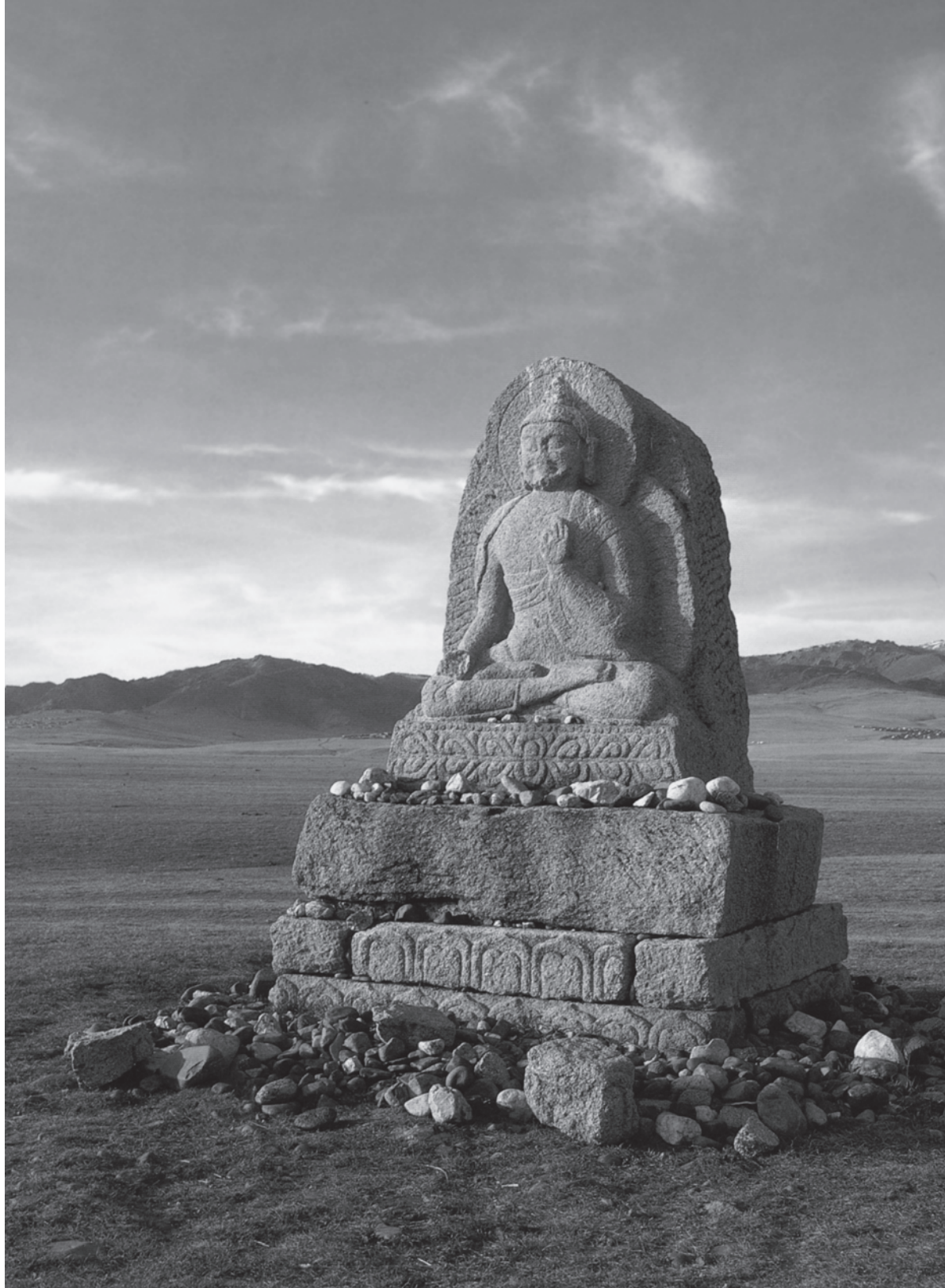
Двумя этими путями никак нельзя идти одновременно. Дело в том, что ум наш, по учению исихастов, обладает двумя видами энергии, и они разнонаправленны. Есть энергии, идущие от ума к телу, — они подчиняют тело, ведут по пути обожения, изменяя не только наш ум, но и тело. И есть энергии, идущие от тела к уму, — если они берут верх, то ум подчиняется мирским страстям и уже не может восходить к Богу.

Более того, по мнению Григория Паламы, ум имеет и такую энергию, которая делает его самодостаточным, тем самым уподобляя Богу. Так что, хотя ум и спускается к помышлениям и через них к сложному многообразию жизни, распространяя на все свои действия (энергии), у него есть, конечно, и какая-то другая, высшая энергия, когда ум действует сам по себе. То есть можно и нужно выйти к собственной энергии ума, совпадающей с божественной энергией. Точно такую же задачу концентрации энергий, подчинения низших энергий высшим и конечного выхода к наивысшему виду энергии ставит буддизм перед идущим по пути буддства.

И эта божественная энергия, дарующая знание, видится человеком как свет, причем неведение отделяет от Бога, тогда как свет собирает и совокупляет. Неведение предстает как некая особая энергия, противоположная свету. Максим Исповедник говорит про свет знания, делающий богами тех, кто ему доверяется. Духовная премудрость и обожение даруются через свет, который есть энергия божественной сущности.

В тибетском буддизме энергия ума считается самым мощным из всех видов энергии, и правильное управление умственной энергией ведет к полному преобразованию как самого ума, так и всего телесно-умственного континуума человека, а следовательно, и к преобразованию окружающего его мира, главным фактором творения которого является именно ум. Медитация, под которой в тибетском буддизме понимается предельное сосредоточение всех

*Илл. 29. Гранитное изваяние будды
в Архангайском аймаке (Монголия)*

энергий и управление ими, обладает огромной творческой и преобразующей силой, она творит и разрушает богов, людей и мир. Если очистить свое сознание от всех загрязнений, которые омрачают его изначально чистую природу, то окружающие предметы предстанут перед нами как творение состояний нашего ума. А когда такое видение возникает, все окружающее становится для нас чистой землей, в которой все феномены лишены истинного существования и самобытия, поскольку они существуют лишь в силу обозначения мыслью, то есть в силу соединения образующих их взаимозависимых энергий с энергией ума, а реальностью феноменов является их пустота от самобытия. Только Пустота постоянна, неизменна и нерушима.

Ум или сознание, согласно буддизму тантры, имеет три уровня — грубый, тонкий и наитончайший. Задача адепта — преобразовать свой грубый ум в наитончайший, в ясный свет, в котором непосредственно воспринимается Пустота, и работать с наитончайшей энергией, чтобы достичь состояния будды со свойственным этому состоянию абсолютным знанием, прямым, неконцептуальным постижением Пустоты, которое само обладает преобразующей силой. Истина буддистского пути — это ум, обладающий прямым постижением Пустоты, которая является также и абсолютной истиной ума, так как ему столь же свойственна пустота, как и всему остальному.

Подведем итоги

Итак, мы приходим к конечной картине мира, к сети взаимозависимого происхождения, в которой на одинаковом уровне находятся все феномены, включая ум и знание, причем эта сеть не имеет ни начала, ни конца, не знает ни возникновения, ни уничтожения. В ней объект и воспринимающее его сознание взаимно зависят друг от друга, не имея сами по себе истинного бытия. В этой сети ум получает знание, знание же преобразует ум. Вне связи с познанием, независимо от отношения к нашей познавательной способности нельзя сказать, существует ли тот или иной объект или нет.

Абсолютной истиной этой сети является пустота всех включенных в нее предметов от самобытия, от независимого существования, Пустота как природа всех вещей — в ней все в одном и одно во всем; Пустота в позитивном смысле означает наличие всего. В прямом постижении она видится как пульсирующий свет, у которого нет ни центра, ни окружности. Это — конечное знание, преобразующее природу ума и мира.

В поисках новой онтологии, новой единой картины мира современная физика очень близко подходит к описанным выше взглядам, указывая на отсутствие фундаментальных сущностей и последних неделимых частиц. В ее построениях знание, зачастую невыразимое в слове, имеет бытийный, онтологический

статус наравне со всеми другими явлениями, сущность которых видится как ясный пульсирующий свет бесконечной и безначальной пустоты.

Схожесть взглядов и картин мира в буддизме, исихазме, современной физике и современной психологии говорит о том, что они сегодня описывают один и тот же очень высокий уровень реальности. А мы с вами в своем стремлении к свету и истинному знанию оказываемся *тиасотами* — участниками всемирного хоровода вокруг Божества, вращаясь в круговороте энергий, покоя и движения, и все стремимся выйти из замкнутого круга движений и войти в божественный покой, соединившись ли с вечной жизнью, даруемой прижизненным обожением в исихазме, или приняв на себя высшее тело будды путем сложных техник управления энергиями, развитых в тантрах. Освобождение из вечного круговорота достигается лишь истинным познанием его иллюзорности, тщетности и лишённости смысла.

Мы закончили, уважаемый читатель. Но попробуйте и Вы ощутить себя тиасотом, и если эта глава показалась Вам слишком темной, вернитесь к ней еще раз, ибо без понимания вышеизложенного трудно будет понять многое другое. А дальше мы ознакомимся с прочими сокровищами, которые несравненный Падмасамбхава, Гуру Ринпоче, Драгоценный Наставник, принес в Тибет, а также с теми драгоценностями, которые сами пришли вслед за ним в Страну Снегов.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

ИЛИ ПОПЫТКА РАССКАЗАТЬ О МИСТЕРИИ ЦАМ

очему всего лишь попытка? Да потому, что об этом захватывающем и таинственном танце, происходящем на глазах у всех, известно очень мало. Его внутренний смысл знают только ламы очень высокого уровня посвящения, а расспрашивать их — дело пустое: расскажут лишь то,

что сочтут подходящим для восприятия непросветленного ума собеседника.

Из милосердия они не открывают своих секретов профанам. Ибо, как гласит буддистская мудрость, «когда глупец на свое несчастье овладевает знанием, оно уничтожает его удачливый жребий, разбивая ему голову». В нашей культуре можно задать авторитетному ученому, знатоку научных тайн, практически любой вопрос, и он тут же растечется мыслью по древу, орлом воспарит в небеса и расскажет много такого, о чем вы и не думали спрашивать. На Востоке все иначе. Лама строго и четко отвечает на поставленный вопрос, и не более того. О чем спросил, о том и услышишь. Но чтобы точно сформулировать вопрос, нужно знать предмет. Мы же спрашиваем лам с уровня такого незнания, при котором разговаривать с нами бесполезно, как бесполезно объяснять малому ребенку взрослые проблемы.

Однако рискнем начать рассказ, потому что лучше сказать вслед за тибетцами «мы сделали что могли, но не достигли», нежели вообще не предпринять попытки сделать хотя бы то, что можешь.

Божества и духи, прирученные Падмасамбхавой

Итак, в путь. Мы возвращаемся на строительную площадку монастыря Самье, в то время, когда мужественный Падмасамбхава ведет сражение как с самими бонцами, так и с их бесконечными божествами, злобными и трясущимися от страха за свою жизнь, ибо они боятся, что буддисты лишат их жертвенной крови и тем самым отнимут у них жизненную энергию.

Великолепный Падма уже подчинил себе *тхеурангов* — одноруких, одноногих и одноглазых божеств, живущих в нижних слоях неба. Одноруки, одноглазы и одноноги они не потому, что потеряли по одному члену, а в силу исходного строения тел. Девять из этих божеств до своего подчинения и замирения регулярно насылали на возводимые постройки монастыря Самье снежные бури, штормовые ветры, град, ссорили между собой строителей. Их предводитель, Пехар, Белый Бог Неба, в прошлом жил на высоком небе и был правителем 33 небес. У бон он являлся хранителем святой страны Шанг-Шунг. Пехар — покровитель мужчин, на танках его изображают в виде гордого всадника на белом коне, в белоснежном панцире и в алмазном шлеме. В соответствии со своим белым цветом он относится к группе божеств, связанных с энергией дхьяни-будды Акшобхьи, символизирующего элемент воды. Падмасамбхава своей могучей волей превратил Пехара в верного хранителя сокровищ будущего монастыря Самье, назначил своим личным помощником и заставил вселяться в оракулов монастыря Нейчунг, чтобы, погрузив их в транс, во время буддистских праздничных церемоний их устами пророчествовать о грядущих событиях.

Не менее сильно бесчинствовали и бонские божества *далха* — враждебные боги, боги войны, боги грозы. Лишь девять братьев-далха имели право распределять богатство среди обитателей Тибета, ибо именно они завоевывали его в боях. Девятый брат изображается на танках стоящим спиной к зрителю — он повернется к людям лицом лишь тогда, когда все обитатели Тибета будут счастливы. Обычно далха изображаются с луком и стрелами, с лассо, топориком, копьем, кинжалом и мечом, так как появлению этих божеств в мире предшествовало падение на землю кожного мешка с волшебным оружием, которое и было им роздано.

Но и этих великих прирожденных воинов подчинил себе махасиддхи Падмасамбхава, превратив их в личных гениев-хранителей, хранителей очага, хранителей в пути, хранителей воинской удачи. Теперь далха — это божества, защищающие от врагов, они больше не враждебные боги. Человеку очень страшно лишиться своих защитников далха, это ведет к неисчислимым бедам. Буддистская версия так излагает трагическую историю Тригумцэнпо, который первым из царей Тибета оставил на земле свое мертвое тело. Конюшенный царя, Лонам, был очень могучим и злым волшебником и своей магической силой лишил правителя всех его далха. Затем он вызвал совершенно беззащитного Тригумцэнпо

на поединок, наслал на него свои чары, и несчастный царь собственноручно перерезал ножом волшебную нить *му*, соединявшую землю с небом. С тех пор умершие правители Тибета уже не восходили на небо и не превращались в свет, но трупами оставались лежать на земле, так что их приходилось хоронить.

Среди далха много женских божеств, в том числе и богиня женщин, белая Молха. На танках ее изображают сидящей верхом на белой лани, являющейся ее постоянным ездовым животным — *ваханой*. Молха молода, красива, на ней белое шелковое платье и голубая накидка. В правой руке она держит стрелу предсказаний, в левой — волшебное зеркало. Молха — покровительница и защитница женщин, подобно тому как Пехар — не только глава тхеурангов, но и далха, покровитель и защитник мужчин.

Итак, отныне и эти божества были включены в буддистский пантеон. Однако успокаиваться было рано, существовали и другие злобные божества, самые разные, и причиняли немало вреда. И Падмасамбхава обратил их всех в буддизм, сделав их *дхармапала* — защитниками Дхармы, буддистского Учения. Это обычная тактика распространяющегося буддизма — включать местные божества в свой пантеон, а не бороться с ними, не уничтожать их. Ибо, как говорит мудрая *Дхаммапада*, нигде в мире ненависть не уничтожается ненавистью, но лишь отсутствием ненависти уничтожается она.

Единственным женским божеством среди дхармапал, которых еще называют «ужасными палачами», является пришедшая из Индии Шридэви. Дхармапалы, как правило, имеют ужасный, устрашающий, гневный облик, ибо тот порок, который нельзя искоренить любовью и состраданием, лечится гневом. Облик Шридэви грозен и ужасен, она наиболее яростна среди всех дхармапал, так как гнев женщины куда сильнее и страшнее гнева мужчины. Шридэви, она же Лхамо, изображается на танках с голубым или синим лицом, что говорит о соотносительности этого божества с энергией голубого дхьяни-будды Вайрочаны, олицетворяющего элемент акаша. Шридэви владеет волшебным мечом Данда, который индийский глава ведических богов Индра вручает своим избранникам. Это божественное оружие не знает промаха, разя врагов, в данном случае — врагов буддизма. Богиня несет также жезл, венчаемый ваджрой, символом алмазной твердости и неразрушимости; иногда ваджру заменяет человеческий скелет, всегда свидетельствующий об отречении от иллюзий проявленного мира. Шридэви держит в руке ритуальную чашу *габала* или *капала*, сделанную либо из оправленного в металл человеческого черепа, либо из его имитации. Эта чаша непременно используется во всех ритуалах, связанных с дхармапалами, и наполняется

Илл. 31

Илл. 30. Далха как хранитель Учения (в центре)
и как группа божеств

либо подкрашенной водкой, либо кровью. Череп, как и скелет, наглядно свидетельствует о проникновении его носителя в Пустоту как истинную сущность всех вещей. Шридеви сидит верхом на своем постоянном ездовом животном — муле, на бедре задней ноги которого находится дополнительный глаз. Эту прекрасную богиню Падмасамбхава сделал покровительницей и защитницей Лхасы, впоследствии она стала покровительницей Далай-лам.

Илл. 16, К мужским дхармапала относится ужасный Бегдзе — бог войны, имя его переводится как Одетый В Панцирь. Его изображают как краснолицего воина в
Илл. 32 латах, в красной одежде, вооруженного до зубов, волосы и усы у него пламенеют. В Монголии его называют Улаан сахиус, Красный Хранитель. Красный цвет означает его связь с энергией красного дхьяни-будды Амитабхи и с элементом огня. В одной руке он сжимает меч, в другой держит сердце и легкие врага. Он живет либо на кладбище, либо на квадратной медной горе, возвышающейся в море человеческой и лошадиной крови. Впрочем, резиденция гневных дхармапал всегда описывается как дворец или замок, построенный из человеческих черепов и костей, он обязательно стоит на отвесной скале, вокруг которой простирается необъятное море крови.

Илл. 33 К дхармапала относится также и Хайягрива с лошадиной шеей. Этот персонаж пришел в буддизм из Индии, Падмасамбхава же объявил его воплощением дхьяни-будды Акшобхы и покровителем лошадей, очень любимых в Тибете, так что Хайягрива стал любимым героем сказаний школы нyingма.

Илл. 34 Из Индии явился в Тибет и владыка смерти Яма. Индийская легенда (или рассказ о реальных событиях в далекие времена?) сообщает, что вначале на земле появился первый человек, и это был Ману. Затем возник Яма, брат Ману, но он рано умер и стал первым умершим человеком на земле, открыв людям путь смерти. И еще была у них то ли сестра, то ли жена Ями. Все это происходило еще тогда, когда на земле стоял вечный день и не было ночи. Ями так горько и безуспешно рыдала по умершему Яме, что боги сжалились и, чтобы дать ей хоть какую-то передышку, сотворили ночь. Долго ли, коротко ли, но Ману стал царем людей и даровал им Законы Ману, регламентирующие всю их жизнь. Яму же ждала более высокая участь, так как он стал не только царем и судьей мертвых, взвешивающим их добрые и злые дела и определяющим их дальнейшую участь, но и достиг статуса бога смерти. На танках его обычно изображают в виде ужасного черного существа громадного роста, в красной одежде. Его ваханой служит черный буйвол (ездовому животному в Тибете полагался божественный статус; тибетцы очень высоко ценили своих товарищей-коней). В руках у Ямы крюк и петля, с помощью которых он вытягивает у человека душу через отверстие в центре макушки.

Илл. 31. Гневная богиня Шридеви

Рядом с ним бегут два громадных черных пса с оскаленными пастьями, у каждого по четыре пламенеющих глаза, — они вынюхивают тех, чей срок жизни на земле подошел к концу. Сопровождают Яму еще и два пляшущих на трупах развеселых человеческих скелета, они — полновластные хозяева кладбищ, весьма почтенные персонажи.

Илл. 15

Яме противостоит Ямантака, Победитель Ямы, спасающий людей от смерти и от ада. Падмасамбхава провозгласил его гневной формой бодхисаттвы мудрости Манджушри, который, в свою очередь, является отражением дхьяни-будды Акшобхьи. У Ямантаки множество форм, его могут изображать красным, черным или синим существом с бычьей мордой, со многими головами, руками и ногами. Ямантаку часто путают с Ямой.

Среди дхармапал лишь два божества не имеют гневной формы — это Сита-Брахма, Белый Брахма, чисто индийское божество, и бог богатства Кубера, хранитель всех земных сокровищ. Злой демон Равана выгнал Куберу с острова Ланка, и несчастному пришлось удалиться в горы. В итоге он прибыл в Тибет, где Падмасамбхава сделал его одним из главных защитников буддизма. На танках Куберу изображают чаще всего как красного толстяка с большим круглым животом, сидящего со скрещенными ногами в позе лотоса. Его большие выразительные глаза внимательно глядят в лицо смотрящему на танку, доброжелательно выясняя, достоин ли тот доли в распределяемом Куберой богатстве.

Илл. 35

Ну а возглавляет это полчище гневных дхармапал Махакала, Великий Черный, яростное воплощение милостивого Авалокитешвары. Там, где бодхисаттва не справляется с ситуацией милостью и состраданием, он оборачивается к людям своим почерневшим от гнева, искаженным от ярости лицом. Махакала имеет 77 различных форм и каждый раз принимает ту из них, которая соответствует характеру предстоящих действий в соответствующей ситуации. Прибыл же этот герой из Индии, где был одним из знаменитых махасиддхи.

Илл. 38

Кроме всех этих существ, Падмасамбхаве очень важно было подчинить *сабдагов*, которые владели землей. Эти странные и очень могущественные существа обитают на любой поверхности земли, в пещерах, в горных расселинах, на скалах, а также в домах. Например, Нанглха, тибетский аналог нашего домового, может обитать в разных частях дома, а если очень холодно, то и в очаге. Будучи хозяевами буквально каждого клочка земли, сабдаги имеют огромное влияние на строительство храма, дома и любых других сооружений. Очень вредили они постройке монастыря Самье. Могли они также насыпать чуму, моровую язву и прочие ужасные болезни, и, надо честно сказать, в полной мере пользовались своими возможностями, чтобы наказать непочтительных к ним буддистов. Об-

Илл. 32. Бог войны Бегдзе (маска Цам)

лики они при этом принимали самые разные: могли обернуться древней старухой, бредущей с мешком за плечами и с посохом в руке, или существом с телом человека, а с головой крысы или дикого кабана. Возглавляет их Матерь всех сабдагов, старая и гневная, покрытая 80 морщинами. Она восседает верхом на черном баране, своей вахане, ее усталое старое тело скрывает желтая одежда, она ждет жертв и почестей. Начинать покорять сабдагов следовало с нее. Падмасамбхава так и сделал по одному ему известным правилам и полностью подчинил себе сабдагов, которые теперь слушались только его приказов.

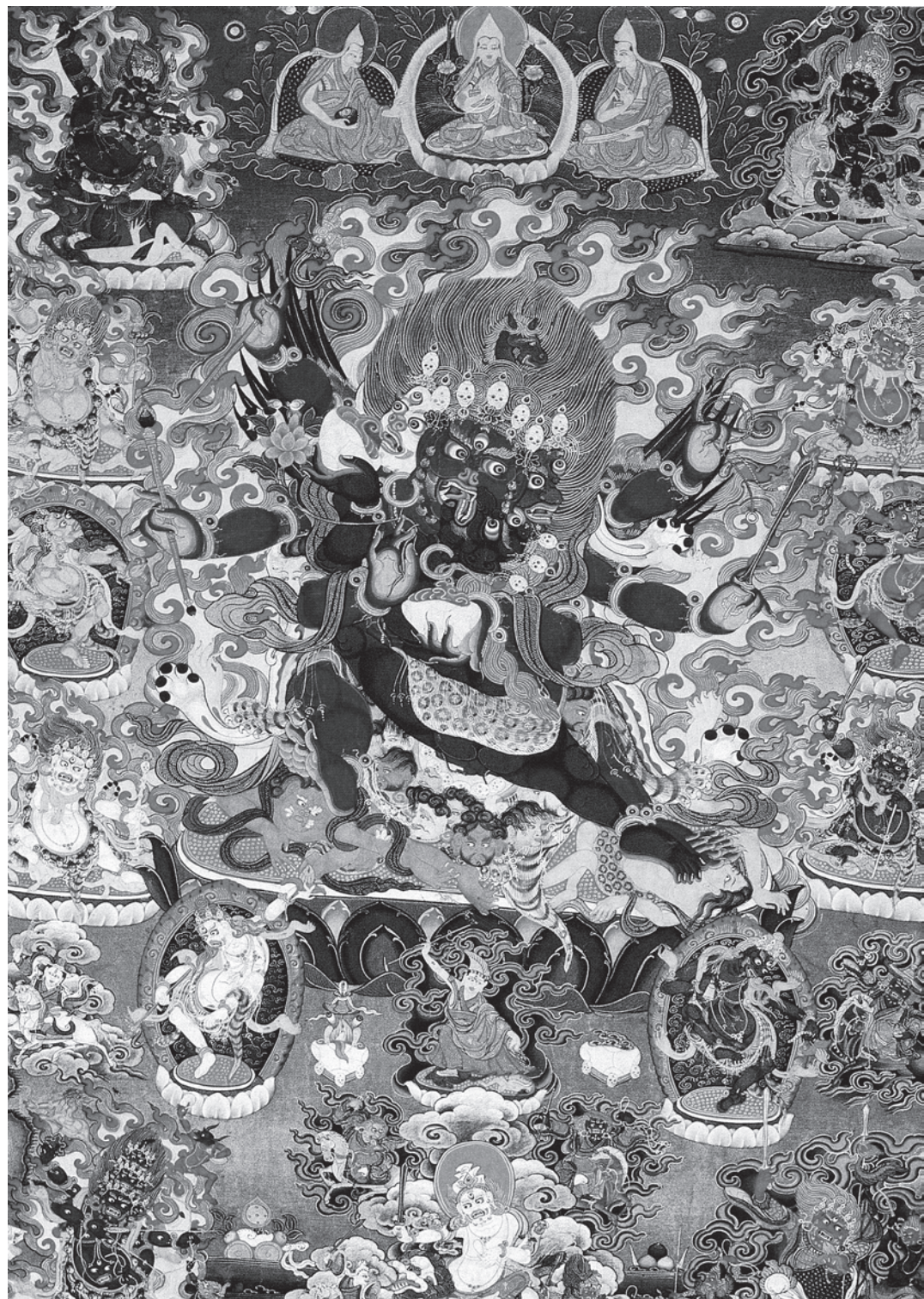
Первый великий танец

Укротив всех этих страшных существ, Падмасамбхава остановился и задумался. Не хватало какого-то очень важного, быть может даже самого важного, самого последнего штриха. И Падма не был бы великим волшебником и великим мудрецом, если бы не нашел его. Следовало связать всех ныне подвластных ему злобных существ, которых он зачислил в защитники Учения, неким подобием круговой поруки, совместной клятвой на крови, заставить их всех сразу принять буддистское посвящение очень высокого уровня. Тогда у них не будет никакой возможности сделать хотя бы шаг назад, вернуться к прежним злодействам.

И Падмасамбхава собрал всех этих чудищ вместе, не пропустив ни одного, и заставил принародно исполнить священный коллективный танец — мистерию Цам. Первым его исполнителям, естественно, не нужны были маски и специальные танцоры, ибо каждый персонаж исполнял в нем роль самого себя, и лица участников были ужаснее любой маски, которую только можно себе вообразить.

Каждый из участников во время танца должен был сначала сосредоточиться в медитации на определенное божество, которое в этот момент входило в танцора и становилась его идамом, то есть его собственной сущностью и одновременно его хранителем. По всей видимости, для Махакалы это был Авалокита, для Ямантаки — Акшобхья, для других участников — менее значимые буддистские божества, соответствующие внутренней природе каждого из медитирующих. Затем все участники, не прекращая общего танцевального движения, должны были войти в состояние сосредоточенной медитации о пустоте от самобытия всех вещей, включая и богов, ставших их идами, о великой Шунье как основе всего проявленного мира. Сила этой совместной медитации была столь огромна, что она очищала энергетику окружающего пространства, очищала души танцоров и души зрителей, которых собралось очень много.

Илл. 33. Хайягрива, покровитель лошадей

Сама танцевальная площадка, которой послужил двор монастыря Самье, превращалась в мандалу, то есть в схему обители божеств и их окружения, и каждый шаг приближал танцоров к центру мандалы, к тому божеству, с которым всем им предстояло слиться, приняв от него таким образом великое посвящение. Это делало всех участников единым сообществом, связанным братскими узами, так как они получили посвящение от одного и того же божества, что сделало их самих братьями по ваджре, а их взаимную связь — абсолютно неразрушимой ваджрной связью. Нарушение такой связи каралось смертью. Вероятнее всего, давшим посвящение божеством в этом первом танце был Самантабхадра, адибудда школы нyingма, передавший исходные учения, а главное, исходный энергетический импульс тем, кто входил в его мандалу-жилище. Этот импульс и связал их друг с другом и с буддизмом навеки.

Во время танца каждый герой был обязан читать строго определенные заклинания — *тарни* или мантры, которые и задавали ритм движениям, определяли рисунок танца. Завершалось все это действие сценой с «козлом отпущения». Живое существо, в нашем случае скорее всего человека, назначали ответственным за все мировое зло и зло конкретного места, и танцоры, впадшие в экстаз от бешеного, завораживающего ритма танца, сообща закалывали жертву трехгранными кинжалами, скрепляя свой только что обретенный союз совместно пролитой кровью, освобождая сознание жертвы от ее тела.

Таким было первое исполнение Цама, поставленное великим танцмейстером Падмасамбхавой, и оно дало немедленный результат: все препятствия к окончанию строительства монастыря Самье и к распространению буддизма Ваджраяны в Тибете были полностью устранены. Все остальные постановки Цама были лишь подражанием исходному образцу.

Думается мне, что Падмасамбхава многое заимствовал здесь у бонцев, кое-что принес с собой из Индии, а многое взял из народных традиций Тибета. Вспомним, как на подступах к Лхасе его увлекла за собой толпа танцоров в масках — танцую вместе с ними, Падма и прибыл в тибетский столичный град, к которому, как считают в Тибете, неуклонно ведут все дороги мира.

История Цам

А далее содержание мистерии оставалось практически неизменным, сценарии же варьировались, и их варианты в зашифрованном от непосвященных виде записывались в священных книгах.

Илл. 34. Владыка Смерти Яма

И вот что написано о Цаме в монгольской *Книге истории монастыря Эрдени-дзу*. В древности в Шамбале (таинственной и священной для буддизма стране) седьмой из двадцати царей Благородных, владыка людей Джебджугпайва учил, что великий йог, прежде чем усмирить главного демона, должен победить окружающих вредоносных духов. Для этого ему нужно надеть маску и подобающую случаю одежду, украсить себя украшениями и принять грозный вид. А в Индии в давние времена, когда встречались царь веры Ратнадаса, лама Вимала и небесная дакия Санваеше и давали неисчислимые благословения толпам людей, а также величественным дворцам, они поднимали с мест небожительниц и мудрецов и учили их многим танцам — *танцу богатыря* и другим. Наставник Падмасамбхава во время строительства храмов славного Самье, совершая обряд умирения местных демонов, установил огромный ритуальный круг и для него сочинил танец Цам. Этим он более всего способствовал умирению яростного противоборства божеств и демонов. А однажды светлейший Хайдуб Санджаеше, известный тибетский ученый XVI века, учитель первого Панчен-ламы Лобсанга Чойджина, явился в своем собственном обличье и повелел Панчен-ламе, своему ученику, учредить Цам. Тот выполнил повеление наставника и учредил Цам в монастыре Ташилунпо, резиденции Панчен-лам.

В трактате Далай-ламы V Нганга Лобсанга Гьятсо под названием *Заметки о Цаме лучших и славных, пляске богов*, написанном в XVII веке, о Цаме сказано следующее*. Телу необходимо придавать различные позы, руки следует трясти и делать ими еще и другие наполненные мудростью жесты (мудры). Языком следует читать молитвы, а в мыслях твердо держать то или иное божество. Все это должно быть проникнуто идеей о пустоте и иллюзорности и ни в коем случае не может быть превращено в утеху этой жизни, в ее восемь законов (радости и горести мирской жизни, обретение и потеря, благополучие и несчастье, известность и дурная слава, хвала и хула), то есть просто в игру. Надо быть бдительным и подбирать одежду и украшения сообразно смыслу.

Светлейший Джанджа Ролбидордже описал, как в пляске Цам должны изображаться могучие гении-хранители Учения Будды, заклинатели и великие йоги, уничтожающие и подавляющие злых и вредных демонов. Он учил, что танцор, приняв грозный и гордый вид, сам должен с силой и мощью призывать дух этих гениев-хранителей и заклинателей, и тогда во время исполнения Цама они будут разить вредных демонов — в этом и заключен смысл танца.

Цаму учили и учат в специальных учебных классах при больших тибетских монастырях, таких, например, как Брайбун, в так называемых *Намджа-дацанах*. Специально подготовленные люди изготавливают маски, большие черные *шунаги* — шапки, которые надевают монахи-танцоры, исполняющие роль *тарничей*

* Отрывок приводится в свободном изложении.

Илл. 35. Кубера, бог богатства

(заклинателей, произносящих формулы тарни), — а также предметы, которые держат в руках исполнители Цама. Специально изготавливаются одежды и украшения. Все это — работа профессионалов.

Вот как выглядел, например, один из вариантов Цам в Монголии. За два месяца подготовив все нужное для Цама и обучив танцу послушников, которых отобрал и натренировал опытный тибетский лама, монголы устраивали большое празднество, во время которого в течение пяти дней происходило чтение *Ганджура* — тибетского буддистского канона, состоящего из проповедей и поучений самого Будды Шакьямуни, а также *Данджура* — второй книги канона, состоящей из комментариев на слова Будды. Затем совершалось большое жертвоприношение всем защитникам Учения. В тот же вечер проводилась церемония благословения жертвы *балин* или *торма*, которую приносят духам в виде пирамидальных фигурок из теста. После этого еще четыре дня велось богослужение *данджуг*, которое состоит в том, что Учитель произносит мантру божества и затем посвящает ученика в мандалу этого бога, а также богослужение *джахор*. Джахор — это «железный ящик», символически изображающий жилище Ямантаки; в этот «дом», который является неизменным атрибутом Цама, загоняют злобных духов и уничтожают их вместе с «железным ящиком». Обе эти службы посвящены Ямантаке. Затем совершалось жертвоприношение книге *Ганджур*, которое заключалось в украшении ее ритуальными зонтиками, флажками, лентами и многими другими буддистскими драгоценностями, ибо книги всегда очень высоко ценились в буддизме (книга как «слово будды» всегда помещается выше изображения любого божества, так как изображение — это всего лишь «тело будды», а слово выше тела).

Тогда же двенадцать богинь мудрости (Эргемуджуни), Набучи (Большой Барабан), восемь богинь, несущие восемь жертвенных предметов (Чодби Лхамо), и десять хранителей десяти сторон света (Чог джиднжу) во главе с Цагаан Эбугеном, Белым Старцем, исполняли перед книгой *Ганджур* танцы Цам, чтобы показать их ей. Затем, установив джахор, ритуальный «железный дом», устраивали Цам, в котором участвовали: маски оленя и быка; Махакала с пятью товарищами; шесть Гонгоров — гневных защитников буддизма; пять Шалши — четырехликих гневных богинь, являющихся одной из многочисленных форм Махакалы; три Бегдзе; два Луджанга — «притворившихся ослами» оленя и буйвола; четыре владыки кладбищ; 22 шунага, носителя черных шапок, во главе с самим Великим шунагом; всего же в этом Цаме участвовали более ста персонажей. Вот такой был танец.

Вообще же сценарии Цама достаточно многочисленны и вполне поддаются описаниям, вот только их сокровенная суть всегда остается скрытой. В дацанах при буддистских монастырях хранились специальные руководства по Цаму, существовали ламы очень высокого уровня посвящения в учение тантр, и только они были способны руководить богослужением и постановкой Цама, не вправе ни на шаг отступить от его ритуального канона.

Цам дхармапал

Мы рассмотрим подробнее *Цам дхармапал*, или *Цам Шиндже*, то есть владыки мертвых Ямы. Его начинали готовить месяца за два — видимо, это обычный срок подготовки Цама. Приводился в порядок используемый в священном танце реквизит — музыкальные инструменты, костюмы, маски. Старые ламы, многократно исполнявшие именно этот Цам, готовили себе смену из молодых сильных лам, имеющих достаточно высокий уровень тантристского посвящения. Их обучали вначале каждого по отдельности, разучивая с ними каждое движение танца и соответствующую ему мантру, которую они во время танца должны произносить либо про себя, либо вслух. Затем участники репетировали группами и лишь потом танцевали все вместе под музыку. Вначале танцевали без масок, так как они достаточно тяжелы; впрочем, их тяжесть вполне оправдана — движения участников Цама должны быть «весомыми», внушающими зрителю благоговейный трепет и почтение. Маски надевались лишь после того, как танец был полностью разучен.

Но Цам не сразу выходит на улицу, этому предшествует закрытое священнодействие внутри храма, отнюдь не предполагающее посторонних глаз. Обрядом руководит лама высокого посвящения. Он одет в специальный костюм, который венчает высокий круглый головной убор с конусообразным верхом золотого цвета, символизирующий достигнутое его носителем полное Просветление, ибо цвет Просветления — золотой. Маски же ему не полагается, он идет с открытым лицом, на котором нет даже грима. Он — не персонаж Цама, он не играет роль, полностью вживаясь в нее, но действует от своего лица, изображая лишь самого себя, — и этого достаточно, ибо его личность значима сама по себе, она не ниже ранга изображаемых в Цаме божеств.

Этот человек, точнее, Высокий Лама, ровно в полночь распахивает настежь двери храма и вылетает из них, кружась в бешеном танце. При этом он произносит мантры или тарни, заклинания, которые задают ритм всем танцующим ламам. В руке главный распорядитель держит серебряную чашу, а прислуживаю-

Илл. 37. Дхармапала

щий ему лама, гораздо более низкого уровня посвящения, наливает в эту чашу кровь из *габалы* — чаши из человеческого черепа. Череп отнюдь не символический, и кровь вначале также была человеческой, лишь позже ее заменили на кровь жертвенного животного. После этого вступает оркестр, звучит оглушительная музыка, музыка неистового безумия. Лама-церемониймейстер спокойно отходит в сторону, хотя все остальные продолжают свой безумный танец, и не торопясь переливает кровь из своей серебряной чаши в бараний желудок, завязывает его, а затем берет приготовленную заранее из теста фигурку человека — *линка* — и вкладывает в нее наполненный кровью бараний желудок. Кровь — носитель жизненной энергии, так что теперь линка обретает жизнь, воплощая собой врага веры, символ всех грехов. Это «козел отпущения» Цама.

На рассвете ламы собираются все вместе на закрытую для непосвященных совместную службу. Здесь выносятся сделанная из теста пирамида с тремя вершинами, на средней из которых изображен человеческий череп. Эта жертвенная пирамида называется *сор*; это предмет, который ламы зарядили огромной разрушительной энергией. Грани пирамиды символизируют горячие языки пламени, а потому они окрашиваются в красный цвет, так что сор наделен силой сжигать врагов буддизма, которых обозначает линка.

Только после этого можно собирать зрителей, ибо закрытая часть закончилась. В центре внутренней квадратной ограды храма ставится стол под шелковым балдахином, а вокруг него чертят концентрические круги, по которым будут двигаться танцоры в костюмах и масках. За внешним кругом рассаживаются почетные гости, далее — простые миряне. Теперь храмовая площадь представляет собой мандалу царя Ямы, или Шиндже, главного героя этого действа. Концентрические круги, по которым располагаются божества из свиты Ямы, заключены в квадрат ограды, а благоговейные зрители также включаются в мандалу-дворец Ямы.

Теперь начинается собственно Цам. Вначале выносят и ставят на столик под балдахином сор и линка, затем вступает оркестр, стоящий сразу за внешним кругом. В оркестре задействованы трехметровые металлические трубы, которые приходится поддерживать и спереди, и сзади, трубы из берцовых человеческих костей, медные литавры, колокольчики и другие не менее экзотические инструменты.

Начинается танец с выхода двух хозяев кладбищ, *читипати*. Их облагающая черная одежда расписана белой краской, обозначающей кости, так что имитация скелета является достаточно убедительной, тем более что на головах у них красуются маски в виде человеческого черепа. Они исполняют пантомиму, отгоняя от сора маску ворона, норовящего склевать его. Четыре блюстителя порядка в строгих масках и с кнутами в руках надзирают за происходящим, стоя вне очерченных кругов. Затем появляются другие персонажи, выполняя элементы

Илл. 38. Черный Махакала (маска Цам)

танца с зажатыми в руках символическими предметами, каждое движение которых имеет особый смысл, понятный лишь малому числу зрителей.

Илл. 40 Только после такого вступления на сцену выходят главные персонажи мистерии — бог смерти Яма и бог войны Бегдзе, их сопровождают партнерши по тантристской практике. Отдельную партию и важную функцию в Цаме имеют монахи, пребывающие в состоянии глубокого самадхи — сосредоточения; они не носят масок и исполняют роль самих себя. Танцуют в этом Цаме, конечно же, и владыки местности, сабдаги. Все участники одеты в яркие костюмы, по всему телу их опоясывают тяжелые четки, к которым снизу подвешено 12 колокольчиков, сопровождающих своим звоном каждое движение танцовщиков.

Илл. 41 На протяжении всей мистерии в Цаме участвует Белый Старец — хранитель местности, а также населяющих ее людей и животных. Его роль, пожалуй, одна из самых важных: он исполняет веселые импровизации, добродушно отвлекая на себя внимание зрителей в самых важных местах Цама. Его благожелательное и непосредственное веселье резко контрастирует с рваным ритмом танца. Белый Старец радует глаз и сердце собравшихся, им трудно все время удерживаться в суровой атмосфере танца, который представляет собой чрезвычайно энергетически насыщенную коллективную медитацию, дающую сильнейшее поле энергетического воздействия.

Когда же Белому Старцу необходимо отвлечь от происходящего взгляды непосвященных? Во-первых, во время танца монахов, погруженных в самадхи, предельно сосредоточивших свои внутренние энергии. Во-вторых — и это, видимо, самое главное, — во время манипуляций с сором и линка. Под бешеный танец участников Цама и под «эстрадные выступления» Белого Старца высокие посвященные в мистические тайны ламы читают мантры-заклинания, как можно незаметнее выносят сор за монастырскую ограду и бросают его в костер, где он сгорает, унося с собой и жизни врагов буддизма. После принесения сора в жертву тут же уничтожается линка; этот обряд сопровождается кровью, которую выпускают из пронзенного пурбой бараньего желудка.*

* Справедливость требует добавить, что с помощью линка можно уничтожить любого конкретного человека. Так, Л.А. Уоддел в своей книге «Лхаса и ее тайны», вышедшей в свет в Лондоне в 1906 году, с искренним изумлением сообщает, что в монастыре Гьянтце им и его спутниками были обнаружены магические круги, предназначенные для того, чтобы убить чрезмерно любознательных европейских путешественников. Таких кругов было семь, и они символизировали различные виды магического оружия: 1) камни и другие метательные снаряды; 2) лодку для переправы через реку; 3) огонь; 4) мечи; 5) ураганы; 6) удары молнии; 7) стрелы.

Уоддел приводит текст заклинанья на убийство врага, который в вольном переводе и пересказе выглядит так: «Хвала мудрому богу! Для убийства чьего-либо врага необходим трехголовый трезубец (*тришула*), на котором в середине находится голова свиньи, справа —

*Илл. 39. Мистерия Цам в Урге
(Монголия, XIX в.)*

Итак, враги веры подавлены и уничтожены. Актеры сыграли свои роли, причем не просто сжились с ними, но на время танца полностью отождествили себя с изображаемыми персонажами, которых Падмасамбхава впервые собрал всех вместе, без всяких личин и актерства, в самом первом Цаме. И с тех пор Падмасамбхаве ежегодно посвящается особый Цам, исполняемый в 10-й день пятого или десятого лунного месяца

Таким, в масках и личинах, предстал Цам глазам известного бурятского тибетолога В. Барадийна. Но суть этого странного танца, повинующегося не столько звукам надмирной музыки, сколько ритму читаемых тарни, мало изменилась со времен Падмасамбхавы, и описание Цама дхармапал, сделанное Барадийном в дневнике в 1903 году, вполне согласуется с тем, что происходило во времена Падмасамбхавы.

Цам Калачакры

Нельзя пройти и мимо теоретических форм Цама, например, Цама Калачакры — танца, входящего в обряд жертвоприношения божествам мандалы Калачакры, всепоглощающего божества времени.

Для этого танца, исполняемого практически без масок, характерны три вида головных уборов, символизирующие три тела будды — *трикайя*. Первый вид головного убора, представляющий нирманакайя, является короной из изображений пяти дхьяни-будд дхармакайя, что символизирует видимый образ невидимого тела мирных божеств. Второй тип убора, представляющий самбхогакайя, — это расшитый золотом черный обруч с пятью небольшими черепами по верху, которые символизируют все тех же пять дхьяни-будд. С обруча свисает черная

голова быка, слева — голова змеи. На голову свиньи водрузи фонарь, положи ей в рот изображение человека (линка) из пшеничного теста. При этом верхняя часть тела человека должна быть черной, нижняя — красной, на верхней части нарисуй восемь планет, на нижней — двадцать восемь созвездий, а также восемь китайских триграмм, магический квадрат с девятью фигурами, когти тигра, крылья орла и хвост змеи. Повесь на левую сторону фигурки лук и стрелу, повесь хлеб и провизию ему на спину, воткни в него перо совы справа и перо ворона слева, воткни ему в голову кусок ядовитого дерева, окружи его со всех сторон мечами, помести красную стрелу справа, желтую — слева, черную — в середине. Потом, сидя в спокойной медитации, декламируй: этот трезубец с головой быка прогонит все чары бон, змея прогонит прочь все насланные на нас эпидемии, змея разгонит все колдовство духов земли (сабдагов), фонарь разгонит духов воздуха. О трезубец! Иссеки сердца вражеского войска!..» И далее в том же духе.

Беда в том, что вражеским войском на сей раз оказались европейские исследователи, и чудом они избежали смерти: вышеупомянутая свинья держала в зубах линка, изображавшую заблудших европейцев, и должна была проглотить ее, но почему-то она этого не сделала, и не в меру любопытные исследователи остались живы.

*Илл. 40. Бог Яма — персонаж мистерии Цам
(Монголия, XIX–XX вв.)*

Илл. 41. Белый Старец — персонаж мистерии Цам (Монголия, XIX–XX вв.)

клинания, ведущие мистерию танца, но не понимали их смысл, так как он вообще не подлежит расшифровке. Дело в том, что сила тарни или мантры заключена отнюдь не в ее содержании, не в ее смысле, но в произносимых с правильным интонированием звуках, которые неумолимо воздействуют и на божеств, и на энергетику окружающей среды. Поэтому они никогда не переводились с санскрита, так как звуки чужого языка были бы иными и не оказывали бы ожидаемого действия. (Меня просто умиляют наши нынешние руководства по йоге, предлагающие декламировать мантры в русском переводе, в котором они уже абсолютно бессмысленны и лишены какого бы то ни было действия.) Возможно, некоторые из высших руководителей Цама до какой-то степени и понимали смысл произносимых тарни, но это являлось совсем не обязательным, вполне достаточно было знать последствия производимых ими воздействий, то есть цель их применения.

бахрома, обозначающая волосы, закрывающая лоб до самых глаз. Вверх от обруча бахромы собирается в высокий пучок, кончающийся ваджрой, — символ воступа на макушке будды, его *уш-ниши*, знака Просветления. По бокам обруча заплетенная в две косы бахромы свисает на длину локтя, параллельно ей свешиваются две ленты. Значение — то же, что у нирманакайя: отражение высшего в низшем, непроявленного в проявленном. Третий головной убор — символ дхармакайя, высшего из трех тел будды, — представляет собой корону, на которой помещены первые санскритские буквы имен пяти дхьяни-будд. Четвертое, высшее тело ади-будды, тело свабхавикайя, визуальному изображению не подлежит.

Участники Цама Калачакры не столь многочисленны, как в Цаме дхармапал, в нем заняты всего 40 человек. Исполнители заучивали наизусть тарни — за-

*Илл. 42. Ритуальная церемония Цам
(Монголия, XIX–XX вв.)*

Ясно, что участники мистерии, особенно столь высокого уровня, как Цам Калачакры, высшего тантристского божества Ваджраяны, действовали в измененных состояниях сознания. Этому способствовало абсолютно все в Цаме — от музыки до чтения тарни и движения в соответствии с навязанным заклинаниями ритмом, а также сосредоточение в медитации о Пустоте. Очевидно, что при этом танцоры вполне могли воспринимать окружающий мир как иллюзию их собственного ума, и это было большим шагом на пути духовного становления. Далее, если индивидуальная медитация, будучи концентрацией наиболее мощной из всех существующих энергий, энергии ума, обладает громадной творческой силой, то слияние многих умов в коллективной медитации, в которую вводил захватывающий все физические и душевные силы танец, не могло не изменять окружающее. Считалось и считается, что Цам преображает не только своих

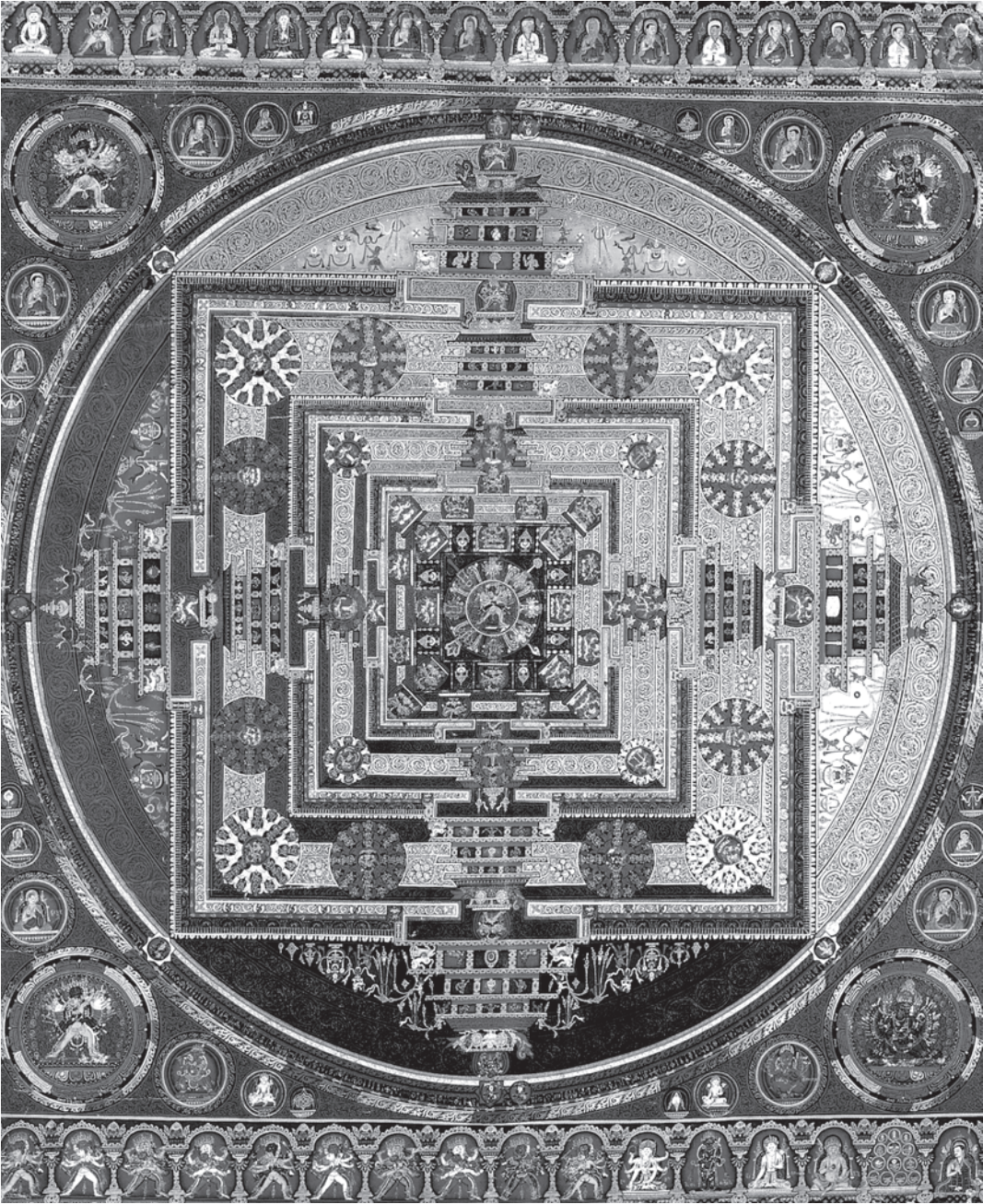
участников, но и пассивных зрителей, которым посчастливилось просто присутствовать при происходящем.

Весь обряд Цама Калачакры являлся жертвоприношением божеству времени. Прежде всего в специальном храме, посвященном Калачакре, на большом столе чертили мандалу Калачакры — схему его дворца, которая являлась также и диаграммой вселенной, схемой буддистского космоса в целом. Затем у владык местности просили разрешения освятить землю для выполнения ритуала жертвоприношения. Если обряд проходил весной, в апреле-мае, то его составной частью было жертвоприношение земле, совершавшееся без посторонних глаз в закрытом храме.

Летом же, в июле, мистерия исполнялась во дворе храма в присутствии зрителей. Характерной особенностью этого Цама-жертвоприношения является то, что жертвы богу Калачакре приносят богини-женщины, роли которых исполняют танцовщицы-мужчины. Отсюда особая пластика их движений и особый акцент на работу рук. Здесь на первый план выходят мудры — символические жесты рук. Например, *абхайя*, мудра защиты и дарования бесстрашия, выглядит так: правая рука поднята вверх и слегка согнута, ладонь поднята до уровня плеча и раскрыта вовне, что означает отдачу энергии, все пальцы вытянуты. В мудре *витарка*, что значит «аргумент», рука согнута, указательный или безымянный палец касается большого, остальные три пальца вытянуты вверх. *Варада*, мудра милосердия или даяния даров, характеризуется тем, что в ней рука свисает, все пальцы вытянуты вниз, ладонь полностью раскрыта вовне. Почти все мудры имеют вариации, но все их объединяет тот факт, что их язык абсолютно понятен и участникам танца, и искушенным зрителям, так что с помощью языка жестов можно сказать очень многое.

В Цам Калачакры включено всего двенадцать мудр, а весь обряд танца длится лишь два часа при сравнительно небольшом числе участников. В танце доминирует идея женского начала, богини Праджняпарамиты, воплощающей в себе конечную совершенную мудрость всех будд, предел, завершенность и абсолютную полноту знания, всеведение, полную законченность процесса познания, так как больше нечего познавать. Красной нитью проходит в этом Цаме также и идея *трикайя*, трех тел будды, восхождение по которым совершенно невозможно без женщины, и богини в своем изящном пластичном танце приносят самих себя в жертву Калачакре ради совместного достижения наивысочайших целей, слияния с ослепительно сияющей Пустотой.

Мандала бога Калачакры представляет собой четыре квадрата, вписанных в несколько кругов. Первый, внешний защитный магический круг состоит из жгу-

чих языков пламени, второй — из неразрушимых разящих ваджр (он называется ваджрным кругом), в третьем круге многократно повторено написание магического священного слога *Ом*. В каждый из заключенных в круги квадратов ведут по четыре входа, соответствующие четырем сторонам света. Каждый вход защищает соответствующее гневное охраняющее божество, находящееся в тантристском соитии с партнершей, что свидетельствует о достижении высшей мудрости, которая постигается лишь в единении мужского и женского начала. Всего таких квадратов четыре, каждый из них символизирует одно из четырех тел будды — нирманакайя, самбхогакайя, дхармакайя и свабхавикайя, отражая схему устройства как макрокосма, так и микрокосма. В центре находится дворец самого ади-будды Калачакры, пребывающего в тантристском единении со своей супругой Натсог Юм.

Каждый из участников Цама Калачакры имеет определенную ступень посвящения в мандалу Калачакры, дающую право на вход в мандалу вплоть до определенного уровня в зависимости от посвящения. Главные же участники этого Цама, получившие полное посвящение в Калачакру, имеют право войти в центр мандалы к Калачакре с супругой. Дело в том, что при посвящении они уже входили в самое сердце калачакринского дворца и получили здесь свое второе рождение в мандале от соития Калачакры с Натсог Юм. Не имеющий такого посвящения в мандалу не войдет, ибо его нечистое тело и некультивированный ум просто сгорят в огне мощных энергий Калачакры.

Танцоры — мужчины, изображающие женщин, — символизируют тантристское единство мужского и женского начал, ведущее в тантрах к Просветлению. Цам Калачакры движется вначале по линиям защитных кругов; преодолеть их можно лишь при достижении особых йогических психофизических состояний, в которых и пребывают танцоры, переходящие в состоянии глубокой ритмично выраженной медитации из круга в круг и из квадрата в квадрат. Преодолевая защитные круги и сопротивление охраняющих божеств — стражей ворот, танцующие постепенно восходят по лестнице тел будды, а избранные в кульминации достигают единения с ади-буддой и его супругой. Соединяя в себе мужское и женское начало и становясь ади-буддой Калачакрой, они передают свои вновь обретенные энергии присутствующим на представлении Цам и открывают их в мир, преобразая его.

Вот и все, что я смогла рассказать вам о Цаме. Но это еще не все из того, что было создано Падмасамбхавой, и об этом мы поговорим в следующих главах.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЕ И ТИБЕТСКИХ ВРАЧАХ

вовсе не утверждаю, что именно Падмасамбхава принес в Тибет искусство медицины. Однако очевидно, что оно пришла туда во время его тибетских подвигов и в славные годы правления царя Трисонг Дэвцэна, считающегося земным воплощением самого бодхисаттвы мудрости Манджушри. По всей видимости, тибетская медицина в конечном счете явилась синтезом индийских медицинских знаний с врачебным искусством носителей традиции бон. По крайней мере, существует предположение, что знаменитая техника иглоукалывания, или рефлексотерапия, первоначально возникла именно в Тибете, в его буддистских монастырях, и возникла она явно не на пустом месте. К сожалению, мы очень мало знаем о том, что принесли в мир бонцы.

Медицина — искусство жизни и смерти

Хочу сразу же предупредить читателя: когда вы читаете в популярных книжках о секретах китайской, тибетской или и вовсе восточной медицины, будьте уверены, что секретов никто вам не выдаст — вы получите лишь самые банальные рецепты.

Настоящая медицина всегда строго секретна и передается только от Учителя к ученику, книги же дают лишь узелки на память, требующие знания их шифра. И это очень мудро. Дело в том, что искусство исцелять всегда есть также

и искусство убивать. Искусство составления лекарства всегда есть также и искусство составления яда — все дело лишь в тонкой грани пропорций. Искусство исцелять с помощью балансировки энергий в жизненно активных точках есть также и искусство перекрывать ток энергий в точках смерти.

То есть вопрос состоит в том, *кто* владеет столь важным знанием, каков уровень личности. Ведь никто не знает, куда приведет нас путь познания, и важно правильно воспользоваться открытиями, сделанными на этом пути. Чем больше уровень знаний, тем больший груз ответственности ложится на владеющих им. Поэтому и Учитель медицины передает *все* свои знания лишь одному из своих учеников — главному ученику, который как бы воспроизводит на земле Учителя после его ухода. Всех остальных тоже чему-то учат, но они не становятся Великими Мастерами. Вспомним, что Падмасамбхава передал все собранные им знания своей главной ученице Еше Цогель, тогда как принцесса Мандарава получила лишь малую толику. И горе Учителю, если нет у него достойного ученика, который смог бы взять и понести дальше тяжкий груз его мудрости, — ибо в таком случае знания уйдут из мира вместе с Учителем, их нельзя вручать неготовому.

Так что главное в этой медицинской системе — не лекарство, а врач, мудрость которого должна быть равна его знаниям.

Бонские корни медицины Тибета проследить сложно, если не невозможно, но индийские ее основы видны очень ясно. В Индии медицинское знание считалось пятой Ведой — *Аюрведой*, или *Ведой Долгой Жизни*, знанием о продлении жизни, о долголетьи. Таким образом, медицина связывалась с древнейшим священным ведическим знанием, которое считалось безначальным, история же фиксировала лишь его носителей, как легендарных, так и исторически достоверных.

История Чжуд-ши

Основным медицинским трактатом Тибета является *Чжуд-ши, Четверокнижие*. Полный перевод названия этого знаменитейшего учебника медицины звучит так: *Эзотерический трактат сокровенных наставлений по восьми разделам, составляющим сущность эликсира бессмертия*. Отсюда ясно, что книга эта строго тайная, поэтому ее текст не может быть доступен для непосвященных. Так что, несмотря на наличие русских переводов этого текста, мы не можем рассчитывать на полное понимание его смысла — для этого необходим Учитель и долгое, может быть пожизненное, обучение.

Согласно канонической буддистской версии, исходный текст *Чжуд-ши* был проповедан самим Буддой Шакьямуни и записан *риши* (мудрецом) Маносиджи. В VII веке н.э. этот текст дошел, наконец, до кашмирского врача Чандрананды. В VIII веке н.э. знаменитый лоцзава (переводчик) Вайрочана привез этот текст в

Тибет, где и перевел его на тибетский язык вместе с врачом Ютокпой-Старшим. Ютокпа-Старший был лучшим врачом Тибета, много легенд связано с его именем, и согласно одной из них, именно он был истинным автором *Чжуд-ши*. Что ж, эта легенда очень похожа на правду. Дело в том, что и в Индии, и особенно в Тибете было принято приписывать собственные творения как можно более древним авторитетам, что как бы удостоверяло истинность и незыблемую ценность текста.

Как бы то ни было, Вайрочана и Ютокпа-Старший торжественно вручили свое творение царю Трисонг Дэвцэну; при этом присутствовал и сам Падмасамбхава, который к этому времени уже стал официально признанным наставником мудрого правителя. Конечно, Падма сразу же счел, что люди еще не доросли до понимания столь важной книги, а потому немедленно и тайно заложил свиток в терма, захоронив его в колонне центрального храма монастыря Самье, где он пролежал целых двести лет. И лишь в 1038 году, в 15-й день седьмого лунного месяца, тертон (профессиональный открыватель кладов) Чанен Ванцокпа сквозь толщу колонны внутренним зрением увидел книгу, достал ее оттуда, снял с нее копию, а сам оригинал как священную реликвию аккуратно вернул на место. И лишь еще через сто лет эта копия попала в руки Ютокпе-Младшему, который был перерождением Ютокпы-Старшего и жил в 1138–1213 годах. Ютокпа-Младший слыл не менее знаменитым врачом, чем Ютокпа-Старший, он учился в Индии и в Иране и отредактировал текст *Чжуд-ши*, приведя его в известный нам вид. Кроме того, он сам написал множество медицинских трактатов и основал собственную медицинскую школу. Вот такие необыкновенные люди стояли у истоков письменной медицины Тибета; несомненно, что существовала и устная традиция, возникшая задолго до появления на сцене наших героев.

Житие Ютокпы-Старшего

Намтар, или житие, Ютокпы-Старшего (*Юток Ентэн Генпо*) написал его потомок Лхюнчуб Джаси, выправил же рукопись и издал ее врач Лобсан Цечак, причем ему помогал лично Далай-лама V, живший в 1617–1682 годах. Лишь один из многочисленных трактатов Ютокпы-Старшего, называющийся *Точное описание диагностики по пульсу*, дошел до нашего времени.

Намтар рассказывает, что Конпо, лучшему ученику Ютокпы, приснился сон, в котором его окружили семь красавиц с кожаными медицинскими сумками в руках и потребовали, чтобы он узнал у Учителя подробную историю его жизни. Однако когда наутро Конпо обратился к Учителю с этой просьбой, Ютокпа категорически отказался выполнить ее. Тогда Конпо увидел во сне трех мужчин в белых одеждах, которые привели его в град, называемый Прекрасный, в великую столицу медицины, находящуюся в загадочной стране Уддияне, где живут маха-

сиддхи и где родился и вырос сам Падмасамбхава. Там на львином троне восседал будда Медицины, Владыка Бериллового Сияния, Верховный Целитель, который носит санскритское имя Бхайшаджья-гуру и тибетское Манла; на танках его всегда изображают голубым или синим, в соответствии с цветом берилла. И был он эманацией самого Будды Шакьямуни. Его окружали бодхисаттвы, божества и индийские мудрецы-риши, один из которых громко спросил, где сейчас пребывает славный и многознающий Ютокпа. Манла ответил, что живет он в мире людей, а после смерти прибудет в чистую землю града Прекрасного; если же кто-нибудь сумеет выпытать у Ютокпы поучительную и величественную историю его жизни, то такой человек достигнет Освобождения из круга сансары быстрее падающей звезды. Конечно же, пробудившийся от сна Конпо вновь отправился к Ютокпе с мольбой поведать ему свою жизнь. Много раз отказывался Учитель, до тех пор пока Конпо не принял твердого решения покончить с собой. Только тогда, убедившись, что Конпо просит о самом важном для него в жизни, Ютокпа начал свой рассказ.

Учитель сказал, что его род происходит от индийского божества по имени Банума, которое имело обыкновение время от времени спускаться на землю. И вот этот Банума вступил в связь с женой брахмана, что считалось в Индии совершенно непростительным грехом. Женщина успела родить от Банума двух сыновей, одного из которых звали Дордже Цекпе, а другого Шерэп Рэльчи. Затем терпение брахмана лопнуло, и во время одного из восхождений Банума на небо обманутый муж перерезал веревку, связывающую небеса и землю, после чего непосредственное общение людей и богов прекратилось. Судя по тибетским именам мальчиков, а главное, по перерезанной веревке, которая, конечно же, была серебряной нитью *му*, дело происходило вовсе не в Индии, как утверждает намтар, а в Тибете, причем во времена владычества бон.

Далее повествуется о том, как Шерэп Рэльчи полюбил красавицу Ичокму, что значит Похищающая Разум, которая на самом деле была богиней и знала свойства всех лекарственных растений. Сложность ситуации заключалась в том, что Шерэп был монахом, и за недозволенную связь с женщиной его выгнали из монастыря, а Ичокму заточили в бочку и бросили в реку. Но странствия и приключения пошли ей только на пользу: она приобрела множество волшебных предметов, одни из которых приносили богатство, другие даровали победу над врагами, третьи же исцеляли от всех болезней. Обогащенная знаниями, вернулась она к Шерэпу, их любовь более не знала ограничений, и Ичокма родила сына Гавэн Лочо, который принял царство у местного царя.

Илл. 44. Манла, будда медицины

У Гавэн Лочо было много сыновей. Одним из них был Бици Гаце, который глубоко познал медицину, и милостивая богиня Тара, покровительница Тибета, направила его в эту снежную страну, чтобы он научил тибетцев искусству врачевания. Царем Тибета в то время был Лхатхотхори Ньянцен — тот самый, на голову которого упали священные книги и реликвии буддизма, но во времена которого и долгое время спустя после его смерти в Тибете царил бон.

Много чудесных исцелений совершил Бици Гаце в Тибете, где у него родился сын Дунги Тхорцекцен. Индийские врачи посвятили его во все тайны своей врачебной науки, после чего отбыли на родину. А Дунги Тхорцекцен стал придворным врачом царя и положил начало целой династии тибетских врачей, к которой и принадлежал Ютокпа-Старший, а также и его перерождение Ютокпа-младший.

Много чудесных знамений предшествовало рождению Ютокпы-Старшего. А уже в три года, не учившись ни чтению, ни письму, он заявил своему отцу, врачу Кьюнпо Дордже, что читать и писать научился в своих прошлых перерождениях, оттуда же принес и выученные наизусть, как и полагалось в то время, тексты священных буддистских книг и медицинских трактатов. Отец проэкзаменовал сына и пришел к выводу, что тот превосходит его в познаниях. Тогда мудрый родитель отправил сына совершать обходы больных, но, поскольку трехлетний мальчик не мог носить тяжелую сумку с лекарствами, Кьюнпо Дордже приставил к нему своего ученика носильщиком.

Когда же мальчику исполнилось десять лет, царь Тибета пригласил его во дворец для диспута с девятью самыми знаменитыми врачами страны гор и снегов. Ютокпа выиграл диспут, и врачи признали его своим главой. В пятнадцать лет юноша, уже достигший, по тибетским меркам, совершеннолетия, вылечил царя Трисонг Дэвцэна от болезни глаз, грозившей царю слепотой, и исцелил множество больных, считавшихся неизлечимыми. В двадцать лет Ютокпа одержал блестящую победу в диспуте с лучшими врачами Индии, Китая, Кашмира, Непала и Персии, специально приглашенными Трисонг Дэвцэном.

После 25 лет Ютокпа трижды посещал Индию, где совершенствовал свои познания, а заодно пережил и множество смертельно опасных приключений, из которых всегда выходил с честью, демонстрируя способности махасиддхи. Так, он рвал наручники, словно бумажные нити, осушал озера, пламя костра превращал в воду, оборачивался то соколом, то выдрой, подчиняя себе своих врагов. Надо сказать, что Индия — это вообще страна приключений.

Однажды злой министр одного из индийских царств бросил Ютокпу в тюрьму. Но защитником нашего врача был сам шестирукий Махакала, слуга которого немедленно вырвал сердце из груди злодея. Тогда сам царь этого царства решил убить Ютокпу и окружил его всем своим огромным войском. Но и тут его постигла неудача. Одним магическим жестом рук Ютокпа заставил воинов сра-

жаться друг с другом, а когда поле сражения целиком покрылось телами убитых и раненых, воскресил мертвых и исцелил пострадавших, сам же стал невидимым и навсегда исчез с этого места. После этого не приходится сомневаться в том, что он был махасиддхи, великим достигшим, для которого нет ничего невозможного.

Конечно же, посетил Ютокпа и град Прекрасный, где получил наставления от самого будды медицины и собрал множество лекарственных растений.

Но вот нашему врачу минуло уже 85 лет, и к нему явилась дакия, которая повелела ему взять себе подругу и немедленно продолжить свой род — иначе он будет сурово наказан. Дакия вручила ему пятнадцатилетнюю красавицу, украшенную золотом и бирюзой, которую звали Дордже Цзамо. Отцом девушки был бог Хайягрива с лошадиной шеей, а матерью — богиня Ваджраварахи, Алмазная Свинья. Сама же красавица была дакиней сокровенной мудрости. И вот, когда Ютокпе было уже 90 лет, Дордже Цзамо родила ему первого сына, Бумсена. Когда же Ютокпе исполнилось 96 лет, родился у него и второй сын, Гаган.

Илл. 55

Вместе с Дордже Цзамо Ютокпа дважды посещал загадочную страну Уддияну, куда его приглашала та же дакия, что приказала ему обзавестись потомством. В первый раз оказавшись в Уддияне, около дворца Лотосовый Свет они увидели дакиню. В руке она держала сандаловое дерево с тремя корнями, девятью стволами, 45 ветвями и 224 листьями — именно так схематически изображается в тексте *Чжуд-ши* структура тибетской медицины со всеми ее разделами и подразделами. И на этом дереве восседал Манла, будда медицины, который и разъяснил супругам содержание *Тантры основ*, первого раздела *Чжуд-ши*. Таковы были плоды их первого путешествия в Уддияну.

Второй раз Ютокпа и Дордже Цзамо отправились в Уддияну на солнечном луче. Там они повстречали Падмасамбхаву, который устроил большое ритуальное празднество с участием махасиддхи, дакинь, йогинь и йогингов. Падмасамбхава дал прибывшим супругам наставление в сокровенной тантристской доктрине Великого Совершенства.

По возвращении на родину Ютокпы и Дордже Цзамо их сын Бумсен поинтересовался, могут ли их ученики, в числе которых был и он сам, тоже посетить Уддияну. Отец ответил, что это может сделать каждый, надо всего лишь обладать чудесными силами, то есть стать махасиддхи. Ответ наглядно свидетельствует о том, что вряд ли можно найти реальные географические координаты этой страны, поисками которых занимаются многие исследователи.

Но вот Ютокпа-Старший дожил до 125 лет и дал последнее наставление всем своим ученикам. Сразу вслед за этим на небе появились тысячи радуг и возникло ослепительное сияние. В радугу превратилось и тело Ютокпы, и в этом радужном теле он взмыл вверх, позвав оттуда Дордже Цзамо. Его возлюбленная супруга тут же превратилась в столб нестерпимо яркого света, взмыла вверх и растворилась в груди мужа. Тут оба они скрылись из виду, а земля вздрогнула,

послышались звуки прекрасной музыки, и ровно три месяца не иссякал падавший на землю дождь из прекрасных благоуханных цветов. А Ютокпа-Старший вместе с Дордже Цзамо немедленно переродились в чистой земле града Прекрасного, в столице медицины.

Таким был земной путь и такой была смерть великого основоположника тибетской медицины, потомственного искусного врача Ютокпы-Старшего.

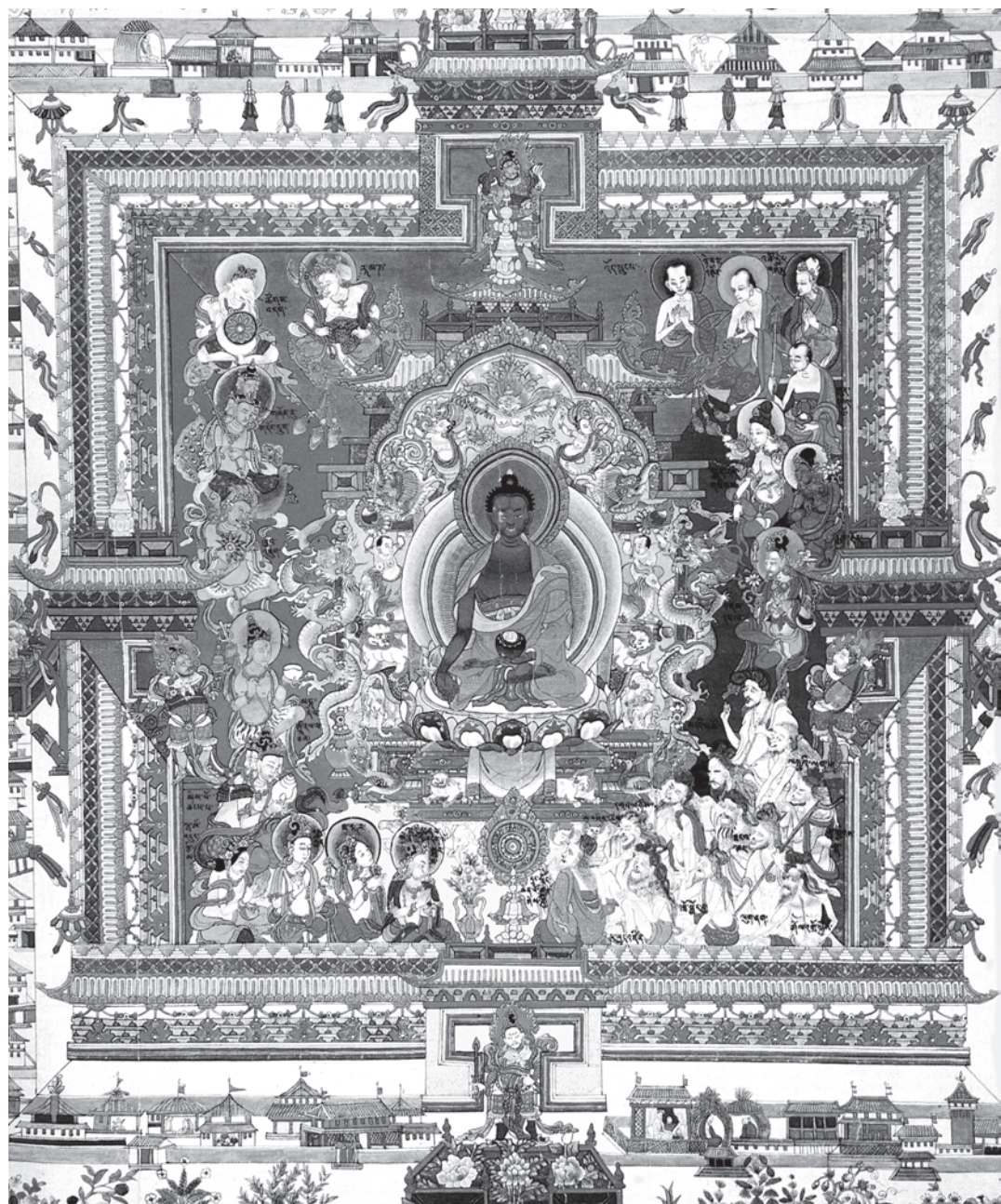
Божественная передача медицинского Учения

Согласно версии, предложенной намтаром Ютокпы-Старшего, тибетская медицина происходит из вневременного источника всеведения, к которому непосредственно приобщен Будда Шакьямуни — он и передает людям медицинское знание, содержащееся в трактате *Чжуд-ши*. В тексте этого памятника изложение ведется от лица Будды Шакьямуни, принявшего ипостась будды медицины, то есть Бхайсаджа-гуру или голубого Манлы. Погрузившись в глубокое самадхи, то есть выйдя на наивысший уровень медитации, Будда черпает медицинское знание непосредственно из вечного абсолютного всеведения, свойственного дхармакайя.

Для передачи своих знаний окружающим Будда выбирает весьма оригинальный способ. Он испускает из сердца свою эманацию, учителя Рикпэ Еше, обладающего зеркалоподобной мудростью точного отражения, свойственной дхьяни-будде Акшобхье. И именно Рикпэ Еше излагает Учение, давая ответы на вопросы эманировавшего из языка Будды Шакьямуни риши Иль Кье, который воплощает речь Будды и обладает мудростью различения, свойственной дхьяни-будде Амитабхе. Таким образом, отвечающий и вопрошающий, Учитель и ученик в равной мере являются эманациями Будды и по окончании работы по передаче текста *Чжуд-ши* вновь входят в Будду, растворяясь в нем, ибо они принимали воплощение в нирманакайя лишь для строго определенной цели — как можно более доступно поведать людям основы медицинских знаний.

Свою большую проповедь, целиком посвященную медицине, Будда Шакьямуни произнес в граде Прекрасном. Многие исследователи пытались и пытаются определить точное месторасположение этого города, но дело в том, что речь идет о чистой земле, о мандале, месте обитания будды медицины и его окружения. А мандала, как известно, тесно связана с процессом медитации, дающей возникновение всему на свете, так что и сама мандала создается силой медитации Будды и того, кто медитирует на эту мандалу, которая обычно называется медицинской.

Илл. 45. Медицинская мандала

Медицинская мандала

В центре этой мандалы находится дворец, возведенный из пяти драгоценностей и украшенный драгоценными камнями *норбу ринпоче*, которые имеют силу исцелять 404 болезни и исполнять все желания. Неудивительно, что эти камни находятся в сокровенной и тайной мандале, вход в которую открыт лишь посвященным в нее высокоразвитым личностям, ибо посвящение никогда не дается недостойному. Представьте себе на минуту, что было бы, если бы Вы овладели этими камнями и все Ваши желания немедленно начали бы исполняться... Недаром ведь говорят, что когда Бог хочет покарать человека, он начинает исполнять все его желания.

В этот дворец ведут четыре входа, ориентированные строго по сторонам света и охраняемые четырьмя ужасными с виду, но глубоко преданными стражами. В центре дворца возвышается лотосовый трон, на котором восседает Верховный Целитель, его голубое тело светится, словно чудный берилл.

На юге от этого дворца находится гора Проникающая, наполненная силами Солнца. На ней растет дивный сад с различными растениями, излечивающими болезни холода.

На севере стоит гора Снежная, наполненная силами Луны. Растения из ее сада излечивают болезни жара.

На востоке высится гора Благовонная, в которой влияния сил Солнца и сил Луны пребывают в полной гармонии, взаимно уравновешивая друг друга. Растут на ней лекарственные растения, исцеляющие строго определенные болезни.

На западе расположена гора Малайя. В ней силы Луны и Солнца также равны, и есть на ней как лекарственные растения, так и мумие, и горячие источники, и целебные минералы. А еще водятся там различные животные, тоже дающие разнообразные лекарства.

Что ж, все это вполне естественно. Когда индийскому ученику врача предстояло испытание, его обычно отправляли в лес или на луг и предлагали принести оттуда те вещества, которые нельзя использовать в качестве лекарства. Если ученик был хорошо подготовлен, он обычно возвращался из этой экспедиции крайне расстроенный, сообщая, что не обнаружил ни одного непригодного к лечебному употреблению вещества или растения. Это означало, что экзамен он успешно выдержал, потому что в природе нет ни одного субстрата, который не мог бы быть лекарством или ядом.

Но вернемся к Владыке Бериллового Сияния, который спокойно и величественно восседает на лотосовом троне в окружении свиты, располагающейся четырьмя кругами. Во внутреннем круге пребывают бодхисаттвы Манджушри, Авалокитешвара и Ваджрапани, почитаемые как воплощения тела, речи и ума Будды Шакьямуни, а также Ананда, любимый ученик Будды, и Кумараджива, его

лучший врач. Далее, в следующем круге, располагаются риши, индийские божественные мудрецы Атрея, Агнивеша, Немидхра и другие. В третьем круге находятся индийские божественные лекари: целитель богов, сам тоже бог, Праджапати, лекари богов Ашвины — божественные братья-близнецы, боги-кони; здесь же пребывают глава индийских богов Индра и богиня Амрита, олицетворяющая напиток бессмертия. В четвертый, внешний круг входят индийские божества, особо почитаемые противниками буддизма, — верховная индуистская триада Брахма — Вишну — Шива и другие боги.

И происходит здесь весьма драматическая и очень показательная история. В тот момент, когда Учитель произносит свое слово, каждый из членов четверичной божественной иерархии свит понимает его по-своему, следуя традиции своих Учителей. Традиция *Чжуд-ши* — это традиция риши; три другие образуют соответственно три других традиции или школы.

Учение о человеке в тибетской медицине

Врачебная наука Тибета, вымедитированная в мандале путем подключения к космическим телам Будды, исходит из весьма экзотического для нас принципа: что здесь, то и там, а чего нет здесь, того нет нигде. Поэтому все кажущиеся запредельными космические реалии находятся очень близко от каждого, точнее, внутри каждого из нас, и чтобы заглянуть в глубины мироздания, надо посмотреть вглубь самого себя. Строение человеческого тела полностью отвечает строению буддистского космоса, и человек состоит из трех тел будды, согласно медицинской традиции, и из четырех — согласно учению высшей тантры, Калачакратантры.

Чтобы получить представление об этом учении, возьмем «Атлас тибетской медицины» — выдающийся труд, можно сказать, дело всей жизни нашего блестящего тибетолога Ю.М. Парфионовича, ныне покойного. В нем приведен свод иллюстраций к знаменитому тибетскому медицинскому трактату *Вайдурья онбо, Голубой берилл*, написанному в XVII веке Сангье Гьятсо, и, кроме того, дана сжатая и точная реконструкция сложнейшего содержания этого текста, являющегося наиболее авторитетным комментарием на текст *Чжуд-ши*. Посмотрим, из каких представлений о человеке исходит столь популярная ныне тибетская медицина.

Человеческий организм рассматривается в ней как единство трех тел будды: *основания дхармакайя, основания самбхогакайя и основания нирманакайя*. Основание дхармакайя, непроявленного тела абсолютной истины, представляет собой тончайшее сознание, опирающееся на тончайший энергетический ток. Это тело попадает в организм в момент зачатия из состояния бардо — посмертного промежуточного состояния, — входит в центр слияния отцовской и материнской

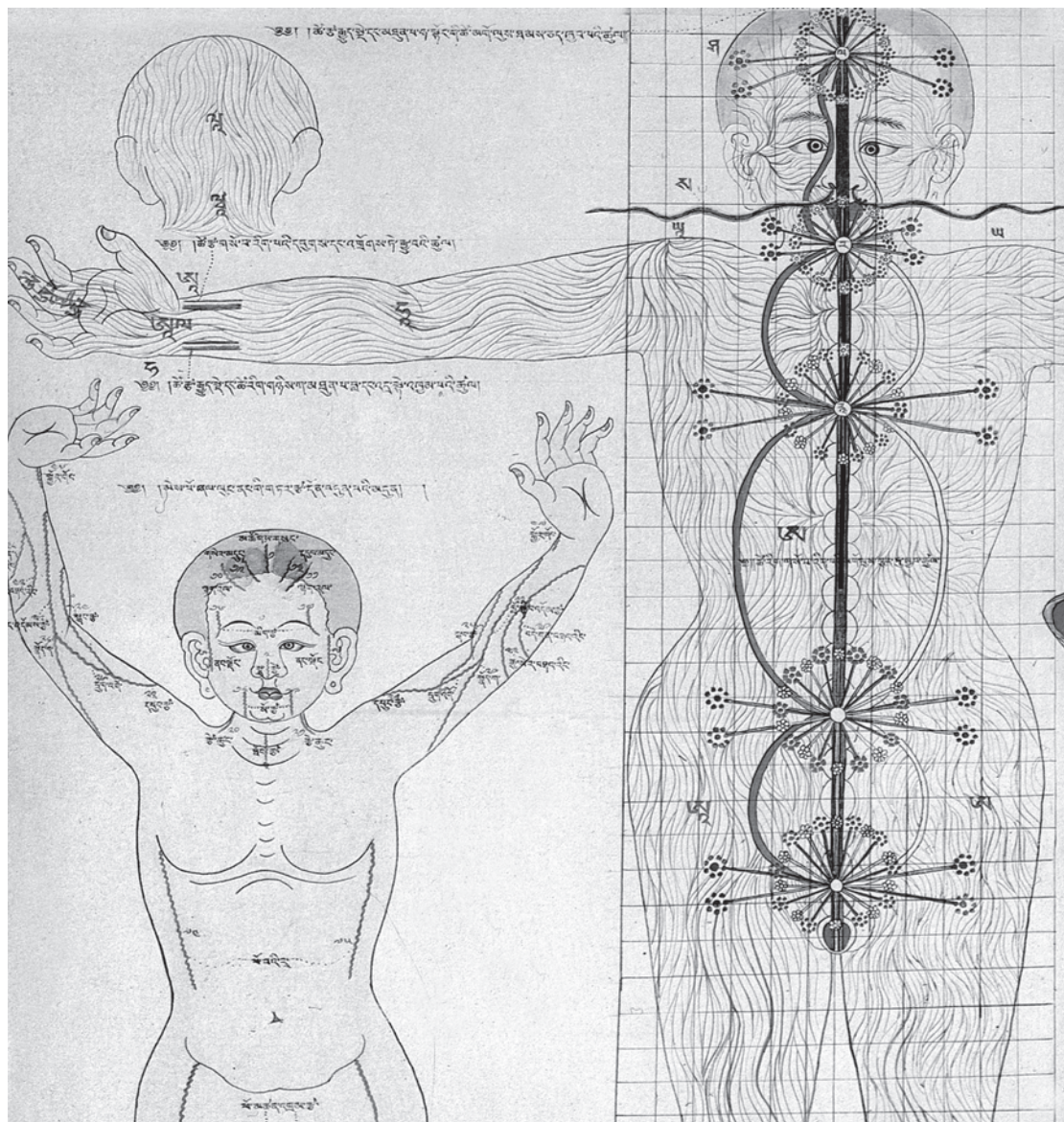
зародышевых жидкостей и делает эмбрион одушевленным. Так что вопрос аборт здесь не встает, ибо жизнь человека начинается с момента зачатия. Потому-то и возраст человека в Тибете отсчитывается не с года рождения, а с года зачатия, и мы неправильно определяем свой знак по восточному гороскопу, считая его с момента рождения.

Далее из основания дхармакайя начинается процесс формирования основания самбхогакайя, «тонкого тела», которое возникает в первые два месяца развития эмбриона и имеет четко выраженную структуру, состоящую из множества сосудов, *ца*, по которым течет уже не тончайший, но тонкий психический ток, несущий жизненные сущности — *тхикле* или *бодхиचितта*. Эти множественные сущности эмануруют, истекают из единого главного тхикле, находящегося в *чакре* (энергетическом узле) сердца. Именно здесь сознание жаждущего переродиться живого существа, находящегося в состоянии бардо, проникает в смесь мужской и женской зародышевых жидкостей, давая начало развитию эмбриона. Главное тхикле представляет собой некое образование величиной с маленькую горошину или с большое белое горчичное зерно. Оно включает в себя чистую квинтэссенцию пяти первоэлементов, представленных пятью дхьяни-буддами, образующими пятицветный ореол, а также абсолютное сознание дхармакайя с его опорой на тончайший энергетический ток; таким образом, главное тхикле принадлежит к уровню основания дхармакайя.

Главное тончайшее тхикле порождает белые (отцовские) и красные (материнские) тхикле, которые находятся во всех сосудах и чакрах тонкого тела, основания самбхогакайя, причем белые тхикле преобладают в чакре головы, а красные — в чакре пупка. Это тонкие тхикле, их общее название — *ла*, «жизненная сущность», «жизненная энергия». Это ее забирали у человека, вселяя в фигурку *линка*, уничтожение которой было и уничтожением человека, лишенного своей жизненной силы.

Далее из основания самбхогакайя формируется основание нирманакайя — грубое тело из плоти и крови, которое только и знает современная научная медицина. Грубое тело проявляется уже на уровне нашей обыденной жизни. На стадии формирования зародыша белые тхикле дают начало костному мозгу, костям и мужскому семени, а красные — коже, мышцам и крови, в том числе маточной зародышевой крови. Поэтому мужское семя и маточная зародышевая кровь также называются белыми и красными тхикле, но это уже не исходные тонкие тхикле, а тхикле грубые, присущие телу из плоти и крови.

По каналам *ца* распространяются токи тонких и грубых тхикле, причем в разных традициях насчитывается от 72 тысяч до 13,5 миллионов таких каналов. На уровне, доступном нашему непосредственному восприятию, проявляется только грубое сознание, связанное с органами чувств. Всего же существует пять «врат сознания», они расходятся в виде лепестков из центра сердца, *дхармачакры*, по

Илл. 46. Каналы и чакры человеческого организма
согласно тибетской медицине

пяти сосудам. Передний сосуд несет в себе ток грубого сознания пяти органов чувств. По правому сосуду струится *алайявиджняна* — ток космического сознания-хранилища, из которого черпается вневременное знание. Если ранее алайя-виджняна представляла перед нами как чисто отвлеченное понятие, то теперь мы видим, как в тибетской медицине эта сущность реализуется уже на уровне жизненных структур организма, входя в систему весьма специфической психофизиологии. Далее, по западному сосуду идет ток сознания, омраченного загрязнением, в центре находится «прекрасное сознание», а левый сосуд несет в себе воспринимающее сознание.

По сути дела, в трех телах, из которых состоит человеческий организм, проявляют себя три тела будды, только в неочищенном, неосознанном, некультивированном виде. Если проявленное на уровне человека основание дхармакайя очистить от омрачений, то оно превращается в дхармакайя, тело истины, становится телом будды. Если тонкое тело, или основание самбхогакайя, очистить от омрачений, то оно станет самбхогакайя, телом будды. И если грубое тело, основание нирманакайя, очистить от омрачений, то оно также превратится в тело земного будды, в собственно нирманакайя.

Таким образом, человек при жизни может стать буддой, если проведет определенную работу со своим триединым телом. На этом основаны практически все техники медитаций, исходящие из того, что нет будды вне нас, но будда есть внутри каждого из нас. Фактически, медицинское учение о человеческом организме дает нам четкое отражение учения о мире как теле будды, казавшегося столь мистическим и чисто спекулятивным.

Структура тибетской медицины

То, что мы рассмотрели выше, — это первооснова тибетской медицины, во многом перекликающаяся с медициной индийской. Структура же тибетской медицины задана символикой того дерева, которое увидел Ютокпа-Старший в граде Прекрасном, и она полностью отражена в трактате *Чжуд-ши*, в главах 3–5 его первой книги, которая называется *Тантра основ*.

Так, первый из трех корней волшебного дерева символизирует человеческий организм. От этого корня вырастают два ствола, первый из которых показывает устройство здорового организма, а второй — организма больного. Ветви и листья первого ствола суть названия основных элементов человеческого тела, главными из которых являются *пневма*, *желчь* и *флегма*. Каждое из этих трех начал выступает в виде пяти токов энергии, обеспечивающих жизнедеятельность организма в целом. Три основных элемента тела должны быть правильно сбалансированы, чему служат правильное питание, здоровый образ жизни, своевременная лечебная профилактика. Все это обеспечивает человеку долголетие, матери-

альный достаток и духовные достижения. Ветви и листья второго ствола представлены названиями первопричин болезней, внешних факторов, способствующих недугам, мест локализации болезней и поражаемых ими органов, причин смертельных исходов болезней и т. д.

Второй корень символизирует комплексную методику диагностирования. Из этого корня растут три ствола, соответствующие трем видам диагностики. Первый ствол — это схема визуального осмотра больного, одна его ветвь — осмотр языка, вторая — осмотр мочи пациента. Листья этих двух ветвей суть описания состояний языка и мочи при болезнях пневмы, флегмы и желчи. Второй ствол — общая схема исследования пульса. Его ветви и листья — это характеристики пульса при различных заболеваниях. Третий ствол — общая схема опроса больного; это не менее важно, чем другие способы диагностики, и тибетский врач обычно уделяет опросу больного очень много внимания. Три ветви этого ствола обозначают болезни соответственно пневмы, флегмы и желчи, а листья на них суть краткое перечисление причин и симптомов болезней.

Третий корень обозначает весь комплекс лечения, включающий в себя диету, режим, лекарства и лечебные процедуры. От этого корня поднимаются четыре ствола, которые обозначают четыре указанных компонента лечения. Ветви и листья первого ствола суть перечисления основных продуктов питания и напитков, рекомендуемых при лечении трех типов болезней. Ветви и листья второго ствола — это рекомендуемые режимы поведения больного. Ветви и листья третьего ствола отражают вкус, вид и свойства необходимых лекарств, а также лекарственное сырье и способы изготовления лекарств. Ветви и листья четвертого ствола суть названия различных процедур, рекомендуемых при определенных заболеваниях. Напомним, что все существующие болезни классифицируются по трем видам: болезни пневмы, флегмы и желчи.

Итак, в первой книге *Чжуд-ши* изложена в виде наглядной схемы сущность науки врачевания, состоящей из трех корней, девяти стволов, 47 ветвей и 224 листьев. Сангье Гьятсо, автор медицинского трактата *Вайдурья онбо*, утверждает, что *Тантра основ* включает в себя в виде семени содержание всех остальных книг, а потому понять ее содержание могут лишь люди, одаренные высшим интеллектом. Столь наглядное и образное изложение обширного материала следует общему правилу всех тибетских Учителей: начинать обучение с одновременного схватывания целого. Их любимая поговорка: «Не познав ствол, не хвтайся за ветви».

Вторая книга *Чжуд-ши*, *Тантра объяснений*, излагает в деталях теоретический аспект *Тантры основ*, а потому она уже доступна и людям со средними способностями. Третья книга дает конкретные наставления и называется *Тантра наставлений*; в ней разъясняется смысл второй книги в сугубо практических терминах, а потому она доступна уже и вовсе неодаренным людям.

Четвертая книга носит название *Заключительная*. Самая интересная для нас — ее первая часть, посвященная описанию того, как поставить диагноз по пульсу и моче. Причем с ее помощью можно не только поставить диагноз, но и выявить конкретных злых духов, вызвавших болезнь, а потом путем должных ритуалов изгнать или уничтожить вредоносных демонов, а иногда и умиловать их и таким образом исцелить больного. Более того, по характеру пульса и мочи лекарь может предсказать смерть или выздоровление пациента и предвидеть события, ожидающие как его самого, так и его семью. И первая, и остальные три части *Заключительной книги* изложены в виде конкретных рекомендаций, так что понять ее может даже мало продвинутый в теории ученик.

Вся книга написана в виде кратких стихотворных строф, поскольку она предназначена для заучивания наизусть. Но эти строфы, как мы уже говорили, — всего лишь узелки на память, основное же знание передается Учителем применительно к уровню не только интеллекта, но и личности ученика.

Познакомившись с общей структурой главного учебника тибетской медицины, мы с вами остановимся на двух ее аспектах — пульсовой диагностике и иглорефлексотерапии, поскольку они дадут нам наилучшее представление о специфике тибетской врачебной науки и о требованиях к личности ее носителей.

Акупунктура и пульсовая диагностика

В основе тибетской (как, впрочем, и восточной вообще) иглорефлексотерапии, или акупунктуры, лежит учение о пяти исходных элементах-энергиях: *акаша* или эфир, *вода*, *земля*, *огонь* и *воздух* или ветер. По сути, здесь мы вновь встречаемся с мандалой пяти дхьяни-будд дхармакайя, отраженной в теле человека. И здесь, как и в космическом теле будды, эти пять основных стихий, из которых складывается все мироздание, являют собой токи космической энергии; их кругооборот дает объяснение и миру в целом, и человеку как его части, воспроизводящей в себе целое.

Как и в мандале пяти дхьяни-будд, каждый элемент представляет собой весьма многозначный символ, и значение его меняется в зависимости от того, к какому уровню эта схема применяется. Так, если мы хотим с ее помощью изобразить циклические изменения в макрокосме, то акаша выступит в качестве оси и центра этих изменений; вода будет символизировать утро, весну, восток, начало процесса развития; земля — день, лето, юг, максимальную точку развития процесса, максимум активности; огонь — вечер, осень, запад, начало процесса упад-

Илл. 47. Древо медицины

ка; воздух — ночь, зиму, север, полный упадок, минимум активности. Пять стихий, или пять токов космической энергии, передают воздействия планет солнечной системы организму человека, как и всякому другому живому организму, так что эта схема универсальна. Каждая из стихий или энергий воздействует на строго определенную структуру человеческого тела, в котором все органически связанные системы состоят из плотного и полого органа.

В этой системе с элементом воды в организме человека связаны печень, желчный пузырь, глаза, мышцы, эмоция гнева. С этим элементом также связаны кислый вкус, белый цвет. Ему соответствует процесс рождения, а из сторон света — восток. Соответствия такого рода установлены и для остальных четырех элементов, символизируя одну из пяти систем организма, одну из пяти эмоций, один из пяти вкусов, один из пяти цветов, одно из пяти изменений, одну из пяти сторон света (в которые кроме четырех направлений входит также центр). И все вещи и явления в мире классифицируются в соответствии со своим элементом. Фактически невозможно найти ничего, что не вписывалось бы в схему пяти элементов, ибо это универсальная модель вселенной и человека.

Далее, в строгом соответствии со временем энергия циркулирует в организме по так называемым *меридианам*. Основных меридианов двенадцать, полный круг циркуляции энергии по этим меридианам длится 24 часа, то есть ровно сутки, и максимум напряжения энергии в каждом из меридианов длится ровно два часа. Меридианы — это линии, по которым располагаются «жизненные точки» или «норы духа»; через эти точки происходит энергетическое взаимодействие человека с внешней средой, энергообмен между человеком и космосом. Болезнь возникает как следствие нарушения такого обмена, и тогда в определенную точку наносится укол.

Европейская медицина, познакомившись с восточной методикой лечения посредством прижигания или иглоукалывания определенных точек на теле человека и животного, не нашла никаких физиологических соответствий меридианам и очень долго отвергала как само существование меридианов, так и, тем более, учение о пяти элементах-энергиях. Дело в том, что ни пять основных стихий, ни линии меридианов вовсе не выражены в нашем видимом теле, но проявлены лишь в тонком теле, само существование которого для современной медицины представляет собой абсолютный нонсенс.

Жизненная энергия — это та самая *ла* в тибетской культуре и *прана* в культуре индийской. Здесь главное тхикле, относящееся к уровню дхармакайя, порождает множественные более плотные тхикле, и все они как раз и составляют *ла*, жизненную энергию человека, циркулируя в жизненных сосудах тонкого человеческого тела. *Ла* максимально проявляет свои потенциалы лишь в определенных точках живого тела, с которыми и оперирует акупунктура, причем эти точки отнюдь не постоянны, они меняются в зависимости от дня лунного меся-

ца. Поэтому врач должен учитывать периоды кульминации и периоды затухания потенциалов *ла*.

Традиционная тибетская и вся восточная медицина исходит из того, что между пятью элементами существуют различные виды связей, и все эти связи представлены в человеческом организме. Нарушение любой из связей ведет к болезни, так как при этом в организме утрачивается необходимое равновесие. Воздействие на точку контакта организма со средой восстанавливает нарушенный энергетический баланс организма и среды. Лечение решает задачу восстановления правильных связей между элементами, для чего необходимо учитывать все связи организма и космоса.

При этом традиционная восточная медицина никогда не работает с абстрактной болезнью, всегда лишь с индивидуальным случаем, а выход на индивидуальные свойства и особенности человека осуществляется с помощью астрологии, на которую в конечном счете замыкаются все данные тибетской медицины. Без астрологии этой медицины просто нет. Помните, что творилось на земле, когда Манджушри спрятал от людей астрологические тексты? Хаос тогда воцарился в Тибете, и вымерли бы там люди, если бы Падмасамбхав не вернул им астрологические руководства. Выход медицины на астрологию чрезвычайно сложен, да и не афишируется он носителями древнего знания, оставаясь достоянием мудрецов.

Только связь медицины с астрологией может дать целостную картину взаимосвязей, столь необходимую для выбора точек, на которые необходимо воздействовать в каждом конкретном случае, дать возможность учесть все связи. Но как может научиться этому врач-рефлексотерапевт? Современный европейский — никак, а вот врач тибетской культуры имеет для этого все необходимое.

Особенностью принятого на Востоке исследовательского подхода является изучение всех функций организма в целом, а не отдельных органов. Но чем сложнее функция, тем труднее ее понять и объяснить с помощью аналитического разложения на составные части, сложную функцию проще научиться сразу воспринимать как целое. То есть нужно развивать у исследователя способность целостного видения, а это, в сущности, означает формирование таланта, который никак не исчерпывается только навыками мышления, но сопряжен с целостной структурой личности. Именно личность в целом формировалась в традиционной восточной системе обучения, в том числе и в обучении врача.

Чтобы почувствовать специфику этих знаний и навыков, остановимся коротко еще на одной характерной черте тибетской медицины — пульсовой диагностике, без которой традиция считает невозможной работу врача. Древние сравнивали пульс с ощущениями, прикосновениями, звуками, зрительными восприятиями. Так, например, поверхностный пульс напоминал им колыхание перьев птицы при очень слабом ветре или плавание по воде кусочка дерева, длинный

пульс описывался как ни большой, ни маленький, напоминающий движение пальцев по бамбуку, и т. п. И решительно ничего более определенного ни одно традиционное руководство об этом не сообщает, придавая каждому описанию исключительно субъективный характер.

Для человека, владеющего пульсовой диагностикой, такое описание является вполне достаточным, более того, единственно возможным. То, как именно ставится диагноз с помощью этого метода, нельзя объяснить даже самому себе. Этому методу нельзя научиться с помощью книг, его может передать тебе только Учитель. Причем в процессе обучения желательно иметь контакт только с Учителем, все другие контакты считаются излишними и резко отсекаются. После смерти Учителя, когда он передал ученику свое знание — неважно, все или лишь часть, — человек должен развивать только свои собственные потенции, черпать новое только из самого себя, идти только своим собственным путем.

Личность врача

Для такого постижения знания необходимо быть личностью, и одной из основ восточной методики воспитания личности является постоянный риск. Кроме того, знание такого типа в принципе неотделимо от своего применения. В традиционном Тибете нет и не может быть отдельно взятой фигуры теоретика и отдельно стоящего практика, применяющего теорию в деле. Чем выше уровень теоретического знания, тем более высокого уровня практиком непременно является его носитель. Впрочем, там вообще нет таких понятий и реалий, как теория и практика. Знание и его использование неразрывно слиты, в том числе и в процессе обучения, теория принципиально не может существовать вне практики, и такое знание есть *мудрость*. В противном же случае мы получаем *науку* — занятие пустое с точки зрения современного представителя традиции древнего тибетского знания. Это взгляд на метод изнутри, взгляд человека, действительно владеющего этим методом, способного к личному творчеству внутри жестких канонов древнего знания.

Впрочем, о таких людях я могу рассказать. Во время командировки в Монголию я познакомилась со стажирующим в монгольской клинике болгарским хирургом, врачом европейской школы, а заодно и с его сопровождающим, молодым монгольским врачом, работающим в той же клинике. У этого юноши с необычайно одухотворенным лицом и горящими глазами была трудная судьба. Дело в том, что он освоил древнюю монголо-тибетскую медицину под руководством Учителя, который был старым и мудрым человеком. Юноша был очень способен и чист душой, но слишком горяч нравом, а у старика было мало времени для его обучения, так как настала его пора уходить из мира страданий. Юноша был не вполне готов к принятию знаний, но являлся лучшим и ближайшим

учеником, и старик должен был либо унести весь опыт с собой в могилу, либо передать его этому единственному ученику. Учитель рискнул и передал свои знания, рассудив, что мудрость придет к юноше с годами, и с миром ушел в смерть. Молодой человек, уже имевший диплом врача европейской школы, пришел в клинику и стал ставить диагнозы по пульсу, однако не мог объяснить коллегам, как он это делает, ибо то были мгновенные вспышки интуитивных озарений.

Диагнозы всегда были точны, но коллеги невзлюбили юношу и стали считать его просто психически больным, регулярно доводя это до его сведения. Юноша очень страдал, а болгарский хирург не уставал изумляться происходящему. Ведь он сам оперировал и неоднократно свидетельствовал, что диагнозы его молодого друга были не в пример точнее диагнозов его больничных коллег, — почему же никто не хотел ему поверить?

А все объяснялось очень просто. Современные медики совершенно забыли о таком неотъемлемом свойстве врача, как интуиция, забыли, что медицина скорее искусство, нежели наука, что в ней более всего важна одаренность врача, сама глубина личности целителя. Юноша же по молодости совершил непростительную ошибку — слишком откровенно рассказывал окружающим об источнике и характере своих уникальных для нашего времени знаний, чего делать было нельзя. Ему не хватало немного — мудрости; впрочем, я уверена, что она придет к нему раньше, чем он будет сломлен неприятием со стороны окружающих.

А вот как вел себя в аналогичной ситуации мудрый и внутренне уравновешенный монгольский доктор Пурэвсурен, который получил полное и систематическое образование, включавшее в себя и полную подготовку личности, в медицинском дацане (факультете) монгольского монастыря Гандантэгчинлин и лишь затем — медицинское образование по стандартам европейской медицинской школы. Он в полной мере обладал и европейскими, и восточными медицинскими познаниями. Работая в монгольской клинике, созданной по европейскому образцу, он ставил диагнозы по пульсу и с помощью прочих описанных в *Чжуд-ши* методов диагностики, однако никому не рассказывал об этом и в карту больного заносил только результаты европейских исследований. Будучи мудрым и чрезвычайно обаятельным человеком, он прекрасно ладил и с больными, и с коллегами, ничто не омрачало его пути. Он просто поступал по рекомендации тибетской мудрости, которая советует никогда не пытаться стянуть на себя не-

Илл. 48. Тибетские врачи, составляющие гороскоп пациента

преодолимый ледник. А когда в Монголии пришло время возрождения старых традиций, доктор Пурэвсурен возглавил клинику при Институте народной медицины Монголии, набрал учеников с дипломами медицинских вузов и стал учить их основам древних знаний, а также лечить считавшиеся неизлечимыми болезни. Однако и здесь он никогда не раскрывал слишком многого, давая собеседнику лишь то, что мог вместить его ум.

Что ж, отсюда урок: древняя мудрость живет рядом с нами, и проблема лишь в том, что мы не готовы ее принять, так что правы те, кто держит ее в тайне. И мудр был великий Омар Хайям, который советовал: «Будешь в обществе гордых ученых ослов, постарайся ослом притвориться без слов, ибо каждого, кто не осел, обвинят эти дурни в подрыве основ».

Собственно говоря, у современных носителей традиционной культуры действительно большие проблемы во взаимоотношениях с современной рационалистической культурой: с одной стороны, к их знаниям проявляют достаточно большой интерес, с другой стороны, сознание, построенное по современным образцам, не может вместить эти знания. Потому и нельзя действовать открыто, как это делал молодой врач, полагавший, что очевидность способна победить предубеждения. Прав же был мудрый Пурэвсурен, демонстрировавший наглядные достижения своей клиники, но объяснявший лишь то, что мог понять собеседник.

Дело в том, что в тибетской медицине врача готовят совсем не так, как в современной научной медицине (подробнее об этом мы поговорим в главе одиннадцатой). Навыки работы с пульсом и с энергетическими процессами организма и космоса не могут быть переданы методами чисто логического, строго формализованного мышления; такие способности восточному врачу абсолютно необходимы, но недостаточны. Гораздо важнее сформировать способность интуитивного постижения целого, которое возможно лишь в едином мгновенном акте непосредственного восприятия. Кроме того, восточный врач должен обладать высокоразвитой способностью творчества.

Тибетский врач — одновременно носитель самого высокого уровня теории и опытный практик, знающий и точки жизни, и точки смерти, но всегда способный отличить добро от зла. К смерти он относится как к кульминации жизни и одновременно как к новому странствию, исход которого зависит от самого человека. И такому пониманию смерти будет посвящена наша следующая глава.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИСКУССТВУ УМИРАТЬ, КОТОРОЕ И ЕСТЬ ИСТИННОЕ ИСКУССТВО ЖИТЬ

учении тибетского буддизма, как, впрочем, и во многих других религиозных учениях, проблема смерти занимает центральное, непривычное для нас место. Здесь смерть оказывается гораздо важнее жизни.

Продолжая традиции классического индийского буддизма и индуизма, буддизм Тибета развивает учение о *сансаре* — бесконечной цепи перерождений, неразрывно связанных со страданием. В этой цепи данная жизнь оказывается лишь крохотным промежутком, определяющим следующее перерождение или конечное Освобождение человека. Но в гораздо большей степени определяет его смерть и посмертное существование в промежуточном состоянии *бардо*, в основании самбхогакайя.

Сказано в древней *Книге искусства умирать*: «Он умирает вопреки своей воле, если он не научен искусству умирать. Изучай искусство умирать, и ты научишься искусству жить, ибо нет в мире никого, кто был бы научен, как жить, если он не научен искусству умирать».

Человек не должен умирать бездумно и бессознательно. Относясь к смерти как к высочайшему моменту в жизни, ему следует внимательно, с ясным сознанием проследить в себе все моменты умирания, чтобы не пропустить важнейшего из них.

Появление в Тибете *Книги мертвых*

Симптомы смерти и умирание тщательно изучены и описаны в *Бардо Тодол* — знаменитой тибетской *Книге мертвых*. Ее полное название звучит как *Освобождение посредством слышания в посмертном состоянии*. Книга эта исходно приписывается Драгоценному Наставнику, или Гуру Ринпоче, хорошо знакомому нам Падмасамбхаве. Конечно же, для начала он захоронил ее, причем, согласно его учению, сделать это можно было либо в земле, либо в воздухе, либо в потоке сознания великих практиков. Из одного из этих мест ее и извлек очередной тертон, открыватель кладов.

Сам же Падмасамбхава, досконально знавший смерть и виртуозно владевший искусством умирать, достиг бессмертия, реализовав радужное тело ваджракайя. То есть он сумел выделить с помощью практик Ваджраяны из видимого тела его основу, чистое энергетическое тело человека, состоящее из каналов *цза*, из токов энергии *ла* и из капель *тхикле*, в обычном состоянии пронизывающее физическое тело. Отождествившись с телом ваджракайя, Падмасамбхава в момент смерти растворил свое физическое тело в чистой природе пяти первичных тонких элементов и стал невидимым для земных существ, превратившись в радужное тело, состоящее из пяти светов радуги. Таким образом Падма стал бессмертным, как пространство.

Ну а мы получили в свое распоряжение текст этой великой книги благодаря тому, что современный нам лама Кази-Дава Сандуп, выполняя волю своего Учителя, перевел и прокомментировал текст и передал его в распоряжение д-ра У.Й. Эванс-Вентца, так что публикация *Книги мертвых* в Европе не противоречила воле тибетских Наставников.

Процесс смерти

Считается, что в процессе смерти пять элементов, из которых состоит наше тело, последовательно растворяются друг в друге. Вначале элемент земли растворяется в элементе воды. Тело при этом испытывает ощущение придавливания к земле, опускания под воду, из глаз уходит жизнь и умирающий перестает видеть, но зато перед его внутренним взором встают видения различных миражей. Затем элемент воды растворяется в огне — тело испытывает ощущение влажного холода, словно оно погружено в воду и эта вода постепенно испаряется его жаром; при этом утрачивается способность слышать, а в сознании возникает видение дыма. Далее огонь растворяется в воздухе — тело испытывает такое ощущение, словно оно распадается на составные части, умирающий утрачивает способность обоняния, перед ним встает видение зарева в небе. И наконец, ветер растворяется в сознании, и перед умирающим при полном отсутствии телесных ощущений

встает внутреннее видение, подобное свету масляной лампы. Сознание же не растворяется ни в чем, так как оно связано с особым элементом акаша, который ни к чему другому уже не сводится.

Очень ярко и образно состояния смерти описаны в монгольском тексте *История Чойджид-дагини*, которым мы и воспользуемся для описания процесса умирания. О данной стадии героиня сообщает, что голова у нее закружилась от чрезмерных страданий, сознание ее помрачилось. Ей показалось, что она проваливается под землю. Сверху на нее как бы давило множество людей. Она очень испугалась, а затем почувствовала страшные мучения, ей показалось, будто ее носит туда-сюда по огромному океану, будто она сильно обморозилась и ее тело начало трескаться, словно льдина. Затем ей почудилось, что запылал огромный, беспредельный огонь и всю вселенную охватило пламя. Она сильно страдала, полагая, что ее тело горит в этом огне, в гуле мирового пожара.

Обычно после этого люди считают человека мертвым, так как все обычные для нас признаки смерти уже четко выражены: сердце больше не бьется, зеркало не запотевает от дыхания, тело похолодело. Но на самом деле человек еще вовсе не мертв, процесс смерти в нем продолжается и вступает в фазу кульминации. В этот период, обычно длящийся от трех до четырех дней, на тело умирающего накладывают белое покрывало, и никто больше не прикасается к нему, чтобы не помешать важнейшему процессу умирания. Родственникам и друзьям запрещается в это время плакать и громко кричать, ибо это мешает происходящему таинству. Вспомним, что по русскому похоронному обряду тоже хоронят только через три дня, и пока тело находится в доме, соблюдается тишина.

В *Истории Чойджид-дагини* описывается момент, когда сыновья и дочери умирающей начали плач и причитания, и тогда героине показалось, что она слышит рев тысячи драконов. Слезы родных били по ней, словно кровавые градины величиной с яйцо, вызывая нестерпимую боль, она заметалась в ужасе, не находя себе места. Но как только плач и причитания стихли, все сразу же прекратилось, все ужасные явления исчезли, как не бывали.

В этот период из трех-четырех дней перед внутренним взором человека проходят видения бледного света, красного света, полной темноты и ясного света смерти. Последнее переживание — самое важное. Надо суметь узнать его и удержаться в нем, и тогда ты осуществишь самую важную задачу человеческого существа — вырваться из круга перерождений, из круга бесконечных страданий и достичь наивысшего состояния Просветления, Освобождения от страданий. Это легче всего сделать именно в первый момент смерти, так как в это время ум человека обладает чрезвычайно мощной энергией. После переживания темноты как периода полного отсутствия осознания чего бы то ни было возникает период ужасающей умственной ясности, когда на первый план выходят чрезвычайно тонкие энергии и тонкое сознание, которым и предстоит перерож-

даться из жизни в жизнь или же достигнуть высшей цели — Освобождения, навеки сохраняясь в нем. Возникшую необычайную умственную ясность можно уподобить чистому сияющему небу, на котором нет ни малейшей тени облачка. Так описывается чистый свет смерти, чистое сияние великой Пустоты. После завершения этого переживания, которое как раз и длится от трех до четырех дней, сознание окончательно отделяется от тела и начинает существование в ином измерении.

Внешним признаком отделения сознания от тела является то, что капля белой жидкости выходит из генитального органа, а из носа истекает маленькая капля крови. Это верный признак наступления смерти, того, что сознание уже более не присутствует в теле, а от грубого тела отделилось *тело бардо*. Только после этого над телом можно совершать погребальный обряд. Если же кто-либо избавится от тела до завершения процесса смерти, то он возьмет на себя грех убийства живого существа.

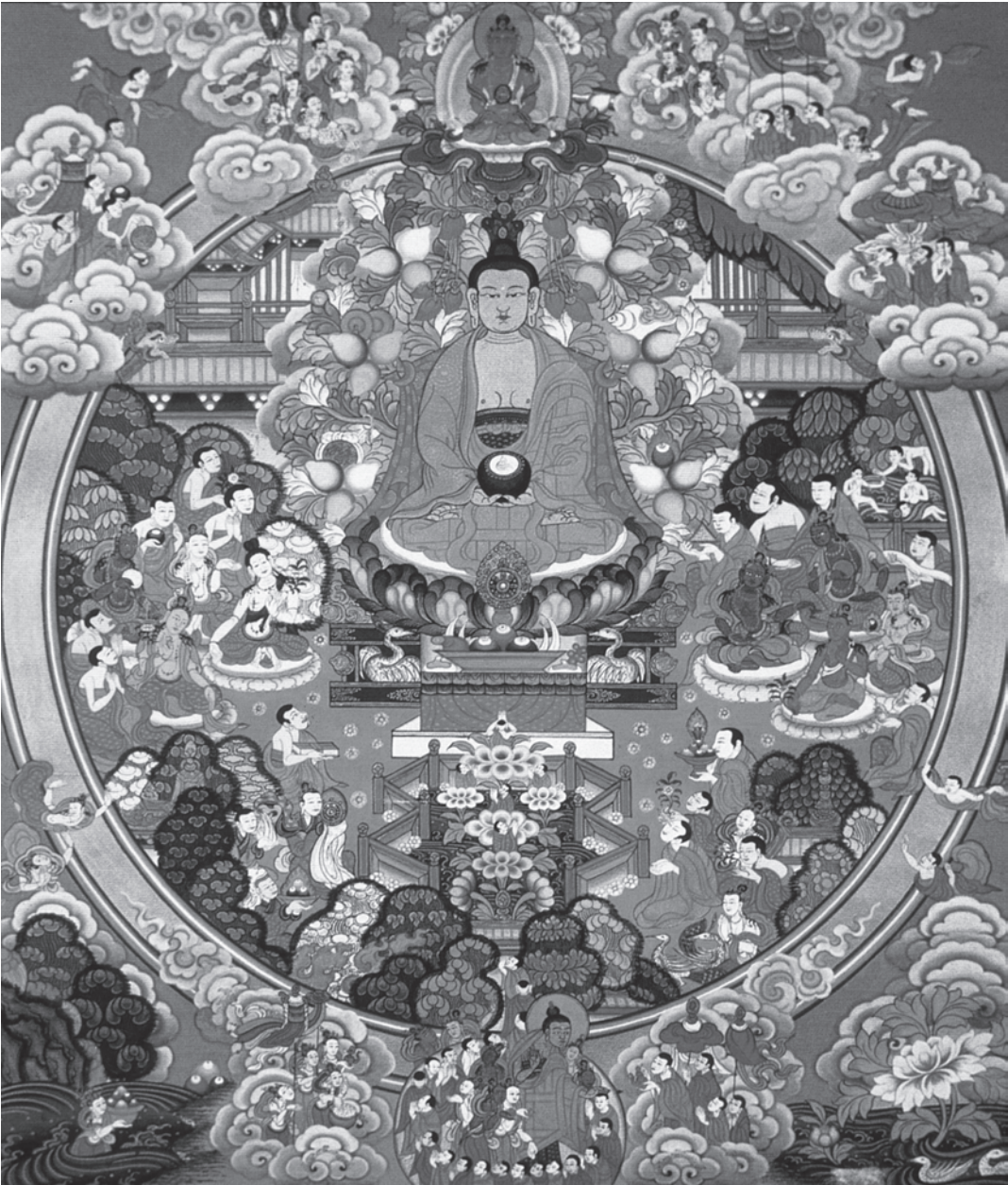
В эти дни, когда внешние симптомы смерти уже выражены, но процесс умирания все еще продолжается, лама-астролог приступает к составлению гороскопа смерти. С помощью такого гороскопа определяют, куда должна пойти душа умершего и какие обряды следует исполнять ради ее блага, затем называют имена людей, которым дозволяется прикасаться и даже просто приближаться к телу, а также время похорон и должный способ захоронения.

Вход в блаженную страну Сукхавати

И в эти же дни длящегося процесса умирания лама-Учитель читает над телом наставления о том, как найти путь к западному раю будды Амиабхи — будды бесконечного света, символа истинной природы нашего ума, которая и есть бесконечный свет. Рай будды Амиабхи символизирует Освобождение из круга перерождений, свободу от прохождения дальнейших этапов пути жизни и смерти.

Рай будды Амиабхи, блаженная чистая страна Сукхавати или Дэвачан, лежит к западу от нашей Земли, до нее — мириады и мириады вселенных, их число равно количеству песчинок в Ганге, и воспринять эту страну могут лишь те, кто достиг уровня бодхисаттвы. Все в этой стране полно редкостного совершенства, в ней нет и намека на страдания. Когда-то в прошлом будда Амиабха произнес свою заветную мантру, сила которой была такова, что теперь в этой стране может родиться любое живое существо, которое будет с усердием произносить эту мантру. Вход в страну Сукхавати заказан лишь тем, кто отверг буддист-

Илл. 49. Блаженная страна Сукхавати,
западный рай будды Амиабхи

ское Учение, буддистскую Дхарму, а также тем, кто совершил пять смертных грехов. В момент смерти важно полностью сосредоточиться на своем желании обрести перерождение именно в этой стране.

В этой блаженной стране есть лишь рождение, но нет смерти. Здесь тело мгновенно рождается из венчика прекрасного цветка белого лотоса. Здесь не знают периода детства, ибо сразу рождаются взрослыми и совершенными, с телами золотого цвета и с чистым сознанием. В Сукхавати обитают лишь совершенные. Все будды прошлого и настоящего посещали эту страну, а будда безграничного света навсегда поселился в ней. Нет в этом раю и следа страдания или боли, а срок жизни равен одному громадному мировому периоду. Тот, кто попал в этот прекрасный мир, никогда уже более не упадет в мутный поток сансары. Так что любому человеку следует молиться о рождении в этой великой блаженной стране.

Служба, которая должна помочь умирающему в обретении такого рождения, заключается в произнесении соответствующих стихов из *Книги мертвых*. Исполняющий ее служитель называется *жрецом, извлекающим жизненные принципы*, и кроме ламы-Учителя, давшего умирающему посвящение, ее может исполнять также брат по ваджре, то есть получивший посвящение от того же Учителя, и лишь в крайнем случае — ближайший друг умирающего. Жрец начинает свою службу, приблизив губы вплотную к уху лежащего тела, но ни в коем случае не прикасаясь к нему. Происходит это сразу же после прекращения дыхания, точнее, после того, как умирающий перестает выдыхать воздух.

Когда жизненная сила и принцип сознания выходят из тела, умерший не может определить, что же, собственно, с ним случилось. Чойджид-дагиня в этот момент видит собравшихся родных и знакомых, и ей становится нестерпимо больно от их плача, ибо она не понимает причины их горя, ей кажется, что она просто выздоровела от своей болезни. И тогда лама кладет руку ей на голову и объясняет, что именно с ней произошло; он говорит, что то же самое происходит с каждым и называется смертью, так что теперь она освободилась от привязанности к родным и к пище. Лама предложил Чойджид-дагине представить, что ее душа — это буква А в виде белой капли, что эта капля вошла в сердце ламы и теперь самой Чойджид-дагине предстоит отправиться вместе с ним в Сукхавати, страну будды Амиитахи. Это очень обрадовало и успокоило женщину.

Но вместе с отделением сознания от тела приходит и сильное волнение, через которое лежит путь к состоянию ясности. Так, Чойджид-дагиня испугалась начавшегося страшного урагана, который понес ее в потоках ветра. Вокруг все полыхало то красным, то белым огнем, вся земля непрерывно сотрясаясь. Не смолкая гремели раскаты грома. Но потом она словно бы перестала замечать все это, на душе у нее стало хорошо и спокойно. Долго ли это длилось, она не знала.

Чистый свет смерти

Как только умирающий перестает дышать, лама немедленно надавливает на его сонную артерию, в результате чего жизненная сила человека, его чрезвычайно тонкие энергии и сознание сосредотачиваются в срединном канале. С этого момента каждое чувствующее существо испытывает первый проблеск чистого света, сопровождающийся экстазом чрезвычайной интенсивности, который длится до тех пор, пока жизненная сила остается в срединном канале. Обычно она пребывает там от трех до четырех дней, но вообще длительность этого периода зависит от того, как человек прожил жизнь, от состояния его каналов и жизненной силы, а также от предыдущей практики — словом, от подготовки к смерти в течение жизни. Чем хуже была пройдена жизнь, тем хуже физиологические показатели; чем меньше практики, тем короче это состояние величайшего блаженства, которое называется «сидение лицом к лицу с чистым светом смерти».

Это был первый проблеск бардо чистого света истины, который и является самым непогрешимым умом дхармакайя, и если этот первичный чистый свет узнан, то главная цель, Освобождение, достигнута. Но такое случается крайне редко, лишь с вполне совершенными существами.

Если же первичный чистый свет смерти не был узнан, то человеку предоставляется следующая возможность, ибо немедленно после выхода из тела жизненной силы испытывается вторичный чистый свет смерти, низший по отношению к первому и сопровождающийся экстазом меньшей интенсивности, так как здесь дхармакайя уже затемняется кармическими помехами. Если человек, практиковавший в течение жизни соответствующую медитацию, сможет не испугаться ужасающей ясности этого света, осознав его как состояние своего собственного ума, природой которого является сияющая Пустота, то он достигнет здесь Освобождения, и дальнейшие этапы уже не будут иметь к нему никакого отношения. Он уже не будет связан необходимостью проходить следующие этапы бардо или возвращаться в круг жизни и смерти, но сможет приходить в жизнь по своей воле, движимый исключительно состраданием ко всем живым существам.

На этапе испытывания чистого света лама читает для человека, находящегося на стадии совершенства, наставления по сидению лицом к лицу с чистым светом смерти, то есть напоминает ему прижизненную практику медитации. Обычно же человеку лама предлагает в это время сконцентрироваться на образе своего идама, личного божества-покровителя.

Жизненная сила, в зависимости от плохой или хорошей кармы, вытекает либо через правый, либо через левый канал и выходит наружу через какое-либо из отверстий тела. Самый лучший путь — выход жизненной силы через отверстие Брахмы в центре макушки, но для этого вначале все жизненные силы долж-

ны подняться вверх из чакры пупка и спуститься вниз из чакры макушки, чтобы слиться вместе в чакре сердца, а затем уже вместе выйти из отверстия Брахмы.

Третий этап бардо

Итак, если ни первичный, ни вторичный чистый свет не узнаны, то путешествие продолжается и наступает следующий этап бардо. На этом этапе последовательно, день за днем, начинают появляться божества, являющиеся олицетворениями накопленных человеком при жизни качеств. Ничего нового по сравнению с мирской жизнью не предстоит умершему в бардо, все просто приобретает иную форму, ибо сказано: «Все, что есть здесь, есть и там, и все, что есть там, есть и здесь». И земная жизнь наилучшим образом может подготовить человека к жизни после смертной, а жизнь в бардо — к новой жизни.

При наступлении третьего этапа бардо читающий *Бардо Тодол (Книгу мертвых)* объясняет умершему, что все в мире — это бардо, иллюзия, порождение его собственного ума, и так же иллюзорно обретаемое после выхода сознания из тела новое «тело иллюзии». Есть бардо пребывания в утробе, бардо состояния сна, бардо экстатического равновесия во время глубокой медитации, бардо, в котором сейчас находится умерший, бардо мирского существования. Все в одинаковой мере бардо — иллюзия, порожденная человеческим сознанием.

Во время третьего бардо умерший начинает ощущать различные звуки, цвета и лучи света, все они ужасны и пугающи. К этому времени он видит, что на земле со стола убирается его доля пищи, с его тела снимают одежду, слышатся стоны и крики родных, он пытается окликнуть их, заговорить с ними, но все напрасно — они не замечают его попыток, и он покидает их весьма огорченным.

Именно это и происходило с Чойджид-дагинеи. Но до того над ее головой, подобно щиту, возникло пятицветное сияние, испускающее из себя множество лучей. На конце каждого луча стали появляться странные существа с головами льва, обезьяны или быка на человеческом теле. Одни были семиголовыми, другие — трехголовыми, глаза их сверкали, словно луна и солнце, их многочисленные руки сжимали множество мечей, и все они громко и требовательно кричали: «Убей!». И тут Чойджид-дагиня вспомнила полученное ранее наставление Учителя, который говорил: «Всякий свет — это твой собственный свет, всякая форма — это твоя форма, всякий звук — это твой звук, всякий призрак — это твой собственный призрак. Ничто здесь не предстоит тебе, но все это — лишь твое собственное состояние, порожденное заблуждениями твоего же сознания». Как только это наставление всплыло в ее памяти, сразу же все ее страхи исчезли, а вместе с ними исчезло и все происходящее.

Лама постоянно наставляет умершего. Он говорит ему, что теперь для него настало то, что называется смертью, и это отделило умершего от земного мира,

однако не сделало его одиноким, ведь смерть приходит ко всем. Не нужно цепляться в нежности и слабости за эту жизнь, ибо так не обретается ничего, кроме нового сансарического существования. И любой ужас, приходящий к умершему в этом бардо, можно преодолеть, вспомнив полученные наставления, а потому следует смело идти вперед, неся их сокровенный смысл в своем сердце, ибо в этом и состоит сущность предстоящего узнавания. И когда в первые семь дней перед человеком будут проходить чередой мирные божества, он должен научиться не привязываться к ним, чтобы не возродиться в мире божеств, где живут долго и счастливо, но потом неизбежно падают в сансару. Нужно стараться все время смотреть лишь на яркий голубой свет, сопутствующий выходу всех мирных божеств.

Выход мирных божеств

Первым в этой семидневной череде появляется дхьяни-будда Вайрочана, держащий в объятиях свою супругу, Мать Небесного Пространства. Он всюдулик, он смотрит на умершего отовсюду. На второй день появляется дхьяни-будда Акшобхья в образе Ваджрасаттвы, его чистая форма воды сияет белым светом. На третий день выходит дхьяни-будда Ратнасамбхава и сопровождающие его божества, желтым светом сияет первичный элемент земли.

На четвертый день является дхьяни-будда Амитабха и сопровождающая его свита, сияет красный свет первичного элемента огня, но появляется также и свет, исходящий из мира духов. Если человек позволит себе привязаться к испускаемому духами свету, находясь в этот день под влиянием эмоции алчности, то упадет в мир несчастных голодных духов и будет вместе с ними невыносимо страдать от голода и жажды. Дело в том, что эти духи наделены огромной безразмерной и ненасытной утробой и крошечной узкой глоткой, а потому они вечно жаждут еды и питья, но не могут утолить свою жажду. Таково их наказание за алчность.

На пятый день появляется дхьяни-будда Амогхасиддхи, а вместе с ним и свет, идущий из мира демонов; сам Амогхасиддхи испускает зеленый свет первичного элемента воздуха. Он держит в объятиях Зеленую Тару, Спасительницу. В этот день пребывания в бардо душа, обладающая сознанием, но лишенная своего земного тела, будет находиться под очень сильным воздействием накопленных ею в предыдущих жизнях эмоций зависти, а потому внимание ее будет устремлено к красному свету, испускаемому мрачными духами зависти. Зависть непроизвольно влечет душу к этому свету, но если поддаться такому влечению, то неизбежным будет рождение в мире завистливых духов.

Душа, обученная на земле и направляемая словами ламы, должна стремиться получить убежище в великом сочувствии Амогхасиддхи и Тары, ибо сострада-

ние ко всему живому является их главной чертой. Испускаемый ими зеленый свет служит для души путеводной звездой (ведь Тара — это Звезда), которая помогает избежать пути, порождаемого завистью, и тем самым научиться преодолевать в себе эмоцию зависти, заменив ее эмоцией сострадания, сочувствия, жалости (нужно найти, за что можно пожалеть того, кому вы завидуете, в чем он достоин вашего сострадания). Так можно изменить и очистить свою природу для следующей жизни. Растерянная душа спасется, если сумеет преодолеть свой страх, который доминирует в состоянии бардо. Помощь в преодолении страха как в земной, так и в посмертной жизни — одна из функций Амогхасиддхи и Тары, имеющих характерную мудру (жест) бесстрашия и зеленый цвет.

Все предстающие в этом бардо божества прекрасны и полны благосклонности, но самая прекрасная из всех — Зеленая Тара, которую в Тибете называют Долма, Спасительница, ибо она призвана спасать все живые существа. Чтобы узнать эту богиню в бардо, надо было хорошо изучить ее облик в земной жизни, и именно для этого служили ритуальные изображения божества. На танке и в скульптуре каждый жест и каждый штрих имеют свой смысл, точнее, несколько смыслов, понимаемых в зависимости от подготовки верующего, поэтому на Востоке принято изучать танку медленно и внимательно, никуда не спеша. Смотреть следует долго и пристально, чтобы не только запомнить характерные детали и услышать живую музыку цвета, но и почувствовать образ, мысленно слиться с ним, что очень помогает в посмертной жизни. Жесты, поза, цвет божества — все исполнено значения. И чем лучше поймет и запомнит их верующий в процессе прижизненного почитания, тем легче будет ему в бардо.

Зеленая Тара имеет только одно лицо, хотя у тибетских богов их может быть много, и это символизирует единое знание Тары, одновременное и целостное понимание ею всех событий. Ее вытянутая правая нога говорит о преодолении всех препятствий на пути к Просветлению, а также о постоянной готовности спуститься в мир, ведь Тара — бодхисаттва. Левая подогнутая нога символизирует понимание богиней всех качеств. Ее украшения и орнаменты говорят о полном наборе заслуг и познаний. Правая рука богини пребывает в мудре «дарующей дары» и свидетельствует о ее совершенном милосердии, левая рука — в мудре «защиты», дарующей защиту и избавление от страха. Она держит цветок лотоса, который указывает на дарование ею радости всем живым существам. Трон в форме луны символизирует ее мудрость, раскрашенные лепестки лотоса на нем — ее сострадание. Зная все это при жизни и увидев богиню после смерти, умерший сразу поймет, чего следует от нее ждать.

Илл. 50. Зеленая Тара

Илл. 6

Лучшее изображение в бронзе Зеленой Тары принадлежит Дзанабадзару, о котором мы уже подробно рассказывали. Божественность человека и человечность божества как нельзя лучше показаны в этой совершенной скульптуре, обладающей всеми достоинствами и лишенной недостатков. Взглянувший на нее навсегда запомнит образ Тары, что поможет ему как в этой, так и в той жизни, а читатель поймет, почему так трудно выполнить наставление ламы не привязываться к божествам.

Но лама упорно повторяет умершему, что все проходящие перед его взором реальности не приходят извне его существа, но существуют извечно внутри его интеллекта, и именно его собственный интеллект, а не что-либо иное, развертывает перед ним свои образы, как это было и в земной жизни. И надо научиться ничего не бояться и ни к чему не привязываться, но узнавать истинную сущность вещей и оставаться в состоянии, как бы лишенном мысли.

На шестой день перед умершим появляются все 42 мирных божества одновременно. На седьмой день выходят *видьядхары* — держатели знания, мгновенного озарения. Они представляют божественную форму тантристского Гуру, обладающего властью над магическими аспектами универсума. Видьядхары — божества не мирные и не гневные, они занимают как бы промежуточное положение между теми и другими.

Выход гневных божеств

Если умершему не удалось узнать в мирных божествах проекции своего собственного ума и войти в состояние Освобождения на этом этапе, то с восьмого по четырнадцатый день происходит выход ужасных гневных божеств. Перед умершим проходят 58 пламенеющих, яростных, пьющих кровь божеств, которые на самом деле представляют собой прежние мирные божества, только в измененной форме.

Ужасный Будда-Херука, а Херука значит Пьющий Кровь, черного цвета, выходит к человеку, но на самом деле это Вайрочана. Темно-голубой Ваджра-Херука, Ратна-Херука и другие гневные божества — это те же мирные боги, что проходили перед умершим в первые семь дней.

Мирные божества олицетворяли собой тончайшие человеческие чувства, проистекающие из сердца. Импульсы, рожденные сердцем, предшествуют тем, что рождены умом. Гневные божества — это воплощения рассуждений, они происходят из мозга, поскольку импульсы, возникающие в сердце, трансформируются в рассуждения сухого ума. Поэтому гневные божества и являются измененными формами мирных божеств. Важно узнать в них проекции своих собственных мыслей.

При этом следует постоянно помнить, что иллюзорное тело умершего имеет природу Пустоты, а Владыка Смерти (бог Яма) — это галлюцинация, впрочем,

как и все другие боги. Пустота не может повредить Пустоте, а потому в какой бы устрашающей форме ни являлись гневные божества и какие бы устрашающие действия они ни предпринимали, никаких оснований для страха и паники все равно нет.

Задача узнавания на данном этапе — это задача преодоления своего страха, изменения своей природы, и если человек решает ее, то он освобождается, узнав в происходящем формы своих собственных мыслей. По сути дела, находясь в бардо, умерший изливает накопленные им в течение жизни мысли и чувства, осознавая их иллюзорность и тем самым очищая свою природу либо для следующей жизни, либо для достижения Освобождения. По крайней мере, он имеет здесь такую возможность, и только от него зависит, как он ею воспользуется. Но ведь точно то же самое было и при земной жизни.

Если же умерший не сумел и на этом этапе воспользоваться предоставляющейся возможностью достичь Освобождения, то он попадает в следующее бардо, бардо поисков перерождения. Здесь также задача-максимум — достичь Освобождения, но на данном этапе она становится почти невыполнимой; задача-минимум — достичь как можно лучшего перерождения.

Чистые страны

Хорошим считается перерождение в чистых странах. Собственно говоря, чистой или нечистой страна становится в зависимости от того, кто ее воспринимает — Пробужденное существо или же заблудший обитатель сансары. Так как таких воспринимающих бесконечно много, то, соответственно, существует бесчисленное множество чистых и нечистых миров — миры богов, миры асуров, враждующих с богами, миры людей, животных, голодных духов и жителей ада.

Чистым является мир Огмин, или Акаништха, что буквально переводится как Выше Нет. Этот мир находится в особом измерении, на границе воспринимаемой реальности, в нем проявляются Пробужденные существа. Страна Огмин вмещает в себя всю безбрежную ширь пространства. Существует же она лишь в восприятии тех, кто полностью очистил свою карму, — именно для них вся вселенная предстает как божественный дворец, а все живые существа представляются обитающими в этом дворце божествами. Каков ты сам, таким и предстает перед тобой мир — дворцом или сараем. В стране Огмин никто не знает о существовании страданий и сансары, бессмысленного круга смертей и рождений. И эта святая страна Огмин творит наше плотное измерение, сама при этом находясь за пределами большого и малого, далекого и близкого; ее называют Созидатель Глубокий Мир.

В центре страны Огмин высится драгоценный дворец, размеры и совершенство которого просто не поддаются описанию, так как превосходят все возмож-

ности нашего воображения. В центре дворца на лотосовом троне солнца и луны восседает могучий бодхисаттва Авалокитешвара в теле самбхогакайя, ибо страна Огмин принадлежит к реалиям этого тела. Прекрасный Авалокита воплощает в себе все совершенства, в том числе и совершенство Истинной Дхармы — учения несравненной Махаяны, распространившейся в Тибете. Он учит без слов, являя лишь символы, и в каждой из мириад пор его тела зарождаются мириады миров нирманакайя. И во всех этих мирах Всевидающий и Всемиловейший бодхисаттва ведет к умиротворению всех их обитателей.

Миров огромное множество, поскольку невообразимо множество всех способов воспринимать, и каждый из них кажется истинным для тех, кто видит явления способом, свойственным данному миру. Но всю эту нашу видимую вселенную трех тысяч измерений люди воспринимают единым образом из-за единства их общей кармы.

Хорошим считается также рождение в священном месте, которое называется Великое Кладбище На Горе, — эта чистая страна принадлежит блистательному дхьяни-будде Вайрочане. Она находится в безбрежном пространстве, вся земля в ней пропитана ядом и рождает из себя лишь ядовитые шипы. Днем здесь свирепствуют страшные вихри, ночью же извергается пламя из всех гор, которые представляют собой исполинские нагромождения костей с растущими на них деревьями и кустарником в виде остро заточенных ножей. Все воды вздымаются реками пенящейся крови, в которых плавают свирепые хищные рыбы.

В центре всего этого гнева и ужаса возвышается безграничный дворец в виде черепа, а в нем живет вечно юное божество — могущественный воитель, чье имя Лха Шонну Паво Тобдэн. Он шестой из двенадцати изначальных Учителей *Дзогчен* — высшего раздела тантр, их завершения, исходно принадлежащего то ли к традиции бон, то ли к традиции Ваджраяны. Все эти двенадцать Учителей приходили на нашу Землю в другие эпохи, когда срок жизни обитателей этой планеты составлял примерно 60 тысяч лет, так что все это было очень давно. Именно Лха Шонну Паво Тобдэн проповедал великую тантру о самопроявляющемся естественном состоянии Знания, а также другие учения о непосредственном постижении и узнавании ясного света Пустоты, а слушателями его были семь бодхисаттв и бесчисленные даки, дакини, боги, наги и другие существа.

Вечно юного бога окружают шесть родов пьющих кровь гневных божественных Херук, даки и дакини в гневных образах, а сам он вращает Колесо Учения высших тантр. В этой вечной и неизменной стране обрести рождение могут лишь

Илл. 51. Земля Тушта,
рай бодхисаттвы Майтрейи

те, кто стал в мире людей Держателем Знания, *Ригдзином* или *Дхармараджой*, обычный смертный сюда не войдет. Но если и вообразить, что простой человек, даже практикующий тантру, достиг вдруг этой страны, то можно не сомневаться, что он, объятый ужасом, в беспамятстве сломя голову ринется прочь из нее.

В качестве символов и отражений этой великой и чистой страны на земле существуют восемь великих кладбищ, пронизанных светом ее лучей. Именно на них должны практиковать свои медитации те, кто стремится стать махасиддхи, как, например, это делал великий Падмасамбхава. Более подробно об этой стране Держателей Знания говорится в пророчествах тайных учений.

Итак, мы уже убедились, что существуют гневные и благодетельные чистые страны. К благодетельным странам принадлежит Тушита, в ее божественном дворце живет наш грядущий будда Майтрейя.

Если человек соблюдает в наше смутное время чистоту своих обетов, много размышляет над буддистской Дхармой и слушает много ее учений и если его последним, сосредоточившим все его силы желанием в момент смерти будет выраженное в мантре стремление попасть на небеса Тушита, то он родится там сразу, как только испустит последний вздох. Из *ушниси*, возвышения на макушке Майтрейи, изойдет луч белого света, коснется макушки умирающего и приведет его тонкие энергии и сознания сразу в прекрасный дворец, где он родится из венчика чистого белого лотоса. Там ему будут постоянно оказывать разнообразные почести семь прекрасных богинь, он будет слушать учение Майтрейи и счастливо пребывать в нескончаемых радостных танцах и песнопениях. А затем, когда Майтрейя сойдет на землю, он вместе со всеми обитателями Тушиты вновь родится человеком, и все вместе станут они снова и снова рождаться людьми, чтобы хранить свет истинного Учения. Так они встретят всю тысячу будд, долженствующих прийти на землю во время нашей благодетельной, то есть насыщенной Великими Учителями, кальпы. Точно так же, людьми, встретят они и следующую благодетельную кальпу, новый гигантский мировой цикл, когда в мир придут восемьсот будд, и переживут всех их, став Держателями их Учений; лишь после этого неисчислимого времени они обретут полное Пробуждение.

Чистой землей считается также страна Шанг-Шунг, об обретении рождения в которой молятся последователи бон. Это священное место находится в Тибете на обратной стороне горы Кайласа, там широко практикуется учение бон, но счастье и страдания там таковы же, как и в нашем мире.

А еще существуют чистые земли даков и дакинь, спокойно летающих по воздуху, перемещаясь в любых измерениях бесконечного и безначального пространства. Они живут на востоке — в Китае на горе У-Тай-Шань, на юге — в священном месте Чаритра, на западе — на белоснежной горе Кайласа, в своих дворцах, но наблюдать их можно лишь в чистом видении, ибо они обрели рождение в тонком радужном теле. Здесь обитают те, кто реализовал при жизни прак-

Илл. 52. Майтрейя, грядущий будда

тику тантры. Но те, кто не имеет чистого видения, не могут увидеть этих божеств, даже когда они приходят в наш мир. Достойно ли сострадательного существа переродиться в таком теле, которое видят лишь немногие?

Все-таки лучшим местом для перерождения истинно сострадательного и добродетельного существа является рай будды Амитабхи, блаженная чистая страна Сукхавати. Если множество Пробужденных будут повествовать о достоинствах этой земли, они все равно не смогут выразить их полностью. Срок жизни в этом мире долог, и множество прекрасных событий здесь можно пережить в одном теле, без смертей и рождений. Здесь нет страданий. Поэтому в час ухода следует направить все свои помыслы к этой стране. Мара, злой демон, искушавший Будду Шакьямуни, создаст множество препятствий на пути человека. Он приложит все старания, чтобы умерший увидел своих друзей, любимых и близких, взывающих к нему о помощи, зовущих его по имени, рыдающих от горя. Но ламы учат: иди, не глядя в их сторону, не отвечай ни на какие попытки отвлечь тебя от твоего пути, помни, что Мара не дремлет. Не думай ни о чем, кроме будды Амитабхи. Да не отвлечет тебя ничей пригрезившийся тебе образ, и да не будет у тебя никаких других желаний, кроме устремленности в страну великих блаженств, — тогда ты дойдешь до цели. Ведь если человек при жизни получил посвящение, слышал имя Амитабхи, а затем узрел в чистом видении лик своего Учителя, то он обязательно получит рождение в этой стране.

Шамбала и учение Калачакратантры

К числу чистых стран относится и Шамбала, которая находится на севере Кашмира и является точно такой же реальной страной людей, как, например, Индия. В этой стране непрерывно правит одна и та же династия благородных царей Кулика — императоров, распространяющих учение Калачакратантры. Это учение проповедал Будда Шакьямуни, воплотившись в теле бога Калачакры, в Южной Индии у ступы Шри Дханакатака, то ли год спустя после достижения Просветления, то ли год спустя после своего ухода. Церемония посвящения в это учение происходила чрезвычайно пышно, царь Шамбалы Сучандра специально прибыл из своей резиденции, сопровождаемый правителями всех 96 областей страны, окруженный множеством бодхисаттв, дэвов и асуров. Получив полное посвящение в Калачакратантру, царь Сучандра, первый правитель Шамбалы, принес это Учение в свою чистую страну, где и записал его исходный текст.

Обратим внимание на то, что Сучандра записал текст проповеди Будды Шакьямуни не сразу, а лишь прибыв на родину. Дело в том, что в буддистской традиции запрещено вести какие-либо записи — письменные, магнитофонные ли, ибо все должно быть запомнено слушателем. Нам, как представителям современной культуры, это кажется практически невозможным: лекцию можно запи-

сать на бумаге или в компьютере, а в памяти всего не удержишь, записал и забыл. На самом деле возможности нашей памяти практически безграничны, если, конечно, их правильно тренировать, и даже превосходят способности компьютера.

Сошлюсь на свой собственный опыт. Во время командировки в Монголию я пришла в главный столичный монастырь Гандантэгчинлин, где меня обещал принять для беседы ректор духовной семинарии Гундсамбо. Встреча была для меня очень важной, так как предоставлялся шанс узнать то, чего не прочитаешь в книгах, и получить ответ на свои вопросы. И я сильно огорчилась, когда сопровождающий деликатно предупредил, что здесь не принято ничего записывать. На протяжении нашей беседы я ловила каждое слово Гундсамбо, стараясь максимально использовать отведенное мне время, и при этом была уверена, что моя слабая память мало что из услышанного удержит. Уже поздней ночью, после многих других встреч и бесед, пришла я в свой номер и решила записать то, что было сказано мне в монастыре. Каково же было мое удивление, когда я обнаружила, что записываю разговор слово в слово, будто под диктовку Гундсамбо! И еще очень долгое время спустя я могла дословно воспроизвести в памяти эту беседу. Те же встречи, на которых я вела записи, как бы улетучились из памяти, их содержание я могла восстановить, лишь заглянув в текст. Просто мы привыкли передавать свои функции материальным предметам — бумаге, компьютеру, — тем самым утрачивая их. Надежда только на память оказывается более выигрышной. Как говорят люди из монастыря, прошедшие традиционную школу, насколько мы совершенствуем компьютер, настолько же теряем человека, подавляя его потенциальные возможности.

Впрочем, вернемся в Шамбалу, где царь Сучандра уже написал 1200 комментариев на первичный текст *Калачакрамулатантры*, а также соорудил невероятно большую мандалу Калачакры, выполненную в трех измерениях. А далее, став адептом медитативных практик этого божества, он распространил их среди своих подданных, сделав Калачакратантру официальной доктриной Шамбалы. Незадолго до своей смерти Сучандра посвятил в учение Калачакры своего сына, и с тех пор Калачакратантра исповедовалась и распространялась всеми правителями Шамбалы. Двенадцатый из этих пропагандистов принес учение в Индию. В 1027 году Соманатха доставил Калачакру в Тибет; именно он ввел в Тибете шестидесятилетний цикл, когда с помощью Бролоцзавы перевел на тибетский язык несколько важных трактатов.

Вторым знаменитым проповедником Калачакры в Стране Снегов был пандит Атиша, прибывший в Тибет в 1042 году. Впрочем, ламы утверждают, что Калачакра существовала в Тибете вечно и безначально. Важнейшим источником по истории системы Калачакра являются *Голубые Анналы*, исторические хроники, составленные Голоцзавой в 1748 году и переведенные на английский язык Ю.Н. Рерихом.

Сейчас мы находимся под управлением 21-го распространителя Калачакры. Так считают ламы. Они утверждают, что очень скоро наступит эра 22-го распространителя. Всего же пропагандистов этого учения должно быть 25, и в будущем именно они, все 25 вместе, станут управлять универсумом и вновь распространят учение Калачакры. Причем при 25-м распространителе произойдет великая битва буддистов с неверными, священная война Шамбалы, после чего буддизм возродится. Вообще же люди, связанные с учением Калачакры, считают, что тантры и Калачакратантра существуют скорее в будущем, нежели в настоящем, и они скорее очеловечивают бога, нежели обожествляют человека. А к будущему это учение относят потому, что Шамбала только грядет, предстоит ее окончательная победа в великой всемирной битве. Это — первое, что сообщает о системе Калачакра живой носитель этого учения, известный тибетолог, индийский профессор Локеш Чандра.

Отметим, что первый правитель Шамбалы Сучандра, получивший это учение из уст Будды Шакьямуни, считается инкарнацией бодхисаттвы Ваджрапани — божественного основателя учения Ваджраяны, Колесницы Удара Молнии, или учения тантр, разделяющихся на четыре разряда. К четвертому, наивысочайшему разряду и принадлежит Калачакратантра, которая, как и все тибетские доктрины, традиционно возводится к божеству.

Краткое резюме учения Калачакратантры можно свести к следующему. Адепты этой тантры считают, что именно энергии мира и человека являются причинами как сансары, так и нирваны, и видят свою задачу в установлении полного контроля над этими энергиями, в проявлении всех внутренних энергий человека и их синхронизации с энергиями мира. Калачакратантра — это также и астрономо-астрологическая система, и учение о времени как об общем динамическом принципе, а также о способах управления временем вплоть до полной его остановки, ибо если остановить движение энергии, то остановится и время, а если изменить движение энергии, то это изменит и время. Калачакра — это Колесо Времени, но также и божество времени, черный бог Калачакра, являющийся ади-буддой, высшим буддой в данном учении.

В Шамбале сосредоточены лучшие умы человечества, которые постоянно вмешиваются в нашу жизнь, экспериментируют с энергиями в громадных лабораториях. И никто, не будучи позван, не войдет в эту страну: мощные энергии хранят и защищают ее. Шамбала, о которой говорят также и представители бон, существует здесь и теперь, но она также и грядет воцариться в мире, так что относится к будущему, когда с помощью учения Калачакры можно будет пра-

Илл. 53. Калачакра со своей супругой Натсог Юм

вить миром. И еще Шамбала часто рассматривается как чисто внутренняя реальность особых состояний, достигаемых в процессе восхождения человека по лестнице четырех тел будды, а потому Шамбалу человеку следует искать внутри себя самого.

Достичь же перерождения в этой чистой стране могут те, кто при жизни соприкасался с практикой Калачакры. Все обитатели этой страны являются махасиддхи, обладают особыми сверхъестественными силами, полученными в результате своих изысканий в области контроля над энергиями и управления ходом времени. Однако люди этой страны также испытывают и счастье, и несчастье, и срок их жизни такой же, как у нас.

Бардо поисков перерождения

Итак, в бардо поисков перерождения умерший может сделать сознательный выбор своего будущего места рождения. Если ему предстоит родиться богом, перед ним предстанут видения мира богов. Он может увидеть картинки из мира людей, низших духов, существ ада — словом, из тех мест, где ему предстоит родиться. И когда умерший видит предназначенное ему место рождения, он тут же с необычайной силой привязывается к нему. Задача обычна: не привязываться к проходящим видениям и не пугаться их. Как только человек привяжется или испугается, так сразу и воплотит эти видения в жизнь — в свою собственную следующую жизнь.

Если человеку предстоит рождение в мире людей, то он видит мужчин и женщин в акте соития, и если ему назначено родиться мужчиной, то он чувствует острую ненависть к отцу и нежную привязанность к матери, если же женщиной — то наоборот. Но здесь следует помнить, что стоит задача вообще не родиться, а для этого нужно удержать себя и не проходить между находящимися в соитии. Нельзя привязываться ни к каким видениям, чтобы не претворить их в жизнь. Однако чем ниже уровень бардо, тем труднее его контролировать. В третьем бардо ищут и, как правило, находят новое перерождение, обретая новую земную или небесную (впрочем, возможно и подземную) жизнь и начиная цикл жизнь — смерть — жизнь заново.

В целом состояние бардо длится максимум 49 дней, но его длительность может быть и меньше. В третьем бардо поисков перерождения человек обычно видит знакомые по земной жизни места и своих родственников, причем все это видится как бы во сне. Он говорит со своими близкими, но не получает от них ответа, и это делает его несчастным. Лама советует не привязываться к родным, ибо это не принесет блага. Можно вспомнить русский обычай поминать покойника на сороковой день, когда он последний раз присутствует в доме, — и здесь душа посещает родные места примерно в то же время.

Лама советует умершему думать обо всех страшных и ужасных видениях как о собственных охраняющих божествах (идамах), вспомнить тайное имя, данное ему во время секретного посвящения, когда он еще был человеческим существом, и о своем Гуру, Наставнике, о его тайном имени; следует также произнести эти секретные имена.

Но если ничто не помогает умершему управлять процессом и он гоним только собственной кармой, а срок пребывания в бардо подходит к концу, то под действием своих кармических накоплений он получает впечатление, что он либо восходит, либо движется по одному уровню, либо нисходит. И тогда к нему непременно приходит ощущение, что он преследуем множеством людей и гоним порывами ветра, на него наступают глыбы льда, сыплется град и подступает тьма. Спасаясь от этих галлюцинаций, те, кто не наделен добродетельной кармой, испытывают ощущение бегства в место страдания, те же, у кого хорошая, светлая, чистая карма, получают ощущение прибытия в места счастья. Таким образом человек вновь войдет в сужденное ему чрево.

В состоянии бардо тело обладает любыми способностями, каких только можно пожелать. Как с ними правильно обращаться, умерший мог узнать при жизни, если упражнялся в тантрических медитациях, наделявших его теми же силами, сверхъестественными для земного мира, но естественными для мира бардо. В бардо он может свободно перемещаться в пространстве, проходить сквозь препятствия, например сквозь стены, читать чужие мысли, подавать знаки жизни. Осознаются же эти способности только в третьем бардо поисков перерождения. Но лама говорит, что очень важно научиться здесь не желать этих сил и не пользоваться ими. В третьем же бардо начинают видеть друг друга существа, находящиеся на одном и том же уровне знания, то есть обладающие одинаковой природой, так как природу существа в бардо составляет его знание.

И именно знание приносит существо из бардо на землю. Знание того, какие эмоции и мысли таились в глубинах его сознания, развернулось перед ним в формах мирных и гневных божеств. Знание о том, как управлять ими, было дано ему в образной форме — когда Зеленая Тара наглядно показала, что зависть подавляется состраданием. Знание того, как важно научиться ничего не бояться и ни к чему не привязываться, он обрел, увидев, что все порождено природой самого человека, и если научиться ею управлять, то не будет ничего невозможного. Потом, в новой жизни, знание это уходит глубоко в подсознание, и древняя наука о смерти выводит его на поверхность, оказываясь при ближайшем рассмотрении мудрейшей наукой о жизни.

На этом мы расстанемся с божественным Падмасамбхавой и его великими деяниями в мире людей, хотя они и неисчерпаемы. Пора нам перейти к другим, весьма колоритным персонажам, что мы и сделаем в следующей главе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

ИЗЛАГАЮЩАЯ ИСТОРИЮ ШКОЛЫ КАГЬЮ

ного добродетельных деяний было совершено в славные годы правления великого царя Трисонга Дэвцэна, инкарнации бодхисаттвы мудрости Манджушри. Ибо после завершения строительства монастыря Самье начался невиданный доселе, впрочем, как и потом, расцвет переводов священных буддистских книг на тибетский язык. Сам царь издал указ, согласно которому переводить писания Хинаяны и Махаяны разрешалось лишь с санскритских оригиналов и ни с каких более языков, чтобы Великое Учение не искажалось. Были введены строгие правила переводов, которые никому не дано было нарушать во избежание суровой царской кары. Особое предписание закрепляло правило, согласно которому мантры и тайные заклинания вообще не должны были переводиться, так как их смысл — в особом сочетании звуков, которое в переводе утрачивается. Царь, не желая видеть своих монахов нищими, издал указ, в соответствии с которым для каждого духовного лица назначались семь семей, от которых он должен был получать щедрое подаяние.

Более того, в 779 году буддизм получил в Тибете ранг государственной религии. Сам царь Трисонг Дэвцэн был арбитром в споре между индийской и китайской версиями буддизма. Китайцев представлял монах Хэшан, индийцев — монах Камалашила. Китайцы привезли с собой чань-буддизм, индийцы — буддизм школы *мадхьямика*, буддизм срединного пути. Чань-буддизм выигрывал в

глазах тибетского общественного мнения, однако царь отдал победу Камалашиле. Сторонники Хэшана так сильно огорчились, что разбили свои тела о камни, бросившись вниз с высоких скал. Самого же Хэшана торжественно отослали обратно в Китай, книги его тщательно собрали и спрятали в специальном хранилище, так как уничтожать книги, которые в то время все до единой считались священными, было нельзя, никто не хотел брать на себя такой грех. Однако Хэшан не успокоился: он подослал к Камалашиле сразу четырех наемных убийц, которые отбили ему почки, и тот скончался. А вслед за тем в 797 году умер и сам царь Трисонг Дэвцэн.

Потомки Трисонга Дэвцэна

После Трисонга Дэвцэна на трон взошел его сын Муне Цэнпо, который постановил, что в монастыре Самье следует отправлять по четыре большие религиозные службы в день, а также трижды пытался установить равенство между богатыми и бедными. Правда, история умалчивает о том, как именно он это делал. Царствование же его продлилось всего один год и семь месяцев, после чего молодой царь был отравлен собственной матерью и скончался в возрасте всего семнадцати лет. После этого на трон возвели его четырехлетнего брата, который прожил явно дольше несчастного Муне Цэнпо и столь же ревностно занимался дальнейшим распространением буддистского Учения. Он успел произвести на свет пятиерых сыновей, одним из которых был Рэльпачен.

Именно Рэльпачен, внук Трисонга Дэвцэна, был возведен на трон в 815 году и продержался на этом опасном сидении вплоть до 838 года. Был он фанатично предан буддизму, говорят, даже стал буддистским монахом. Говорят также, что он столь почитал духовных лиц, что превратил свою голову в трон для их ног, совершая перед ними земные prostиrания и касаясь головой их священных стоп. Рэльпачен продолжил работу по переводу священных книг, всемерно совершенствуя институт лоцзава — переводчиков. Он создал даже особую коллегия, составившую *Махавьютпатти* — большой санскритско-тибетский словарь унифицированной буддистской терминологии. Эта же коллегия закрепила правила перевода. Так, было категорически запрещено менять порядок слов при переводе санскритских стихотворных текстов, запрещалось также при переводе вводить какие-либо новые термины. Если у переводчика возникали трудности, он разрешал их с помощью все той же коллегии. Ну а перевод тантристских сочинений можно было предпринимать лишь по особому разрешению самого Цэнпо Рэльпачена. Все эти правила были обнародованы царем в 826 году и с тех пор и по сей день соблюдаются неукоснительно.

Итак, буддизм в Тибете достиг своего расцвета. Но бонская знать никак не хотела смириться с этим и в 836 году убрала буддистского царя со своей дороги,

подослав к нему наемных убийц. Что ж, жизнь полосата, и ничто не может длиться вечно — счастье всегда сменяется несчастьем, но и любое несчастье когда-нибудь проходит. Свет всегда и для всех чередуется с мраком, мрак же неизбежно переходит в свет.

Царствование Ландармы

На престол взошел Ландарма, старший брат Рэल्पачена, столь же фанатично преданный бон, как убитый царь — буддизму. Как видим, отношения между буддизмом и бон отнюдь не были безоблачны, если уж внутри одной царской семьи существовали последователи и той, и другой традиции.

Со смертью Рэल्पачена кончилась первая волна распространения буддизма в Тибете, настали черные дни для буддистского Учения. Время смут и междоусобиц воцарилось в Стране Снегов.

Ландарма назначил дьяволоподобного Пейжалторе, одного из убийц Рэल्पачена, своим министром внутренних дел, и они приступили к искоренению буддизма. Прежде всего был введен запрет на переводы буддистских текстов, а уже переведенные книги были тщательно собраны и не менее тщательно спрятаны в скалах Лхасы. Мы видим, что враждующие стороны постоянно обрушивают свою ярость именно на книги, но ни одна сторона не смеет уничтожить их, хотя людей уничтожает не задумываясь.

Двери монастырей были наглухо замурованы, а всем тем, кто не стал отказываться от отличительных знаков своего монашества, раздали луки, стрелы, барабаны и бубны, а также острые ножи, и все они были принуждены заниматься работой охотников и мясников, нарушая основную буддистскую заповедь «не убий» по отношению к живым существам. Но были и такие, что отказались от навязанных профессий, и их на глазах у всех предали мучительной смерти. Многие приверженцы буддизма, как до них приверженцы бон, были вынуждены бежать из Тибета. Многие, но не все.

О Ландарме стали ходить легенды. Так, рассказывают, что некогда в Непале построили величественнейший *субурган* — ступу, в которой хранятся священные реликвии, — и при его освящении была произнесена тайная мантра, дарующая исполнение желаний каждому из участников великой стройки. Но при этом забыли про быка, на котором возили строительные материалы. Бык страшно обиделся и сказал, что жестоко отомстит: когда один из строителей, согласно своему желанию, будет укреплять буддистскую веру, бык возродится царем и уничтожит все, что сделает благочестивый строитель. Но тут на вершину законченного субургана сел черный ворон и пообещал быку убить его в то время, когда он будет разрушать буддистскую веру. Что ж, не было еще на земле таких пророчеств, которые бы не исполнились в назначенное время. Скоро в Тибете

родился очень красивый и способный мальчик, но на голове у него были рога — отличительный признак приверженца черной религии бон. Пришло время, и рогатый юноша, которого звали Ландарма Удумцэн, вступил на тибетский престол. С тех пор с именем Ландармы прочно ассоциируется прозвище «мерзкий бык», ибо это, конечно, был он в своем новом перерождении.

И стал этот бык бесчинствовать в злобе. Он уничтожал монастыри, храмы и статуи. Додумался до того, что все изображения буддистских божеств подверг испытанию: тех, что не издавали стонов, подобно живым существам, когда их били тяжелыми палками, велел уничтожить, потому что они якобы ложные боги. Когда же стали бить Ваджрапани, он простонал: «Ой-о!». И когда Зеленой Таре вбивали гвозди под ногти, она отдернула руки и простонала: «Ой-о!». Две эти статуи остались неуничтоженными. Ландарма так свирепствовал, что стал употреблять изображение Будды в качестве ночной посуды.

Никто не знал про рога на голове царя, так как он прикрывал их специальным головным убором. Женщин, которые приходили расчесывать Ландарме волосы, он неизменно убивал, но одна так разжалобила его, что царь сделал для нее исключение и отпустил живой. Девица, поклявшаяся Ландарме никому и никогда не говорить о его рогах, не выдержала и по дороге все-таки прошептала в нору о страшной царской тайне. Кто же доверяет страшные тайны женщине?! Впрочем, нет на свете ничего тайного, что не стало бы явным. Вскоре из норы вырос бамбук, а проходивший мимо погонщик осла сделал из него дудочку, на которой и заиграл при большом стечении народа. Тут дудочка и выдала тайну: «У нашего Ландармы на голове рога!».

Слух об этом тут же дошел до Палжи Дордже из Лхалуна, который сидел в пещере и медитировал. Конечно же, это был тот самый черный ворон, что уселся когда-то на вершине субургана. Понял славный отшельник, что царь Ландарма и есть разъяренный бык. И возникло в монахе высшее сочувствие к царю, который чем дольше проживет, тем больше накопит черной кармы. Монах любил своего врага и потому твердо решил оборвать его жизнь. Палжи Дордже углем перекрасил белого коня в черный цвет, надел меховое платье белым мехом внутрь, а черной изнанкой наружу, взял железный лук и железную стрелу, спрятав их в длинных руках. Сел Палжи Дордже на крашеного коня и прискакал на нем в Лхасу. Там он увидел сидящего царя, спешился перед ним, во всеуслышание произнес, что он — черный демон Яшер и желает должным образом убить грешного Ландарму. Затем натянул лук, выпустил железную стрелу и метко поразил царя. Что ж, Ландарма поплатился за то, что забыл старую тибетскую мудрость, которая гласит: не стоит обращаться с крапивой, как с сорной травой. Поднялся страшный шум, началась всеобщая паника. Воспользовавшись этим, Палжи Дордже вскочил на своего угольно-черного коня, помыл его в озере Ми-наг, и конь вновь стал белее снега. Затем он вывернул одежду белым мехом нару-

жу и стал называть себя белым демоном небес Нате Карпо, и никто не смог его обнаружить. Случилось все это в 842 году, так что всего шесть лет бесчинствовал в Тибете свирепый и глупый бык.

Что же касается судьбы монаха-убийцы, то есть сведения, что он провел остаток своей жизни в тяжком покаянии. Вероятно, Палжи Дордже не был махасиддхи и потому не смог непосредственно перенести сознание Ландармы в чистые обитатели, но лишь предоставил царю шанс самому реализовать такую возможность. Однако, с другой стороны, он должен был чувствовать себя героем, так как спас не только буддистскую веру, но и ее злобного врага Ландарму из сострадания к нему. Если бы его оставили жить на этом свете, он бы еще столько дел натворил, что вечно страдал бы за них в аду. А так у него появилась возможность перенестись прямо в чистые земли, так что монах не сотворил ему ничего, кроме блага, ибо любил своего врага.

Рождение традиции кагью

Мудрый Падмасамбхава, превративший пески Нган-шонг в плодородную землю, повернувший вспять течение реки Цангпо и совершивший множество других чудесных подвигов, предвидел эпоху Ландармы, и потому захоронение священных книг в термах было мудрейшим из его деяний. Оставшиеся в Тибете, не покинувшие родину в трудный час монахи мгновенно возродили буддистское Учение, и началась волна новых переводов буддистских текстов. Старая традиция ньингма воскресла, словно бы и не умирала; более того, появились на свет новые традиции тибетского буддизма, обобщенно называемые *Сармапа*. Вот о них-то мы и поговорим. Правда, теперь, когда после смерти быка Ландармы Тибетская империя практически распалась, нас будут уже очень мало интересовать правители, утратившие свое бывшее величие, и мы обратимся к неординарным фигурам основателей и последователей новых традиций — кагью, сакья и гелуг.

Начнем с традиции *кагью*, история которой начинается в Тибете как история школы *каджупа*, что значит «преемственность слов Будды». Основал ее Марпа-лоцзава, Марпа-переводчик, родом из Лхобрана, живший в 1012–1098 годах. Созданная им традиция целиком зиждется на передаче Учения непосредственно от Учителя к ученику, из уст в уста.

Однако и Марпа имел Учителя, и линия преемственности Учителей кагью выглядит следующим образом: Ваджрадхара — Тилопа — Наропа — Марпа — Миларепа — Гампопа. Ее мы и рассмотрим.

Илл. 54. Ади-будда Ваджрадхара

Итак, первым стоит ади-будда Ваджрадхара, как божество, передающее в мир свое Учение и свои божественные силы. Как мы уже не раз говорили, обычно основатель Учения получает его от божества, и далее должна сохраняться непрерывность линии передачи Учения, ибо если эта линия где-либо прерывается, Учение теряет свою изначальную чистоту и переданную божеством силу. Ученики, получающие Учение от Учителя, так или иначе всегда кармически связаны с ним, многократно их пути пересекались в нескончаемом круге перерождений, а главный ученик, «сын сердца», зачастую является просто новым земным воплощением Учителя.

Тилопа

Ваджрадхара передал свое знание и силу махасиддхи Тилопе, в результате чего тот стал тождественен с этим божеством. Еще в детстве Тилопа имел видение, в котором ему явилась дакия и сказала: «Я — Ваджраварахи (Алмазная Свинья, важная тантристская богиня, являющаяся человеку в переломные моменты его жизни), твоя мать. Чакрасамвара (охраняющее божество линии кагью) — твой отец, а ты сам — Ваджрадхара (ади-будда)». Сокровенный смысл и тайное значение этого видения Тилопа понял лишь много лет спустя.

Мы же знаем о Тилопе, что он жил в стране Бхингугари и был чрезвычайно учен и начитан. Царь той страны очень ценил в людях интеллект и давал Тилопе на содержание ежедневно по 500 монет. В стране, столь чтившей своих ученых, Тилопа мог жить вполне безбедно, тем более что царь обращался с ним с большим почтением. Собственно, так он и жил, будучи *бхикишу* — нищим монахом, живущим лишь подаянием, тем, что добровольно давал ему щедрый царь. Несколько лет провел он в столь благословенном месте, тренируя свой интеллект, вникая в священные тексты Махаяны.

Но однажды во время проповеди Дхармы он ощутил смутное беспокойство. Чтобы загасить его, Тилопа быстро закончил проповедь и уединился с одним из текстов, достойных изучения. Но его мирное занятие было прервано появлением безобразной женщины с синей кожей, которая потребовала, чтобы он рассказал, чем он занимается. Тилопа очень вежливо объяснил, что изучает сложную философию Махаяны. Ведьма злобно накинулась на него со словами: «В Махаяне много слов и предписаний тоже много, в Ваджраяне же мало слов и трудностей немного». Это вновь была божественная мать Тилопы дакия Ваджраварахи, Алмазная Свинья, которая в тантрах обычно выполняет роль вестника резких психологических изменений, переворотов сознания. И тут же в небе перед Тилопой возникла мандала Чакрасамвары, его божественного отца, и сами божества дали ему *абхишеку* — посвящение путем кропления или помазания.

И тогда изумленный Тилопа мгновенно осознал ограниченность чисто интеллектуального подхода и необходимость преодоления этой ограниченности ради сохранения живой сущности Учения, да и своей собственной истинной сущности. Ибо, как писал Фридрих Ницше, «когда человек приучается превращать каждый шаг в диалектическую игру вопросов и ответов и в чисто головное дело, изумительно, как скоро он засыхает в подобной деятельности и едва ли не превращается в стучащий костями скелет».

Потрясенный Тилопа, несмотря на все уговоры царя и насельников монастыря, оставляет обитель, взамен монашеского одеяния облачается в рубище и начинает вести жизнь странника. Он получал от многих Учителей абхишеку, тексты Учения и устные пояснения к ним. В ходе странствий по разным местам и разным Учителям Тилопа сам учил людей тому, что прирожденная мудрость скрыта в сердце каждого существа, но ее нельзя реализовать без помощи Учителя.

Несколько лет провел Тилопа в странствиях и медитациях, после чего его Учитель Матанги приказал ему практиковать «фазу действия», то есть идти в мир и жить его жизнью. Двенадцать лет Тилопа провел в Бенгалии, самолично добывая себе на пропитание выжимкой кунжута днем, а ночью подрабатывая в качестве слуги у местной проститутки. Представьте себе известного и уважаемого ученого монаха, милостынедателя которого являлся сам царь, столь низко павшего с точки зрения обычного человека! Но Тилопа обычным человеком не был, эти двенадцать лет полного самоуничтожения, уничтожения своего ненаглядного «Я», полностью разрушили иллюзию этого «Я», открыв его истинную природу Пустоты. Но ощутив себя полным ничто, человек получает редкостную возможность сотворить из себя нечто. Тилопа стал выдающимся махасиддхи. Окружающие стали все чаще воспринимать его в различных формах. Так, из трех собравшихся один мог видеть его как плавающую форму в центре двенадцати огней, другой — как монаха, третий же видел Тилопу окруженным толпой прекрасных молодых женщин, и все это одновременно.

Много волшебных сил появилось у Тилопы. Он победил небуддистского йогина Мати в соревновании по чародейству: на его глазах он скакал на льве, управлял движением солнца и луны, а также продемонстрировал весь космос внутри одной малой частицы своего тела. Ясно, что при своей исходной подготовке он без труда одерживал победы в диспутах с небуддистскими философами, принуждая их таким образом обратиться в буддизм. Трактирщика же Сурьяпрабху Тилопа обратил в истинную веру иным способом, превратив на его глазах вино в нектар. Вино всегда является излюбленной субстанцией для магических опытов.

Наконец настало время, когда дакини сообщили ему, что он готов к путешествию в страну дакинью, но для этого ему потребуются три вещи: стеклянная лестница, мост из драгоценных камней и ключ из острой травы. Тилопа достал эти три вещи и без колебаний пошел по пути, ведущему в волшебную страну

Уддияну, населенную божествами, дакинями и махасиддхи, родину великого мага Падмасамбхавы. Долг каждого уважающего себя махасиддхи — побывать в Уддияне, чистой земле, священной горной местности где-то на западе, где перерождаются те, кто практикует тантру Чакрасамвары и Ваджрайогини, где среди кладбищ в прекрасном дворце обитает сам Чакрасамвара в соитии со своей супругой, окруженный свитой даков и дакинй. Но все это можно увидеть лишь в том случае, если обладаешь чистым видением. В нечистом же видении обычных заблудших существ все это представляется как простой каменный дворец, в котором спрятаны все сокровища сутр и тантр.

Тилопа, обладавший чистым видением, достиг Уддияны и вступил в самосущий дворец Чакрасамвары, то есть в священную мандалу этого божества. Но путь ему преградили дакини, пожиравшие человеческую плоть. Тут и пригодилась незаметная стеклянная лестница, по которой Тилопа взобрался на железную стену, окружавшую дворец. Сразу же его дорогу пересек глубокий ров, который он преодолел с помощью волшебного драгоценного моста. Другая группа дакинй встала на его пути, но Тилопа победил и их, а затем открыл дверь ключом из острой травы и вошел во дворец, где попал прямо в покои королевы дакинй Ваджрайогини. Тилопа бесстрашно вошел в мандалу главной дакини, и она немедленно провозгласила: «Ты — Чакрасамвара». Это означало, что Чакрасамвара и Тилопа обладают одинаковой сущностью, слились в одно, и потому Чакрасамвара является его идамом, то есть одновременно и его внутренней сутью, и его охраняющим божеством, ибо внешнее и внутреннее здесь едины. Ваджрайогиня дала Тилопе несколько посвящений, проинструктировала по всем методам тантристской практики, а еще Тилопа получил от нее непосредственную передачу «линии нашептывания». Это самые сокровенные учения, передаваемые шепотом через приставленную к уху ученика трубочку. Такая передача была отработана представителями бон во время гонений на их учение, учиненных Падмасамбхавой с благословения цэнпо Трисонг Дэвцэна, а потом с успехом применялась в тибетском буддизме во время гонений на него цэнпо Ландармы.

После посещения волшебной Уддияны Тилопа десять лет провел в непрерывной медитации на священном кладбище близ города Каньчи. За это время он полностью очистился духовно и достиг абсолютного совершенства во всех тантристских учениях и практиках. Выйдя из этой длительной и плодотворной медитации, он наставил на Путь множество людей, после чего удалился в обитель богов, которые почтили его подношениями.

Таков был основатель традиции каджуа легендарный махасиддхи Тилопа, искавший в своих сказочных странствиях не богатств, а знаний.

Илл. 55. Богиня Ваджраварахи

Тилопа и Наропа

Наропа был главным учеником Тилопы, «сыном сердца», которому Учитель перед своим уходом передал все свои знания и магические силы, в результате чего Учитель и ученик объединились в единую сущность. Его намтар чрезвычайно интересен, так как он многое рассказывает о взаимоотношениях Тилопы и Наропы, о методах работы с очень способным учеником, принятых в тибетском буддизме. Отметим, что Наропа, как и Тилопа, никогда не бывал в Тибете, однако является вторым иерархом тибетской школы каджупа.

Наропа происходил из семьи торговца вином, однако уже в возрасте одиннадцати лет осознал греховность своей наследственной профессии и ушел из дома. Странствуя, он добрался до Кашмира, где занялся изучением как духовных, так и светских наук. Затем он вернулся в Бенгалию и стал зарабатывать на жизнь, торгуя хворостом. В должное время он женился, но вскоре оставил семью и вновь пустился в странствия.

Правда, согласно другой версии, Наропа родился в семье правителей Бенгалии и богатые родители, уступив настоятельным просьбам сына, отправили его учиться в Кашмир. В семнадцать лет, по настоянию родителей, он женился. Восемь лет он обучал свою жену Вималу премудростями Махаяны, а потом объявил, что пора ему покинуть дом и семью. Верная и выученная Вимала предложила Наропе объявить во всеуслышание, что она порочна, и благодаря этому получить развод и полную свободу, ибо она не хотела стоять на его благочестивом пути. Наропа принял ее предложение. А Вимала стала известной индийской йогиней Вималашри; Наропа передал ей линию *Шести йог*, которую эта мудрая женщина принесла в Тибет, где прославилась под именем сестры Нигумы.

Итак, в возрасте 25 лет, неженатым и свободным, Наропа ушел из дома, странствовал, получил знания и посвящения от различных Учителей, повторяя путь Будды Шакьямуни, и наконец стал полным монахом, приняв все предписанные буддистским каноном обеты.

Снискав известность своими проповедями и глубиной познаний, Наропа в 1049 году прибыл в Наланду, знаменитый буддистский монастырь-университет, принял участие в обязательном испытательном диспуте и одержал в нем блистательную и безоговорочную победу. Вскоре его избрали настоятелем этого монастыря, он мудро правил им и сосредоточенно изучал буддистскую философию школ *мадхьямика* и *читтаматра*.

Восемь лет промелькнули как одна минута, однообразно и незаметно. Но однажды, когда Наропа был занят сосредоточенным размышлением над очередным священным текстом, на него вдруг пала тень ужасной старухи, заглядывающей ему через плечо. Она спросила: «Чем ты занимаешься?» — «Я изучаю книги». — «Но понимаешь ли ты их?» — «Да». — «Ты понимаешь слова или

смысл?» — «Слова». Старуха ужасно обрадовалась, и чтобы доставить ей еще большее удовольствие, Наропа сказал, что понимает также и смысл. Старуха внезапно залилась слезами. Тогда любознательный Наропа пожелал выяснить причину ее бурной радости и горьких слез. Старуха сказала: «Я радовалась, потому что ты, великий ученый, не солгал, сказав, что понимаешь только слова. Но я опечалилась, когда ты солгал, сказав, что понимаешь также и смысл, которого ты на самом деле не понимаешь». — «Да, но кто же тогда понимает смысл?» — «Мой брат Тилопа». — «Познакомь меня с ним». — «Ступай сам, окажи ему почтение и попроси научить тебя понимать смысл». С этими словами ведьма исчезла.

Необратимые изменения произошли в сознании Наропы, он словно бы прозрел. Несмотря на уговоры и сетования любивших его коллег и студентов, Наропа простился со своей сверхблагополучной жизнью в богатом и ученом монастыре и ринулся в неизвестность на поиски Тилопы. Найти Тилопу — вот что стало теперь смыслом его жизни. На пути ему встречались то прокаженная женщина, то разлагающийся труп собаки, то безумец, терзающий бранные останки мертвеца. Каждый раз благопристойный Наропа в ужасе шарахался от увиденного, но каждый раз эти ужасные видения на его глазах неотвратимо исчезали в небесах. И тогда он понимал, что в этих образах перед ним предстал Тилопа, но дурная карма мешала Наропе распознать его. Жизнь без Тилопы была совершенно лишена смысла, и потому однажды, совершенно отчаявшись, Наропа достал бритву, твердо намереваясь вскрыть себе вены.

Тут-то перед ним и предстал сам махасиддхи Тилопа в облике темнокожего йогина с собранными в пучок волосами и со страшными налитыми кровью глазами. Наропа пал перед ним ниц и благоговейно спросил: «Учитель, в добром ли ты здравии?». — «Я не твой Учитель и ты не мой ученик!» — злобно прошипел Тилопа и начал бить Наропу. Однако после всего произошедшего вера Наропы беспредельно возросла, и с тех пор он уже не покидал Тилопу. Так Наропа вступил в двенадцатилетний период своего ученичества, известный как «двенадцать великих строгостей».

Напомним, что к этому времени Наропа уже был отнюдь не мальчиком, а степенным, благопристойным, уважаемым ученым, однако он сносил от Тилопы абсолютно все, хотя тот вел себя, на наш взгляд, как взбалмошный и капризный безумец.

Двенадцать лет прожил Наропа с Тилопой, прося для него подаяние и ставя чашку с едой перед Учителем, однако тот лишь бил и бранил Наропу. Но однажды Наропа получил щедрое подаяние на богатой свадьбе: это была зеленая потасса, оказавшаяся столь вкусной, что Тилопа, который до этого не замечал Наропу и вообще не разговаривал с ним, обратился к смиренному ученику со словами: «Сын мой, где ты достал эту еду?» — и попросил принести еще. За

столь ласковое обращение Наропа готов был на все и четыре раза ходил за едой, которую ему безотказно подавали, ибо считалось честью и долгом накормить нищего монаха-странника. Однако на пятый раз терпение милостынедателей иссякло, и Наропу нещадно избили. Тем не менее законопослушный Наропа все-таки умудрился украсть целый горшок потассы. И тогда Тилопа, явно не страдавший отсутствием аппетита, наконец дал ему наставление и посвящение в мандалу Ваджраварахи, которой, собственно, и была та старуха, что отправила Наропу к Тилопе.

Двенадцать лет, вплоть до смерти Тилопы в 1069 году, Учитель и ученик странствовали вместе, переживая множество приключений, устроенных Тилопой для подготовки своего ученика к жизни махасиддхи. Каждый год Тилопа испытывал безоговорочную преданность ученика и, когда тот успешно проходил испытание, давал ему одно из двенадцати наставлений «линии нашептывания», каждое из которых раскрывало аспект единого Учения.

Испытания, которым Тилопа подвергал Наропу, были отнюдь не шуточными. Так, однажды в пустыне Тилопа предложил ученику выпустить кровь из своего тела, отсечь себе голову и положить ее в середину выполненной из песка мандалы, углы которой Наропа должен был украсить своими отсеченными руками и ногами. Ученик безропотно выполнил приказание Учителя и преподнес ему требуемую мандалу. Фактически здесь воспроизводится ситуация поклонения дакинй их главе, Ваджрайогине, увиденная Еше Цогель, которую Падмасамбхава запретил воспроизводить своей лучшей ученице. Тилопа же потребовал от Наропы такого воспроизведения, после чего исцелил преданного ученика простым наложением рук и дал ему очередное глубокое наставление.

Каждому следующему наставлению предшествовало жестокое испытание ученика. Наропа по знаку Учителя прыгал с крыши храма, бросался в глубокие ущелья, кидался в огонь, ложился под боевую колесницу и т. д. И каждый раз, когда Наропа лежал, испуская дух после своего очередного подвига, к нему подходил Тилопа и ворчал: мол, вечно у Наропы все не слава богу, и ему, Тилопе, делать, что ли, больше нечего, возись тут с учеником, который и в пропасть прыгнуть толком не умеет... Выговорив Наропе за неумелость, Тилопа возлагал на него руки, и все травмы Наропы тут же заживали.

Дорогой читатель, Вы можете подумать, что Тилопа просто издевается над своим учеником, самоутверждаясь с помощью этого несчастного. Но это совсем не так, и Вы очень далеки от истины. Во-первых, Тилопе, как любому истинному Учителю, самоутверждаться просто нет нужды — он ведь полностью реализовал себя, став махасиддхи, великим достигшим. И стал он таким лишь потому, что сумел полностью растворить свое «Я», свое эго в гармонии мирового целого. Ясно, что у него нет и не может быть ни комплексов, ни амбиций, и только таким может быть истинный Учитель, все остальные присваивают себе это высокое

звание не по праву. Во-вторых, и это очень важно, путь, на который ступил Наропа и который уже прошел Тилопа, связан с огромным риском и требует от идущего абсолютного бесстрашия и решимости, твердости алмаза, воплощенной в буддистском символе ваджры.

Методы, применяемые Тилопой для воспитания ученика, кажутся на первый взгляд просто жестокими, однако на самом деле они заключают в себе высшее милосердие. Тилопа подвергает Наропу, бывшего уважаемого человека, постоянному унижению, но это единственный способ заставить его осознать, что есть ценности неизмеримо большие, чем его драгоценное «Я». Тилопе нужно заставить ученика растворить свое «Я» в сиянии Пустоты, которая одна лишь является истинной, все остальное — иллюзии, из которых главная — иллюзия самобытия, независимого существования собственного «Я», и с ней нужно справиться в первую очередь.

Страшные испытания, которым Тилопа подвергает Наропу (всего-то раз в год!), служат тому, чтобы полностью подавить в нем страх и сомнение в безграничных возможностях человека. А если страх и сомнение, нерешительность и безволие подавлены, то все становится возможным, и из всех испытаний Наропа должен выходить невредимым. Тилопа потому и ворчит на переломавшего себе кости ученика, что тот все еще недостаточно смел и решителен и не может обойтись без помощи Учителя. Нет других методов для реализации стоящих перед будущим махасиддхи целей.

Уроки полковника Хозиева

Вообще всякое дело, связанное с риском, требует жестких методов обучения, и пусть тот, кто их не выдерживает, вовремя сумеет покинуть его. Позволю себе сделать небольшое отступление от нашей темы и рассказать о своем опыте обучения верховой езде. Когда я впервые пришла на конюшню, тренерами там были отставные полковники кавалерии, прошедшие огни, воды и медные трубы. Один из них, покойный Илья Васильевич Хозиев, стал для меня и моих друзей одним из главных Учителей жизни.

Первый мой визит на конюшню ознаменовался и первым очень наглядным уроком. «Ездила?» — спросили меня. Я честно призналась, что нет. «А к лошади подходила?» — «Нет». — «Так, чистое дитя асфальта. Иди седлай», — сказали мне без всяких комментариев к этому процессу. А потом добавили вслед: «Да не подходи к лошади сзади». — «Почему?» — «Ударит. И вообще она спереди кусается, а сзади лягается». Нашла я предназначенного мне одра — ибо кого же еще могли мне дать в первый раз? И стоял мой одр, как и все остальные в конюшне, привязанным передом к кормушке, а ко мне, соответственно, задом. На деннике висели уздечка и седло, как ими пользоваться и что куда надевать, я,

естественно, не знала. Стою в полной растерянности, но тут вальсяжной походкой подходит конюх и удивленно интересуется: «Ты чего стоишь?» — «Так ведь к лошади нельзя подходить сзади!» — «Это еще почему?» — «Ударит». — «Да зачем ты ему нужна?!» — в сердцах говорит Володя Чернов — именно так звали конюха, запомнившегося мне на всю жизнь. Взял он меня за плечи, втолкнул в денник, прижал к бархатной шкуре коня и таким образом провел к его морде. Так мне без всяких объяснений дали понять, что когда ждешь от коня неожиданностей, надо не отходить вдаль, а наоборот, вопреки естественному рефлексу страха, встать к нему вплотную — тогда он не сможет ударить. А фраза «Да зачем ты ему нужна?!» прояснила, что ни с того ни с сего никто не будет на тебя бросаться, кусаться и лягаться.

Словом, оседлал мне Владимир лошадь, вывел из денника, сунул мне в руки повод, решительно повернулся спиной и удалился. А вести надо было далеко, зверюга громадная, 500 кг весит, лапы длинные, копыта широкие. И держусь я от своего одра, следуя инстинкту страха, как можно дальше, чуть ли не на всю длину повода. Выходим мы с ним так на улицу, и тут я слышу громогласный вопль отставного полковника Рогалева: «Осторожно! Осторожно!». Конечно же, я шарахаюсь совсем в сторону от несчастного коня, и тут раздается продолжение: «Не отдавите же ему ногу!». Все хохочут, и правило «держись как можно ближе к лошади» запоминается уже навсегда.

Потом была езда, а еще потом — жуткая боль в мышцах. Тем не менее на следующее утро я опять стояла на конюшне — что-то неудержимо тянуло туда, как тянет и до сих пор. Ну а далее я попала в группу Хозиева, который следовал строго традиционным методам обучения и был чужд всякой сентиментальности. Зато и травм в его группах было гораздо меньше, чем у других, нежных и ласковых тренеров. Помню, когда моя подруга в первый же раз упала с лошади, ее заботливо подняли, участливо отвели в раздевалку, уложили на диван. Но больше она на лошадь уже никогда не садилась, хотя никакой травмы не получила. Вскоре пришел и мой черед падать с коня. Лежу и жду, когда же все кинутся ко мне, начнут жалеть меня и порицать лошадь. Не дождалась, пришлось разозлиться и встать самой. Вне себя от ярости иду к коню, который, словно издеваясь, скалится из угла манежа, под хохот всех присутствующих, которые, заходясь в смех, наперебой советуют: «За хвост, за хвост его лови!». Окончательно взбешенная, беру повод, сажусь в седло и шиплю: «Ну, погоди, скотина!». Хозиев меланхолично комментирует: «Скотина, говоришь? А ты знаешь, где были твои руки? А ноги? А головы у тебя вообще не было. Так что еще неизвестно, кто из вас скотина — у него же выхода не было, кроме как тебя высадить!». Еще один важный урок, вернее, сразу два. Правило первое: если упал на препятствии, не следует лежать под ним, скулить и ждать жалости, а надо встать, сесть в седло и повторить попытку. И так до удачи. А синяки потом посчитаешь. Пра-

вило второе: что бы ни делал твой конь, твое дело — сидеть. А если уж упал, проанализируй свои ошибки, потому что хорошего всадника лошадь не разнесет и не высадит. То есть, как говорит мудрая *Дхаммапада*, «пусть смотрит он не на ошибки других, на сделанное и несделанное другими, но на сделанное и несделанное им самим».

Единственным способом преодолеть страх перед падением было отпадать свое с самого начала, при этом научившись падать правильно, не грохаясь плашмя всем телом, а группируясь при падении. Тилопа за то и ворчал на Наропу, что тот неверно приземлялся. И Хозиев считал, что вначале следует падать не менее трех раз за занятие. Если сам не падаешь, тренер поможет тебе точным ударом хлыста, выловив момент твоей невнимательности. Так в мозг прочно впечатывалось еще одно непреложное правило: нельзя позволять себе расслабляться, всегда следует быть начеку, присутствуя в каждый момент в данной ситуации, неотлучно находиться здесь и теперь. Господи, сколько же раз мне помогали в жизни правила, прочно вбитые на конюшне!

Авторитет Хозиева был столь же непреложен, как и главные правила, неподчинение его приказанию — такого для нас просто не могло быть, такая возможность даже не рассматривалась. Мы никогда не видели, чтобы наш тренер не справился с какой-нибудь лошадью, не видели, чтобы он чего-нибудь испугался. А как точно он чувствовал и лошадь, и всадника! С ним мы всегда работали на грани допустимого риска, но никогда не выходя за эту грань. Хозиев всегда знал границы возможного. Помню, прихожу я как-то раз на конюшню и стою в раздумье. Хозиев спрашивает: «Чего задумалась?» — «Да у меня воспаление легких», — робко говорю я. «Иди быстро седлай и езжай на улицу!» — командует Илья Васильевич. На улице снег, дождь, на мне только тонкий свитер, но езда идет в таком темпе, что ни о чем не задумываешься. А когда я пришла домой, температуры уже не было и болезнь прошла.

Верили мы Илье Васильевичу безгранично. Однажды посетил нас гордый чемпион Союза по кроссу. Хозиев тут же скомандовал группе: «На плац!». На плацу было полутемно, царствовал жуткий гололед, с неба сыпалась какая-то мерзость, никто в здравом уме в такую погоду не ездил. Выстроившись парами, мы всей группой пошли на препятствия. Хозиев все время командовал: «Шире! Еще шире! Чем шире, тем устойчивей!». Слепо повинувшись, мы набрали предельную скорость и под истошные вопли чемпиона Союза, требовавшего, чтобы мы, сумасшедшие, остановились, парами взлетали над препятствиями, ощущая бесстрастную страховку товарищей — при такой езде каждый боится соседа по паре, а также идущего сзади и идущего впереди, а о себе просто не думает, ибо о нем заботятся друзья. То ощущение скорости, чувство полета, уверенность в товарищах и опьянение риском остались в моей памяти на всю жизнь как одно из редких мгновений полного счастья. Мы победили, доказав себе и остальным, что

невозможное на самом деле возможно, — а все потому, что мы ни на минуту не усомнились ни в нашем Учителе, ни в себе, ни друг в друге. Помните, апостол Петр пошел за Христом по водам, но стал тонуть, как только усомнился. «Маловерный, зачем ты усомнился?» — сказал ему Христос. Только безоговорочная вера раздвигает для нас границы возможного.

То, что постороннему взгляду казалось жестокостью и безрассудством Хозиева, на самом деле было его мудростью и высшим милосердием. Слабый же всегда мог покинуть конюшню. А результат? После такого тренинга можно было прийти в любую конюшню и на вопрос: «Ездила?» — гордо ответить: «Да». После этого тренер чесал в затылке, вспоминая, где стоит тот крокодил, на которого люди не садятся, и отправлял тебя к нему. Это было двойной мудростью. Во-первых, испытывали тебя: если уж с этим справишься, то с тобой можно впредь иметь дело. Во-вторых, есть такой закон, что наши ожидания обычно сбываются. Каждая лошадь, как правило, выкидывает вполне определенные, привычные ей «финты», и именно их все от нее и ждут. Но когда не знаешь этих «финтов», их может и не случиться. Поэтому все попытки узнать у окружающих, что же именно вытворяет предназначенный тебе «зверь» (спокойного в этой ситуации не дадут), кончались одним ответом: «Все». И чаще всего случалось так, что конь, от которого ты ждешь всего, но не ждешь чего-то определенного, становился твоим лучшим другом, вы с ним находили общий язык и полное взаимопонимание.

Но ни от одного стоящего тренера никогда не слышала я похвалы, одобрение могло быть лишь молчаливым. Когда же наставник чувствовал, что в тебе выиграла гордость за свои успехи, он всегда находил способ с тебя ее сбить, показав твою неумелость. Хозиев делал очень просто: он вставал и молча смотрел в глаза твоему коню. Можно было делать что угодно, но под этим взглядом ни один конь не шел на препятствие, и ты позорился на плацу столько, сколько считал нужным Хозиев. И это тоже было проявлением мудрости, потому что самонадеянный и самодовольный обязательно потерпит неудачу. Ибо, как говорит *Дхаммапада*, «глупец, который знает свою глупость, тем самым уже мудр, а глупец, мнящий себя мудрым, воистину, как говорится, „глупец“». Отсюда правило: никогда не мни себя мудрым и знающим, а уж тем более достигшим совершенства. Совершенствованию поистине нет предела, совершенна же одна лишь Великая Пустота.

Наропа

Итак, Наропа, испытавший мудрое и милосердное руководство Тилопы, стал махасиддхи и получил от Наставника разрешение учить, поскольку постиг искусство побеждать самого себя. После смерти Тилопы он странствовал по Индии

и учил людей премудростям и правилам буддизма Ваджраяны. И не раз у него были случаи продемонстрировать свои способности махасиддхи. Так, однажды Наропа в облике нищенствующего монаха сидел при дороге с черепом в руке, символом отрекшегося от мира адепта Ваджраяны, и бормотал слово «*вайду-рья*», символизирующее способность переварить абсолютно любую съеденную вещь. Мимо проходили мальчишки, один из которых был столь учен, что знал символическое значение этого слова. Расшалившись, он протянул Наропе бритву и потребовал ее съесть. Наш махасиддхи, не задумываясь, отправил лезвие в рот, где оно и растаяло, словно мягкое масло.

Весть об обладающем чудесными силами нищем монахе дошла до злобного правителя, и он натравил на Наропу своего боевого слона, держащего в хоботе обоюдоострый меч. Таким образом царь хотел проверить истинность поучений монаха. Махасиддхи сосредоточил свой взгляд на бешено мчавшемся на него звере, и слон тут же упал замертво. Однако труп слона начал смердеть в окрестностях селения, и жители, испугавшись заразы, взмолились о помощи. Сострадательный Наропа сосредоточил энергию своего ума и переместил труп подальше от селения. Но тут выяснилось, что злобный царь чрезвычайно опечален смертью своего любимого слона, а потому обрушил весь свой гнев на советников. Тогда милостивый Наропа оживил слона. Все это заставило царя и его подданных принять Учение, проповедуемое Наропой.

Махасиддхи Наропа имел много учеников, выполняя завет Тилопы учить людей, нести свет Учения дальше. Он написал много книг, в том числе знаменитые *Шесть йог Наропы*, которые мы с вами разберем чуть позже. Прожил Наропа 85 лет, после чего непосредственно перешел в нирвану в тихой буддистской обители в Цуллахари в 8-й день первого месяца года Железного Дракона.

Марпа-лоцзава

Главным учеником Наропы, его «сыном сердца», которому он передал держание коренной линии, был Марпа-лоцзава, Марпа-переводчик. Впрочем, до него лучшим учеником Наропы был ставший махасиддхи Майтрипа, но ему не было передано держание линии. Зато Майтрипа передал Марпе учение так называемой «дальней линии передачи», в которой были четыре великих мастера: Сараха, Нагарджуна, Собара и Майтрипа.

Сараха родился в Индии в касте брахманов, и потому четыре дакини, явившиеся к нему, предстали перед ним в образе четырех девушек брахманской касты. Они убедили Сараху выпить подряд четыре чашки священного хмельного напитка типа ликера. Сараха поддался уговорам, выпил и немедленно испытал подряд четыре типа радости, даваемой только восхождением по лестнице четырех тел будды. Итак, он пережил «радость», «высшую радость», «ту радость, что

выше всякой радости» и «спонтанно возникающую радость». Таким образом было положено начало употреблению алкоголя в качестве средства достижения особых состояний, что было запрещено в традиции, идущей от Тилопы. Фактически, выпив напиток, Сараха получил от дакинй посвящение в учение Ваджраяны. Свою радость он выразил в прекрасных ваджрных песнях. Сараха передал учение своей линии Нагарджуне, тот — Собаре, главным учеником которого и стал Майтрипа.

Майтрипа, последний из мастеров «дальней линии», родился в 1007 году в семье брахманов. Первым его Учителем стал Наропа, давший ему посвящение в учения Ваджраяны. Долгие годы провел Майтрипа в монастыре в Викрамашиле, где учил в то время великий Атиша. Майтрипа практиковал медитацию Ваджрайогини, употребляя, по примеру, поданному Сарахе дакинями, алкоголь в качестве священного средства для этой медитации. Традиционно ориентированные монахи осудили такую практику, и Атиша выгнал его из своего монастыря за нарушение правил *винойи* — строгой монашеской дисциплины. Глубоко обиженный Майтрипа тут же проявил себя как махасиддхи, взмыв вверх на своей священной подстилке для медитаций и поплыв высоко в небесах над Гангом. Монахи были поражены благоговейным ужасом и молили его остаться, но он отказался. В конце концов Майтрипа обрел высшее Просветление через благословение Ваджрайогини, медитацию которой он столь усердно практиковал, стимулируя себя спиртными напитками. Однако «дальняя линия» на нем и оборвалась, так как получивший от него полную передачу Марпа остался верен линии Тилопы и Наропы и стал первым тибетским патриархом линии кагью, в которую трансформировалась школа каджуна. Именно Марпа-лоцзава считается основателем школы кагью.

Марпа, воплощение бога Хеваджры, родился уже не в Индии, как Тилопа и Наропа, а в Тибете в 1012 году. В возрасте двенадцати лет он попал в обучение к знаменитому переводчику, лоцзаве Брогми, который учился в Индии и в Тибете у многих замечательных Учителей. Марпа изучал у него санскрит, а также йогические практики Ваджраяны. Достигнув шестнадцати лет, Марпа обратил в золото свою часть родительского наследства и отправился в Индию, путешествие в которую всегда опасно, на поиски драгоценных учений тантры. Остановившись на время в Непале, он впервые услышал о величии Наропы от двух его учеников. Когда же Марпе исполнилось тридцать лет, три дакини открыли ему суть и глубину линии передачи Учения Тилопы и Наропы, что и побудило Марпу отправиться на поиски предназначенного ему судьбой Учителя. Как и следует, этот Учитель многократно предстал перед Марпой в самых неожиданных образах и ситуациях, но замороженный иллюзиями сансары потенциальный ученик не узнавал Наропу. И голос с небес провозгласил ему азбучную истину: следы Гуру столь же трудны для следования по ним, как след птицы в воздухе.

Наконец Марпа все-таки нашел Наропу неподалеку от Наланды и на радостях преподнес ему все свое золото, которое Наропа с презрением отверг. Учитель самолично дал Марпе посвящение в цикл учений Чакрасамвары, после чего отправил его за наставлениями к махасиддхи Кукурице по прозвищу Собако-отшельник, который жил на необитаемом острове посреди ядовитого озера. Кукурица обучил Марпу *Гухьясамаджатантре*. По возвращении Марпы от Кукурицы Наропа посвятил его в знаменитые Шесть йог Наропы, которые и стали главными в традиции каджуа, а впоследствии и в кагью. Наропа даровал Марпе и полную передачу тех самых двенадцати учений «линии нашептывания», ради которых Тилопа двенадцать лет тренировал Наропу. Тилопа же напроорочил, что главным учеником Наропы станет именно Марпа, у которого, видимо, была прекрасная карма.

Еще много раз Марпа отправлялся в Индию, откуда всегда привозил множество священных буддистских текстов. Пятьдесят из них он блестяще перевел с санскрита на тибетский, за что и получил постоянную приставку «лоцзава» («переводчик») к своему имени. В одном из таких путешествий он встретил Майтрипу, от которого получил передачу учений линии Сарахи и таким образом овладел полной и окончательной передачей Учения. Впрочем, и сам Сараха не преминул предстать ему в непреодолимо мощном видении и дать особые наставления.

Если не считать полных опасностей и приключений поездок в Индию и странствия к Кукурице, Марпа вел спокойную и размеренную жизнь богатого семейного человека. В своей родной местности Лходрак он купил усадьбу и женился; жену его звали Дагмедма. У них был сын Дарма-Доде, которому Марпа собирался передать держание линии, но тот погиб в результате несчастного случая. Это весьма опечалило Марпу, однако многочисленные ученики требовали его неусыпного внимания.

Правда, существует одна странная версия, согласно которой Марпа вселил высокоразвитое сознание своего умершего сына в тело Миларепы, который был простым крестьянином, а неразвитое сознание Миларепы отправил в загробные странствия вместо сознания Дарма-Доде, поменяв таким образом сознания местами. Но эта версия далека от общепринятой канонической.

Отметим также, что Марпа, в отличие от Наропы, презрительно отвергшего его золото, брал с учеников вполне материальную плату. Так, при встрече с Марпой его будущий ученик Нгок Чоку Дордже преподнес ему коня. Марпа же сказал, что если это подношение совершается из желания получить полное наставление в Учении, то это очень мало, если же речь идет лишь об одной беседе, то это слишком много. Тогда Нгок преподнес ему семьдесят самок черного яка, черный шатер, собаку, маслобойню и кувшин. Все это очень пригодилось в большом хозяйстве Марпы, и он дал щедрому ученику очень много учений. Позже

Нгок говорил: «Мое подношение не было достаточно для большего, чем это», — поскольку полной передачи он не получил.

Марпа-лоцзава прожил долгую жизнь зажиточного домохозяина, дожил до глубокой старости и умер в 1097 году в возрасте 96 лет. Его преданная жена Дагмедма скончалась одновременно с ним, ее тело тут же превратилось в светящийся шар, который вошел в чакру сердца Марпы и растаял в ней. Ведь Марпа-переводчик был земным воплощением божества Хеваджры, а его жена — проявлением богини Ниратмьи. Так закончилось земное странствие Марпы, знаменитого переводчика и Учителя людей.

Миларепа

Главным учеником Марпы, его «сыном сердца» стал Миларепа, как и предрек Наропа. Миларепа, великий отшельник и великий поэт, жил в 1040–1123 годах. Автором его намтара был Цаннен Херука, Безумный Йог из Цана, который сам себя называл йогиним, скитающимся по кладбищам; жил он в XV веке.

Миларепа родился в 25-й день первого месяца осени 1040 года, в местности Кянга-Цза, расположенной на границе Непала и Тибета. Он появился на свет в богатой и благородной семье, но когда мальчику исполнилось семь лет, эту семью постигло горе. Отец Миларепы внезапно тяжело заболел и на смертном одре поручил своим брату и сестре управлять остающимся после него состоянием и заботиться о мальчике, его матери и его сестре, а когда Миларепа достигнет совершеннолетия, возвратить все состояние ему. В свидетели этого договора отец призвал всех своих родственников и односельчан, после чего испустил последний вздох и умер. Но договор не был выполнен. После смерти главы семьи мальчик, его сестра и мать, от природы щедро одаренная умом, красотой и энергией, ходили в лохмотьях, питались объедками со стола жадных родственников и с утра до вечера выполняли для них тяжелую и черную работу.

Когда же Миларепа достиг совершеннолетия, мать потребовала, чтобы родственники мужа вернули сыну состояние отца. Но те только рассмеялись ей в лицо, сказав, что на самом деле ее муж одолжил все свое состояние именно у них, а перед смертью просто вернул свой долг. В итоге они выделили семье своего покойного брата крохотный участок земли и сказали, что больше не дадут. И никто из родственников и односельчан не вступился за несчастных.

Мать Миларепы была вне себя от гнева и обиды, ее единственным желанием теперь стало отомстить. И когда Миле исполнилось восемнадцать лет и он уже

Илл. 56. Миларепа, Учитель линии кагью

прошел курс начального обучения у мастера школы ньингма, мать послала собственного мальчика в Ярлунг, чтобы Юнгток Трогьял, великий черный маг, обучил его искусству колдовства. Год занимался с ним Миларепа, а потом перерос своего Учителя. Заметив это, тот отослал Милу в обучение к своему коллеге по имени Еше Зунг, великому практику медицины и колдовства, и тот дал юноше наставление по вызыванию дхармапалы Рахулы. Сразу же по получении этого наставления Миларепа уединился в строгом отшельничестве, посвятив себя умиротворению этого гневного божества и общению с ним. Это принесло ему искомое колдовское могущество.

Довольный вернулся Миларепа в родные края, увидел нищету матери и сестры, и сердце его зажглося гневом. Следуя наставлениям своего Учителя, он уединяется в специально выстроенном убежище и начинает творить свои черные заклинания. Семь дней и еще семь дней он сосредоточенно творит их. А на четырнадцатый день его коварный дядя устраивает пышную и многолюдную свадьбу своего сына. К вечеру этого радостного действа заклинания Миларепы срабатывают, над собравшимися с треском рушится кровля дома, и под ней погибают 35 человек. Для полноты отмщения бесчестные дядя и тетя Милы остаются живы, потеряв своих детей и близких, которых будут оплакивать весь остаток своих дней. Мать Миларепы охватила неистовая радость, она прикрепила какие-то тряпки на конец длинного шеста и носила его по деревне, славя богов и Наставников.

Но еще не отмщенными оставались односельчане, предавшие несчастную семью в трудную минуту. И Миларепа вновь возвращается к своему первому наставнику в магии Юнгток Трогьялу. Тот дает ему наставление и отправляет в месячное отшельничество для медитации, в результате чего Мила в совершенстве овладевает искусством насыщать бури и град. Торжествующим возвращается Миларепа в родную деревню. Бури и град полностью подвластны ему, и он немедленно насыщает их на поля односельчан, губя весь их урожай и обрекая людей на голодную смерть. Односельчане долго искали Милу, горя желанием убить мерзавца, однако не нашли.

Очень скоро Миларепа почувствовал сильное раскаяние в совершенных злодействах, и Учителя школы ньингма посоветовали ему отправиться к Марпелопцаве, лучшему ученику махасиддхи Наропы и Майтрипы. Услышав имя Марпы, сужденного ему судьбой Учителя, Миларепа испытал невыразимое чувство веры, жаром охватившее его, и тут же отправился к Марпе в Лходрак. Так началась его новая жизнь.

В ночь перед прибытием Миларепы Марпа и его жена Дагмедма увидели один и тот же сон о пророчестве Наропы, согласно которому именно Мила будет лучшим учеником Марпы. И Марпа приготовил ему достойную встречу. Он сел, сделав вид, что собирается пахать свое поле, и начал пить чанг — тибетское

хмельное пиво. Видимо, общение с Майтрипой наложило на него неизгладимый отпечаток. Конечно же, Мила, проходя мимо, не распознал в нем Учителя, и Марпе пришлось самому раскрыть себя. Как видим, по мере удаления от начала линии передачи испытания ученика становятся все мягче и мягче. Миларепа кинулся в ноги Марпе с криком, что он — великий грешник, умоляя дать ему наставления.

Миларепа остается в поместье Марпы и получает задание построить дом для его тогда еще живого сына. К этому времени Миларепа уже давно не мальчик, ему исполнилось 38 лет. И вот, когда дом наполовину готов, Марпа находит, что в его основании должен быть заложен краеугольный камень. Миларепа рушит построенное и начинает все заново. Когда дом наполовину готов, является Марпа и требует построить его в виде круга. Миларепа рушит сделанное и начинает все с начала. Когда дом наполовину построен, вновь приходит Марпа и сильно изумляется виду постройки, вопрошая, кто же строит круглые дома. Заикаясь, Миларепа напоминает Марпе, что это была его идея, но Учитель хохочет ему в лицо и сообщает, что тогда он был просто пьян (нет, общение с Майтрипой не прошло даром!), а Миларепа совсем не имеет своего ума. На сей раз Марпа требует построить дом в форме треугольника.

У Миларепы в кровь стерты спина и ноги, он весь разбит, его лихорадит, и жалостливая Дагмедма снабжает Милу фальшивым письмом к ученику Марпы Нгок Чоку Дордже (тому самому, который делал Марпе столь щедрые подношения). Письмо скреплено подписью и личной печатью Марпы, и в нем содержится просьба посвятить Миларепу. Сравните испытание, выпавшее на долю Милы, которого он не выдержал, с теми испытаниями, которые Тилопа предлагал Наропе! Суровость методов работы с учеником очевидно слабеет.

Нгок, конечно же, веря письму и не подозревая подвоха, дает Миле посвящение и отправляет его в уединенную келью для медитаций, чтобы там закрепить полученный при посвящении опыт. Он регулярно приходит справляться о том, что происходит с Миларепой, чтобы корректировать его продвижение. Но беда в том, что с Миларепой ровным счетом ничего не происходит, и Нгок понимает, что его обманули: посвящение, данное без разрешения Учителя, связь с которым установлена у ученика, не имеет никакой силы, ибо при этом не формируется связь с новым Учителем. Уйти от одного Учителя к другому можно лишь по приказанию первого Учителя.

Конечно же, Марпа узнает об обмане, который, возможно, вообще совершался с его ведома. Когда Миларепа возвращается к нему, Учитель осыпает его нескончаемыми упреками, так что доведенный до отчаяния ученик решает совершить самоубийство. У человека, который дошел до грани суицида, обычно сужается поле сознания и резко обостряется восприятие, он находится в одном из так называемых измененных состояний сознания, и потому его очень легко

потрясти. Что и делает Марпа, который точно в решительный момент прощает Миларепу, дает ему посвящение и отправляет в пещеру медитировать в одиночестве.

Отчет Миларепы о своем опыте в этом уединении свидетельствует, что данное собственным Гуру посвящение достигло цели. Он ясно видит формы тех божеств, над которыми медитирует и которые являются просто знаками устойчивости в медитации, а потому не имеют никакой внутренней ценности. Он полностью осознает несуществование личного «Я», при этом ум его удерживается в полном спокойствии и равновесии. В этом состоянии все мысли, идеи и восприятия совершенно исчезают и ум переходит от сознания объектов в состояние спокойствия, так что дни, месяцы и годы во множестве проходят, не будучи осознаны медитирующим, пребывающим в состоянии спокойного отдыха, и течение времени должно отмечаться для него кем-то другим. Для погруженного в столь глубокую медитацию человека время больше не существует.

Миларепа стал истинным махасиддхи. Желая проучить одного бонского мага, он затеял с ним состязание в полетах. Бонец сел верхом на свой барабан и уже почти достиг вершины горы Тисэ, но тут Миларепа щелкнул пальцами, и барабан завис в воздухе. Сам же Мила расправил полы своего полотняного одеяния, легче птицы взмыл в небо и в мгновение ока достиг вершины Тисэ как раз в момент восхода солнца. Во вспышке света он ясно увидел Учителя своей линии, больших и малых божеств цикла Чакрасамвары с радостными лицами. Сам Миларепа также ощутил великую радость, вылившуюся наружу в ослепительном сиянии его энергии. Бонец не смог вынести силы этого сияния и кубарем скатился с неба, признав себя побежденным и приняв буддизм.

Состязаясь с другим бонцем, Миларепа помещает большое озеро со всеми его обитателями на кончик пальца, проходит сквозь скалы. Шесть месяцев проведя в одиночестве из-за снежных заносов в горах, он появляется перед своими учениками в облике снежного леопарда.

Получив от Марпы полную передачу Учения линии кагью, Миларепа покидает его. Он возвращается в родное селение, хоронит лежащие непогребенными кости своей матери, узнает, что его сестра Пета нищенствует, и уходит в горы, где занимается медитацией и слагает свои знаменитые гимны-стихи. Много учеников приходит к нему за мудростью, и завидующий его духовному продвижению настоятель соседнего монастыря посылает свою любовницу отнести Миларепе отравленный творог. Мила знает о яде, но, поскольку нельзя отвергать подношение, он съедает это горькое подаяние и умирает в возрасте 83 лет.

Смерть Милы сопровождается чудесными знаками. В безоблачном небе возникают геометрические рисунки мандал, в центре которых видны разноцветные восьмилепестковые лотосы, с высоты льется восхитительная музыка, и божества приветствуют Миларепу, уходящего в нирвану, в сферу Абхирати, в область дхья-

ни-будды Акшобхьи. Мила выполнил высшую задачу адепта Ваджраяны и достиг нирваны в течение всего одной правильно выстроенной жизни.

Речунгпа и Гампопа

Лучшими учениками Миларепа были луноподобный Речунгпа и солнцеподобный Гампопа. Речунгпа родился в 1083 году в Тибете, в возрасте семи лет он лишился отца, а мать вышла замуж за его дядю. Двенадцати лет от роду мальчик встретил на своем пути Миларепа, к которому привязался столь сильно, что тот стал считать его сыном. Но судьба не благоволила к сироте, и в четырнадцать лет бедный ребенок заболел проказой. Однако странствующий йогин взял его с собой в Индию, где Речунгпа получил от Учителя Балачандры наставление в медитации на Ваджрапани, благодаря выполнению которой он полностью излечился от своей страшной болезни.

От Миларепа мальчик получил основные наставления линии кагью, в том числе учение Шести йог Наропы. Намтар приводит любопытный эпизод из его обучения. Однажды Речунгпа сидел напротив Милы в полном унынии от того, что ясно осознавал отсутствие у себя какого-либо прогресса. И в то время, когда он излагал эту свою жалобу, Миларепа пошутил с ним и одновременно направил очень сильное благословение прямо в чакру сердца мальчика. Речунгпа был буквально подброшен в воздух и мгновенно совершил скачок к Просветлению. При таком методе, когда Учитель непосредственно делится с учеником своей силой, результат достигается немедленно и Пробуждение происходит без всяких символов и концепций. Но такой метод применяется лишь по отношению к самым любимым и продвинутым ученикам.

Главным недостатком Речунгпы была его склонность к самодовольству, и с этим его пороком постоянно боролся Миларепа, применяя для этого махасиддхские средства. Ну а читать чужие мысли для махасиддхи проще простого. Учитель сразу увидел, что вернувшийся из Индии с новыми учениями Речунгпа просто-таки преисполнен самодовольством, которое может послужить непреодолимым препятствием для его дальнейшего продвижения по Пути. Вообще гордыня и самодовольство всегда перекрывают человеку путь к дальнейшему развитию, самодовольный человек есть человек застывший. И Миларепа демонстрирует Речунгпе свое тело, наполненное основными божествами линии кагью. Гордыня тут же покидает ученика... но незамедлительно вновь к нему возвращается.

Увидев, что Речунгпа опять впал в самодовольство, гордясь своими новыми знаниями и способностями, Учитель двинулся с ним в совместный путь. Миларепа шел не торопясь, вразвалку, но бежавший изо всех сил молодой человек никак не мог поспеть за ним. Часть самоуверенности слетела с ученика. Однако про себя он думал, что ему, человеку, впитавшему в себя столько тантристских

учений, следовало бы жить совсем иначе, уютной и благоустроенной жизнью, а не скитаться с Миларепой нищим по безлюдным пространствам. И он стал подумывать о другом Учителе. Миларепа же видел его насквозь. Он велел ученику подобрать валявшийся на дороге ячий рог, с которым так любили приколовывать бонцы. Речунгпа подумал, что его Учитель по-старчески жаден, и сказал, что нет нужды подбирать эту дрянь. «Как знать!» — ответил Миларепа и поднял рог. И тут разразилась страшная буря с дождем, ветром и градом. Мокрый и дрожащий Речунгпа услышал голос Учителя, доносившийся из того самого рога. Он попытался поднять его, но не смог сдвинуть с места. Затем он заглянул внутрь и увидел Миларепу, уютно расположившегося в просторной комнате, где было тепло, светло и сухо. При этом тело Милы ничуть не уменьшилось, а рог ничуть не увеличился. Речунгпа осознал все свое ничтожество рядом с мощью Учителя, в очередной раз пообещав самому себе больше никогда не впадать в грех гордыни. Миларепа вышел из рога, протянул руку к небесам, и в тот же миг ярко засияло солнце, а бури словно бы никогда и не было.

Скончался Речунгпа, с помощью Учителя наконец победивший свою гордыню, в возрасте 77 лет в 1160 году, надолго пережив Миларепу.

Но «сыном сердца» Миларепы, которому было передано держание линии, стал Гампопа, живший в 1079–1153 годах. Он утверждал, что почитание даже единого волоска Учителя есть более высокая заслуга, чем почитание всех будд прошлого, настоящего и будущего. Оставив мирскую жизнь, осознав ее непостоянство, Гампопа стал *бхикшу* в монастыре Гьячаки линии кадам. Но в 32 года он случайно услышал, как нищие странники обсуждали достоинства и мощь великих йогинов. Когда они произнесли имя Миларепы, Гампопа почувствовал удар теплой волны блаженства, доказывающий существование связи между ним и Милой. Формально он испросил разрешения на путешествие к Миларепе от своих Учителей линии кадам, но те взяли с него обещание, что при этом он не нарушит священный устав винайи, монашеской дисциплины.

Гампопа быстро и легко нашел Миларепу и поднес ему золото и целый тюк чая. В ответ Мила настойчиво попросил его выпить половину наполненной пивом чаши из черепа. Гампопа преодолел свое обещание не нарушать правил винайи, которые категорически запрещали употребление алкоголя, взял в руки чашу и почтительно отпил из нее половину содержимого. Тем самым он показал, что являет собой достойный сосуд для вмещения учения махасиддхи, которые явно прибегали к допингам. Миларепа дал ему серию посвящений и научил направлять взгляд на свой собственный ум, в котором содержатся все богатства Ваджраяны.

Намтар приводит очень интересные отчеты, которые Гампопа давал Миларепе о своих опытах во время уединенных медитаций, с комментариями Миларепы. Так, однажды Гампопа имел видение пяти дхьяни-будд в их мандале. Ми-

ларепа прокомментировал, что это подобно видению человека, который надавил себе на глаза и увидел сразу две луны: это произошло потому, что человек содержит в себе пять энергий, — это ни хорошо, ни плохо. Через три месяца Гампопа потерял сознание во время медитации, когда внезапно увидел перед собой бешено вращающуюся вселенную. Миларепа объяснил, что это видение было следствием вхождения энергий из правого и левого каналов в главный канал. Затем Гампопе привиделось, будто все небо заполнил собой бодхисаттва Авалокитешвара. Миларепа пояснил, что это случилось в результате того, что тхикле из чакры макушки стало спускаться вниз. Следующим видением Гампопы был мимолетный взгляд в ад Черного Места. Тут Миларепа просто посоветовал ученику несколько ослабить свой напряженный медитативный тренинг. Затем Гампопа увидел богов, которые дождем изливали нектар, но пить его мог только он, Гампопа. Миларепа сказал, что это видение показывает возрастание тхикле в центральном канале, и поэтому Гампопа нуждается в выполнении ряда упражнений из практики хатха-йоги. Еще месяцем позже Гампопа ощутил во всем теле неистовую и длительную дрожь, но Миларепа приказал ему продолжить занятия.

Вскоре после этого послушный ученик увидел затмевающиеся солнце и луну одновременно. Мила сказал, что это свидетельствует о вхождении энергии и тхикле в центральный канал. Затем Гампопа увидел мандалу красного божества Хеваджры. Миларепа связал это состояние со скоплением красного тхикле в сердечной чакре. Миларепа сам пережил подобный опыт, когда увидел в небе мандалу Чакрасамвары, охраняющего божества кагью. Согласно Миларепе, это было знаком того, что тхикле стабилизировалось в чакре пупка. Потом Гампопа ощутил свое тело безграничным, словно пространство, и содержащим в себе всех чувствующих существ, пьющих молоко. Это означало, что его грубые энергии трансформировались в энергии мудрости, утончились. Через месяц Гампопа увидел восемь божеств цикла Бхайсаджагуры сферы самбхогакайя и самого Шакьямуни как главу тысячи будд нашей благоприятной эпохи. Миларепа пояснил, что он видел будд самбхогакайя и нирманакайя, но еще не видел будд дхармакайя, а потому посоветовал продолжить медитацию в одиночном затворничестве. Учитель предсказал, что Гампопа сможет постичь дхармакайя-природу ума и распознать своего Наставника как реального будду. Для выполнения этих задач Гампопе пришлось еще на три года удалиться в отшельничество.

По тем видениям, которые посещают ученика во время выполнения предписанной Учителем медитации, которой непременно должно предшествовать посвящение, можно узнать, какие процессы происходят в его теле, но не в физическом, а в тонком, и соответствующим образом откорректировать их. Но запустить эти процессы может только Учитель, особым образом связанный с учеником. Когда же такой связи и такой инициации нет, то ничего и не происходит, как это

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, ИЗЛАГАЮЩАЯ ИСТОРИЮ ШКОЛЫ КАГЬЮ

однажды случилось с Миларепой, которому наглядно показали, что посвящение нельзя получить обманом.

Достигший цели Гампопа ушел из жизни в 1153 году. Во время кремации его тела в воздухе витали прекрасные дакини и мирные божества, а его сердце было найдено неповрежденным в пепле погребального костра.

Полную передачу линии кагью от Гампопы получили сразу четыре ученика, которые стали основателями четырех ветвей этой школы. Из этих ветвей мы в следующей главе рассмотрим линию *карма-кагью*, в которой появляется чрезвычайно интересная фигура махасиддхи Кармапы, пришедшая и в наш современный мир из глубин древних традиций.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

РИСУЮЩАЯ ОБРАЗ КАРМАПЫ И КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННЫХ РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ УЧЕНИЯ КАРМА-КАГЬЮ

арма-кагью, одна из четырех ветвей линии кагью, ведет свое начало с Кармапы Дусума Кхьенпа, который жил в 1110–1193 годах и был одним из четырех главных учеников великого Гампопы. Являлся он эманацией бодхисаттвы Авалокитешвары, милостивого и сострадательного покровителя Тибета.

Кармапа

Давным-давно в *Самадхираджасутре* сам Будда Шакьямуни предсказал, что через 1600 лет после его ухода в Тибете родится чрезвычайно высокоразвитый человек, обладающий беспредельным сочувствием, и будет он известен как Кармапа, человек действия. В пророчестве Будды говорилось, что Кармапа будет существом, обладающим прирожденной спонтанной будда-активностью, воплотившим в себе чистые энергии всех будд, полностью подчинившим карму. Великий Учитель Сакьяшрибхадра, бывший в то время настоятелем тантристского монастыря Викрамашила в Кашмире, признал в Дусуме Кхьенпа именно такого человека, Кармапу. И это признание подтвердил Гампопа, Учитель Дусум Кхьенпа, а также великий лама Шанг.

С тех пор и по сей день школа кагью во всех ее ответвлениях всегда возглавляется Кармапой, к которому относятся как к живому будде. В возглавляемой

им линии гармонично объединились «старые» традиции школы ньингма, основанной Падмасамбхавой, и «новые» учения Тилопы, Наропы, Марпы, Миларепы и Гампопы, сила которых воплощена в Кармапе. Линию кагью характеризует концентрация главным образом на практических аспектах Учения, она известна как «школа устной передачи» или «школа совершенства». Один из главных секретов ее мощи заключается в очень тесной связи ученика и Учителя.

Именно кагью положила начало специфически тибетскому институту *тулку* или нирманакайя, то есть сознательных перерождений, воплощающих свою сострадательную сущность абсолютно одинаково, но в разных телах. Кармапа первым взял на себя обет постоянно перерождаться на благо всех живых существ вплоть до полного уничтожения сансары и перехода всей жизни в нирвану, ибо разница между сансарой и нирваной порождается лишь чистым или нечистым видением, в сущности же они тождественны. Этот обет Кармапа неукоснительно выполняет, и к сегодняшнему дню насчитывается уже семнадцать Кармап, сущность которых — все тот же единый и единственный Кармапа.

Кармапа Дусум Кхьенпа, неоднократно перерождавшийся йогиним, родился в Тибете в семье высоких йогина и йогини, на его голове с рождения была черная шапка — корона, видимая лишь теми, кто очистил свой внутренний взор. Ее сплели из своих волос сто тысяч дакинй и возложили на голову будущего Кармапы в одном из его предыдущих перерождений, много тысяч лет назад, когда он впервые достиг Просветления. С тех пор эта шапка сопутствует ему во всех перерождениях и является неотъемлемым атрибутом всех Кармап. Тем, кто способен узреть ее в чистом видении, она немедленно дарует Освобождение, обычному же взгляду шапка-корона невидима. Благодаря этой волшебной шапке над головой Кармапы всегда находится очень сильное энергетическое поле, которое он посылает по всей линии передачи Учения, создавая тем самым мощную связь Учителя и учеников.

Все последующие воплощения Кармапы точно так же, как и Дусум Кхьенпа, появляются на свет с невидимой обычному глазу черной шапкой-коронай на голове, показывающей силовое поле. Кармапы со второго по десятый все были Наставниками китайских императоров и, соответственно, тесно общались с ними. И вот однажды пятый Кармапа Дешин Шегпа, живший в 1384–1415 годах, проводил большую религиозную службу в императорском дворцовом храме. Император Тай Минг Чен, пригласивший 22-летнего Кармапу к своему двору и получивший от него секретные посвящения и наставления, очистившие царственный ум, увидел над головой Дешина Шегпа вибрирующую черную корону, сплетенную из волос дакинй. В сострадательное сердце императора тут же вошла мысль изготовить для Учителя еще одну шапку, которую могли бы видеть все, а не только те, кто далеко продвинулся на духовном Пути. Он тут же приказал сделать точную копию той шапки, что предстала его взору, и поднес ее Кармапе. С

тех пор она переходит от одного Кармапе к другому. Церемония Короны, которую регулярно проводит каждый Кармапа, связана с лицезрением этой физически видимой черной шапки и очень способствует достижению необычайной ясности сосредоточенного постижения у тех, кто присутствует при этом ритуале.

Однажды шестнадцатый Гьялва (Победитель) Кармапа Ранджунг Ригпе Дордже, живший в 1923–1981 годах, встретился в Лхасе с Далай-ламой XIII Тубтенем Гьятсо (1876–1934 гг.). Кармапа снял свою физически видимую черную шапку, как это было предписано обычаем, и совершил ритуальное prostирание перед Далай-ламой. Но Тубтен Гьятсо удивленно спросил Ранджунга Ригпе Дордже, почему он не снял другую черную шапку, ибо ситуация требовала пребывания с непокрытой головой. Тут настала очередь удивляться присутствующим, которые не видели никакой шапки на голове Кармапы. Стало ясно, что Далай-лама, обладавший чистым видением, увидел то, что было скрыто от обычных людей.

В обычае у Кармап перед тем, как покинуть этот мир (о чем они, конечно же, знают заранее), собирать все принадлежащие им книги, священные изображения, а начиная с пятого Кармапы и реальную физическую черную шапку и личные вещи в одном месте, чтобы они перешли по наследству к следующему воплощению. Это воплощение Кармапа описывает во всех деталях, чтобы его можно было безошибочно найти, и передает все это своему лучшему ученику. Также в своем завещании Кармапа делает предсказания относительно будущих событий и дает соответствующие наставления. После этого он со спокойной душой непосредственно переходит в нирвану. Уход Кармапы всегда добровольен, как и его рождение: он просто выполняет перенос собственного сознания в должное время, когда тело изношено и требует обновления, а времена изменились и требуют нового воплощения.

Во время смерти Кармапы неизменно случаются чудеса. Так, когда умер Дусум Кхьенпа, в небе появились бесчисленные дакини, заключившие его в объятия, и это видели все собравшиеся монахи. Наутро после смерти третьего Кармапы Рангджунг Дордже на лике взошедшей луны можно было ясно видеть его облик. Смерть четвертого Кармапы Ролпе Дордже сопровождалась множеством радуг, появлением яркого искрящегося света, при этом земля содрогалась, а с неба лился цветочный дождь. Ученики же Кармапы увидели его восседающим на льве, стоящем на солнце, луне и звездах, и все это было окружено радужной дугой. В пепле погребального костра Кармап обнаруживали их неповрежденные сердца, языки и глаза, блестящие предметы, подобные закрученным вправо раковинам, а также сплетенные буквы и другие символические знаки.

Кармапы, каждый из которых был махасиддхи, любили творить чудеса не только после смерти, но и при жизни. Так, первый Кармапа Дусум Кхьенпа полностью реализовал все ритуалы защищающего Махакалы в возрасте один-

надцати лет и в знак этой реализации, давшей ему чудесные силы, оставил на твердой скале отчетливые отпечатки своей руки и ноги. С тех пор все Кармапы оставляли такие отпечатки в определенных местах, которые после этого становились объектами массового поклонения.

Седьмой, восьмой, девятый и десятый Кармапы были чрезвычайно искусны в ваянии и живописи. Восьмой Кармапа Микьо Дордже изваял собственный образ в виде небольшой статуи из белого мрамора и оставил на ней отпечаток своей ладони, тем самым освятив и оживив ее. Когда Кармапа спросил ее, похожим ли вышло изображение, статуэтка ответила: «Да, конечно».

Четвертый Кармапа Ролпе Дордже, узнав, что китайские войска стоят на границах Тибета, отправился далеко на север к одиноко стоящей горе, достиг ее вершины и предсказал, что если сжечь тело достойного монаха в верхней точке этой горы, то китайские войска не войдут в священный Тибет. И он умер на этом месте и здесь же был кремирован, а было ему в то время всего 44 года. А китайские войска почему-то повернули обратно.

Пятый Кармапа Дешин Шегпа, живший в 1384–1415 годах, в возрасте 22 лет прибыл в Китай по написанному золотыми буквами приглашению императора Тай Минг Чена. Он произвел очень сильное впечатление на гостеприимного императора, так как в течение ста дней демонстрировал для него по одному чуду в день. В первый день на небе появилось прекрасное пятицветное облако, сверкающее, словно чинтамани — драгоценность, исполняющая желания; оно свивалось и развевалось на глазах у изумленной публики. После этого луч золотого света окружил ступу со священными реликвиями и два столба такого же сияния выросли над тем местом, где сидел Кармапа. На шестой день небо заполнили сонмы переливчатых облаков в форме монашеских чаш для подаяния, а в юго-западной части неба показались многочисленные фигуры Архатов, окруженных пышными свитами. Далее по небу поплыли и просыпались на землю дождем прекраснейшие в мире цветы и бутоны, чистые и прозрачные, словно хрусталь. Потом Кармапа приготовил мандалу для церемонии посвящения, и над ней тут же взмыла пятицветная радуга. Вслед за тем появились небесные существа, плывущие среди облаков, в руках у них были посохи странников и чаши для подаяния — единственная утварь буддистских монахов, многие держали метелки из ячьих хвостов, на некоторых были священные головные уборы. Разнообразные светы осветили весь небосвод, и на нем возникли божества в уборах из драгоценных камней, восседавшие верхом на львах и белых слонах. Император немедленно повелел своим лучшим художникам запечатлеть все увиденное на шелковом свитке, который потом был принесен в монастырь Цурпха.

Шестнадцатый Гьялва Кармапа Рангджунг Ригпе Дордже, живший в XX веке, однажды давал наставление своим ученикам, но внезапно глаза его закатились, он встал и вышел, ничего не объясняя. Ученики услышали доносивший из сосед-

ней комнаты его голос вместе со звуками колокольчика и маленького ручного барабана. Он призывал и вел в чистые страны ум кого-то, кто только что умер. И лишь через два часа, когда Кармапа все еще продолжал свой ритуал, по радио сообщили о смерти короля Бутана, ученика Кармапы и милостынедателя его монастыря. На следующий день Кармапа вместе с 50 ламами отправился в Бутан для совершения церемонии погребения и возведения на трон нового правителя. В это время, как и всегда, когда Кармапа наращивал особые энергии, он казался больше, чем обычно, а его голос звучал необычайно громко. Когда он шел через двор к своей машине, охраняющие энергии вокруг него были почти видимым полем силы, а когда край его одежды коснулся одного из учеников, тот почувствовал как бы электрический удар. Так описывают Кармапу очевидцы, наши современники.

Но самым большим чудом Кармапы всегда является специальная церемония Черной Короны — с ее помощью он передает присутствующим энергии Просветления, которые пребудут в виде семян в поле сознания получившего, чтобы непременно прорасти в одном из ближайших воплощений. Кроме того, свои очищающие и дарующие силы махасиддхи Кармапа передает по всей линии Учения кагью, являясь всегда одним и тем же реальным держателем линии, сосредоточившим в себе силы предыдущих Учителей и божеств.

Кармапы, конечно же, не только совершают чудеса, но и осуществляют вполне земные деяния. Как правило, они прекрасно владеют астрологией и традиционной тибетской медициной, совершают множество исцелений, добавляя к своим знаниям и навыкам еще и свойственные им одним силы и ясновидение. Каждый Кармапа непременно занимается возведением монастырей и храмов. Так, первый Кармапа Дусум Кхьенпа на 56-м году своей жизни основал большой монастырь Кампо Ненанг. Рядом с монастырем находилась, да и теперь находится, огромная скала, на которой каждый раз, когда Кармапа вновь воплощается в мире, появляется тибетская буква КА. Обычно каждая буква возникает на одной линии с предыдущей; однако буква, прочертившаяся с появлением шестнадцатого Гьялва Кармапы, превосходит другие по размеру и располагается над ними.

Дусум Кхьенпа основал также в 1185 году в местности Цурпху, что в 80 километрах к западу от Лхасы, монастырь Цурпху, который и стал главной резиденцией всех воплощений Кармап.

*Илл. 57. Кармапа XVI
Ранджунг Ригпе Дордже*

В 1959 году в Тибет вошли китайские войска. Видимо, не нашлось Кармапы, который бы своей смертью смог предотвратить это вторжение. Шестнадцатый Гьялва Кармапа вместе со своим окружением вынужден был эмигрировать, но обстоятельства сложились для него — или для его школы, что одно и то же, — весьма благоприятно. Махараджа Сиккима, горного штата Индии, граничащего с Тибетом, выделил ему в вечное пользование 30 гектаров земли Румтека, а правительство Сиккима предоставило средства для первого этапа работ и бесплатно снабдило стройку деревом, из которого и построен монастырь. Правительство Индии также дало крупную субсидию. Лично Кармапа добавил недостающую сумму. Первый камень был заложен монархом Сиккима 16 июня 1964 года, в благоприятный день по тибетскому календарю. Через четыре года монастырь был построен по всем канонам тибетской архитектуры и с тех пор стал официальной резиденцией Кармапы.*

Ну а основными деяниями Кармапы всегда были и остаются проповедь и распространение Учения, которое сегодня уже растеклось по миру, добравшись не только до Америки и Европы, но и до Москвы.

Шамарпа

Помимо Кармапы, ламы в черной короне энергии, в Тибете существуют также и другие перерождения — *тулку*, главным из которых является тулку Шамарпа (Шамарпа), инкарнация дхьяни-будды Амиабхи, будды бесконечного света. Амиабха связан с тонким элементом огня, а потому его цвет — красный. И красным свечением, красной короной отмечена голова Шамарпы. Эта корона — его энергетическое поле, силы которого Шамарпа может передавать окружающим. Собственно говоря, дхьяни-будда Амиабха является духовным отцом сво-

* Мне посчастливилось побывать в этом монастыре, но, к сожалению, только мельком. На фоне других маленьких и уютных несчетных монастырей Сиккима, которые были любезно показаны мне Сиккимским исследовательским институтом тибетологии в Гангтоке, Румтек произвел на меня впечатление чего-то очень парадного и довольно холодного. Ко мне вышел молодой, красивый и по-европейски воспитанный лама, прекрасно владеющий английским языком, и заговорил о том, как интересна ему западноевропейская философия, особенно же учение Гегеля, с которым он был прекрасно знаком. Времени у меня было мало, и я с тоской думала: что он, собственно говоря, нашел в нашей насквозь интеллектуалистической философии, владея буквально лежащими у него под ногами сокровищами древней мудрости? Наскоро я зашла в монастырскую лавку, но почему-то мне не захотелось покупать здесь неминуемо дорогие колокольчик и ваджру, предложенные услужливо суетившимся продавцом. Все, пора было уезжать. Увы, мое первое впечатление в силу обстоятельств и неразвитости моего собственного сознания могло быть только очень и очень поверхностным, тем более что к тому моменту я уже успела подхватить какую-то местную заразу и медленно заболела ею. Впрочем, вряд ли все это оправдывает меня — надо было смотреть внимательнее.

его «сына сердца» дхьяни-бодхисаттвы Авалокитешвары, которого воплощает Кармапа. А потому Шамарпа должен занимать более высокое положение в иерархии кагью, нежели Кармапа, инкарнация Авалокиты. Скорее всего, положение Шамарпы — это положение Учителя, Наставника Кармапы. Однако же в литературе кагью упоминание об этом тщательно избегается.

Всего на сегодняшний день известно тринадцать воплощений тулку Шамара. Первый Шамарпа родился в 1283 году, его имя было Тракпа Сенге. Уже в возрасте двенадцати лет он был наделен специфическим видением форм божеств — защитников Учения, которые всегда имеют устрашающий облик. Родители решили, что ребенок подвержен воздействиям злобных демонов, и, чтобы изгнать их, отвели мальчика к ламе Лодро Тракпа. Мальчик дал ламе детальное описание гневного божества с лошадиной шеей, Хайягривы, а также его мандалы. Лама уверился в его способностях внутреннего видения и посоветовал родителям посвятить ребенка в монашеский сан, что и было сделано. А когда Тракпа Сенге минуло 24 года, Рангджунг Дордже, третий Кармапа, дал ему всю полноту Учения, предварительно посвятив его.

Второго тулку Шамара опознал в качестве такового четвертый Кармапа Ролпе Дордже, встретив его шестилетним мальчиком на пути в монастырь Карма Ген, и нарек его именем Кхаче Вангпо. Более того, Кармапа тут же передал ему учение Шести йог Наропы и серию других тантристских доктрин и практик.

Судьба четвертого тулку Шамара, Чокьи Тракпа, была и вовсе удивительна, ибо в 46 лет, в 1499 году, он стал верховным правителем Тибета. До этого он встречался с Чодраком Гьятсо, седьмым Кармапой, которой специально для него совершил ритуал Черной Короны, а также дал посвящение и передачу Учения. В возрасте двенадцати лет четвертый тулку Шамар сам совершил ритуал Красной Короны и был официально возведен на трон Шамарпы. Его смерть, которая произошла в 1524 году, сопровождалась множеством чудесных знаков.

Весьма интересны взаимоотношения девятого Кармапы Ванчука Дордже, жившего в 1556–1603 годах, и пятого тулку Шамара Кончока Енлага, родившегося в 10-й день восьмого месяца года Деревянного Петуха, то есть в 1525 году. Родился он в самый разгар суровой и снежной зимы, однако при его рождении во множестве расцвели прекрасные цветы. Выросший Кончок Енлаг самолично опознал новое воплощение Кармапы и сразу же ощутил очень сильную привязанность к божественному малышу. И именно тулку Шамар возвел Ванчука Дордже на трон Кармапы. Кармапа и Шамарпа часто путешествовали вместе. Однажды художник принес им картину, где Кармапа и Шамарпа были изображены рядом, и попросил благословить ее. Кармапа бросил на картину зерна освященного риса, и они немедленно застыли сверкающими жемчужинами на головных уборах героев, да так навеки и остались там. Насколько можно судить, в данном случае Шамарпа действительно выполнял роль Учителя, и когда Кармапе испол-

нилось 24 года, он получил последнее посвящение в Учение и благословение от Шамарпы, который чуть позже передал Кармапе все устные наставления, которых тот еще не получил.

После смерти тулку Шамара Кармапа узнал его новое воплощение в Чокьи Вангчуке, Шамарпе, и именно он, девятый Кармапа Ванчук Дордже, видевший воочию Чакрасамвару и Калачакру, а также всех Защитников линии кагью, руководил возведением Шамарпы на сужденный ему трон. Именно Кармапа передал этому Шамарпе самые тайные наставления кагью, став его Учителем.

Далее шестой тулку Шамар, Чокьи Вангчук, узнает и возводит на трон десятого Кармапу Чойинга Дордже, который был одним из его главных учеников.

Одиннадцатого Кармапу также возводит на трон Шамарпа, передающий ему главные поучения.

Таким образом, Кармапа и Шамарпа в ходе своих сознательных добровольных перевоплощений постоянно меняются ролями Учителя и ученика, в зависимости от того, кто из них раньше обрел новое тело.

Судьба же девятого тулку Шамара была весьма несчастливой. Дело в том, что при его рождении правительство Тибета, состоящее из представителей традиции гелуг, издало указ, запрещающий предсказывать приход Шамарпы и тем паче возводить его на трон. Что именно послужило причиной такого решения, нам, внешним людям, неизвестно; по крайней мере, современные адепты кагью об этом не сообщают. Тем не менее, в суд подали иск, и он даже был выигран, но испугавшиеся ламы не позволили возвести нового Шамарпу на трон, и мальчик умер в возрасте восьми лет.

Но на этом злоключения Шамарп не завершились. Десятый тулку Шамар Мипхам Чодруп Гьятсо отправился в Непал, и во время его пребывания там Непал напал на Тибет. Правительство гелугпинских чиновников обвинило Шамарпу в подстрекательстве к войне. Кто тут прав, кто виноват, судить не берусь, так как история эта сильно запутанная, в ней каждый старается замести следы. В результате столь страшного обвинения монастырь Шамарпы Янгчен был конфискован, а потом появился указ и о конфискации всех его монастырей, которые теперь переходили к представителям господствующей в тибетском буддизме традиции гелуг. Физически видимая красная корона Шамарпы оказалась погребенной под его храмом в Лхасе. Десятый тулку Шамар, глубоко потрясенный, временно скончался в возрасте 50 лет в 1792 году, и со времени его смерти ни один тулку Шамар официально не признавался вплоть до XX века. Но от этого они не перестали перевоплощаться.

Ситуацию переломил тринадцатый тулку Шамар, наш современник. Он родился на третий день восьмого месяца года Водяного Дракона, то есть в 1952 году, и получил имя Чокьи Лодро. Шестнадцатый Гьялва Кармапа опознал его как Шамарпу, но не стал обнародовать этого своего знания, так как школа

гелуг сохраняла и сохраняет до сих пор главенствующее положение в тибетском буддизме. Ребенка тайно отвезли в монастырь Янгчен, где он узнал изображения всех своих предыдущих воплощений и рассказал о событиях своих прошлых жизней.

При бегстве в Сикким Гьялва Кармапа взял Шамарпу с собой и убедил Далай-ламу признать его, отбросив все мешавшие прежде политические разногласия. Что ж, вынужденная эмиграция иногда сплачивает даже таких людей, как крупные религиозно-политические деятели, и Далай-лама вернул Шамарпе его официальное положение и официальное признание. Более того, Далай-лама XIV даже удостоил тулку Шамара личной аудиенции. А далее Кармапе оставалось только возвести его на трон и стать его Учителем.

Видевшие Шамарпу Чокьи Лодро верные последователи традиции кагью утверждают, что черты его лица и пропорции тела точно совпадают с описаниями и изображениями будды Амитабхи, хотя никто из его семьи не был похож на него.

Преемственность тулку

Кроме Шамара Ринпоче, в Тибете имеется еще множество тулку, самыми важными из которых после линии Шамарп являются линии Ситу Ринпоче с красной короной, Гьелцапа Ринпоче с оранжевой короной, светящейся на голове, и Джамгон Конгтрул Ринпоче, воплощения бодхисаттвы мудрости Манджушри.

Все эти тулку обычно поддерживают передачу линии кагью в промежутках между воплощениями Кармапы. Так, тулку Шамарпа Чокьи Лодро держал линию между смертью шестнадцатого Гьялва Кармапы и воплощением семнадцатого Кармапы, а потом стал Учителем вновь обретенного Кармапы. Если же на земле нет ни Шамарпы, ни Кармапы, линию держат другие тулку. Эти главные тулку также предсказывают и узнают новые воплощения Кармап, Шамарп и друг друга, хранят и передают священное Учение кагью, а также отдают в мир свои божественные просветленные энергии.

Ну а что касается узнавания нового воплощения, то эта процедура для всех практически одинакова. После того как первый Кармапа Дусум Кхьенпа передал главному ученику предсказание о своем новом рождении, где было описано место, время и обстоятельства рождения, а также все свои вещи, все последующие Кармапы в точности воспроизводили этот образец поведения.

И вот на свет появляется ребенок, который с самого начала ведет себя необычно. Так, третий Кармапа, родившись во время восхода луны, сразу же встал на ноги, потом сел, скрестил ноги и произнес: «Луна взошла!». Мать сочла это недобрым предзнаменованием и, чтобы погасить его действие, кинула в рот новорожденному сыну щепоть золы. После этого мальчик замолчал на три года.

После трех лет, играя, он попросил сделать ему четырехугольный трон из пластов дерна, воссел на него, соорудил себе черную шапку, надел ее на голову и оповестил всех, что он — Кармапа. В пять лет он захотел увидеть сиддхи Ургьенпу, которому перед этим во сне явился предыдущий Кармапа Карма Пакши. Отец привел ребенка к сиддхи, и мальчик сразу же уселся на пустующий трон Кармапы и рассказал Ургьенпе, где и как они встречались раньше. Затем он распростерся перед ним и сообщил, что в прошлой жизни был Учителем Ургьенпы, теперь же хочет стать его учеником. Оставалось лишь свериться с предсказанием Карма Пакши и убедиться, что все детали совпали.

Очень часто испытываемому ребенку предлагают выбрать из многих вещей те, которые принадлежали его предшественнику. Как правило, ребенок сразу же хватается черную шапку, водружает ее на голову и забирается на трон, а потом выбирает вещи своего предшественника, искренне считая их своими. Шамарпе или одному из трех других тулку либо, в конце концов, какому-нибудь махасиддхи остается лишь своим чистым видением опознать новое воплощение, сверившись при этом с оставленным предшественником предсказанием.

В принципе такова же процедура опознания других добровольных перевоплощений, расхождение случается лишь в деталях.

Европейские ученики Кармапы

А далее нам предстоит рассказать о том, кто и как идет по следам тибетских тулку в нашем сегодняшнем, европеизированном и американизированном мире. Речь пойдет о наиболее ярких представителях этого племени — об Оле и Ханне Нидал. Жизненный путь этой удивительной пары описал в своих книгах сам Оле Нидал.

Оле и его жена Ханна родились и начали свой жизненный путь в Копенгагене. Родители их были добропорядочными, почтенными и образованными людьми и именно эти качества старались передать своим детям. Но молодость не слышит мудрости зрелости. Оле и Ханна получили хорошее образование и вполне интеллигентные профессии, однако бунтарский и авантюрный склад характера обоих супругов толкал их в неведомое. Началось их путешествие, конечно же, с наркотиков, открывших перед ними удивительные и захватывающие миры. Не было такого зелья, которого бы они не попробовали; они переболели всеми сопутствующими подобному образу жизни болезнями, но пронзительная вневременная интенсивность полученных ими опытов затмевала собой абсолютно все. Деньги молодая пара зарабатывала не столько гражданскими средствами, сколько контрабандой наркотиков, золота и т. д.

В свадебное путешествие молодожены отправились в Непал, проехав ради этого через всю Азию, где нельзя не встретить как истинных Гуров, так и самых

Илл. 58. Тибетский монастырь

разных фокусников. Ко всем встречам молодые люди, которым в то время было 22 года и 27 лет, относились серьезно и принимали за чистую монету всю ту «лапшу», которую им весьма охотно вешали на уши, ибо таков обычай Востока. С собой они повсюду возили английский перевод инструкций по медитациям, который назывался «Тибетская йога и тайные учения» и был выполнен Эвансом-Вентцем. Конечно же, они восприняли книгу как руководство к действию, даже не подозревая, что это не менее опасно, чем наркотики. Впрочем, наркотики они сочетали с медитациями, не избегая ни одного из зол.

Восток имеет свойство затягивать, и потому поездка в Непал повторилась. Здесь наши странники, находящиеся под постоянным воздействием самых разных наркотиков, встретили ламу Чечу, и эта встреча явно была предопределена судьбой. Лама показал им, что может без всяких наркотиков сделать свое тело прозрачным. Я могу прокомментировать это единственно возможным для меня образом: ни один серьезный лама не будет демонстрировать свои чудесные спо-

собности случайно забредшим к нему европейцам, более того, он даже упоминать об этом не будет, а если прямо задать ему вопрос на эту тему, то дальше можно будет жить совершенно спокойно: контакт на этом просто оборвется. Но лама Чеча возложил руки на головы Ханны и Оле, тем самым передавая им силу и энергию линии кагью. Итак, связь с Учением была установлена. Для двух неофитов все вокруг обрело лучистость, а их тела затрясло от прилива энергии. Не забудем, что действие наркотиков сыграло здесь далеко не последнюю роль.

Но рано или поздно удача отворачивается от человека, и за все свои грехи Ханна и Оле угодили в тюрьму. Там они непосредственно претворяли в действие рецепты «Тибетской йоги и тайных учений», несмотря на то что все они требовали наставлений Учителя и специальных посвящений. С помощью мистической связи с ламой Чечу наши путешественники загадочным образом были освобождены из тюрьмы.

В поисках ламы Чечи Оле и Ханна забрели на церемонию Черной Короны, которую давал шестнадцатый Гьялва Кармапа. Попав в плотную и неуправляемую толпу жаждущих увидеть Кармапу, Оле Нидал тут же вспомнил свои давние навыки прекрасного кулачного бойца и начал сдерживать натиск молодых и сильных, чтобы защитить тех, кого легко могли растоптать в давке, — наши молодые люди были добрыми по натуре. Следуя в общем потоке, Оле и Ханна оказались перед Кармапой, и он возложил на них руки, показавшись двум европейцам огромным, закрывающим все небо, окруженным золотым сиянием. Золотой цвет в буддизме — это символ Просветления. И тут они поняли, что их кармическая связь с Кармапой уходит своими корнями в долгую череду перерождений. А далее наши искатели старались по возможности быть как можно ближе к Кармапе, и он не только не возражал, но даже приветствовал их усилия, поскольку они были первыми западными людьми, стремившимися стать его учениками.

Во время аудиенции у Кармапы Оле и Ханна Нидал подарили ему магнит в форме подковы и 1000 мг ЛСД — вещества, которое делало их счастливыми. Кармапа улыбнулся, дал им свое благословение, а также пакет с волосами всех Кармап, который нестерпимо жег тело Оле даже сквозь плотную рубашку. После этого счастливая пара повсюду бродила за Кармапой, появляясь везде, где он проводил свои службы; на одной из них Оле, используя длинный бамбуковый шест, вновь вынужден был сдерживать толпу, готовую смести все на своем пути.

Этот подвиг не прошел незамеченным, и ребят приняли в ближайшее окружение Кармапы, благо Оле обладал поистине недюжинной силой и всегда мог в нужный момент выступить в роли телохранителя Кармапы. Кармапа уважал силу, так как сам был выходцем из тибетского племени воинов Кхампа.

О характере Кармапы много говорит такой эпизод. Кармапа давал посвящение в монахини девочкам, державшим в руках белые шарфы-*хадаки* для риту-

ального подношения. Оле и Ханна, решив, что здесь даются благословения, пристроились в хвост девичьей процессии и вслед за ней проскользнули в комнату. Кармапа, вместо того чтобы выказать гнев по поводу присутствия на церемонии посторонних, от души рассмеялся. Это очень редкое качество человека и очень редкая реакция религиозного деятеля.*

Кармапа пригласил своих непрошенных гостей присесть с ним рядом. Они разговорились. В процессе беседы развеселившийся Кармапа, демонстрируя свою силу, пару раз стукнул Оле кулаком по плечу. Оле тут же, совершенно забыв о величии Кармапы, стукнул его в ответ, причем неслабо. Реакция Кармапы была блестящей: он хохотал до упаду, едва не свалившись со стула. Он явно не страдал ни комплексами, ни амбициями, ни гордостью, ни самодовольством из-за своего исключительного положения. У него действительно не было эго, не было чувства «Я», источника всех наших бед, но было мудрое понимание своих юных собеседников, которые были для него совершенно прозрачны. Разболтанные европейцы, в которых от рождения не было ни капли пиетета, пришли к нему с чистыми намерениями. И когда Кармапа спросил Оле и Ханну, чего же, собственно, они от него хотят, те вдруг ответили нужными словами, которых до сих пор не употребляли и значение которых понимали лишь смутно: «Мы хотим стать бодхисаттвами на благо всех живущих существ». Именно таким и должен был быть ответ, именно это было в данной ситуации самым главным.

Оле и Ханна стали личными учениками Кармапы, хотя они до сих пор получали лишь передачи силы, формально еще не будучи буддистами. Но Кармапа явно хотел навести мосты между Востоком и Западом, тибетский буддизм стремился прийти на Запад.

Итак, Оле и Ханна Нидал последовали за Кармапой в Сикким, в монастырь Румтек, где и приняли посвящение лично от самого Кармапы, став, таким образом, признанными, легитимными буддистами. Но вот с сиккимской визой, по-

* Не могу не сослаться на свой собственный опыт. Будучи в Сиккиме, в Гангтоке, я вышла пройтись по его бегущим вверх-вниз улочкам, но тут внезапно стемнело и город погрузился во тьму. Где-то внизу подо мной я увидела уютный, приветливо зовущий огонек, решила, что это буддистский храм, спустилась и вошла в него. Передо мной стояла шеренга мужчин и отбивала поклоны, так что я видела только их спины и затылки. Вокруг были чисто выбеленные стены и больше ничего. И тут я поняла, что сегодня пятница и меня занесло в мечеть на священную пятничную мужскую молитву, где женщине — да еще из Европы, да к тому же не снявшей обувь и не закрывшей лица, а лучше всей фигуры плотной черной хламидой, — вовсе не следовало находиться. Мулла, который вел службу и стоял ко мне лицом, из последних сил старался не замечать меня. Похолодев от ужаса, я вышла из мусульманского святилища и прошла сквозь строй стоявших на улице мужчин, взгляды которых дышали такой ненавистью, что она готова была просто испепелить меня. Надо сказать, что я очень дешево отделалась. Случись все это у нас в Средней Азии, где-нибудь в глубинке, спокойно могли бы убить — ведь я невольно осквернила мечеть и священную молитву.

сколько они были иностранцами, у них начались проблемы.* Несколько раз им удавалось выкрутиться, но всему приходит конец. Да и пришлось, видимо, им время покинуть прекрасный Восток, успевший научить мужественную пару тому, что наркотики лишь рассеивают ум, тогда как истинная медитация, выполненная под руководством Учителя, собирает его. Новый духовный опыт и новые духовные горизонты полностью вытеснили наркотики из их жизни. И махасидхи Кармапа сказал, что пора им ехать домой и там работать на благо буддизма. Так начались западные странствия Оле и Ханна.

Центры кагью на Западе

Оле и Ханна Нидал стали «связными» между Западом и Кармапой, повсюду создавая центры кагью. К их чести надо сказать, что были они людьми, в общем-то, добрыми и сострадательными. Так, будучи в Тибете, Оле никогда не мог отказать тибетским старушкам, желавшим продать им что-либо. Если бы вы только видели, какую дрянь в таких случаях норовят всучить! Но сострадатель-

* Нужно сказать, что сиккимская виза — это действительно песня. Будучи в Дели, я ее получила чистым чудом. Поскольку я была гостьей Индийской национальной академии наук, за моими передвижениями тщательно следили в целях моей же безопасности. А так как я имела обыкновение ходить одна куда и куда мне хотелось, ко мне приставили якобы случайно возникшего сопровождающего, явно связанного с местными спецслужбами. Каждый вечер он «случайно» попадался на моем пути, и каждый вечер я тоскливо жаловалась ему, что история с сиккимской визой затягивается по совершенно непонятным причинам, а срок моей командировки ограничен. Бравый офицер в штатском вначале молча все это выслушивал, а потом, убедившись в моей полной глупости и беспомощности, мрачно сказал, что с визой он поможет, но мне надо связаться с нашим посольством и найти в нем опору. Это не приходило мне в голову. На следующее утро я позвонила в посольство, и секретарь по культуре, оказавшийся очень душевным человеком, отправился со мной в Академию. И ровно через день все уладилось, мне оставалось лишь пройти мытарства с мелкими чиновниками, и вот в моем паспорте красовалась долгожданная сиккимская виза.

Когда я вышла из самолета в Багдогре, ко мне опрометью кинулись два военных чина огромного роста с автоматами, и это сопровождение не покинуло меня до тех пор, пока все мои документы не были тщательнейшим образом проверены. Прием впечатлял. Во время длинной ночной дороги по горам машину останавливали через каждые полчаса на всех контрольных пунктах, и мой бедный паспорт в итоге был весь уштампован: каждый пост считал своим долгом шлепнуть свою печать. А в самом Гантоке вдруг выяснилось, что мне нельзя сделать ни шагу за его пределы, за которыми как раз и находились все буддистские монастыри. Любезные хозяева пришли на помощь, пожаловав мне статус гостя Сиккимского правительства, так что по монастырям я поездила. А вот на обратном пути уже никто не обращал на меня внимания, мне даже обидно стало, так что в аэропорту Багдогры я подошла к чинам, проверявшим мои документы, а также к сопровождающим меня автоматчикам, и сообщила, что, между прочим, индийская виза у меня уже закончилась и меня могут арестовать в Дели. На что мне лениво ответили, что зато сиккимская виза у меня еще три дня действительна, а

ный Оле это покупал. Увидев попавшую под машину умирающую собаку или целую стаю испускающих дух потравленных в Тибете собак, наши супруги старались облегчить их участь, ласково принимая их последний вздох, точнее, выдох, и прикладывая к макушке бедных животных буддистские священные четки со 108 бусинами, — они надеялись таким образом обеспечить им лучшее перерождение, без ложной скромности полагая, что способны направлять выходящее из тела сознание.

Прибыв в Европу, Оле и Ханна занялись организацией центров распространения учения линии кагью. Денег у них не было, учеников, рвущихся получить от них наставления, — тоже. Тем не менее в их родном Копенгагене начал функционировать первый центр. Главное, что они ощущали, — это непрерывную энергетическую связь с Кармапой. Их центр, расположенный в самом центре города, вскоре насчитывал 150 человек, рассчитывающих найти здесь некоторые жизненно важные принципы, которые можно было бы пронести через жизнь, болезнь, старость и смерть.

Первой из тибетских представителей этот центр посетила гелонгма Палмо. Правда, при попытке приблизиться к мансарде на чердаке, где жили новоявленные миссионеры, ей пришлось вначале стать свидетельницей настоящей кулачной драки, а затем перешагивать через пьяные тела непробудно спящих граждан. Но она стойко пережила увиденное и уже на следующий день давала наставление в первом европейском центре тибетского буддизма. Затем этот центр посетил сам Далай-лама XIV. Во время его встречи в аэропорту сразу 40 человек увидели очертания руки на полной луне, и тогда же неожиданно пошел сильный снег. Это происходило в октябре 1973 года. Далай-лама, приезд которого сопровождался столькими чудесами, освятил центр. А затем в Европу прибыл и Кармапа. Теперь уже зал собирал более двух тысяч человек. Кармапа проводил цере-

вот через три дня они меня непременно арестуют. Эти три дня я провела в аэропорту Багдог-ры и в его ужасном отеле: у них проходил контроль границы, и на грифельной доске снова и снова писали мелом, что наш самолет перелетел Багдогру. Вначале мне хотелось протереть глаза, но потом привыкла. Мой самолет из Дели давно должен был улететь в Москву, а я прочно сидела в Багдогре до тех пор, пока там не собралась целая толпа европейских пассажиров, от которых следовало избавиться. Тогда какой-то самолет посадили, не дав ему перелететь Багдогру, набили его до отказа, и летели мы в Дели через совершенно ненужную нам Калькутту. Правда, в Дели никого не интересовала моя виза, билета на самолет в Москву еще не было, а в гостинице мне страшно обрадовались, так как Академия совершенно не понимала, куда я делась: в Гангтоке сломался компьютер, и запросы не доходили. В итоге из Академии послали запрос о моей судьбе прямо в правительство Сиккима. Правда, до моего отлета из Индии никакого ответа оттуда не поступило. Тем не менее, все это меня очень растрогало, ибо, пропади я где-нибудь в России, никто из официальных лиц и не подумал бы слать запросы о моей судьбе. Словом, дорога в Сикким и обратно — это поэма. Впрочем, я с удовольствием повторила бы все это еще раз.

монии Черной Короны и давал другие благословения. При церемонии Черной Короны, как считает Оле Нидал, сила передачи такова, что посетивший ее достигает состояния Освобождения в течении всего трех жизней.

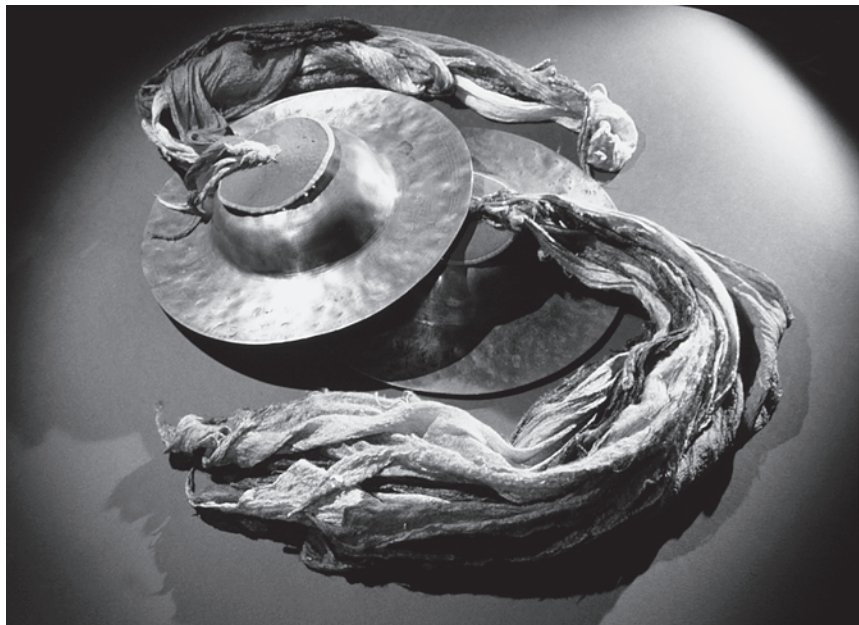
А далее центры тибетского буддизма стали открываться по всей Европе, которую Кармапа передал в руки Оле и Ханны, — именно они теперь стали давать передачу Учения. Копенгагенский же центр переехал из подвальчика в роскошный аристократический особняк.

Оле и Ханна часто встречались с Кармапой как на Западе, так и на Востоке, каждый раз получая от него многочисленные учения и медитации, так что можно считать, что они стали продвинутыми адептами линии кагью. Личное общение с Кармапой позволило им ощущать постоянное силовое поле, которым он окружен, а также полностью убедило в его сверхъестественных способностях видения. Так, Кармапа всегда видел прошлые воплощения стоящих перед ним людей, ясно воспринимая их карму, и исходя из этого ставил перед ними точные цели этой жизни. Когда однажды на пути в Непал открылся прекрасный вид на Гималаи, Кармапа непосредственно видел и описывал вершины гор в радиусе сотни километров от горы Эверест и рассказывал, какой будда активен на каждой из них, наблюдая все это внутренним зрением.

Но Оле и Ханна по-прежнему остаются абсолютно живыми людьми с прежними авантурными склонностями к ситуациям риска. Они проводят время на дискотеках; Оле находит особое удовольствие в том, чтобы учить расслабляющей медитации группу убийц в тюрьме для особо опасных преступников, не может устоять перед соблазном влезть на отвесную скалу и едва не сорваться с нее, испытав при этом своевременную помощь буддистских защитников и на несколько часов перенеся свое сознание в Чистую Страну. Страсть к всевозможным измененным состояниям сознания не покидает Оле. Что ж, это неудивительно: в роду у него были даже знаменитые пираты. Но теперь ему уже нет нужды прибегать ради остроты ощущений к наркотикам. Кармапа сказал, что Оле — это Махакала и что энергии именно этого защитника веры действуют через него. Черный, сильный и яростный Махакала — вот образ Оле. Ханна же стала дакиней, сестрой дакинй.

В ноябре 1981 года в Америке скончался тяжело болевший Кармапа. Оле и Ханна Нидал вместе с друзьями в это время находились в Румтеке, согласно желанию Кармапы. Он не захотел проститься с ними потому, что Оле, как он сам думает, должен был передавать светлые и радостные энергии будды в золотом сиянии, которые не следовало затемнять энергиями больного и слабого тела.

В Румтеке после известия о смерти главы линии не было плача и скорбных песнопений — напротив, везде звучали призывы и громкие звуки различных музыкальных инструментов. Так вызывался Кармапа из своего вневременного состояния ясного света великой всепорождающей Пустоты, пробуждались сфе-

Илл. 59. Литавры монгольского ламы

ры просветленной силы, чтобы вызвать его новое перерождение для блага всех существ. День и ночь длилось это действо, оно происходило в каждом из четырех направлений и в центре.

Тело Кармапы, странным образом сохранявшее тепло, было доставлено в Сикким и помещено в концентрическую мандалу. Кремация же состоялась лишь через полтора месяца после его смерти. За сорок пять дней тело сжалось до размера маленького ребенка. Тело вложили в небольшую глиняную ступу на крыше монастыря и подожгли, причем выбрали для этого монаха, который не имел никаких контактов с шестнадцатым Гьялва Кармапой. Из отверстия ступы вывалилось сердце Кармапы, которое тулку Ситу Ринпоче отнес в свою комнату. Затем солнце, сиявшее в сухом небе, окружила радуга, внутри которой возникли очертания лица Кармапы. В небе появился орел, сделал двенадцать кругов, а затем стремительно полетел на запад. Оле увидел в этом очень хорошее предзнаменование. Ступу запечатали, а вскрыли 27 декабря 1981 года. В ней нашли глаза и язык Кармапы, куски костей с проступившими на них тибетскими мантрами, шарики жемчуга, золота и серебра. Не пострадала в огне и его подстилка для

сиденья из тонкой материи, на которой была напечатана мандала с отпечатком детской ноги в середине.

А у Оле и Ханны началась кочевая жизнь: они то вместе, то врозь колесили по Европе и Америке, создавая новые центры, поддерживая старые, давая наставления и медитации, сопровождая тибетских высоких лам. Впрочем, Оле Нидал к этому времени уже и сам был ламой.

Однако любви к сильным ощущениям в нем отнюдь не поубавилось. Он имел обыкновение ездить на машине со скоростью 200 км/ч. Однажды машину вела очередная подруга Оле, Майя, гнавшая на скорости 150 км/ч при принятом ограничении скорости в 85 км/ч. Майя не смогла затормозить на скользкой дороге, и машина направилась прямо в гигантский железный столб. Но столб, прикрепленный к бетонному фундаменту четырьмя огромными болтами, элегантно отклонился, пропустив взбесившуюся машину, которую Оле тут же остановил ручным тормозом. Оглянувшись назад, все увидели, что столб, как ни в чем ни бывало, спокойно стоит на своем месте между двумя черными следами от автомобильных покрышек. Чудо было приписано буддистским защитникам линии кагью.

Острые ощущения радости и экстаза, которые постоянно сопутствовали Оле, поддерживались также его множественными сексуальными контактами. Привлекательные члены, вернее, члены неустанно создаваемых им групп всегда были объектами его неусыпного мужского внимания, которое он неустанно претворял в практику. Собственно, здесь он пользовался наставлениями, полученными ранее. Так, когда они с Ханной слишком уж увлекались строгой и очень правильной буддистской моралью или же выдвигали слишком жесткие принципы, лама Калу Ринпоче, обучавший их в то время, тут же начинал рассказывать о святых безумцах. Чаще всего он рассказывал о Другпа Кунле, который был учеником XVI Гьялвы Кармапы, но при этом отличался большим состраданием к прекрасному полу, а потому вел дам к Просветлению очень далекими от общепринятой морали путями. Впрочем, все это отнюдь не мешало очень теплым и интимным отношениям Оле и Ханны, которые теперь не так часто встречались.*

* Я объясню этот шокирующий пассаж. Дело в том, что сильно продвинутым адептам буддистской тантры для прохождения последнего, заключительного этапа обязательно требовалась реальная сексуальная партнерша, без нее в этой традиции нельзя достичь окончательного Просветления. До этого же йогин обычно работал с женщиной, которую создавал в своем воображении. Как помним, у великого Падмасамбхавы были и нежная принцесса Мандарава, и мужественная Еше Цогель, и не только они одни. Для каждой ступени продвижения требуется особая партнерша. Так, бывшая европейская певица, знаменитая Александра Дэвид-Неэль, странствуя паломницей по Тибету и Индии ровно 11 лет, начиная с 1911 года, довольно далеко продвинулась в учениях и практиках тибетского буддизма. Но каждый раз, когда эта любознательная и мужественная женщина добиралась до уединенной пещеры ка-

Оле и Ханна создали центры кагью почти во всех странах мира. Не стали исключениями Украина, Беларусь и Россия, в которой эти центры разбросаны по многим городам и весям и, конечно же, функционируют в Москве и в Петербурге. Их организаторы искренне считают, что традиционные структуры канули в лету и сегодня необходимы новые, приближенные к современной жизни поучения и медитации, которые можно было бы использовать в сумасшедшем ритме нашей жизни.

Любимой техникой Оле была, да и сегодня является *Пхова* — метод переноса сознания после его выхода из тела. Эту продвинутую медитацию он дает всем желающим. Результаты бывают видны уже через семь дней, они проступают в виде дырочек или капелек крови на макушке. Оле считает, что после этого человек уже должным образом подготовлен к смерти, может управлять движением своего сознания как в теле, так и вне тела.

С ним не соглашались держатели других центров тибетского буддизма в Москве, утверждающие, что столь быстрое продвижение неподготовленного ученика невозможно и недопустимо и что эту медитацию традиционный буддизм дает только на весьма высоком уровне адепта. Кроме того, они говорят, что внешние знаки не имеют вообще никакого значения, важны лишь внутренние измерения продвижения. Действительно, никто из великих Учителей Тибета не отслеживал таким образом уровень достижений ученика.

Ну а в итоге между центрами, основанными Оле и Ханной Нидал, началось внутреннее соперничество и борьба, схлестнулись они также и с центрами других традиций или других Учителей. То же самое мы можем наблюдать и в Москве, где идет постоянная борьба амбиций и претензий на собственность как внутри недавно созданных центров тибетского буддизма, так и между этими центрами и внешним миром. Методы применяются точно такие же, что и в нашем светском мире. Разбираться здесь, кто прав, кто виноват, совершенно не хочется. Оле Нидал регулярно навещает Москву с лекциями, дает посвящения, устраивает загородные медитационные сессии (чуть не сказала «посиделки») и искренне считает, что просто передает в мир просветленные энергии Кармапы, верность которому Оле неизменно хранит.

А в целом образ Оле Нидала, главного двигателя Учения Кармапы на Западе, вызывает у меня двойственное впечатление. С одной стороны — постоянное пребывание в состоянии экстаза и радости, заменившее ему алкоголь и наркотики, постоянный поиск стимулов к интенсификации такого состояния, одним из

кого-нибудь медитирующего высоко в горах отшельника и йогина, тот непременно предлагал завершить ее обучение сексуальным контактом и очень удивлялся, когда она в испуге бросалась от него прочь. Так что Оле Нидал, считающий, что в том, чтобы подарить радость себе и ближнему, нет решительно ничего дурного, отнюдь не одинок.

которых является риск; авантюризм, крайне сильно выраженная напористость и полная раскованность, раскрепощенность поведения. С другой стороны — доброта, полная искренность и желание всеобщего блага в сочетании с безоговорочной верой и полной преданностью Учителю. И потому в заключение я хочу привести мудрый совет нынешнего Шамарпы, данный им Оле и Ханне, а также и всем людям западной цивилизации: не верить в титулы и высокое положение прибывающих к ним лиц и самим проверять любого Учителя, сохраняя свою самостоятельность.

Впрочем, каков ученик, таков и Учитель, ниспосылаемый ему судьбой. Какова карма нынешних европейцев, американцев и россиян, таковы и встречающиеся нам Учителя. Оле и Ханна Нидал — это зеркало нашего времени, нашего характера, ковавшегося в вечной спешке, в стремлении перепрыгнуть через необходимую последовательность этапов пути, в поисках рисков и допингов, в упоении свободой и раскованностью. Кармапа послал нам Учителей таких же, как и мы сами, и «нечего на зеркало пенять, коли карма крива». Словом, оценивая деятельность современных Учителей и распространителей буддизма, мудрее всего будет следовать мнению самих тибетцев, которые считают самокритику единственно конструктивной критикой и утверждают, что лучше найти один недостаток в самом себе, чем тысячу — в другом человеке.

Ну а мы рассмотрим в следующей главе еще две из четырех главных линий тибетского буддизма, на сей раз уже не столь экзотические.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ЛИНИЯХ САКЬЯ И ГЕЛУГ В ТИБЕТСКОМ БУДДИЗМЕ, А ТАКЖЕ О ЖИЗНИ И СТРАДАНИЯХ ДАЛАЙ-ЛАМ

ве следующие традиции тибетского буддизма отличаются от двух предыдущих — ньингма и кагью — большим акцентом на интеллектуальную форму передачи знаний, меньшим упором на сиддхи и на непосредственную передачу Учителем своей сущности и своей силы ученикам. Впрочем, обе эти стороны присутствуют во всех четырех школах, различия лишь в степени их выраженности.

Традиция сакья

Школа сакья получила свое название от монастыря Сакья, основанного в 1073 году. Этот монастырь был выстроен на земле светлого цвета, которая и называется в Индии *сакья*. Основателем этой школы считается махасиддхи Вирупа, индийский йогин-тантрик, главным же текстом этой школы является *Хеваджратантра*. В Тибет это учение принес лоцзава Бромги, прошедший курс обучения в университете Викрамашила. Первым иерархом школы стал Гунга-Ньинбо (1092–1158 гг.), получивший титул Сакьяпа-Ченмо (Великий Учитель сакья) за свою ученую деятельность. Он в совершенстве овладел практикой осуществления гневного божества Махакалы, становясь тождественным с ним, поэтому именно Махакала стал идамом, божеством-защитником этой традиции. Сам Гунга-Ньинбо считается воплощением всевидящего Авалокитешвары.

Второй сын Гунга-Ньинбо Соднам-Цзэмо, воплощение Манджушри, стал вторым иерархом этой школы. Именно он развил эзотерическую часть учения, доктрину «путь — результат», согласно которой цель пути реализуется в процессе его прохождения. Адепт осознает свое состояние (настоящее) и совершает путь, во время прохождения которого он узнает, что именно следует принимать и от чего надлежит отказываться; в итоге достигается цель — желаемое состояние Освобождения.

Эта школа прославилась своим искусством политического воздействия. Так, Пагба-лама, входящий в число пяти великих ученых этой школы, весьма способствовал оформлению отношений между Тибетом и Китаем, установив свою личную связь ламы, Учителя, с императором Хубилаем. Именно Пагба-лама посвятил императора, тогда еще не имевшего власти, в Хеваджратантру, за что и получил титул императорского наставника. Впоследствии в школе сакья оформилась доктрина «наставник — милостынедатель».

Школа сакья уважаема в Тибете и по сей день благодаря весьма равновесным отношениям между интеллектуальным знанием и его практикой, сохраняемым иерархами этой традиции.

Традиция гелуг

И наконец мы подходим к четвертой традиции, *кадам*, позднее преобразованной в *гелуг*, важнейшую школу тибетского буддизма.

Линия кадам ведет свое начало от великого Атиши, родившегося в год Водяной Лошади (982 г.) и имевшего до этого своего воплощения 152 жизни. Его персональным божеством-покровителем была сама богиня Тара.

С целью получения знаний Атиша предпринимает тяжелое 13-месячное путешествие через океан на лодке, чтобы посетить ламу Серлингпу (ачарью Суварнадвипу), который обитал на далеком уединенном острове. Атиша оставался там двенадцать лет и в результате приобрел учение, переданное Серлингпе самим владыкой Буддой Шакьямуни через бодхисаттву Майтрею. В конечном итоге Атиша стал Мастером всего духовного знания, включавшего в себя и Сутраю, и Тантраю.

Царь Махапала, прослышавший о его великой учености, пригласил Атишу в университет Викрамашила. Однажды этот университет удостоил своим посещением махасиддхи Наропа. Атиша сопровождал его, держась за правую руку этого великого человека. И именно тогда Наропа воодушевил Атишу задачей под-

Илл. 60. Белая Тара

нения Дхармы, возвеличивания буддистского Учения. На это Атиша сказал, что Наропа сравним с солнцем и луной, тогда как он, Атиша, является лишь вспышкой пламени и не в состоянии осветить землю, подобно Наропе. Наропа же ответил, что скоро он покинет мир и не может найти более достойного человека, чем Атиша, для решения этой задачи. Через двадцать дней после этого разговора Наропа ушел из мира. Фактически Наропа отправил Атишу в Тибет.

Атиша действительно был вполне достоин выпавшей на его долю миссии, более того, он был готов к ней. Ведь он учился не только у ламы Серлингпы и не только в Викрамашиле. Он был также и последователем Авадхутипы, достигшего высочайшей реализации. Три года Атиша практиковал строжайший умственный тренинг, принимал участие в тантристских мистериях (*ганачакра*) в обществе дакинй в стране Уддияне — той самой, с которой связаны и нyingма, и кагью, — и в этой стране он слушал тайные песни, написанные в прежние времена. Видимо, миновать Уддияну ни одному настоящему махасиддхи невозможно, ведь это страна махасиддхи, дакинй и даков.

Вообще же идея Атиши отправиться в Тибет сформировалась очень давно, еще тогда, когда Атиша в одной из своих предыдущих инкарнаций был ламой Демамепой. Во время бесед с принцем Ратнапраджей, происходивших в той самой стране Уддияне, он сказал принцу, что Тибет лишен истинной веры, а потому жизнь людей там несчастлива. Атиша попросил принца в следующий раз родиться царем Тибета и пригласить из Индии Вималу, в которого воплотится сам Атиша, чтобы провести в этой дикой стране необходимые реформы. Незачем говорить, что именно так все и случилось.

Во время одной из бесед между Вималой и принцем Ратнапраджей с небес раздался голос: «Защитник небес и земли, Победоносный Гуру и его духовный сын теперь встретились в Уддияне, следующая же их встреча произойдет уже в Стране Снегов. В течение миллиона грядущих лет вы двое, Гуру и ученик, будете нераздельны во благо живых существ». Тогда принц сказал своему Гуру Вимале: «Мы слышали звуки мелодичного голоса, который принадлежал небесному оракулу, пророчествующему о прошлом, настоящем и будущем, он был божественным. Сегодня мы получили много благоприятных знамений».

Лама поведал принцу, что в Тибет он пошлет свою эманацию, Гуру Падмасамбхаву, чтобы подчинить демонов, защитить людей от ложных практик и злых духов и таким образом привести всех к миру и счастью. Однако прежде, чем Учитель пошлет свою эманацию, принц должен выслать туда свою эманацию в виде царя, который возьмет в жены китайскую и непальскую принцессу.

Илл. 61. Бодхисаттва Авалокитешвара

Потом принц должен будет принять рождение в благородной, всеми уважаемой семье на севере Центрального Тибета и пригласить Атишу из Индии в Тибет. Только так можно освободить чувствующие существа от страданий сансары.

Такова гелугпинская версия прихода буддизма в Тибет. Согласно этой традиции, связь между Гуру и учеником, ламой и принцем, проходит через многие воплощения. Связь такого рода, установленная во многих перерождениях, всегда является основой отношений между Учителем и учеником в тантрах.

Атиша призывает свое божество-покровителя Авалокитешвару, прося указать, есть ли препятствия для поездки в Тибет, куда, конечно же, пригласил его правитель Западного Тибета Цянчуб-Ода, чтобы возродить там чистоту буддистского учения. Авалокита предстал перед Атишей в своей царственной форме и сказал: «О святой человек, ты знаешь тайные учения прошлого и настоящего, в них ты найдешь свою богиню-покровительницу Тару, которая неусыпно следит за благополучием всех живых существ. В Тибете ты обретешь учеников, жаждущих твоего руководства». Богиня Тара также подтвердила, что поход Атиши в Тибет будет весьма ценен для его жителей, но при этом его жизнь укоротится на 20 лет.

В 1024 году Атиша прибыл в Тибет. Он уведомил царя о своем прибытии, и тот вспомнил свой сон, увиденный предыдущей ночью. Он видел солнце, встающее на западе, и луну — на востоке. Они вставали в небе навстречу друг другу и вошли в соприкосновение. Царь увидел весь мир ярко освещенным, небо очистилось от облаков и тумана, а звезды достигли своей наибольшей яркости. Это было прекрасным знаком, тем более что солнце и луна являются постоянными тантристскими символами мужского и женского начала, которые непременно должны соединиться.

Атиша принес в Тибет учение Калачакратантры, в которое посвятил его Наропа во время своего посещения Викрамашилы. Под влиянием Атиши возникла школа *кадам* («следующие наставлениям Учителя»), название которой означает попытку человека усвоить каждое слово Будды, чтобы достичь Просветления. Он ввел состоящее из семи частей учение, чрезвычайно популярное в тибетском буддизме. Умер Атиша в 1054 году, возвращаясь обратно в Индию, покинув этот скорбный мир для небес Тушита — рая бодхисаттвы Майтрейи. Тибетцы признали его воплощением Манджушри, бодхисаттвы мудрости.

Ближайшим учеником и сподвижником Атиши был Бромтонпа (1005–1064 гг.), который, собственно, и основал школу кадам. Он построил монастырь Раден и стал первым иерархом школы, создание которой благословил великий Атиша.

Илл. 62. Бодхисаттва мудрости Манджушри

А далее великий реформатор Цзонхава (1357–1419 гг.) преобразовал линию кадам в школу *гелуг*, «школу добродетельных последователей», сам прославившись ученостью и безупречной жизнью. Более 30 лет он учился в Тибете у пятидесяти самых знаменитых Учителей, взяв лучшее из всех Учений тибетского буддизма. Одним из знаменитых деяний Цзонхавы было возведение монастыря Галдан, «Земли Тушита», в которой обитает Майтрейя, и этот монастырь стал образцом для всех других монастырей тибетского буддизма. Цзонхава, как и Атиша, активно распространял учение Калачакры, совершенным знатоком которого он являлся.

Самым знаменитым из написанных Цзонхавой трудов является многотомный трактат *Ламрим-ченмо*, в систематической форме излагающий идеи классического буддизма относительно этапов пути Пробуждения. Заслуга Цзонхавы несомненна и в том, что он сделал весьма успешную попытку сочетать классический буддизм Махаяны со специфически тибетскими формами буддистского учения и создал свою традицию гелуг как наиболее рационалистическую и светски ориентированную из всех четырех основных школ.

Традиция гелуг считает линией перерождений Цзонхавы следующую последовательность Учителей: Субхути, личный ученик Будды Шакьямуни; архат Упагупта; Учитель Падмасамбхава; Нагарджуна; махасиддхи Домби-Херука; великий пандит Атиша; Марпа-лоцзава; Гампопа. Сам Цзонхава изначально был посвящен в традицию кагью.

Его личным покровителем являлся бодхисаттва мудрости Манджушри, в некоторых биографиях Цзонхава рассматривается как его воплощение. Однажды во время своего затворничества Цзонхава узрел Манджушри, стоящего в окружении будд и бодхисаттв, увидел его мандалу и получил посвящение в нее лично от Манджушри чудесным образом: Манджушри приставил к своему сердцу рукоять меча, конец же его — к сердцу Цзонхавы, и по лезвию меча заструился нектар, наполняя тело Цзонхавы совершенно неопишущим блаженством. С тех пор Манджушри стал личным Учителем Цзонхавы, передававшим ему тайные Учения.

Обычно же Цзонхава, как и все иерархи линии гелуг, признается воплощением Авалокитешвары, ибо Атиша узнал Авалокиту в своем ученике Бромтонпе и предрек, что далее эта линия будет последовательно воспроизводить Авалокитешвару, тибетское имя которого — Ченрези.

Линия Далай-лам

Третьему воплощению Ченрези, Соднам-Гьятсо, в 1578 году монгольский правитель Алтан-Хан присвоил титул Далай-лама. *Далай*, монгольский эквивалент

Илл. 63. Цзонхава, основатель традиции гелуг

тибетского *Гьятсо*, означает «океан», «море». И далее все Далай-ламы признавались воплощениями Авалокитешвары.

Четвертый же Далай-лама признал в своем наставнике воплощение дхьяни-будды Амиабхи, которого тибетцы называют Опам. Этот наставник получил титул *Панчен*, сокращение от *пандит Ченмо* — «большой ученый». Авалокитешвара, будучи бодхисаттвой, является духовным сыном будды Амиабхи (и возникает из его головы); отсюда ясно, что Далай-лама IV осознал своего Учителя как принадлежащего к высшему разряду божеств, нежели он сам.

Но свою главную победу последователи гелуг одержали лишь тогда, когда все четыре основные традиции тибетского буддизма признали гелугпинского высшего иерарха Далай-ламу высшим воплощением Авалокитешвары для всех буддистов. С тех пор и до наших дней традиция гелуг доминирует в тибетском буддизме, считая себя представляющей все четыре линии.

Предшественником линии Далай-лам, первым иерархом линии кадам, считается живший в XI веке знаменитый ученик великого Атиши лама Бромтонпа. Первым же Далай-ламой, признанным таковым через сто лет после смерти, был Гьялва Гэндун Друб, родившийся в 1391 году в семье простого кочевника. В возрасте семи лет он потерял отца, и мать отдала его в монастырь Нартанг, принадлежавший линии кадам. Пройдя положенный курс обучения, он стал выдающимся ученым, много способствовавшим изучению пяти разделов классического буддизма: *праманы* (логики), *абхидхармы* (высшей философии), *праджняпарамиты* (высшей мудрости, переправляющей через поток сансары), *мадхьямики* (учении о срединном пути) и *винайи* (монашеской дисциплины). Прославившим его деянием было основание в 1447 году в Шигацзе монастыря Ташилунпо, ставшего впоследствии и бывшего вплоть до середины XX века постоянной резиденцией *Таши-лам* (это другое название Панчен-лам). Деятельность его очень гармонично сочетала в себе теорию и практику тибетского буддизма, из 83 лет своей жизни 20 он провел в *ритрите*, строгом затворе, и смерть его наступила во время глубокой медитации в 1474 году. И еще известно о нем, что был он любимым учеником самого Цзонхавы.

Второй Далай-лама, признанный таковым также спустя много лет после смерти, Гэндун Гьятсо, родился в 1475 году, в семье известного йогина и знаменитой йогини, принадлежавших к традиции ньингма. Над домом, в котором он появился на свет, тут же возникли радужные дуги и прочие чудесные знамения, а младенец сразу же произнес священную мантру Тары, божества-покровителя первого Далай-ламы, воплощением которого он и был признан в возрасте четы-

Илл. 64. Монастырь Ташилунпо,
резиденция Панчен-лам в Шигацзе

рех лет. До одиннадцати лет мальчик оставался дома, где родители передали ему все свои Учения и практики, предварительно посвятив его в них. Затем он стал жить и учиться в монастыре Ташилунпо. Курс обучения для лиц столь высокого духовного ранга занимал 20–30 лет. Во время обучения он полностью принял все монашеские обеты традиции гелуг. В своей дальнейшей жизни Гэндун Гьятсо много писал, и собрание его сочинений насчитывает несколько сот отдельных произведений. Он был совершеннейшим Владыкой Учения, великим Дхармараджей.

Очень интересна его мистическая связь с чудесным озером Лхамо Лацо, расположенным в 150 километрах от Лхасы и являющимся традиционным местом паломничества тибетских монахов. Далай-лама II посетил это озеро в 1509 году, сосредоточил взгляд на его водной глади и тут же пережил ряд сменявших друг друга видений. Затем он удалился в медитативный затвор (ритрит) на берегу этого озера, по выходе из которого совершил ритуалы благословения и наделения силой озера. С тех пор каждый, кто посещал это озеро и с чистым сердцем предавался медитации на его берегах, получал дар ясновидения. Озеро пророчествовало посредством отражений, возникавших в его спокойных водах, и стало центром притяжения тысяч паломников. Все последующие столетия, вплоть до сегодняшнего дня, это озеро является основным средством определения места перерождения Далай-лам и других высоких тулку. Более того, сразу же после освящения и наделения силой его вод озеро стало помогать в разрешении политических и религиозных вопросов. Гьялва Гэндун Гьятсо основал на берегу Лхамо Лацо монастырь Чокоргьял.

Погрузившись в медитацию, Гэндун Гьятсо легко ушел из сансары в 1542 году, жил же он всего 67 лет. Говорят, что после своей смерти Гэндун Гьятсо, оглянувшись на постоянные светские и религиозные раздоры в Тибете, решил больше не продолжать здесь свою линию перерождений. Но к нему явились великие Учителя Падмасамбхава, Атиша и Цзонхава, чтобы убедить его отказаться от столь пагубного намерения. Падмасамбхава произнес пророчество, согласно которому в случае, если Далай-лама покинет Тибет, эта несчастная страна погибнет в омуте распри, буддистское Учение и живые существа погрузятся в океан страданий на долгие столетия. Если же Далай-лама продолжит свой труд в Тибете, то это принесет великие плоды всего через сто лет, когда и буддизм, и живые существа получат неизмеримую пользу, мир и согласие воцарятся в Стране Снегов, а Далай-лама станет правителем ее народа. Конечно же, Гэндун Гьятсо должным образом воспринял это предсказание, и линия Далай-лам, воплощений милостивого и всевидящего Авалокитешвары, продолжилась в Тибете.

Далай-лама III, Соднам Гьятсо, родился в 1543 году, был признан перерождением Гэндун Гьятсо и отдан в монастырь Дрэпунг, настоятелем которого вскоре и стал. Но Далай-лама всегда был не только духовным, но и политическим

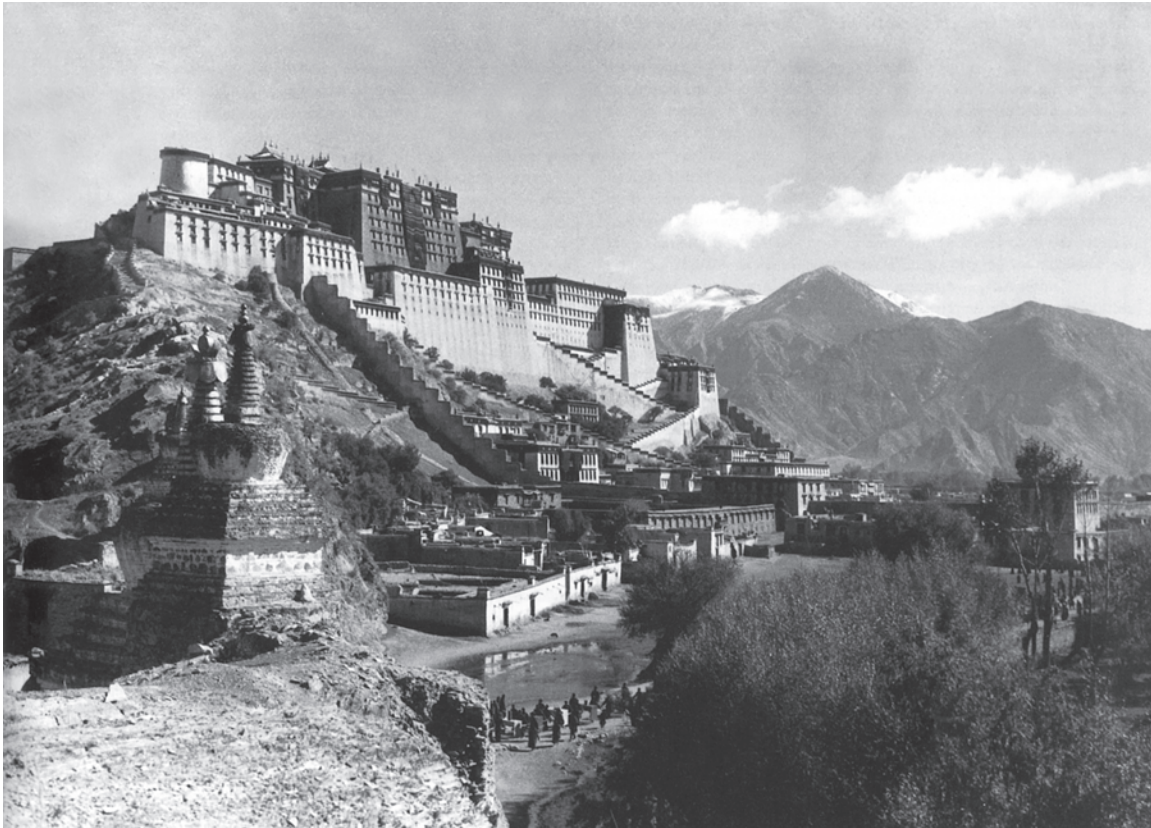
Илл. 65. Панчен-лама I Лобсанг Чойджин

вождем Тибета. Он прошел еще и курс обучения в монастыре Ташилунпо, а затем получил приглашение от хана тумэт-монголов Алтан-хана посетить Монголию. Но, как гласит традиция, первое приглашение было гордо отклонено. Однако гордиться было нечем: традиция желтой веры, желтошапочников — гелуг — вовсе не господствовала в Тибете, где в XVI веке политическая власть принадлежала скорее линии кагью во главе с Кармапой. Правда, и эту традицию раздражали внутренние противоречия между сторонниками черношапочников, приверженцев Кармапы, и сторонниками красношапочников, приверженцев Шамарпы.

Поэтому, получив второе приглашение, сопровождавшееся прибытием большой делегации и дарами в виде лошадей, верблюдов и прочего, Соднам Гьятсо летом 1578 года прибыл в ставку Алтан-хана во Внутренней Монголии, в городе Коко-Хотан, что значит Голубой Город. Итог этой встречи был вполне обнадеживающим: Соднам Гьятсо получил от Алтан-хана титул Далай-ламы и сделался его личным Учителем, а среди монголов стал зарождаться буддизм традиции гелуг. Алтан-хан вручил Соднаму Гьятсо печать с надписью «Дордже-чанг», что значит «Держатель Ваджры», громового скипетра, а Соднам Гьятсо наделил Алтан-хана титулом Царя Веры, Брахмы Богов, то есть главы богов. Более того, Далай-лама III предсказал, что потомки хана станут правителями всей Монголии, не пройдет и 80 лет, и, кроме всего прочего, пообещал в следующий раз непременно переродиться именно в Монголии. Свой союз и дружбу навеки два восточных мудреца скрепили закладкой монастыря Тхенгчен Чокпор.

Оставив своих представителей в Монголии, Соднам Гьятсо отбыл по другим делам, по пути основав монастырь Литанг, а также Гумбум, расположенный на месте рождения Цзонхавы. Но в 1582 году он вновь возвратился в Монголию, получив известие о смерти Алтан-хана, в поддержке которого он так нуждался. Вплоть до 1588 года Соднам Гьятсо оставался в Монголии, а потом предпринял путь домой, в Тибет, почувствовав приближение смерти. В этом долгом пути Далай-лама III скончался. Пепел его был доставлен со всеми подобающими почестями в Лхасу и помещен в монастыре Дрэпунг.

Обещание Соднама Гьятсо воплотиться в Монголии быстро сбылось, ибо четвертый Далай-лама был найден именно в Монголии и оказался не кем иным, как внуком Алтан-хана. Родился он в 1589 году и носил имя Йонтэн Гьятсо, а в Тибет попал лишь в возрасте 12 лет. В Лхасе был совершен торжественный обряд его интронизации. Его Учителем был Лобсанг Чойджин из монастыря Ташилунпо, который и получил от молодого Далай-ламы титул Панчен-ламы, Великого Ученого, — таким образом была основана новая линия перерождений, духовных Учителей Далай-лам. Первым Наставником первого Далай-ламы был Гедуб (1358–1438 гг.), личный ученик Цзонхавы, считавшийся воплощением дхьяни-будды Амитабхи, поэтому Лобсанг Чойджин был уже четвертым воплощением этого будды и, узанный в качестве такового, стал первым Панчен-ламой.

Илл. 66. Потала, резиденция Далай-лам в Лхасе

Йонтэн Гьятсо в 1605 году потерпел поражение в стычке с представителями линии кагью, войска Шамарпы вошли в Лхасу; говорят, что в их рядах находилось много сторонников бон, воевавших с гелуг на стороне кагью. Надо сказать, что момент для действий военных ястребов кагью был самым подходящим. В 1603 году умер девятый Кармапа, а десятый, родившийся в 1604 году, был возведен на трон лишь в 1611 году. Соответственно, всеми делами кагью заправлял шестой тулку Шамар Чокьи Вангчук. Он и повел войска на Лхасу, возглавив борьбу за господство в Тибете, ради которого надлежало победить традицию гелуг. Далай-лама IV умер в 1617 году, в возрасте 28 лет, в монастыре Дрэпунг; тело его, согласно обычаю, кремировали, половину пепла оставили в Дрэпунге, а

вторую половину увезли в Монголию. Так несчастливо сложилась и бесславно закончилась жизнь монгольского воплощения Далай-ламы в Тибете.

Но следом за ним в 1617 году родился великий Далай-лама V Нгаванг Лобсанг Гьятсо, так и вошедший в историю как Великий Пятый. Его появление в Тибете пришлось на год Огненной Змеи, которым был 1617 год. Родился он отнюдь не в лучшие времена традиции гелуг, а потому маленького Далай-ламу тщательно прятали, скрывая ото всех его местопребывание; более того, никто даже не знал, кто он. Далай-лама V воспитывался в окружении строгой тайны в Южном Тибете, в округе Е, и в 1625 году принял рукоположение в монахи от Панчен-ламы. Между кагью и гелуг шла непримиримая борьба не на жизнь, а на смерть, так что люди Шамарпы даже предприняли попытку, к счастью неудачную, убить юного Далай-ламу.

В дело вмешались войска монгольского Гуши-хана, вторгшиеся в Тибет ради восстановления истинной веры, упирая на то, что на стороне войск красношапочного Шамарпы выступили сторонники бон. Был убит глава бон Донье Дордже, все центры сопротивления войск кагью были подавлены, и в Лхасе были возжжены благовония. Далай-лама V прибыл в Шигацзе, и здесь в монастыре Ташилунпо Гуши-хан передал Гьялве Нгавангу Лобсангу Гьятсо верховную власть над всем Тибетом, что, конечно же, сопровождалось необычайно пышной церемонией.

Соднам Чойпал, который был одним из трех послов гелуг, прибывших к монголам-джунгарам и убедивших Гуши-хана начать войну с врагами веры в священной стране Тибет, был назначен *деши*, в руках которого сосредотачивалось все административное управление. Сам же Далай-лама должен был принимать участие лишь в чрезвычайно важных светских делах. Тут же сформировали правительство Тибета, а Лхасу объявили его столицей. Происходило все это в 1642 году. Итак, при Великом Пятом наконец-то вновь объединилось тибетское государство, распавшееся после смерти царя-быка Ландармы, — правда, при решающем участии иноземных монгольских войск.

Но далее Великий Пятый стал все более стремительно проводить политику независимости Тибета и от Монголии, и от Китая, причем очень удачно. Ему вообще сопутствовала удача во всех его делах и начинаниях. В 1645 году началось строительство грандиозного дворца Поталы, предназначенного стать главной резиденцией Далай-лам. И это предназначение исполнилось. Первый камень дворца был заложен на горе Марпори, которая возвышалась над всей округой; на ней тогда еще сохранялись развалины дворца Марпори, построенного тысячу лет назад цэнпо Сронцэнгампо. Теперь Потала, небесный рай Тары и Авалокитешвары, спустилась на землю.

В 1679 году Далай-лама V сменил своего промонгольского *деши*, назначив на его место тридцатилетнего Санджя Гьятсо, о котором говорили, что он является внебрачным сыном Далай-ламы.

Но деятельность Великого Пятого не ограничилась лишь борьбой за главенствующее положение линии гелуг в религии и политике Тибета, а также за независимость и объединение государства, хотя всего этого более чем хватило бы на одну жизнь. Великий Пятый написал столько произведений, сколько все Далай-ламы вместе взятые. Особенно его интересовали история и классическая поэзия Индии, а также жанр намтаров, жизнеописаний великих личностей. Кроме того, именно он учредил в Тибете государственную систему медицины и программу народного образования. Великий Пятый много учил и много медитировал. Скончался он во время выполнения трехлетнего ритрита, медитативного затворничества, в 1682 году, не закончив строительство Поталы, одно из своих великих деяний.

Ламы говорят, что он приказал хранить в тайне свою смерть и свое перерождение до тех пор, пока не будет закончена главная часть здания великолепной Поталы. То ли выполняя волю Великого Пятого, то ли просто желая властвовать, деши Санджай Гятсо объявил, что Далай-лама удалился во внутренние покои Поталы для уединенной медитации на долгие годы.

В 1685 году деши Санджай Гятсо нашел в Южном Тибете шестое перерождение Далай-ламы, 56-е воплощение бодхисаттвы Авалокитешвары, но его существование строго засекретили. Его родители, по всей видимости, принадлежали к традиции кагью. Найденному ребенку было два года, когда он был взят для подобающего Далай-ламе воспитания в монастырь Нангкаце. Воспитателем этого мальчика, которого звали Цаньян Гятсо, стал сам деши Санджай Гятсо, он впоследствии и написал намтар-биографию Далай-ламы VI, причем выглядела она как подробный рассказ о постоянном пребывании в состоянии сосредоточенной медитации. Пока новый Далай-лама тайно пребывал в монастыре, полным властителем Тибета оставался Санджай Гятсо.

Первыми о смерти Далай-ламы V и о нахождении Далай-ламы VI проведали китайцы, которые и прислали в Тибет свое посольство. Но Великий Пятый все еще (а происходило это в 1696 году) пребывал в медитации. И лишь в 1698 году Санджай Гятсо сообщил все еще остающейся в Тибете делегации, что существует новое перерождение Великого Пятого, ему 15 лет, но видеть его нельзя, так как он тоже пребывает в сосредоточенной медитации. С этим посольство и отбыло в Китай. Строительство Поталы было уже завершено в 1695 году, слухи о смерти и возрождении воплощений Авалокитешвары распространялись по миру, так что скрывать тайну дальше было бессмысленно, тайное уже почти стало явным.

Илл. 66

И тогда было сообщено миру, что в ходе медитации Великого Пятого появилась на свет его эманация в виде Далай-ламы VI, которому сразу же стало пятнадцать лет и который имел неоспоримое внешнее сходство с Далай-ламой V. Тут события стали развиваться стремительно. Цаньян Гятсо тайно прибыл в Лхасу, и Панчен-лама был послан для его обучения. В том же году новое перерождение был посвящен в монахи. И 8 декабря того же 1697 года Цаньян Гятсо

торжественно вышел из своей столь затянувшейся медитации и был интронизирован как Далай-лама VI. Только после этого Санджай Гьятсо оповестил окружающих о кончине Далай-ламы V.

Каковы во всем этом пропорции религиозного рвения, верности воле усопшего и чисто дворцовых интриг, я судить не берусь. Однако совершенно точно, что в новое воплощение не очень-то поверили, и молва объявила его ложным Далай-ламой. Китайский и монгольский правители послали ему официальное уведомление, что не могут считать его истинным Далай-ламой. И Цаньян Гьятсо с невиданной доселе легкостью отказался от роли религиозного главы линии гелуг, причем сделал это в присутствии самого Панчен-ламы, своего духовного Наставника. Правда, при этом он сохранил за собой светскую власть. Достигнув двадцати лет, Цаньян Гьятсо, несмотря на все уговоры Санджая Гьятсо и Панчен-ламы, отказался принять полные монашеские обеты; более того, он возвратил своему Учителю Панчен-ламе уже данные ему обеты и снял с себя монашеское одеяние. Вслед за тем он покинул свою официальную резиденцию Поталу и переселился в небольшой домик у подножия горы.

С тех пор Цаньян Гьятсо открыто вел светскую жизнь, полную вина и женщин, не слишком обременяя себя государственными делами. Политикой по-прежнему занимался могущественный Санджай Гьятсо, тогда как Далай-лама Цаньян Гьятсо, свободный от монашеских обетов, благоустроив Поталу, окружая прекрасный дворец волшебными садами, и писал любовные стихи, быстро распространявшиеся среди тибетцев. Цаньян Гьятсо перестал брить голову, как это принято у буддистских священнослужителей, и очень полюбил красивую одежду, украшения из драгоценных камней, а еще оружие с восточными орнаментами и сверкающими камнями. Естественно, очень многим это не могло понравиться.

К тому же в 1705 году закатилась счастливая звезда могущественного деши Санджая Гьятсо, который был убит монгольскими войсками Лхавзан-хана. Правда, невинной жертвой Санджая Гьятсо не назовешь, ибо до этого он энергично плел сети интриг против Лхавзан-хана и даже пытался организовать его убийство.

И все шире и шире по буддистскому миру поползли слухи о неподлинности Далай-ламы VI. Китайский император Кан-си объявил правящего Далай-ламу фальшивым. С монгольской стороны неподдельный интерес к этому вопросу проявил Лхавзан-хан, потребовав от государственного оракула Тибета ответа на большой вопрос: является ли Цаньян Гьятсо истинным перерождением Далай-ламы V? Оракул, если верить трактовке монгольского хана, дал отрицательный ответ.

Но тибетцы созвали совет высших буддистских иерархов своей страны и постановили, что Цаньян Гьятсо — истинное перерождение, однако отметили, что степень его духовной просветленности значительно меньше, чем у предыду-

щих Далай-лам. Современные же приверженцы традиции гелуг пошли еще дальше, утверждая, что Цаньян Гьятсо, конечно же, был истинным звеном в цепи перерождающихся Далай-лам; более того, его связи с женщинами и любовная лирика, да и вообще все его необычное поведение суть проявления его тантрической мудрости, неразрывно связанной с женщиной и воплощенной в женщине, *праджне*. Именно женщина, богиня Праджняпарамита, воплощает в Ваджраяне полную и совершенную мудрость всех будд. Любовные же песни — лишь средство для широкого распространения в народе экстраординарного учения самого Цаньяна Гьятсо. Впрочем, как говорит скрипач Сергей Стадлер, «распространение вширь — это утрата высоты». Тантрическая практика никогда не предназначалась для широкого распространения. Но гелугпинцев можно понять — если признать Далай-ламу VI неистинным перерождением, то придется признать и отсутствие непрерывности в линии передачи гелуг, а это уже очень серьезный дефект традиции, к тому же по сей день господствующей в тибетском буддизме.

Илл. 67

Как бы то ни было, но в 1706 году воины Лхавзан-хана захватили Цаньяна Гьятсо, объявили его низложенным и со многими приключениями повезли в Китай, к императорскому двору. Однако не довезли: Цаньян Гьятсо умер от водянки неподалеку от озера Кукунор. Правда, есть много свидетельств того, что опытные китайские эскулапы бестрепетно помогли ему покинуть этот мир. Уход Далай-ламы VI произошел 14 ноября 1706 года. Тело же его по приказу китайского императора не было похоронено с должными почестями, труп просто оставили на дороге.

Однако тибетцы не поверили в смерть своего Далай-ламы, и его дальнейшая жизнь воплотилась во множестве красивых легенд. Одна из них гласит, что по дороге в Пекин Цаньян Гьятсо использовал свои силы махасиддхи и внезапно исчез из поля зрения сопровождавших его воинов. Затем он прибыл в Шаньси, одну из провинций Китая, где несколько лет предавался медитации в уединенной и недоступной миру горной пещере. Однажды к нему явилась прекрасная незнакомка с великолепной танкой Авалокитешвары и, передав ее Цаньяну Гьятсо, сама растворилась в ней. Конечно же, это была дакия, мудрая и чудесная. С тех пор эта пещера называется «Пещера Авалокитешвары». Потом Цаньян Гьятсо отправился в Монголию, в Алашанские горы, где стал вести прекрасную и размеренную жизнь простого пастуха. Когда же волки стали нападать на его овец, Цаньян Гьятсо своими руками поймал одного из них и доставил к хозяину стада, предложив ему, если он хочет, самому убить зверя. Хозяин сразу же понял, что его пастух — не простой человек, а буддистский святой, и потому даровал волку жизнь. Все жители Алашани немедленно после этого приняли буддизм, а опальный Далай-лама спокойно дожил свою жизнь в чудесных Алашанских горах.

Другая легенда еще более романтична. Она гласит, что у Цаньяна Гьятсо была любимая женщина, которая ждала от него сына. Сын же этот, по всем боже-

ственным знамениям и по предсказаниям астрологов, должен был стать Царем-Миродержцем. Но злобный и властолюбивый китайский император узнал об этом и приказал убить беременную женщину, чтобы не появился на свет долгожданный миром младенец. Увы, приказание было исполнено в точности. Самого же Далай-ламу VI схватили и повезли к императору. Но Цаньян Гьятсо был мудр и, прибыв в Алашань под конвоем, послал ко двору труп своего только что умершего спутника, выдав его за свой. Сам же он переоделся нищим монахом и стал бродить по святым местам Индии, Тибета и Монголии. Многие узнавали его, и много чудес он творил, каждый раз исчезая из глаз своих врагов. Окончательно же остановился он в Алашани, где народ боготворил его, узнав в нем Далай-ламу.

Такова была настоящая и легендарная судьба Цаньяна Гьятсо, то ли истинного, то ли фальшивого перерождения Великого Пятого и бодхисаттвы Авалоки-тешвары.

Однако в Тибете жизнь, несмотря на легенды, шла своим чередом, и в Лхасе было обнаружено следующее перерождение, которому минул уже 21 год, и был он, кажется, сыном самого монгольского Лхавзан-хана. Однако тибетцы не приняли его и называли просто *кушаб*, «господин», а не *Гьятсо*, Океан Всеведения, как это принято по отношению к Далай-ламам.

Пришлось найти другое перерождение, и в итоге Далай-ламой VII стал Гьялва Калсанг Гьятсо. Китайцы считали его шестым перерождением, опуская эпатажного Цаньяна Гьятсо, тибетцы же — седьмым. Цаньян Гьятсо, перерождением которого считался в Тибете Гьялва Калсанг Гьятсо, стал к этому времени символом национальной независимости Тибета, знаменем борьбы тибетцев за невмешательство иностранцев в дела их священной страны. Далай-лама VII родился в 1708 году, интронизирован был лишь в 1720 году, после изгнания монголов из Лхасы, а умер в 1757 году. Седьмой Далай-лама, в отличие от своего предшественника, вел чистую и строгую монашескую жизнь, приняв и соблюдая всю полноту обетов, писал только религиозные труды, духовную поэзию, молитвы и гимны.

Далай-лама VIII Гьялва Джампал Гьятсо родился в 1758 году, умер же в 1783. Он прославил себя постройкой чудесного дворца Норбулинг, окруженного поистине дивным парком, ставшего летней резиденцией Далай-лам. Именно при его жизни Тибет официально принял и стал неуклонно проводить в жизнь политику национальной изоляции, чтобы защитить себя от британской колониальной экспансии.

Четыре его преемника прожили очень недолго, что может быть объяснено исчерпанностью благой кармы тибетского народа, ибо благая карма учеников служит причиной долголетия Учителя, а все тибетцы считались учениками Да-

Илл. 67. Богиня Праджняпарамита, воплощение совершенной мудрости

лай-ламы. Двенадцатого Далай-ламу, Гьялву Тринлэ Гьятсо, уже выбирали согласно приказу китайского императора не по традиционным тибетским правилам поиска перерождения, а по «жребию золотого сосуда», то есть попросту тянули жребий из золотой вазы. Этот Далай-лама родился в 1856 году, а умер в 1875, совсем молодым.

Далай-лама XIII Гьялва Тубтэн Гьятсо родился в 1876 году, а умер в 1937. На его долю выпало множество политических перипетий, и много сил потребовалось от него, чтобы защитить Тибет от посягающих на него Англии, России и Китая. Он прилагал большие усилия для модернизации традиционной культуры тибетцев и первым из Далай-лам установил широкие связи с Западом. Будучи наделен могучими духовными силами, Тубтэн Гьятсо уже в 1932 году предсказал грядущее вторжение Китая в Тибет и убеждал тибетцев заранее готовиться к этому. Но к его совету легкомысленно не прислушались; самими же тибетцами сказано, что Индия будет разрушена ложными сомнениями, а Тибет — ложными надеждами. Старые ламы, ссылаясь на старые тексты, до сих пор уверяют, что линия Далай-лам должна была закончиться именно этим тринадцатым перерождением.

Современный Далай-лама

Однако в 1935 году родился Далай-лама XIV Гьялва Тэндзин Гьятсо, который был интронизирован в 1939 году. Он здравствует по сей день, являясь главой всех четырех традиций тибетского буддизма в Тибете, в Монголии и везде, где распространен тибетский вариант буддизма. Именно на его жизнь выпало китайское вторжение в Тибет в 50-е годы нашего века, сопровождавшееся массовым исходом беженцев из священной Страны Снегов.

Трудное решение эмигрировать после долгих раздумий принял и Далай-лама XIV. Но перед тем, как сделать решающий шаг, он, следуя древним тибетским традициям, обратился к оракулу — к человеку, которого называют *кутэн*, что значит просто «физическая основа» для входящего в его тело духа или божества. Государственным оракулом Тибета является Нейчунг, через которого говорит божество-хранитель всех Далай-лам Дордже Драпкэн. Именно к нему обратился Далай-лама XIV. Кутэном, вместилищем для Дордже Драпкэна, был молодой монах по имени Лобсанг Джигме. Вот как происходило это прорицание.

Начинается произнесение мантр, звучат тибетские музыкальные инструменты, их музыка словно рождается из тишины, а затем уходит в сияющие сферы Великой Пустоты и без остатка растворяется в них. Завороженный неземными ритмами, кутэн впадает в транс, а когда это состояние достигает предельной глубины, на голову медиума надевают огромный тяжелый шлем. Если бы не состояние транса, медиум просто не смог бы устоять под тяжестью своих риту-

альных одежд и украшений, дополненных столь выразительным головным убором. Лицо кутэна принимает совершенно безумное выражение, глаза выкатываются из орбит, щеки странно раздуваются. Дыхание сильно учащается и вдруг прекращается вообще. В этот момент держащий шлем узел завязывается вокруг его шеи столь туго, что он грозил бы удушить кутэна, если бы в этот момент не завершился процесс вхождения в него божественного Дордже Драпкэна. Затем кутэн, тело которого заметно увеличилось в размерах, берет у своего помощника меч и начинает угрожающий танец, демонстрирующий неистовую энергию божества. Теперь ему можно задавать вопросы, и божество ответит на них, проигнорировав второстепенные и отобрав лишь действительно важные.

На заданный Далай-ламой вопрос о целесообразности его ухода из Тибета божество устами кутэна воскликнуло: «Иди! Иди! Сегодня же вечером!». Медиум, не выходя из транса, схватил бумагу и ручку и ясно и четко начертил весь маршрут предстоящего пути. После этого оцепеневшее и безжизненное тело молодого монаха рухнуло на пол, что ясно свидетельствовало об уходе Дордже Драпкэна. В этот момент с великой поспешностью развязывают узел, держащий шлем, и слуги уносят кутэна, чтобы помочь ему вновь вернуться к жизни.

Совет оракула, подтвердивший правильность принятого Далай-ламой решения, был исполнен, и Гьялва Тэндзин Гьятсо прибыл в Индию, где и обрел свою окончательную резиденцию в Дхармсале. Здесь было сформировано тибетское правительство в изгнании, которое индийские власти не признали, однако не стали ни в чем препятствовать его деятельности, наглядно продемонстрировав образец терпимости. Так Дхармсала стала новым центром тибетского буддизма, распространению которого на Запад активно способствует вся деятельность энергичного и коммуникабельного Далай-ламы XIV.

Далеко не так удачно протекала жизнь Панчен-ламы X, который был возведен в это звание при активном участии китайцев. При прибытии в свою резиденцию, монастырь Ташилунпо, его сопровождало в качестве личной охраны целое подразделение китайских войск. Однако он был человеком искренним и в 1962 году направил китайским властям меморандум из 70 тысяч иероглифов с критикой политики Китая в Тибете. За это он был подвергнут полной опале, но в 1964 году ему предоставили возможность «исправиться». Панчен-ламу привезли в Лхасу и предложили выступить с речью на главном буддистском празднике Тибета Монлам Ченмо, что значит Великая Молитва. Со времен Цзонхавы вплоть до 1959 года этот праздник отмечался в Тибете ежегодно в период празднования Нового года по тибетскому календарю, воспроизводя обряд обращения всех тибетцев в буддизм. По обычаю он длился много дней подряд, однако китайские власти разрешили провести его лишь в течение одного дня. Неожиданно для всех Панчен-лама провозгласил, что Далай-лама является истинным лидером тибетского народа и что между Панчен-ламой и Далай-ламой нет и не может

быть никаких разногласий, напротив, между ними существует прочная и неразрывная духовная связь.

Итоги такого демарша были плачевны: Панчен-ламу на десять лет посадили в китайскую тюрьму особого режима, применив к нему самые жесткие методы «перевоспитания». После выхода из тюрьмы позиция Панчен-ламы по отношению к китайским властям несколько смягчилась, он даже выступил с призывом к Далай-ламе вернуться в Тибет. Но затем вновь стал критиковать китайскую политику в Тибете. 24 января 1989 года он открыто высказал утверждение, что китайское правление принесло Тибету гораздо больше разрушений, чем пользы. Всего четыре дня спустя после этой речи Панчен-лама внезапно умер, что породило множество всевозможных утверждений и слухов.

После смерти Панчен-ламы Х Далай-лама XIV начал поиски его реинкарнации, следуя всем тибетским обычаям. В итоге в январе 1995 года был найден мальчик по имени Гедун Чоки Ньима, родившийся 25 апреля 1989 года в районе Лхари в Нагчу, к северу от Лхасы; отцом его был Кончок Пунцог, а мать — Дечен Чодон. Все испытания показали, что ребенок является истинным перерождением Панчен-ламы Х, о чем и было официально объявлено Далай-ламой XIV 14 мая 1995 года. Но три дня спустя мальчик и его родители исчезли из дома, а затем обнаружили в Китае. А 29 ноября 1995 года китайские власти провели собственную жеребьевку с помощью «золотого сосуда» и выбрали, а потом и возвели на трон Панчен-ламы шестилетнего Гьялцена Норбу. Его несколько раз привозили в Тибет для кратких встреч, но он получил там, как осторожно выражаются китайцы, «весьма неоднозначный прием» и потому живет в Китае. Таким образом современная политика жестко вмешалась в судьбы высших буддистских иерархов Тибета.

Однако созданием дошедшей до наших дней иерархической системы заслуги линии гелуг отнюдь не исчерпываются. В следующей главе нам предстоит рассмотреть строгую и четкую систему образования в тибетском буддизме, выстроенную Цзонхавой в XIV веке и пронесшую свой пафос и потенциал вплоть до наших дней. Полагаю, что мы сможем извлечь из нее немало поучительного для нашей системы образования.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

РАССКАЗЫВАЮЩАЯ

О СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В ТИБЕТСКОМ БУДДИЗМЕ

так, Цзонхава вводит в тибетский буддизм жесткую систему образования, которая вместе с учением гелуг проникает из Тибета в Монголию, а затем и в Бурятию. Оплотами этой системы становятся буддистские монастыри, которые традиционно являются и университетами. Факультеты тибетских монастырей-университетов называются *дацанами*.

Обучение начинается здесь с пятилетнего возраста. При этом вначале ребенок должен заучивать наизусть большие и сложные тексты, и перед ним даже не ставится задача понимания смысла. Оказывается, именно для пятилетнего возраста характерна способность схватывать целое без его аналитического расчленения. Ведущей психической функцией у ребенка в этот период является функция памяти; более того, память в детском возрасте определяет все дальнейшее развитие психики человека. Далее вместе с изменением возрастной ступени изменяется и характер психических функций, и заучивание, которое легко дается пятилетнему малышу, в более зрелом возрасте становится совершенно непосильным трудом.

В обычном школьном монастыре тибетского буддизма обучение организовано таким образом, что первым является *Цаннит-дацан* или *Чойра-дацан*, то есть факультет философии. Это исходный пункт и обязательная ступень для любого дальнейшего обучения и специализации.

Факультет философии

Носители древних традиций усматривают недостаток современной системы образования в том, что в ней обучение идет сразу по всем отраслям знания, тогда как вначале следует сконцентрироваться на одном предмете и получить в свое распоряжение метод познания, который потом можно применять к любому предмету. Сказано ведь: «Не познавай ствол, не хватайся за ветви». Итак, в буддизме первый предмет обучения, королева всех наук — философия, и только изучив ее, можно переходить к отдельным предметам. Действительно, если мы хотим сформировать способность к целостному видению, то разумно исходить из целостной картины мира, а когда связь целого уже познана, тогда и отдельные предметы не воспринимаются как нечто изолированное, но с самого начала осознаются в контексте целого. Современные дифференцированные науки практически обходятся без такой целостной картины и потому утрачивают связь с друг другом.

Как мы уже сказали, оптимальный возраст для начала обучения на этом факультете — 5 лет. Но не пугайтесь, пятилетний возраст — это вовсе не время для философствования в нашем смысле слова. Это время для заучивания наизусть философских текстов школы *мадхьямика*, исходного буддистского учения о срединном пути. Все основные учебники и тексты в Цаннит-дацане всегда заучиваются наизусть.

На этом факультете мир изучают таким, каким его видят сутры, и следуют пути Освобождения, который длится в течение многих перерождений. Поскольку последователи сутр и тантр видят мир по-разному, здесь придерживаются видения мира в Сутраяне — Колеснице или Пути Сутр. Собственно, мир таков, каково сознание, видящее его. Очисти свое сознание, и весь мир станет для тебя чистой страной. Позволь нечистым страстям и помыслам загрязнить твой ум, и мир превратится для тебя в смердящий поток сансары. Все зависит только от тебя самого. Путь сутр легче пути тантр, а потому предназначен для начинающих и для тех, чья карма еще не созрела для Ваджраяны.

Весь курс Цаннит-дацана разбит на пять отделений, первым из которых является отдел *Цадма* или *Прамана*. Здесь изучаются достоверные источники знания, и в результате тщательного исследования единственным достоверным источником признается *цадма*, тогда как все остальные способы получения знаний рассматриваются как производные. Цадма — это момент первого ясного сознания ощущения, момент интуиции, знание *до* его выражения в слове, некоторое состояние сознания. Соответственно, это состояние сознания все время культивируется, тренируется, у ребенка воспитывается способность схватывать целое до его аналитического расчленения, мгновенно, одномоментно познавать целостность. Эта практика восходит своими истоками к индуистским *Йога-сут-*

рам Патанджали и развивается в учении буддистской школы *йогачаров*, к которым принадлежат великие авторитеты Цаннит-дацана Дигнага и Дхармакирти; их труды служат учебниками на отделении Цадма.

Логика, детальнейшим образом разработанная Дигнагой и Дхармакирти, является здесь основным предметом обучения, которое лишено знакомой нам схоластической тоски. Искусство логики проверяется и отрабатывается в постоянных диспутах между учениками, которые и составляют живой сценарий урока. Именно сценарий, потому что ученики проявляют свои не только умственные, но и актерские способности, между присутствующими разыгрывается целый спектакль, дающий человеку раскованность и внутреннюю свободу, столь необходимую в профессиональной деятельности ламы-Учителя. И действительно, внутренняя свобода, полная раскованность в общении, снимающая также и скованность собеседника, — вот, пожалуй, то основное, что бросается в глаза при общении с действительно высокообразованными ламами.

Построенный по игровому способу процесс обучения — наилучший для психики ребенка. Обязательное участие в диспутах направляет логическую мысль в нужное русло. (Вспомним: диспут настолько важен, что победа в нем означает обращение оппонента в собственную веру; проигравший в диспуте обязан признать полное превосходство победителя и во всем подчиниться ему.) Логика перестает быть сухим, скучным, оторванным от жизни предметом, каковой она является в нашей системе образования, и становится инструментом жизни.*

Весь процесс обучения на отделении Цадма разбит на классы — *зинда*. В младшем классе обычно в течение двух лет заучивают тексты, развивая память, которая наиболее активна именно в этот период жизни ребенка, и тем самым расширяя возможности его сознания. Затем один-два года отводятся на обучение логике. Следующий класс теории познания также рассчитан на один-два года. В целом же все обучение, закладывающее основы правильного метода познания, занимает четыре-пять лет.

После этого начинается второй раздел учения, *Парчин* — теория Просветления, или достижения состояния будды. Этот раздел носит также название *Парамита* — средство спасения, средство достижения совершенства. Теория Про-

* Это действительно очень важно — чтобы изучаемый предмет был жизненно значим для ученика. Самыми лучшими слушателями, с которыми я когда-либо работала, были группы аспирантов-музыкантов, уже сложившихся людей, успешно концертирующих. Лекции как по истории западной философии, так и по философии Индии и Тибета они воспринимали не как нечто абстрактно интересное, но как возможные модели для собственной жизни и творчества. И это было самое плодотворное восприятие, несравнимое, например, с абстрактно-теоретическим восприятием студентов философского факультета.

светления изучается по бодхисаттве Майтрейе, грядущему будде следующего мирового периода, пребывающему ныне в чистой земле Тушита, соответствующей чистоте его сознания. Здесь подробно изучаются и тщательнейшим образом практикуются способы достижения определенных психофизиологических состояний, соответствующих разным ступеням Просветления. Здесь же человека учат технике самостоятельного управления состояниями своего сознания, ибо цель всякого обучения в тибетском буддизме — практическое действие, способность его выполнить. Теория значима лишь постольку, поскольку она служит практике.

Здесь также изучается *Праджняпарамита*, парамита интуитивно постигаемой мудрости, дающая название важнейшей сутре *Махаяны* и целому классу махаянистской литературы. Всего же парамит, которые должны практиковаться для достижения должного уровня личности, шесть: это совершенство в даянии (*дана-парамита*), совершенство в соблюдении заповедей (*шила-парамита*), совершенство в энергичности (*вирья-парамита*), совершенство в терпении (*кшанти-парамита*), совершенство в медитации (*дхьяна-парамита*) и, наконец, совершенство в мудрости (*праджня-парамита*). Как видим, изучение парамит — это не столько теория, сколько способ жизни, которому тщательно учат.

Курс обучения на отделении Парчин также разбит на классы, зинда, и длится обычно пять лет.

Полный курс обучения на отделениях Цадма и Парчин Цаннит-дацана является абсолютно обязательным для всякого будущего ламы. В девятом классе, после окончания курса Цадма и Парчин, ученик делает подобающие взносы, устраивает угощение для всех Учителей и учащихся и принимает участие в обязательном экзаменационном диспуте (только так и сдавались экзамены). Если экзамен выдержан, то ученик получает звание *гэбша*. Монастыри Тибета и Амдо имели право в этом случае присваивать своим ученикам звание *рабжамба*, выпускники же дацанов из других регионов для получения этого звания должны были специально приехать в какой-либо из тибетских или амдосских монастырей, вновь принять участие в диспуте, заплатить взносы и устроить всеобщее угощение, и в случае успеха они также получали звание рабжамба.

После этого человек волен выбирать, остаться ли для дальнейшего обучения в Цаннит-дацане или продолжить образование в других дацанах.

Оставшихся на факультете Цаннит ждало третье отделение — *Ума* или *Мадхьямика*. Мадхьямика, или теория срединного пути, изучается по великому индийскому мыслителю-буддисту Нагарджуне, жившему в I веке н.э. и учившему о Пустоте как истинной природе всех вещей, включая Будду. Нагарджуна говорил, что все подобно сновидению и представляет собой срединность бытия и небытия. Последователям Будды Шакьямуни всегда и во всем надлежит придерживаться срединного пути, избегая любых крайностей. И если перед человеком

встает дилемма «или-или», то из этого следует, что он идет неверным путем.

На изучение фундаментальной теории Нагарджуны отводилось всего два года, так как мышление и личность человека были уже сформированы, ему был дан истинный метод познания, приложимый ко всем областям знания, которые он воспринимал как целостность картины мира, а не как хаотичное собрание отдельных дисциплин. Именно ради этого в начало и основу обучения была положена философия как истинная королева всех наук.

Илл. 68. Главный храм Цугольского дацана в Бурятии

Далее следовало отделение *Зот* или *Абхидхарма*, к этому сложнейшему разделу буддизма подходили уже в достаточно зрелом возрасте. Абхидхарма — это высший раздел сложнейшей метафизики буддизма, общее учение о строении сансары и нирваны. Основным источником для изучения этого раздела — обширный трактат *Абхидхармакоша* (*Энциклопедия буддизма*), созданный в V веке н.э. крупнейшим систематизатором буддистского теоретического умозрения Васубандху. Обучение этому предмету также занимало всего два года благодаря правильной начальной подготовке.

И наконец, пятое, последнее отделение Цаннит-дацана называется *Дулба* или *Винайя*, этика монашества и монашеская дисциплина. Важнейшим авторитетом здесь был и остается Гунапрабха (VI в. н.э.), по которому и строилось обучение, длившееся один год плюс еще семь лет на самостоятельную работу, а в сущности учение продолжалось всю жизнь.

После окончания отделений Ума, Зот и Дулба ученику отводилось еще десять лет на самостоятельное совершенствование, после чего соискатель платил взносы, устраивал большое угощение, участвовал в экзаменационном диспуте и в случае успеха получал ученую степень *габжа*. Тибетские и амдосские монастыри имели право давать степень *дорамба*. И только в Лхасе, участвуя в диспуте на общем хурале Цаннит-дацана известных монастырей традиции гелуг — Брайбуна, Галдана и Сера, — можно было получить степень *лхарамба*, самую почетную из степеней Цаннит-дацана.

Обучение и воспитание

Однако обучение в тибетском монастыре-университете отнюдь не сводилось лишь к тренировке мышления. Здесь воспитывалась и формировалась личность в целом, образование было неразрывно соединено с воспитанием. Вне личности нет мышления, нет интеллекта — это исходный пункт в традиционном способе передачи знаний. Игнорируя этот принцип, мы сегодня, как говорят в дацане, выпускаем всего лишь чернорабочих с дипломами.

Определенные этапы развития личности предполагали доступ к текстам разного уровня, то есть уровень получаемого знания приводился в соответствие с уровнем личности. Переход на новый уровень фиксировался принятием соответствующих обетов, получением соответствующих посвящений. По сути дела, изучение и практика винайи длились действительно всю жизнь, начиная с детского возраста, и все правила винайи должны были быть последовательно воплощены в принятии обетов и посвящений.

В 5–10 лет ребенок принимал обет *убаши*, состоящий из пяти заповедей. Посвящение проводил квалифицированный лама, причем это могло происходить и дома. Первая степень собственно монашеского посвящения — обет *рабчжун* или *баньди*, обязательный для всех поступающих в монастырь. Во время этого обряда посвящаемый отвечает на 40 вопросов посвящающего ламы. Самым важным является то, что в ходе этого посвящения ученик должен избрать своего персонального Учителя.

Отношение Учитель-ученик является важнейшим во всяком обучении в Тибете. Учитель в первую очередь печется о правильном формировании личности ученика, заботится о его душе, а потом уже — о его интеллекте. Прежде всего ученику необходимо преодолеть желания и гнев, ибо они порождают глупость. Ведь желание — бесконечно, счастье же — всего лишь краткий миг. Следует стремиться к добру, но при этом знать, что зло существует неизбежно, поэтому нужно научиться правильно относиться к нему. И непременно следует преодолеть отношение к смерти как к последней черте, ибо от такого отношения происходит вседозволенность в современной жизни.

В процессе обучения ученика Учитель может действовать самыми разными способами — как нет одной таблетки от всех болезней, так и здесь нет рецепта на все случаи. Можно поставить перед учеником вопрос так, чтобы он задавал рамки ответа. Можно заставить ученика совершенно самостоятельно искать решение проблемы. Можно неожиданно сказать ученику неправду, чтобы он сам смог определить это, подвергая всякую мысль критике, как это предписано Буддой Шакьямуни. Обязательным для ученика является участие в диспутах, где логическая мысль направляется в нужное русло. Как видим, развитию логического мышления в дацане уделяется огромное, но отнюдь не основное внимание. Здесь

добиваются того, чтобы знания вошли в кровь и плоть ученика, стали неотъемлемой частью его целостной личности.

Ученик имеет право три года наблюдать за своим будущим Учителем, критически фиксируя его достоинства и недостатки. Но выбрав Учителя и вступив в особое отношение Учитель-ученик, приняв обет *баньди*, он прекращает всякое наблюдение, так как между учеником и Учителем установилась кармическая связь. Теперь любая критика Учителя исключена, а если и есть в нем какие-то недостатки, то их должно рассматривать как недостатки кармы самого ученика. Здесь как нельзя более уместен совет великой *Дхаммапады*: «Пусть смотрит он не на ошибки других, а на сделанное и несделанное им самим». Ученик должен во всем подчиняться Учителю и смотреть на своего ламу как на живого будду. Ибо благодать ламы, Учителя, не существует сама по себе, но зависит от отношения ученика к Учителю.*

Учитель принимает на себя карму ученика, всю полноту ответственности за него. Легко понять, почему Учитель отнюдь не стремится иметь своим учеником кого угодно, но производит строгий отбор.

В ходе посвящения, в котором происходит окончательный выбор Учителя, совершается ритуальное омовение и обрезание волос, что свидетельствует о втором рождении посвящаемого, производится обряд надевания монашеской одежды и посвященному дается новое, тайное имя. Это самое важное из всех монашеских посвящений.

Вторая степень монашеского посвящения — *гэцул*. Для принятия этого посвящения уже необходима особая рекомендация Учителя. Обычно оно принимается в возрасте от 15 до 25 лет. Сам обряд обставляется весьма торжественно и совершается в храме. Он заключается в том, что ученик принимает десять обетов отречения: от убийства, от присвоения чужого, от прелюбодеяния, от пристрастия к вину, от участия в светских песнях и плясках, от пристрастия к светской музыке и зрелищам и т. д. Гэцул уже обладает достаточными знаниями и благодатью для отправления храмовых служб. И лишь начиная с этой степени посвящения человек может именоваться ламой.

* Тибетцы говорят, что сила веры может вселить божество в любой предмет. Так, рассказывают, что однажды мать попросила сына, отправляющегося в дальнюю поездку, привезти ей священную реликвию — зуб Будды. Сын уехал и забыл о просьбе старой матери. То же самое случилось с ним и во второй раз. На третий раз он вспомнил о просьбе матери уже на полпути к дому. Ему стало стыдно, но тут он увидел лежащий на дороге зуб собаки, подобрал его, завернул в белую тряпицу, словно это и был зуб Будды, и преподнес матери, счастьем которой не было предела. Старая женщина окружила привезенный зуб благоговейным поклонением, ежедневно совершала перед ним все положенные ритуалы, поверяла ему свои самые сокровенные желания. И что бы вы думали? Зуб начал испускать неземное сияние и демонстрировать чудеса, выполняя все просьбы старухи-матери. Все зависит не от предмета, а от нашего отношения к нему.

*Илл. 69. Монгольская книга «Жадамба» (восьмитысячестишие)
с золотыми изображениями Будды с двух сторон (фрагмент)*

Высшей степенью монашеского посвящения является духовное звание *гэ-лонг*, принять это посвящение разрешается не ранее 23 лет. Обряд носит чрезвычайно торжественный характер, в ходе посвящения ученик получает полный комплект новой монашеской одежды и утвари, что символизирует новый этап в его духовной жизни. Посвящаемый принимает все 233 обета монашеской дисциплины по каноническому дисциплинарному уставу Винаи. Эта степень посвящения открывает ученику доступ ко всем видам текстов, изучающихся в Цаннитдацане, теперь в этом дацане для него нет недоступных знаний. До этого ко многим священным текстам он не имел права даже прикасаться.

Итак, в Цаннит-дацане наряду с учеными званиями присваиваются также и звания духовные, без которых невозможен доступ к учености.

Путь тантры

Лишь полный или частичный курс обучения в Цаннит-дацане открывает путь на факультет символики тантры, в *Акпа-* или *Жудба-дацан*. Сюда могут поступить только высокоодаренные и в интеллектуальном, и в духовном отношении люди и только по особой рекомендации Учителей. И в этом нет ничего удивительного, так как путь тантры открывает возможность получить Просветление в течение всего одной краткой жизни, при этом предполагается очень интенсивный тренинг и очень высокий уровень мотивации. Сюда можно поступить начиная с ученой степени гэбша, а курс обучения в Акпа-дацане длится четыре-пять лет. Если человек при поступлении имел степень гэбша, окончил полный курс Акпа-дацана и посвятил еще десять лет жизни самостоятельному совершенствованию на этом трудном пути, то он может получить ученую степень *джэдримба*. Если же обучение начинал имеющий степень габжа, то при точно таких же условиях он может получить ученое звание *аграмба*, что значит «совершенный знаток символики».

Характерно, что великий буддистский Учитель Атиша делил людей на три разряда: низшие — это миряне, не имеющие прямого отношения к монастырю, средние — люди, принадлежащие Цаннит-дацану, идущие по пути сутры, и высшие — те, что идут путем тантры, высшим достижением которой является Калачакратантра.

Высоко эзотерическое учение Калачакры, дающее всеобъемлющую картину мира и потому вызывающее огромный, но лишенный взаимности интерес западных исследователей, разбирается на специальном факультете *Дуйнкор*. Отбор сюда еще более строг, чем в Акпа-дацан, обучающийся здесь принадлежит к элите тибетского буддизма и должен обладать поистине уникальными данными.

Калачакра — это учение о колесе времени, и одновременно Калачакра — это высшее божество, ади-будда, верховный изначальный будда. На пути изучения Калачакратантры существует три уровня посвящения — внешний, внутренний и собственно Калачакры. Первый, внешний уровень дает человеку возможность заниматься астрономией, астрологией и математикой системы Калачакра.

Второй уровень практики Калачакры, внутреннее учение, касается структуры человеческого тела, включая его энергетические системы. Этот уровень мы рассматривали, разбирая учение о четырех телах будды и учение тибетской медицины. Но все эти реалии постигаются не в теоретических рассуждениях, а в конкретных практиках медитаций.

На пути внутреннего учения Калачакратантры существует четыре посвящения, и пройдя через четвертое, ученик обретает тело бога Калачакры, полностью

преобразовав свое земное тело в божественное, состоящее лишь из энергии и сознания. И только с момента обретения такого тела оказывается возможным переход адепта к практике собственно Калачакры и его мандалы.

Практиковать учение человек может только при условии получения им специального посвящения для каждого уровня практики. Я сознательно говорю о *практике учения*, так как совершенно некорректным был бы разговор об *изучении* в нашем понимании этого процесса, ибо здесь нет знания вне практики, знания вне применения. Считается, что человек, не получивший посвящения в систему Калачакра, не может даже приблизиться к ней, так как рискует получить жестокий психический срыв, поскольку все тексты построены с расчетом на подготовленную психику; подготавливает же ее собственно посвящение.

Цель любого посвящения в любую тантристскую практику — заставить ученика осознать освежающе-пустое знание его собственного ума. Только после реального переживания того знания, которое не объективируется, является блистающим и свободным, при котором исследовательская аналитическая мысль приходит к концу и вперед устремляется полнота ума, как сказано в одной из бонско-буддистских тантр (и не только в ней), ученик может практиковать тантру.

Фактически, ученику в посвящении волей Учителя извне дается переживание истинного состояния собственного сознания, то есть показывается цель, к которой потом он сам будет идти путем долгой и трудной работы. И главной фигурой как посвящения, так и последующего обучения является Учитель, без которого совершенно невозможно движение по этому пути. Атиша сказал, что пусть даже человек может декламировать наизусть все писания и знать характеристики всех элементов, все же, когда он начинает применять это на практике, если он не руководствуется наставлениями Учителя, то Учение и ученик пойдут разными путями. Реальное знание передается только от Учителя к ученику, все письменные тексты играют при этом лишь вспомогательную роль. Информация в тантрах не имеет ни малейшего смысла без заданного способа оперирования с ней, цель познания здесь — не приобретение информации, но преобразование своего умственного континуума. Способ оперирования задает только Учитель и только в личном контакте Учитель-ученик, а стадии пути ученика фиксируются в посвящениях.

При посвящении в Калачакратантру прежде всего необходимо отречься от своего собственного несчастливого образа жизни. Далее следует развить чистую мотивацию бодхичитты, то есть сострадания ко всем живым существам, и, кроме того, осознать, реально пережить в медитации Пустоту как истинную сущность всех вещей, в том числе и собственного ума. Лама, дающий посвящение, должен рассматриваться как сам бог Калачакра; место, где происходит посвящение, должно пониматься как мандала Калачакры, при этом и самого себя следует рассматривать как бога Калачакру. Правильная мотивация сострадания ко всем живым

существам и правильная визуализация Калачакры дают уверенность в получении посвящения.

В первый день, когда еще не разрешено входить в мандалу, посвящаемый должен вообразить себя ожидающим на кончике гигантской ваджры у восточных ворот мандалы-дворца Калачакры. Ему также следует визуализировать себя в виде однолицего, двурукого голубого бога Калачакры, обнимающего свою супругу. Если посвящение принимает женщина, ее визуализация должна быть точно такой же. Затем следует серия дальнейших визуализаций и действий посвящающего ламы. Все визуализации должны стать для посвящаемого совершенно неотличимыми от реальности.

Илл. 43

И вот на четвертый день посвящения правый и левый каналы внутри его тела трансформируются в Калачакру и его супругу. При этом оба канала очищаются, что дает возможность соединить их в центральном канале тонкого тела; этому будет сопутствовать целый ряд переживаний посвящаемого. Таким образом в ходе посвящения ученик получает непосредственный опыт того состояния, к которому ему в дальнейшем придется стремиться в собственной практике медитаций.

В шестой день посвящения все действия ученика превращаются в различных гневных божеств с супругами, при этом ученик получает опыт рассмотрения всех божеств как проекций состояний собственной психики. Это поможет ему не только в дальнейших медитациях, но и в промежуточном состоянии бардо, где ему последовательно будут являться все божества и он должен будет понять их как отражения состояний своего собственного сознания.

Сложное символическое значение всего ритуала лама объясняет адепту лишь в самом конце посвящения. Полное посвящение дает силу для практики внешнего и внутреннего уровня, а также для практики собственно Калачакры и его круглой мандалы-жилища.

В ходе посвящения выявляется необходимость в очень ярко выраженной творческой способности личности, в очень развитом воображении, которое позволяет посвящаемому в ходе ритуала сливаться в полное единство с воображаемым, в неразличенность реального и воображаемого, когда продукт воображения становится столь же действенным, как и сама реальность. В результате такого слияния происходят преобразования на уровне тонкого тела и его основных каналов, дающие адепту необходимые переживания.

Но не только это происходит в посвящении. Учитель в ходе ритуала заставляет ученика обрести некоторые дополнительные способности, которых у него раньше не было. Ученик должен посредством ритуала осознать нечто внутри себя, ввести это осознание в структуру своей личности. Ритуал превращает абстрактно-теоретическое понимание в нечто большее, посвящаемый приобретает то знание, которое свойственно пяти дхьяни-буддам дхармакайя. В нем возникает

неразрушимое уже никогда ваджра-знание, которое не может быть утрачено. Посредством посвящения создается ваджра-связь, идущая и через сансару, и через нирвану, с Учителем и со всеми теми, кто получил посвящение от одного и того же Учителя. И лишь в том случае, если посвященный откроет свое вновь обретенное знание непосвященным, эта связь будет разрушена и посвящение потеряет свою силу. Сам Ваджрасаттва входит в сердце ученика, Учитель же с этого момента становится для ученика ади-буддой Ваджрадхарой, и ученик обязан выполнять все предписания Учителя как предписания божества. А далее Учитель передает ученику некоторую силу и заставляет его пережить сверхобычное состояние, дающее ему ощущение действенности посвящения и реальности происходящих в этом ритуале процессов.

Снеллгроув в своих «Буддистских Гималаях» так описывает процесс передачи силы, сгустка энергии от Учителя к ученику. Учитель делает гневный жест и, формируя мудру *самттва-ваджра*, резко выбрасывает вперед ее мощь. Потом он заставляет ученика декламировать те ваджра-стихи, которые тот сам выбрал и которые говорят о смысле Махаяны, Великого Пути. Тогда и нисходит сила, и как только она снизошла, божественное знание проявляет себя. Посредством этого знания ученик узнает мысли других. Он узнает все, что произошло в прошлом, что должно произойти в настоящем и в будущем. Ум его утверждается во всех учениях дхьяни-будд. Все его страдания прекращаются. Он освобождается от всех страхов, и уже ничто не может повредить ему. Его благословляют все великие существа и все будды. В нем проявляются все совершенства. Без всяких причин охватывают его радость, веселье и счастье, которых он никогда раньше не испытывал. При проявлении этих радостей некоторые испытывают глубочайшее спокойствие, некоторые реализуют силы всех мантр, некоторые осуществляют все свои надежды, а некоторые даже достигают совершенства всех татхагат.

После этого и ряда других переживаний ученику показывают великий круг, то есть мандалу пяти татхагат дхармакайя, в должном порядке. Как только посвящаемый увидит зеленый круг, он тут же получит благословение всех татхагат. Сам Ваджрасаттва с этих пор поселяется в его сердце. Поскольку он благословлен всеми татхагатами, он непременно увидит круги из разноцветных лучей света, а также другие фантомные формы, и сам Великий Владыка ади-будда Ваджрадхара проявится для него. После этого он преуспеет во всех вещах, но пожелает из них только те, что необходимы ему для реализации природы Ваджрадхары.

По сути дела, получая посвящение, ученик в ходе обряда должен отождествить с божеством себя и своего ламу и пережить во всех деталях акт своего рождения в мандале, в обители божеств, от соития ламы-божества, тождествен-

ного с учеником, и его супруги. Таким образом посвящаемый ощущает себя новорожденным, в ум которого лама, совершая омовение новорожденного, причесывая и подрезая его волосы, проделывая также и другие манипуляции, закладывает семена будущего буддства. Здесь же, в ходе обряда, он получает свое новое тайное имя, имя того дхьяни-будды, с которым у него имеется энергетическая связь и под знаком которого он в будущем только и сможет достичь Просветления, конечной цели своего Пути.

В ходе посвящения ученик отрекается от себя, от своего «Я», постоянно принося себя в жертву высшим силам. При этом он осознает свою связь с этими силами, которую трудно получить, но легко потерять. Далее он осознает полную власть над собой посвящающего его ламы, связь своей психики и ее состояний с психикой Учителя.

О существовании такой связи обычно говорят все мистические ветви религии. Например, представители суфизма утверждают, что между *муридом*, учеником, и *муришидом*, Учителем, устанавливается духовная связь, достигаемая с помощью ряда технических приемов, в том числе растворением личности ученика в личности Учителя. Ученик участвует в личности Учителя, достигая мистического единения, «союза» с ним. Так, великий суфий Джалаладдин Руми был в мистическом «союзе» с ат-Табризи, а после его смерти установил духовное единение с другим наставником. Конечной целью такого растворения в *шейхе* является слияние с божеством, растворение в нем. Существовала и психофизика такого слияния. Необходимо вначале воссоздать внутри себя образ своего шейха, причем образ этот появляется у правого плеча. Затем он видится в движении от правого плеча к сердцу, и эта мысленная линия служит как бы проходом, через который дух шейха может овладевать этим органом. Если этот процесс поддерживать непрерывно, то достигается полное растворение в шейхе.

Наличие такого рода совпадений в разных традициях говорит о том, что у описываемого явления есть вполне реальная основа.

В ходе ритуала посвящения ученик тантр также испытывает целый ряд сверхобычных состояний, опыт которых не может не повлиять на его сознание и психику. Все действия ритуала, совершаемые в строго определенном порядке, по всей видимости, далее могут служить своего рода ключом к произвольному вызову нужных состояний. Кроме того, отождествив себя с ламой, а ламу — с божеством, ученик тем самым отождествляет с божеством и самого себя. И это божество становится в дальнейшем его идамом, божественной сущностью, божественной силой, тождественной с его собственной сущностью, и божество это является ему в видении как во время посвящения, так и после него.

Несомненно, личность обучаемого в ходе обряда претерпевает весьма значительные изменения, опыт вновь обретенных состояний не проходит для него даром и в конечном итоге в дальнейшем позволяет встречать такие состояния без

срывов психики. По всей видимости, здесь многое происходит и с энергетикой человека. В любом случае, его отношение к дальнейшему учению становится весьма серьезным.

Факультет медицины

В жесткой структуре системы обучения, введенной Цзонхавой, в отдельный *Манба-дацан* выделено изучение медицины. Курс обучения в этом дацане длится четыре года, причем принимаются сюда только люди, окончившие обязательный для всех курс Цаннит-дацана. Навыки работы с пульсом и с энергетическими процессами организма и космоса не могут быть переданы методами чисто логического, строго формализованного мышления; такие способности восточному врачу абсолютно необходимы, но недостаточны. Гораздо важнее сформировать способность интуитивного постижения целого, которое возможно лишь в едином мгновенном акте непосредственного восприятия. Кроме того, восточный врач должен обладать высокоразвитой способностью творчества.

Освоив буддистскую философию, выучив с детства наизусть все нужные для обучения врача тексты, будучи уже сформированной творческой и нравственно ориентированной личностью, ученик переходит к постижению собственно врачебного знания, точнее, врачебного искусства. Заученный наизусть текст учебника тибетской медицины *Чжуд-ши* не может быть понят и применен на практике без Учителя, он дает лишь слабое представление об изучаемом предмете — скорее, текст служит просто серией «узелков на память». Учитель передает ученику свое собственное знание применительно к уровню его личности.

Весь процесс обучения тибетского врача занимает 15–20 лет, как и в нашей культуре, — вероятно, это некий оптимальный срок ученичества, который не может и не должен быть сокращен. Ученик изучает сложнейшую восточную теорию соотношения человека и космоса, учится применять астрологию, благодаря чему достигается необходимая индивидуализация знания и метода применительно к каждому конкретному больному в каждый конкретный момент времени. После окончания Манба-дацана и соответствующего испытания ученику присваивается звание *манрамба*.

Монастыри

Практически же образование в тибетском буддизме продолжается в той или иной форме всю жизнь, будучи тесно связанным с религиозной жизнью. Всякий монастырь, помимо учебной, имеет еще и культовую функцию. Соответственно этой функции место для монастыря всегда выбирает лама-астролог в согласии с благоприятными знаками. Канонический тибетский монастырь обычно строго ори-

ентирован по сторонам света, ансамбль группируется по оси север-юг, а вход в монастырь и в храм всегда находится с южной стороны.

На территории монастыря обязательно располагается общий соборный храм, *дзогчен-дуган*. Для особо почитаемых божеств строились отдельные храмы — *лхаканы*. Так, в Монголии для лам, связанных с Цаннит-дацаном, службы отправляются в специальных храмах — *Цанадэйн-сумэ*. Ламы-врачи также совершают свои религиозные церемонии в специальных храмах — *Эльчийн-сумэ*. Изучающие астрологию, *зурхай*, собираются на службу в *Дзурхайн-сумэ*. Те же, кто изучил курс и достиг вершин в тантре, особенно в Калачакратантре, совершают свои таинства в *Чойджин-ламын-сумэ*. Как видим, каждая отрасль знания имеет свою особую культовую практику.

Каждый такой монастырь непременно имеет свою библиотеку. Хранилища обычно начинаются с книг по тантре, затем следуют книги по астрономии, медицине и философии. Далее в отдельный раздел выделяются труды лам, имеющих свыше 20–30 томов сочинений, — в таком случае в хранилищах они стоят по именам авторов, тогда как книги лам, имеющих меньшее количество трудов, группируются по соответствующим областям знания. Завершают же хранилища полные своды Учения, *Ганджур* и *Данджур*. Следует отметить, что книги здесь всегда помещаются выше изображений: как мы уже упоминали, священное изображение — это символ тела Будды, книга же — символ его речи, поэтому изображение, танка или скульптура, никогда не оказывается над книгой.

Отдельно от учебных монастырей, называемых *шадда*, строились в уединенных местах монастыри *дубда* или *ритод* для одного человека или для нескольких десятков человек, занятых в них размышлением и медитативной практикой. Считалось, что монастырь шадда является лишь подготовительной ступенью к монастырю дубда. И еще были абсолютно уединенные кельи *дунук* для отшельников-одиночек, предпочитающих абсолютно недоступные места; это «высший пилотаж» практики тибетского буддизма.

Описывая систему образования в тибетском буддистском монастыре, все время невольно сбиваешься на прошедшее время, что говорит о прочной установке сознания рассматривать такие вещи как давно прошедшие, канувшие. Однако это совсем не так. Перед нами абсолютно живой, современный феномен, выдержавший испытание временем и сохранившийся, несмотря на все наши попытки его уничтожить, в том виде, в котором исходно был задуман и создан Цзонхавой. А потому он представляет для нас не просто предмет исторического интереса, но живой объект рассмотрения как альтернативная система образования, существующая параллельно с европейской.

А мы с Вами, уважаемый читатель, приближаемся к концу книги. Нам осталось лишь немного помедитировать, а затем предаться ностальгии.

Илл. 71. Монастырь Лабран школы гелуг в Бурятии

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

ПОСВЯЩЕННАЯ МЕДИТАЦИЯМ В ТИБЕТСКИХ ТАНТРАХ

медитации в тибетских тантрах — это отнюдь не способы релаксации, сосредоточения и т. д., как это принято понимать в Европе. Это способы достижения различных физических, точнее, психофизических эффектов, способы реального воссоединения человека с целостной структурой мира, а следовательно, и со своей истинной сущностью, и потому учение о мире как о четырех телах будды является основой медитативных практик. Не менее реальной основой медитативных практик являются также весьма специфические представления о человеческом организме, в частности, учение о том, что в ходе тантристской медитации человек очищает и трансформирует пять составляющих его агрегатов, преобразуя их в природу пяти дхьяни-будд, в пять чистых элементов-энергий.

Следует сразу же подчеркнуть, что медитативные практики невозможны без посвящения, точнее, передача медитации как раз и является самым посвящением в то или иное Учение, и такая передача абсолютно невозможна без ламы-Учителя, рассматриваемого как божество, как живой будда. Этот вид знания не может быть передан безличностно, например через тексты, но передается строго от Учителя к ученику. В сущности, только через медитативные практики и раскрываются традиционные тибетские знания о мире и человеке.

Поэтому я хочу сразу же предупредить уважаемого читателя, чтобы он не рассматривал данную главу, впрочем, как и любой другой письменный текст, в

качестве руководства для самостоятельных занятий медитацией. Текст содержит лишь то, что можно выразить в слове, тогда как передача медитации на самом деле является передачей Учителем своего энергетического импульса и тем самым своей внутренней сущности ученику, что принципиально не выразимо на вербальном уровне. Далее, любой текст излагает лишь некоторые общие положения, тогда как Учитель передает медитацию применительно к уровню каждого конкретного ученика, то есть соответственно его неповторимой индивидуальности, сформированной в ходе многих и многих перерождений и кармических взаимодействий, которые непосредственно видит настоящий Учитель.

Попытки медитировать при помощи расплывшихся сегодня письменных руководств по медитации ни к чему, кроме срыва психики, привести не могут. Медитация, как и медицина, может и исцелять, и убивать, а потому, как и медицина, имеет свои секреты, которые никто, кроме личного Учителя, кармически связанного с тем, кто становится его учеником, никогда вам не передаст. Я расскажу лишь о некоторых теоретических принципах тантристских медитаций, но для начала и продолжения медитативной практики человеку необходимо найти своего, сужденного лично ему Учителя, обладающего собственным медитативным опытом. Это предупреждение весьма серьезно, и лишь после него я вправе начать свой рассказ.

Место медитации

Как правило, медитации практикуются в затворничестве, местами которого могут быть кладбища, берега рек, перекрестки дорог, брошенные дома, места сражений, вершины гор, густые леса, храмы. Для новичков подобные места могут оказаться не вполне подходящими, поскольку им будет трудно здесь устранить блуждание ума, поэтому им следует выбирать для себя просто понравившееся тихое и безлюдное место.

Человек, практикующий затворничество, обязательно должен иметь полное посвящение в мандалу того божества-идама, на которое он собирается медитировать. Для начала затворничества непременно должен быть выбран благоприятный день. Практикующий мысленно очерчивает границы того места, где проходит затворничество, и внутри этих границ не может быть допущен никто, кроме помощника, доставляющего еду и питье, врача и, конечно же, Учителя. Сам практикующий ни в коем случае не должен пересекать границы своего затворничества, выходить за пределы своего защитного круга.

В ходе медитативного затворничества практикующий порождает себя в качестве божества-идама. В течение дня проводятся четыре сессии медитаций. Первая сессия начинается на рассвете, когда еще не проглядываются линии на ладонях рук, и продолжается до начала восхода солнца. Утренняя сессия проводится

сразу после полного восхода солнца и длится до полудня. Сразу после полудня начинается дневная сессия и длится до начала захода солнца. Вечерняя сессия начинается после полного заката и продолжается до конца первой части ночи. Час восхода и заката солнца, полдень и полночь являются временем разрушения самадхи, глубокой медитации, поэтому в эти часы необходимо прерывать созерцательные практики, во время которых практикующий сам порождает и сам созерцает вызванные им видения.

По завершении затворничества совершается огненное поклонение божеству-покровителю, с которым медитирующий отождествился в ходе медитации, сопровождаемое возжиганием огня. Это необходимо для того, чтобы умиловать божество-идам, искупить вину обрывания или недочета при чтении должных мантр, а также для восстановления магической силы мантр, которая иссякает в ходе их многократного использования. Делается это сразу же после окончания затворничества.

Но в день окончания затворничества ни в коем случае нельзя покидать место его проведения. Выходить из затворничества нужно постепенно, день за днем расширяя границы, иначе могут возникнуть серьезные проблемы со здоровьем.

Как видим, сосредоточенная медитация несет в себе риск серьезных опасностей, а потому проводится в соответствии с очень строгими правилами.

Медитация параллельно смерти

Разбор собственно медитаций мы начнем с предлагаемой Калачакратантрой *медитации параллельно смерти*, которая называется «Принятие тела истины (дхармакайя)». Медитация эта представляет собой четырехступенчатое посвящение.

Задача данной медитации — очищение и трансформация обычной смерти и обычного рождения, для чего медитирующий вовлекается в процесс, аналогичный смерти. При этом у практикующего йогина должна быть необычайно велика сила воображения, сила визуализации, поскольку все происходит при помощи воображения — именно оно является запускающим механизмом управления энергиями, или ветрами, собственного тела, причем на уровне тонкого тела. Константой во всех происходящих процессах оказывается «вечно неразрушимая капля», то есть неразрушимая чрезвычайно тонкая энергия и сознание, переходящие из жизни в жизнь, дающие тождественность перерождающемуся существу, сохраняясь также и в Просветлении.

Калачакратантра считает, что именно энергии являются причинами как сансары, так и нирваны, а потому задача калачакринской медитации — обрести полный контроль над энергиями.

Как мы уже сказали, предлагаемая Калачакратантрой медитация параллельно смерти моделирует процесс смерти и состоит из четырех наивысочайших из вы-

сочайших посвящений, предоставляющих адепту огромные возможности. При первом посвящении белая бодхичитта или тхикле, о которых учит тибетская медицина, спускается по центральному каналу из чакры макушки, центра великого блаженства, *махасукха чакры*, в точку между бровями. Для того чтобы запустить этот процесс, медитирующий должен четко визуализировать свое грубое тело как абсолютно пустое, затем визуализировать в нем три полных канала: средний, правый и левый. После этого необходимо перейти к отчетливой визуализации белой части тхикле в виде серебристого шарика размером с горошину, а затем почувствовать, как этот шарик со звоном спускается из чакры макушки в точку между бровями. Когда бодхичитта достигает точки между бровями и силой энергии удерживается в ней, адепт впервые испытывает состояние охватившей его радости, и именно в этом переживании ранее недоступной ему радости он и получает первое посвящение. Этот тип радости соответствует возникновению тела будды нирманакайя, тела проявления будды в мире. Достичь этого возможно лишь при условии контроля над энергиями, управляющими движением и остановкой бодхичитты. А это невозможно в тантристской практике без партнерши, которая на этой стадии должна быть воображаемой.

Итак, адепт впервые достиг основания нирманакайя, одного из четырех образующих мир и человека тел будды; самого же этого тела он может достичь лишь в реальном процессе смерти, если выполнял эту медитацию при жизни.

На втором уровне посвящения адепту дается уже реальная партнерша, и когда белая бодхичитта в виде серебристого шарика со звоном спускается в чакру сердца, *дхармачакру*, адепт испытывает высшую радость, вместе с которой приходит и посвящение, называемое тайным. И эта высшая радость приводит к возникновению в человеке следующего тела будды, самбхогакайя, тела наслаждения. В прижизненной медитации адепт достигает лишь основания этого тела, после смерти же попадает в это тело в состоянии бардо. Если он не знаком с этой медитацией, то не узнает это тело и будет пребывать в нем не по своей воле, но по воле своей кармы. Если же практика такой медитации стала при жизни привычной, адепт добровольно принимает на себя это тело, узнавая его после смерти, и переходит на следующий уровень.

Для этого практикующему дается третье посвящение, посвящение мудрости, во время которого практикующий и его партнерша пребывают в единении, в позиции *яб-юм*, запечатленной в танках и скульптурах тантристской формы буддизма. При этом белая бодхичитта спускается из чакры сердца в чакру гени-талий, которая не имеет санскритского названия, а по-тибетски называется *зан на к'онг кхорло*. В этом процессе адепт испытывает необычайную радость, которая и дает возникновение третьему телу будды, дхармакайя, и в основание этого тела попадает медитирующий. После смерти он сразу же узнает это тело и достигнет его.

Истинное же посвящение мудрости происходит лишь тогда, когда семенная жидкость, белая бодхичитта, достигает самого кончика генитального органа, но не испускается, а с помощью контроля над силой ветра удерживается в нем. Здесь испытывается так называемая спонтанная радость и достигается основание четвертого тела будды, свабхавикакаяя, в которое адепт теперь имеет шанс попасть после смерти. Именно поэтому говорят, что в точке смерти лишь прижизненная практика является реальным благом.

Но в Калачакратантре существует еще и четвертое посвящение, которое адепт получает при условии, что он постоянно вовлечен в вышеописанную практику. В таком случае он способен собрать в центральный канал все разлитые по телу энергии, что делает возможным наступление смерти. И тогда достигнутое им состояние спонтанной радости внезапно кульминирует в состояние полного и окончательного Просветления. Именно в этой точке адепт достигает тела бога Калачакры, но оно состоит лишь из энергий и сознания, уже не являясь грубым телом из плоти и крови. Достижение такого тела, которое называется радужным, то есть полное преобразование, и есть завершение пути Калачакры.

Надо сказать, что я очень упрощенно изложила эту медитацию, в которой адепт имеет дело со множеством сущностей. В его тонком теле находятся отнюдь не три, но 72 000 каналов, и все они должны быть проработаны в ходе медитации. В процесс вовлекаются 21 600 капель белой бодхичитты, 21 600 капель красной бодхичитты, 21 600 материальных компонентов тела и 21 600 активных энергий. Все энергии из всех каналов должны быть сведены в центральный канал, что невозможно сделать без реальной партнерши; все материальные компоненты тела должны быть истощены; все капли белого и красного тхикле, или бодхичитты, должны быть сведены к чрезвычайно тонким и соединены в единую неразрушимую каплю в сердце.

Для решения такой задачи требуется длительная, регулярно повторяющаяся, чрезвычайно интенсивная практика. Следуя этому пути, адепт последовательно принимает на себя все тела будды, реализуя их как потенции своей собственной внутренней структуры, рассматривая свой организм как мандалу Калачакры. И наконец, на высшей ступени этой практики человек порождает дворец Калачакры и самого себя как божество Калачакру в этом дворце, при этом сам дворец рассматривается как дхармакаяя, проявление истинного ума будды, а различные части дворца — как проявления различных аспектов Просветления. Таков истинный смысл изображаемой на песке в ходе посвящения мандалы Калачакры, полностью интериоризуемой адептом.

В этой мандале сам бог Калачакра, мужской аспект, символизирует *метод*, относящийся к достижению великого блаженства, а его супруга, женский аспект единого муже-женского божества, является символом *мудрости*, которая есть не что иное, как непосредственное осознание Пустоты. Их совокупление, *яб-юм*,

символизирует единение великого блаженства и сознающей Пустоту мудрости, поэтому Калачакра всегда изображается в союзе со своей супругой, богиней Натсог Юм. Для адепта Калачакратантры состояние полного Пробуждения, Просветления проявляется как достижение радужного тела голубого бога Калачакры с супругой, единство которых неразрывно.

Илл. 53

Но что же заставляет человека, достигшего высшей точки единения с божеством и состояния высшего блаженства, оставаться в нашем смертном мире? Дело в том, что, для того чтобы приступить к подобного рода медитациям, необходимо развить в себе чистую мотивацию просветленного ума, сострадающего всем живым существам. Движимый состраданием адепт, достигнув уровня дхармакайя, осознает, что здесь он недоступен никому, кроме будд. И у него тут же возникает побуждение воплотиться как самбхогакайя.

Для того чтобы это произошло, возникает восьмилепестковый лотос, на котором покоится диск луны, и дхармакайя, сам ум будды, проявляет себя в виде голубого столба света. Этот столб обладает природой ума будды и представляет самбхогакайя. Но далее приходит следующее осознание: в качестве самбхогакайя медитирующий адепт недоступен для большинства существ, — это порождает мотивацию к воплощению в более грубой форме. В процессе трансформации самбхогакайя в нирманакайя голубой столб света незаметно переходит в форму трона с лотосом и луной и возникает сам бог Калачакра, нирманакайя. Таким образом, мы имеем дхармакайя на пути соединения со смертью, самбхогакайя — на пути соединения с промежуточным состоянием и нирманакайя — в соединении с рождением, когда адепт добровольно возвращается в сансару.

Естественным образом возникает вопрос: а всякие голубые столбы, лotosоволунные троны и прочее — это реальность или воображение? Но дело здесь в том, что все процессы идут как бы в воображении, стимулируя реальные изменения, точнее, приравниваясь к реальности. Все на свете, с точки зрения тантр, существует лишь в нашем воображении. Поэтому, когда Калачакратантра в изложении очень высокого современного ламы рекомендует начать день с принесения жертв на свой алтарь, здесь не дифференцируется реальное и воображаемое жертвоприношение. Человек может принести в жертву как материальные вещи, так и вещи воображаемые, не менее ценные, чем реальные, если, конечно, он способен визуализировать прекрасные вещи. Можно принести в жертву увиденные огни ночного города или, гуляя по прекрасному парку, предложить в жертву все его красоты. Необходимо знать, что даже лама не обладает истинным или внутренне присущим существованием. Фактически сила воображения превосходит силу реальности, и созданные визуализацией вещи не менее, если не более реальны и действительны, чем те, что мы привыкли считать реально существующими.

И всякая медитация в тантрах начинается как чисто воображаемый процесс. Так, приступая к медитации, следует вообразить свое тело как абсолютно

пустое и укреплять в себе это воображаемое состояние полной пустоты до тех пор, пока оно не станет реальным переживанием, внутренним ощущением. Тем самым человек избавляется от своей привязанности к обычному телу и начинает работу на уровне тонкого тела, которое иначе нами просто не ощущается. Далее в своем воображении адепт начинает поэтапное воспроизведение строения этого тонкого тела. Прежде всего он должен отчетливо представить себе центральный канал и все его чакры, затем ощутить в чакре макушки серебристую каплю белой бодхичитты и прочувствовать, как она со звоном опускается вниз по полному центральному каналу, пережить различные состояния блаженства, все усиливающегося по мере нисхождения бодхичитты от чакры к чакре, и в конце концов заставить ее вновь подняться к исходной позиции, вернуться в чакру макушки. Далее, уже сильно продвинувшись в медитации, адепт должен вообразить — точнее, почувствовать — два боковых канала, а затем и все 72 000 каналов, научиться в своем переживании развязывать их узлы, ощутить все капли тхикле, находящиеся в теле, а их 21 000, а также прочувствовать все виды энергий, присутствующих в теле. Это — база для любой тантристской медитации. По сути, реальное и воображаемое здесь неразличимы, как часто неразличимы сон и явь. Вспомним хотя бы Чжуанцзы, великого китайского мудреца, который никак не мог понять, то ли Чжуанцзы снится, что он бабочка, то ли бабочке снится, что она Чжуанцзы.

Туммо йога

На основе визуализаций построена и следующая важная тантристская медитация — *туммо, йога жара*, одна из шести знаменитых йог Наропы. Эта йога принадлежит к тем учениям, которые передаются от Учителя ученику путем нашептывания на ухо, а потому никакое его письменное изложение не может быть полным и достаточным для того, чтобы кто-то начал практиковать его самостоятельно. То же самое, отметим еще раз, относится и к медитации параллельно смерти и ко всем другим тайным учениям.

Подготовительная стадия этой йогии начинается с отчетливой визуализации своего физического тела как совершенно пустого. Для этого произносится должным образом мантра, приводящая к связи с божественным Учителем. Затем йогин воображает себя божественной почитаемой Ваджрайогиней красного цвета и рубинового сияния, что символизирует мудрость, рассеивающую невежество.*

* Ваджрайогиня представляется в образе богини с одним лицом, тремя глазами и двумя руками. Она высоко поднимает светящийся бриллиантовым светом острый нож, отсекающий напрочь все мешающие ментальные процессы. В левой руке она держит на уровне груди наполненный кровью человеческий череп. На голове у нее возвышается корона из пяти челове-

При этом адепту следует полностью отождествить себя с Ваджрайогиней внешне в форме божества, внутренне же как пустую совершенно прозрачную оболочку. Затем этой визуализации позволяют принять вначале размер собственного тела, затем сделаться большой, словно дом, затем размером с холм, и наконец, она заполняет собой весь универсум. А затем ее постепенно уменьшают до размера горчичного семени, которое, тем не менее, имеет все ее члены и части, очень отчетливо выраженные. Вот на этой визуализации и следует сосредоточить свой ум.

Следующее подготовительное упражнение состоит в визуализации всей системы внутренних каналов как совершенно пустой.

Третье подготовительное упражнение сводится к визуализации Защитного Круга. Посредством искусства управления мыслью, или умственными образами, йогин представляет, что во время выдоха бесчисленные пятицветные лучи испускаются из каждой поры его тела, освещая весь мир и наполняя его пятицветным сиянием, а на вдохе все они вновь вбираются в его тело. А потом он воображает, что все эти лучи преобразуются в звук *ХУМ*, который затем превращается в злобных и яростных божеств пяти цветов, и ни одно из божеств своим размером не превосходит горчичное зерно. Во время выдоха йогин думает об этих божествах как о выходящих вместе с выдыхаемым воздухом и заполняющих мир, а со вдохом воображает их вновь входящими в его тело и наполняющими его.

Затем адепт воображает, что каждую из пор его тела заполняет одно из гневных божеств с лицом, повернутым вовне, и что все они вместе образуют как бы надетую на тело кольчугу. Таким образом вокруг человека образуется психический барьер, или Защитный Круг, через который не смогут проникнуть никакие невидимые существа. С каждым выдохом тонкая праническая энергия выходит наружу, с каждым же вдохом она втягивается в тело и собирается в чакрах. Та-

ческих черепов, символизирующая пять дхьяни-будд с их пятью типами мудрости. На шее у нее ожерелье из пятидесяти кровотокающих человеческих голов, только что отрезанных от туловищ, что символизирует полное отречение адепта, отождествленного с Ваджрайогиней, от сансары, от всех мирских утех. Тело ее помазано собранным на кладбищах пеплом, оставшимся после кремации, что символизирует крайнюю степень отвержения мира и полную победу над страхом смерти, достигнутые приступающим к практике адептом. Она держит на сгибах рук длинный жезл, символизирующий божественного отца, Херуку. Херука здесь обозначает мужское начало, позитивный аспект Просветления, Ваджрайогиня — женское, негативное начало Просветления, жезл же, символ Херуки, свидетельствует, что божественной паре предстоит соединиться, ибо оба аспекта Просветления существуют лишь в неразрывном единстве. Ваджрайогиня обнажена, ей шестнадцать лет, и она находится в полном расцвете своей девственной красоты. Нагота Ваджрайогини говорит о ее полной освобожденности от всех вещей сансары. Прекрасная юная Ваджрайогиня находится в непрерывном танце, в котором ее левая нога попирает грудь человеческого существа, то есть весь мир сансары брошен ей под ноги. Пламенеющие языки Мудрости образуют нимб над ее головой.

ким образом с помощью йогически направляемого дыхания защитный барьер образуется как извне, так и изнутри тела адепта, и это очень существенный фактор во всех йогических практиках. Этот Защитный Круг образует никогда не исчезающую защиту вокруг мыслей и действий практикующего.

Абсолютно необходимо осознавать тесную связанность процесса мышления и процесса дыхания. В течение временного периода вдоха и выдоха ум обычно изменяет свою мысленную форму, и потому ум следует усиленно контролировать именно в промежутке между вдохом и выдохом. Ум не может быть сдержан за пределами одного дыхательного периода, мысленный и дыхательный процессы взаимозависимы, и контроль дыхания есть также контроль мышления. Когда дыхательный процесс регулируется в определенном ритме, возникновение и исчезновение мыслей согласуется с этим ритмом. Каждая человеческая жизнь зависит от кармически определенного числа дыханий, а потому, если посредством практики йоги продлить промежуток времени между вдохом и выдохом, соответственно продлится и жизнь человека. Поэтому йогин стремится постепенно увеличивать длительность одного дыхательного периода, то есть максимально удлинять промежуток времени между вдохом и выдохом.

И наконец, выполнив все описанные и еще многие другие визуализации, йогин должен сосредоточиться на визуализации чакры пупка, которая имеет 64 канала, расходящихся от нее вверх, словно спицы раскрытого зонта. Йогин спускает тхикле в чакру пупка, сопровождая этот процесс специальными дыхательными упражнениями. Также он проделывает особые телесные упражнения, способствующие развязыванию узлов каналов. Наконец, он визуализирует огонь *туммо* в точке пересечения трех главных каналов в чакре пупка. Этот огонь имеет миндалевидное пламя с острым и узким языком, основание этого пламени привязано к точке пупка. Огонь *туммо* обладает красно-коричневым цветом, очень горяч и волнообразен, он производит жар во всех каналах тела, что сопровождается ощущением интенсивного блаженства.

Йогин вдыхает воздух и воображает его текущим вниз по правому и левому каналам, и этот воздух, подобно ветру кузнечных мехов, раздувает *туммо-огонь* до интенсивного жара. Все праны, или ветры, или энергии тела собираются и растворяются в *туммо-огне*. Во время выдоха адепт должен ощутить, как *туммо* поднимается вверх по центральному каналу. Чтобы действительно вызвать жар во всем теле, этот огонь должен быть визуализирован очень отчетливо и ясно. Результат зависит только от силы визуализации.

Визуализация должна быть очень постепенной. Вначале *туммо* следует визуализировать лишь на ширину пальца, потом увеличивать его высоту до шири-

ны двух, трех, четырех пальцев. Далее следует думать о туммо-огне как о распространяющемся по всем 72 000 каналов тела, при этом он растворяет энергии и производит очень интенсивное блаженство. Когда же огонь охватывает все каналы, само тело превращается в пылающий огненный шар. В конце этой медитации все разлитые по телу огни должны быть последовательно втянуты в главный огонь.

В целях безопасности медитирующего не рекомендуется вообразить огонь выше чакры горла, ибо в таком случае с ним можно и не справиться. Однако при достаточной практике для увеличения переживаемого блаженства рекомендуется вообразить, что туммо-огонь, тонкий, как игла, простирается вверх и достигает чакры макушки, расплавляет там каплю тхикле своим прикосновением и заставляет тхикле растекаться по каналам. Задержавшись на этом переживании лишь на короткое время, следует визуализировать тхикле, возвращающееся обратно в чакру макушки.

Казалось бы, полная фантастика. Однако практикующие эту йогу действительно могут заставить свое тело не чувствовать холода, а европейским наблюдателям приверженцы кагью в тибетских горных монастырях с удовольствием показывают такой обряд: в морозную зимнюю ночь из ворот монастыря выходят адепты, практикующие туммо-йогу, и устраивают соревнование, служащее для них своеобразным экзаменом. Победителем оказывается тот, кто при сильном ветре высушит на своем теле самое большое количество намоченных в ледяной реке простыней. Тибетским отшельникам зимовать в высокогорных пещерах помогает именно владение этой йогой, в принципе, одной из самых простых в тибетском буддизме.

Как видим, медитативные техники оказываются основанными на воображаемых процессах, которые и являются истинными механизмами управления тонкими процессами, создавая очень сильные эффекты на физическом плане.

Йога иллюзорного тела

Следующая йога Наропы называется *учением об иллюзорном теле*. Она предназначена для того, чтобы адепт смог полностью осознавать, что его тело иллюзорно и является просто майей, божественной игрой, иллюзией. Точно такой же майей на самом деле оказывается тело любого божества, создаваемое лишь визуализацией того, кто на это божество в данный момент медитирует, а вне этой визуализации, вне силы воображения оно просто не существует. Кроме того, к адепту должно прийти полное осознание того простого факта, что вообще все вещи суть не более чем майя, покрывало иллюзии, набрасываемое на мир божественным фокусником, которого также в действительности не существует, ибо и он нам только грезится.

Итак, для начала йогин ставит зеркало так, чтобы в нем отразилось его тело. Он начинает восхвалять это отражение, воздавать ему почести, прославлять его, говорить ему множество комплиментов. А затем к нему применяются все самые уничижительные эпитеты, в нем отрицаются все те чудные качества, которые только что прославлялись. После этого увиденное в зеркале тело визуализируется как находящееся между человеком и зеркалом, как вышедшее из зеркала.* Адепт должен понять, что он сам ни в чем не подобен вышедшему из зеркала отражению, что оно не имеет к нему, к его истинной сущности, ровным счетом никакого отношения, а потому его следует уподобить миражу, облакам, отражению луны в тихой воде, просто магической иллюзии. Таким образом он приучает свой ум смотреть на свое тело как на нечто нереальное, как на майю.

Аналогичная техника может быть использована в случае с эхо. Практикующий адепт отправляется высоко в горы, где он будет совершенно один, и там начинает безудержно восхвалять себя, а затем столь же безудержно ругать. Эхо добросовестно будет возвращать ему отголоски его собственных слов. Прибегающий к такой практике должен твердо усвоить, что все обращенные к нему похвалы и порицания суть лишь эхо, пустое горное гулкое эхо его собственных слов. И после этого он может возвращаться в город, к людям, твердо зная, что все адресованные ему похвалы и порицания столь же иллюзорны и незначимы, как услышанное им в высоких горах эхо.

А далее ему предстоит более сложная задача — осознать иллюзорность тела божества. Для этого берется очень хорошее изображение Ваджрасаттвы или любого другого божества и помещается так, чтобы оно отразилось в зеркале. (Зеркало — вообще мистическая вещь в тибетском буддизме, как и в русских сказках.) Затем следует фиксировать взгляд и, сосредоточив ум на отраженном объекте, медитировать на него, при этом фигура начинает оживать и проявляет признаки одушевленности. Ее визуализируют как находящуюся между человеком и зеркалом, покинувшую зеркальный мир.

Затем надлежит визуализировать собственное тело как точное подобие отраженному в зеркале телу божества, и визуализация должна стать настолько субстанциональной, что до нее можно будет дотронуться. Здесь нет ничего необычного, это стандартный тест, применяемый ко всем йогическим визуализаци-

* Вспомним русские святочные девичьи гадания, когда предлагается увидеть в зеркале своего суженого, но не задерживаться долго на его изображении, так как оно может выйти из зеркала и просто задушить гадающую. Если увиденное в зеркале существо сделает хотя бы шаг к девушке, она должна немедленно накинуть на зеркало непрозрачный платок, тем самым погасив изображение и его попытки зажить самостоятельной жизнью. Одни девушки во время такого гадания действительно видят кого-то в зеркале, другие — нет, это зависит от их способности воображения и ни от чего больше.

ям. Если йогическая практика адепта успешна, то его визуализация обретает вещественность, так что становится осязаемой и существующей уже независимо от своего создателя, ибо ее творец наделил ее подобием сознания и воли, а также индивидуальным существованием. Неудивительно, что такая визуализация может повести себя совсем не так, как ожидает замысливший ее йогин.

Итак, далее следует визуализировать все видимые формы как тело охраняющего божества. И тогда все явленные вещи предстают перед адептом просто как разнообразные проявления этого божества, как развлечение божества. Таким образом происходит трансмутация всех вещей в богов и богинь, йогин непосредственно схватывает единство всех вещей в их внутренней природе Пустоты, а весь явленный чувствам мир предстает перед ним как майя, иллюзия, порожденная иллюзией.

Йога сна

Мы разберем еще одну из шести знаменитых йог Наропы, *йогу состояния сна*. В ней прежде всего следует научиться сохранять во сне столь же ясное сознание, что и во время бодрствования, причем при переходе из одного состояния в другое должна сохраняться непрерывность памяти, человек не должен забывать свой сон. При этом состояние сна не должно отличаться от состояния бодрствования, они неразличимы, ибо оба суть всего лишь иллюзия, майя. Сон и явь — явления абсолютно одного порядка, ни одно не более и не менее иллюзорно, чем другое. И происходящее во сне, и происходящее в бодрствовании подобно миражу или отражению луны в воде, ни то ни другое не имеет собственной основы.

Для достижения такого понимания существует ряд специальных практик, в том числе и практика использования силы дыхания. Она предписывает адепту спать на правом боку, подобно льву. Большим и безымянным пальцами правой руки надо прижать пульсацию артерий горла, а пальцами левой руки зажать себе ноздри, при этом слюна должна скапливаться в горле.

Эта практика поможет человеку в узнавании сна, ибо здесь ему предлагается знать, что все происходящее происходит во сне. Увидев страшный сон, следует сказать себе, что это сон, где огонь не может сжечь, а вода — утопить. Поэтому человек должен активно вмешиваться в ход событий своего сна: войти в огонь, пройти через воду, превратить себя в огненный шар и заключить в его сердцевине дьявола, чтобы сжечь его. В состоянии сна постоянно следует пытаться превратить свое тело в птицу, тигра, льва или во все что угодно. Надо уметь превращать любые увиденные во сне вещи, например, животное в человека, воду в огонь и т. д. Следует также практиковать во сне произвольные путешествия в чистые земли будд. Вернувшись в реальность, нужно суметь увидеть ее неотличимой от

сна, стереть грань между сном и бодрствованием. Цель этой йоги — помочь человеку осознать майю всех своих состояний, а также осознать свое иллюзорное тело в состоянии бардо и наличие его у человека в этой жизни.

Результат тантристских практик

Таковы некоторые из тантристских практик медитации, где работают совершенно необычные для нас методы, базирующиеся на столь же необычных представлениях. Практики эти требуют развития совершенно необычных для нас способностей, и дают они совершенно необычные результаты.

Вот как описана одна из таких практик и ее итоги в биографии одного из четырех знаменитых лам Долпо. Адепт практиковал специфическую уединенную медитацию: он жил на песке (он питался песком!) и сидел, практикуя призывы, 400 000 для мирных божеств и 1 000 000 для гневных божеств. В течение пяти месяцев он практиковал, сидя на одном месте. Первыми симптомами были совершенно невыносимые физические и умственные явления, некоторые как реальные мыслеформы, созданные собственной визуализацией йогина, некоторые как сны. Его призывы гневных божеств достигли уже 300 000, но тут болезнь набрала такую силу, что он не мог больше их продолжать.

В это время его Драгоценный Лама, Гуру Ринпоче, находился далеко от места уединения своего ученика. Но медитирующий настойчиво взывал к нему и даже вызвал в своем уме процесс эманации Учителя, после чего уснул. В середине ночи он увидел во сне своего Гуру. Тот был одет в шелковую мантию с широкими рукавами, в правой руке он держал ваджру, в левой — ритуальный кинжал. Танцующей походкой лама приблизился к ученику и сильно ударил его ваджрой по голове. Все это происходило во сне, от которого ученик в ужасе проснулся, но его болезнь была полностью излечена. Тогда, сев прямо, он продолжил свои призывания.

Пещера показалась ему заполненной языками пламени и изнутри, и снаружи. Вначале медитирующий подумал, что его ум введен в заблуждение, но, оглядевшись, увидел в самой середине языков пламени улыбающегося Красного Яростного, и из каждой поры его тела исходили языки пламени и летели искры, а на кончиках пламенеющих языков сияла искривленная радуга. Тут адепт прекратил свои призывания, и вызванное им проявление божества осталось с ним. Во второй половине ночи одетая в дивные одежды женщина принесла ему наполненный эликсиром сосуд и сказала: «Омойся!». Адепт омылся, и тогда его Гуру Ринпоче произнес подчиняющие мантры, словно читал их в должном порядке из *Жизненного свитка восьми духов*, и все указания были правильными.

Следствия предыдущих действий, кармические следы проснулись в ученике, и он поверил в свое полное подчинение Драгоценному Ламе из волшебной

страны Уддияны. Ученик приобрел веру необычайной степени. С этого момента он понял тайные заклинания Писаний ньингма просто видением и уже более не имел необходимости в их изучении. Это было следствием того, что Учитель дал ему текстуальное посвящение полностью.

Вот такие чудеса происходят с тем, кто твердо стоит на Пути тантры и всю жизнь посвящает ее практике. И обсуждать их просто не имеет смысла; здесь более, чем где-либо, уместен знаменитый афоризм не менее знаменитого Нагарджуны, который считал, что предмет обсуждения — это побег: он не имеет собственного существования, так как заключает в себе зависимое происхождение и неизменно ускользает от тебя.

А нам с Вами, дорогой читатель, осталось только предаться воспоминаниям.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Ушли благородные люди и стали покойниками —
листьями, останки которых разметали ветра.
После их смерти в их дворах вместо травы
праведников выросла иная трава.
А я остался в этом времени, опасаясь его зла
и боясь ночного нападения на дороге.

*Ибн ал-Марзубан,
«О превосходстве собак над многими
из тех, кто носил одежды»
(пер. с арабского В.В. Полосина)*

ного удивительных людей занимались Индией и Тибетом. В заключение своего повествования я хочу рассказать уважаемому читателю о тех, с кем свела меня судьба.

Мой интерес и мое знакомство с Востоком выглядят как цепь простых случайностей, которые, тем не менее, связаны между собой всеобщей сетью взаимозависимого происхождения. В летние каникулы между девятым и десятым классом на даче в Кратове я на спор одолевала толстенный учебник марксистско-ленинской философии. Во введении там кратко излагалась история западной философии, и меня совершенно потряс образ пещеры у великого Платона. Каждый человек всю жизнь сидит в пещере, спиной ко входу, спиной к свету, а мимо этого входа проносят различные предметы, проходят таинственные фигуры — словом, идет истинная жизнь, полная света. Но добровольно заточивший себя в пещеру представитель рода человеческого ловит лишь слабые тени истины, неясно отраженные на пещерной стене. И жизнь лучших из людей превращается в вечный поиск выхода из мрачной пещеры нашей жизни к прекрасному, слепящему глаза свету истинного бытия. Спор я выиграла, а для себя твердо решила поступать на философский факультет МГУ и заниматься историей философии, потому что блуждание в лабиринтах гениальной мысли гораздо увлекательнее любого реального путешествия. Впрочем, в моей последующей жизни поездкам на Восток была отведена весьма существенная дань.

Итак, сказано — сделано. Но первые два курса на философском факультете нас почему-то муштровали изучением точных наук. Однако мозги гуманитария явно устроены иначе, чем мозги естественника, и мне до сих пор иногда снится страшный сон, будто я опять иду сдавать высшую математику. И еще на втором курсе явился замдекана, громадный Громаков, и громовым голосом объявил нам приговор: весь курс в полном составе будет специализироваться по философским проблемам биологии.

Что ж, препятствия судьба ставит нам лишь для того, чтобы их преодоление укрепило в нас верность цели. И я тут же отправилась к исполнявшему тогда обязанности декана профессору Панцхаве. Выслушав мое категорическое заявление, что я хочу заниматься Востоком и только Востоком (именно в тот момент у меня и созрело это решение), вальяжный восточный Панцхава с чувством, с толком, с расстановкой раскурил трубку, ухмыльнулся в пышные усы и заговорил. Он сказал, что сам десять лет жизни отдал восточной философии, и если я хочу, следуя его пути, очень сильно испортить себе жизнь (шел 1962 год), он мне препятствовать не будет. Потом добавил, что Восток большой — какой же страной я собралась заниматься? Я мгновенно назвала Индию, не знаю почему, поскольку в тот момент ровным счетом ничего о ней не знала. И Панцхава сказал, что как раз сейчас для третьего курса начинает читать историю индийской философии сотрудник Института востоковедения Александр Моисеевич Пятигорский, и я могу ходить на его лекции. Более того, он в данный момент в учебной части, и я могу пойти и познакомиться с ним.

Мудрые у нас в то время были наставники. Вся моя дальнейшая жизнь оказалась неразрывно связанной с Востоком. Эта связь действительно принесла массу неприятностей, ибо восточная идеология никак не стыковалась с идеологией коммунистической. Но и много света и счастья подарил мне Восток, так что я ни разу не пожалела о своем выборе.

Итак, после беседы с Панцхавой, окрыленная, я отправилась в учебную часть, где и увидела высокого мужчину в видавшей виды ушанке с задранным одним ухом, сильно косящего одним глазом и хромого на одну ногу. Надо сказать, что человека со столь сильным магнетическим обаянием, мгновенно подчинявшим себе окружающих, я не встречала ни до, ни после этого. И был Александр Моисеевич одним из прекрасной когорты личных учеников Юрия Николаевича Рериха, о котором просто нельзя не рассказать.

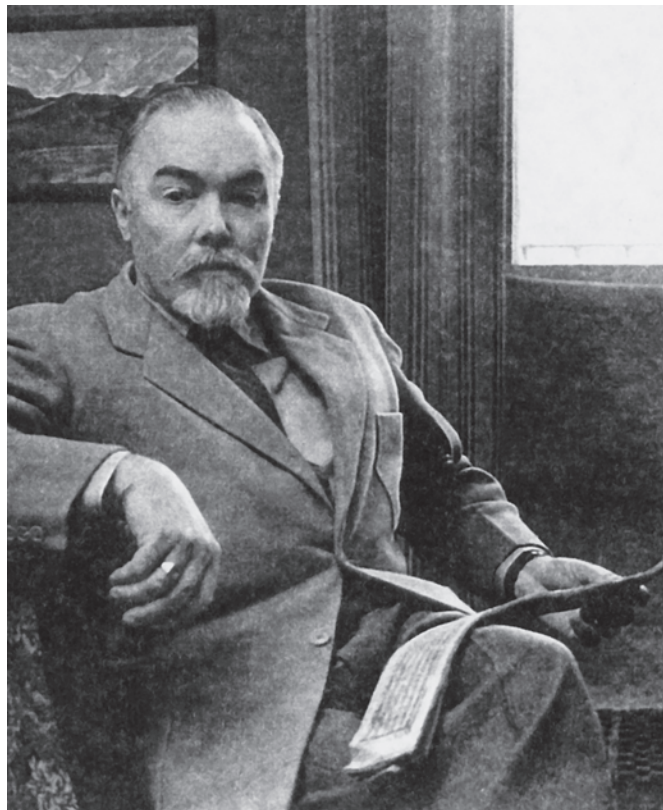
Юрий Николаевич был сыном замечательного мыслителя, путешественника и художника Николая Константиновича Рериха и его жены, Елены Рерих, создательницы знаменитой «Агни-йоги» и верной спутницы Николая Константиновича во всех его трудных странствиях. Братом Юрия Николаевича был художник Святослав Николаевич Рерих. Я говорю о Елене Рерих как о создательнице «Агни-йоги», но это не совсем точно. Текст был продиктован ей Вели-

кими Учителями Востока, Махатмами, Великими Душами, представителями бессмертной Шамбалы. Действительно, когда берешь в руки тексты писем Елены Рерих, слышишь ясный и четкий голос современной трезвомыслящей женщины; когда же открываешь «Агни-йогу», становится очевидно, что она могла создаваться лишь в измененных состояниях сознания, и читать ее можно только точно настроившись на волну излагаемых в тексте мыслей, полностью вжившись в них.

Юрий Николаевич получил блестящее востоковедческое образование, свободно владел санскритом, пали, тибетским, монгольским, китайским, хинди, многими европейскими языками. Спектр его научных интересов был широк, но доминантой являлся Тибет, его история, языки и культура. Юрий Николаевич написал много коротких, но очень емких тибетологических работ, перевел с тибетского на английский *Голубые Анналы* Голоцзавы, где более чем на тысяче страниц излагается история тибетского буддизма. Но важнейшей, на мой взгляд, его заслугой было создание прекрасной востоковедческой школы в Москве, передача своих уникальных знаний и опыта глубоких прозрений, а также опыта дальних странствий своим ученикам, передача и буквы, и духа Учения, и отголосков своих связей с Шамбалой.

Мать, ясновидящая Елена Рерих, завещала сыну непременно вернуться из Индии в Россию после ее смерти, предупредив, что его жизнь на родине продлится всего три года. Юрий Николаевич свято выполнил волю матери, добившись разрешения на жизнь и работу в России, несмотря на все встававшие на его пути преграды. Так, в 1956 году Институт востоковедения АН СССР на запрос МИД СССР о возможной репатриации Рериха ответил, что Институт востоковедения предоставить ему работу не сможет. Осенью 1956 года во время визита Никиты Сергеевича Хрущева в Индию Юрию Николаевичу удалось встретиться и поговорить с ним. Результатом этой встречи и беседы было то, что непредсказуемый Никита Сергеевич, автор «оттепели», лично дал Юрию Николаевичу разрешение вернуться в Россию и получить российское подданство. Оставалось найти место работы, а таким местом мог быть лишь Институт востоковедения. И академик Несмеянов, тогдашний президент АН СССР, посылает в Институт очередной запрос о том, будет ли Рерих полезен Институту настолько, что стоило бы его пригласить, учитывая его космополитизм. «Оттепель» уже была в разгаре, и коллеги оценили Ю.Н. Рериха как лучшего тибетолога нашего времени. Институт востоковедения на сей раз заключил, что Рерих, выдающийся исследователь, будет весьма полезен.

В мае 1957 года Юрий Николаевич прибыл в Москву и был зачислен в штат Института востоковедения старшим научным сотрудником. В 1958 году ему была по совокупности работ присвоена ученая степень доктора филологических наук. Рерих приехал в Москву со своей долгосрочной научной програм-

Илл. 73. Юрий Николаевич Рерих

и быстро. Так, Юрий Николаевич мог предложить до завтра прочитать статью, скажем, на венгерском языке. В ответ на стенания обучаемых по поводу незнания ими этого языка Юрий Николаевич говорил, что эта проблема его не касается. Задание Учителя должно было быть выполнено любой ценой, молодые люди садились за статью на непонятном языке и, что характерно, к утру разбирали ее. Ведь в обучении языкам главное — сломать психологический барьер страха перед чужим, неизвестным, заставить сразу читать, переводить, говорить, что и проделывал с блеском Юрий Николаевич. В итоге столь «зверских» методов обучения Александр Моисеевич Пятигорский всегда развлекался, указывая в каждой анкете разный набор языков, которыми владел, а когда я однажды похвасталась ему, что учу итальянский, он сразу же заговорил со мной на этом языке.

мой по составлению многотомного тибетско-санскритско-русско-английского словаря. Лично для него был создан новый сектор истории философии и религии Востока, заведующим которым он и был назначен. Сектор был маленьким, человек шесть-семь, и среди набранных в него способных молодых ученых как раз и был Александр Моисеевич Пятигорский, психолог по образованию; теперь его темой стала индийская философия, сильный психологический уклон которой неоспорим.

Маленькая команда сотрудников сделалась дружным коллективом учеников Ю.Н. Рериха, который привез в Москву традиционные восточные методы обучения. Он разбирал с учениками оригинальные тексты и лично комментировал их, вводя таким образом своих слушателей в святая святых восточной культуры. Язык выучивался легко

Такова была школа, в которой никогда не начинали с анализа или, как это принято у нас, всесторонней критики разбираемых учений, но шли от тщательного изучения текста, от полного и безоговорочного вживания в него, от попытки понять и усвоить множество его смысловых значений. Ученики навсегда сохранили преданность Учителю и восхищение им, но, будучи людьми весьма ироничными, всячески пытались не допустить его культа. Так, когда мне рассказывали о Юрии Николаевиче, не удерживаясь от превосходных степеней, его образ тут же «снижали», сообщая, что он очень серьезно относился к деньгам, оговаривал причитающиеся ему суммы, — для нас же тогда был совершенно невозможным всякий разговор о деньгах, он считался неприличным, только теперь мы с трудом учимся этому необходимому искусству. Других недостатков у Ю.Н. Рериха, по всей видимости, не было.

Очень много труда вложил Юрий Николаевич в издательскую деятельность. Так, под его редакцией в серии «Библиотека Буддике» в 1962 году, уже после его смерти, вышел фундаментальный труд репрессированного и погибшего тибетолога А.И. Вострикова «Тибетская историческая литература». Работавшая под руководством Ю.Н. Рериха целая комиссия по проверке перевода философских мест из древнеиндийской эпической поэмы *Махабхарата*, сделанного ашхабадским академиком Б.Л. Смирновым, ранее высланным из Ленинграда, дала высочайшую оценку его поистине непревзойденному переводу древнеиндийской поэмы *Бхагавадгита*, раскрывающей все глубины индийской духовности. Только благодаря усилиям Юрия Николаевича издание этого текста стало возможным. Ведь поэма была религиозная, а религия в то время была всего лишь опиумом для народа, с распространением которого следовало всячески бороться.

Увы, в Индии и в Тибете в древности и в средневековье не было нерелигиозных текстов. И вот под ответственным редакторством Ю.Н. Рериха и при его рецензировании в той же серии «Библиотека Буддике» вышла чудесная *Дхаммапада* в переводе В.Н. Топорова, с комментариями и вступительной статьей переводчика. Рериха немедленно обвинили в пропаганде буддистских религиозных текстов. Заседала по этому поводу очень высокая комиссия, на ней присутствовали Ю.Н. Рерих и директор тогдашнего Института востоковедения Б.Г. Гафуров, Топорова же не было. В постановлении, очень характерном для тех времен, отмечалось с явным неодобрением, что предисловие и комментарии носят объективистский характер, сиречь не разоблачают чуждую нам идеологию. Далее, требовалось указать издательству «Восточная литература» на необходимость более тщательно решать вопрос о публикациях памятников литературы и философской мысли Востока на русском языке. Ну и конечно, требовалось принять меры к лицам, допустившим подобные недостатки. Абсурдность такого подхода была невыносима для действительно знающих специалистов, но она являлась нормой жизни для многочисленных псевдоч ученых, многие из которых донесли

такой подход в целости и сохранности до наших дней. В первую очередь сей идиотизм был направлен лично против Юрия Николаевича Рериха.

Заседание комиссии, принявшей чисто идеологическое, не имеющее никакого отношения к востоковедению решение, состоялось 10 мая 1960 года, а 21 мая 1960 года Юрий Николаевич внезапно и необъяснимо ушел из жизни.

Ю.Н. Рерих проработал в Институте востоковедения АН СССР немногим более двух с половиной лет, так что сбылось пророчество его матери, посылавшей сына в Россию всего на три года. Выдающийся ученый, Юрий Николаевич не был удостоен ни титулов, ни званий; более того, он даже ни разу не получил ни одной денежной премии. Он словно показал образец своим ученикам, которые тоже не стяжали ни почета, ни денег, более того, сочли бы зазорным палец о палец ударить ради столь эфемерных ценностей, ибо они жили иначе, всегда идя против течения.

И вот одним из таких учеников как раз и был Александр Моисеевич Пятигорский, который в 1963 году целый год читал курс индийской философии студентам философского факультета МГУ. В то время, к счастью, еще не было моды на экзотические восточные страны и на их столь же экзотические учения, чуждые нашему российскому менталитету. А потому на лекции собралось вначале человек десять, из которых половина скоро отсеялась, обретя более соответствующие своему типу личности занятия, ибо всякое знание полезно лишь применительно к личности ученика. Нас же осталось человек пять, из которых, кажется, я одна стала специализироваться по этому предмету.

Лекциями в собственном смысле этого слова наше обучение назвать было трудно, поскольку происходило чудо доверительного раскрытия глубин совершенно иной культуры, с ошеломляющей скоростью разбивавшее наши стереотипы. Собственно, это и являлось одной из целей Александра Моисеевича, который, будучи психологом и в теории, и на практике, прекрасно знал, что нельзя открыть человеку нечто принципиально новое, не разрушив предварительно закореневшие штампы его мышления. Постепенно нам открывался новый и чудный мир.

Занятия проходили также в совершенно необычной для нас форме. Для начала Пятигорский всегда опаздывал, причем кардинально, минут на двадцать. Все правильно: если человек опаздывает минут на десять, то ожидающие чувствуют по этому поводу глухое раздражение. А вот если он приходит через двадцать минут, когда остается мало надежды вообще его в этот день увидеть, то аудитория уже радуется его приходу, пусть и с опозданием. Затем наш Учитель садился за стол и раскрывал текст бессмертной древнеиндийской поэмы *Бхагавадгита*, что означает *Божественная Песнь*, переведенной тем самым академиком Смирновым, который, будучи прикован тяжелой болезнью к постели, искал и нашел способ передать в своем переводе глубины и тонкие нюансы индийской

духовности. Начиналось чтение и комментирование текста Учителем. Именно такой метод обучения применяли знаменитые Учителя древности, разбиравшие с учеником текст и дававшие свои пояснения, раскрывая то, что лишь в неявной форме заключено в этом тексте. Именно такой метод обучения привез в Москву Юрий Николаевич Рерих, и именно им пользовались его любимые ученики.

Очень скоро Пятигорский увлекался, вставал и начинал рассказывать по небольшой аудитории, заряжаясь энергией бессмертной *Бхагавадгиты*, поучения которой предназначены для всякого человека в любом месте и в любое время, ибо поэма учит правильно относиться к жизни, правильно понимать ее смысл и предоставленные жизнью уникальные возможности, а значит, правильно жить. Учитель уже не столько читал текст, сколько давал свои пояснения по поводу него, размышляя и вспоминая по ходу дела, зримо отдавая свою энергию слушателям. Нас было очень мало, и потому процесс общения носил интимный характер, каждый мог в любом месте разговора — ибо это был именно разговор — задать возникший у него вопрос и тут же получить ответ, всегда неожиданный и парадоксальный, расширяющий горизонты нашего закованного сознания. В конце занятия мы дружно спрашивали, что нужно сделать к следующему уроку. И всегда получали ответ: «Читать *Бхагавадгиту*». Мы настаивали: «Сколько? До какого места?». И опять получали ответ: «Столько, сколько сможете». Нам, привыкшим со школы к жестким рамкам домашних заданий, давалась полная свобода, ибо только она может научить человека летать, испытывать радость полета.

Ровно год читали мы таким образом *Бхагавадгиту*, но отнюдь не исчерпали ее глубин. Да их и нельзя исчерпать, потому что всякий гениальный текст несет в себе множество явных и скрытых слоев, открывающихся в зависимости от уровня личности и состояния ее сознания, а это величины, как известно, переменные.

Далее Пятигорский долго не появлялся на факультете, так как обладал удивительным и редкостным даром всегда оказываться персоной нон грата для всевозможного официоза. Я же писала курсовые и диплом по индийской философии, испытывая в связи с этим массу передрыг, так как тема никак не стыковалась с официальной идеологией. Но это было абсолютно нормальным. Конечно, прав был Панцхава, все это сильно портило жизнь, но гораздо хуже было бы, если бы избранный путь оказался гладким и легким: это значило бы, что путь выбран неверно. Все, кем мы в то время, да и сейчас тоже, восхищались, всегда шли тернистыми путями. И прав был Фокион, который сказал, что если множество людей соглашается с тобой или выносит тебе одобрение, то ты должен тотчас остановиться и подумать, в чем ты ошибся или согрешил.

А еще я брала в университете уроки санскрита, подобные урокам английского, которому нас учат всю жизнь без всякого толку, а научаемся мы языку лишь встретив неординарного Учителя. Такая встреча выпала мне уже в аспирантуре.

Надо было наконец научиться языку, а не бесконечно изучать его. И я отправилась в Институт востоковедения и встретила там очень серьезную и совершенно неприступную Татьяну Яковлевну Елизаренкову, которая и отправила меня к ученице Ю.Н. Рериха и доброму другу Пятигорского Октябрине Федоровне Волковой. Телефона у нее не было, пришлось просто ехать. Только потом, когда Волковым поставили телефон, мы с друзьями поняли, какое это было благо — не иметь телефона, а уж тем более телевизора.

Итак, я пришла в дом неподалеку от Ленинского проспекта и позвонила в дверь квартиры на первом этаже. Открыла мне сестра Октябрины Федоровны, Инна Федоровна Волкова, с милой застенчивой улыбкой державшая за ошейники двух роскошных колли — Ильену и Зедю. Октябрины Федоровны не было дома, зато мы сразу же подружились с собаками, мягкими, нежными и ласковыми. Ну а люди, любящие животных, быстро находят общий язык.

В следующий раз дверь мне открыла уже Октябрина Федоровна. Памятуя о том, что именно она перевела *Гирлянду джатак* Арья Шуры, я ожидала встретить крупную, дородную, величественную матрону с короной из кос вокруг головы. Но на пороге стояла, опираясь на палку, хрупкая миниатюрная женщина с короткой стрижкой и милой улыбкой, державшая двух собак; теперь уже собаки с радостным визгом ринулись ко мне. Так мы все и познакомились.

А потом начались уроки санскрита. Мы садились в кухне за чашкой кофе, рядом укладывались с трудом утихомирившиеся дивные собаки, без которых был совершенно немыслим этот открытый московский дом. Раскрывали санскритский текст *Бхагавадгиты* и начинали читать. По ходу дела Октябрина Федоровна комментировала встречавшиеся в нем термины, раскрывала значения его реалий, и над строчкой санскритского текста вырастали целые столбцы расшифровки его значений; каждое слово было столь многозначным, что никогда не могло иметь единственного смысла. Поистине, *Бхагавадгиту* можно и нужно читать всю жизнь, ибо она каждый раз разная. Я и мои друзья, вовлеченные в мои штудии, часто наугад раскрывали эту книгу, спрашивая ее совета, и не было случая, чтобы она нам его не дала, поделившись крупицей истинной мудрости.

Но занятиями дело не ограничивалось. Обаяние сестер Волковых втягивало в свою орбиту очень многих из тех, кто с ними соприкасался. Поскольку телефона не было, вечерами к ним мог забрести всякий люд, включенный в их круг. Я приводила туда многих своих интересных друзей и даже недавних знакомых. Компания была разношерстная, но все хорошо понимали друг друга. Мы потягивали легкое вино, Октябрина Федоровна пела под гитару песни Галича, ждали Пятигорского, шел общий неспешный разговор обо всем и ни о чем. Очень много я тогда почерпнула из этих разговоров. Конечно же, все мы, собиравшиеся на этой кухне, в той или иной мере были диссидентами, причем здесь нас учили

быть таковыми не только по отношению к нынешней конкретной власти, но по отношению к любой власти вообще. Этика этого сообщества строилась на императиве: никогда не иди на сделку с властью, не жди от нее благ, будь от нее независим. Никто из нас никогда не вступал ни в тогдашнюю коммунистическую партию, хотя профессия требовала этого, и ни в какие из расплодившихся нынешних. Путь компромиссов не был нашим путем.

Из интересных людей, собиравшихся в доме, следует выделить Эдика Зильбермана. Он жил в Одессе, по профессии был метеорологом, долго жил на какой-то одинокой станции в песках, выучил там санскрит, греческий и массу других языков, много чего прочитал и много о чем подумал. И пришел к Октябрьине Федоровне посоветоваться с ней по теории индийской музыки. Для начала он долго и профессионально рассказывал о ней, так что Октябрьине Федоровне оставалось лишь сердечно поблагодарить его за блестящую лекцию и сообщить, что в этом предмете он сильно превосходит ее своими познаниями. Впрочем, он очень многих и во многом превосходил. Эдик, он же Давид Бенъяминович Зильберман, за свою недолгую жизнь успел так много всего узнать и так о многом подумать, что было неясно, как все это могло уложиться в столь короткие сроки. Впрочем, и Октябрьина Федоровна, и Александр Моисеевич всегда говорили, что кармически, по числу перерождений, он гораздо старше всех нас вместе взятых. Ведь существуют молодые души, недавно начавшие перерождаться, и души старые, давным-давно вращающиеся в этом круге, несущие в себе груз большого количества прожитых жизней. Способности познания, уровень мудрости и отношение к жизни у этих душ очень разные.

Эдик был четко выраженным человеком не от мира сего. Мы часто встречались с ним в Библиотеке им. Ленина, которую в аспирантские годы посещали неукоснительно. Если мне нужна была какая-то справка или название книги, не стоило идти в каталог — нужно было спросить у Эдика, он помнил и знал все. Я обычно сидела в «Ленинке» с девяти до пяти и очень радостно убегала навстречу другой жизни. Эдик же часто недоуменно спрашивал меня: а что же я делаю

*Илл. 74. Октябрьина Федоровна
Волкова*

после пяти часов? Для него жизнь была постоянной умственной работой, для меня же она часто начиналась как раз за пределами библиотеки. Вот это и есть разница между старыми и молодыми душами. С Эдиком можно было встретиться на середине проезжей части, и, совершенно забыв о месте и времени, он начинал рассказывать о своей очередной работе, в которой всегда было для меня много непонятного, но завораживающего.

Помню, однажды мы с ним пришли на семинар Г.П. Щедровицкого, к которому считали своим долгом ходить всякий раз, когда того запрещали, выгоняли, не пускали и т. д. Причиной тому была и идеология, и острый язык Георгия Петровича, который никогда не мог обидеть уборщицу или другого незащищенного человека, а вот словесно ударить под дых высокое начальство — это он умел блестяще. Семинар, помнится, отменили, так как сломался магнитофон, а без записи говорить было бы обидно. Эдик тут же предложил мне поехать к Октябрьне, а на полу в середине комнаты сидела наголо обритая девочка с красивыми ножками, которая тут же спросила: «А можно я с вами?». Эдик кивнул. Я была уверена, что он ее хорошо знает, но в трамвае он беседовал только со мной, и скоро я поняла, что мы везем с собой совершенно незнакомого человека. Октябрьна и ее сестра перенесли это стоически, лишь потом устроив нам с Эдиком славную заслуженную выволочку.

В это время на философском факультете вновь начал читать курс Александр Моисеевич Пятигорский. Произошло это лишь потому, что тогда деканом на короткое время стал мой покойный научный руководитель Алексей Сергеевич Богомолов, никогда не упускавший случая сделать что-нибудь хорошее. Алексей Сергеевич не был индологом, но он был настоящим философом, тонко чувствующим проблематику, а также истинным Учителем, насквозь видевшим ученика, к которому относился и требовательно, и снисходительно, как к младшему. И еще он был человеком потрясающей надежности, он всегда в нужный момент прикрывал ученика от пустых и злобных идеологических нападков его коллег. Без него я вряд ли написала бы диссертацию и уж точно никогда бы не защитила ее. Он непомерно рано ушел из жизни, и эта утрата невосполнима до сих пор. Только в день его похорон я заметила, что его автограф на подаренной мне в день защиты маленькой оксфордской книжке с текстами *Упанишад* и *Бхагавадгиты* стоит сразу после эпитафии: «О человек, я буду идти с тобой и буду твоим проводником, и в твоей наибольшей нужде я пойду с твоей стороны». Алексей Сергеевич как-то сумел убедить окружающих в том, что дурная репутация Пятигорского в идеологическом смысле никак не мешает ему быть блестящим преподавателем. Начались лекции, однако теперь уже восточная философия взошла на самый гребень моды. В новом корпусе гуманитарных факультетов самая большая аудитория была заполнена до предела, люди сидели на ступеньках, стояли в проходах. Александра Моисеевича

отнюдь не радовала такая популярность, он горько недоумевал, что же они все здесь делают и что этой разношерстной массе можно всерьез рассказывать? Разбирать тексты, конечно же, было бессмысленно, древние Учителя никогда не предполагали, что можно передавать знания такой разнородной массе слушателей. Пятигорский продолжал триумфально опаздывать минут на двадцать, его встречали благодарным ревом, но читал он уже упрощенные применительно к слушателям лекции.

Слушатели записывали лекции сразу на множество магнитофонов, потом их перепечатывали и распространяли. Однажды ко мне попал текст такой распечатки, и я ужаснулась тому, как же велико было непонимание, которое, правда, было прямо пропорционально растущему обожанию. Видит Бог, Александр Моисеевич не прилагал ни малейших усилий, чтобы покорить аудиторию, более того, он просто сбегал от своих почитателей, и тогда они начинали бегать за мной. Помню, за мной долго ходил один юноша и настоятельно просил уговорить Пятигорского, чтобы тот взял его в ученики. Я поинтересовалась, готов ли он носить Учителю дрова, добывать и готовить для него пищу, содержать его жилище в чистоте и так далее. Парень был готов на все. Александр Моисеевич долго смеялся, когда я ему это сообщила, сказав, правда, что вот жили же люди!

Обаяние Пятигорского было как бы абсолютно от него не зависящим, неожиданным для него самого. Так, однажды мы с ним пришли в курилку «Ленинки», и он стал разбирать мою работу, увлекся, конечно, собственными соображениями. Когда мы оглянулись, оказалось, что нас окружала целая толпа, замороженно слушающая его речь. Пришлось покинуть курилку. Как-то раз я привезла в дом к Волковым своих друзей-кинетистов, талантливых молодых художников, работавших с движущимися объектами, живших общиной. Потом Александр Моисеевич поехал со мной куда-то за город посмотреть их работы. Кончилось все тем, что он стал им рассказывать о кинетическом искусстве, о философии Ницше и вообще обо всем на свете. Талантливые молодые снобы, имевшие обыкновение глядеть на всех сверху вниз, были совершенно покорены, а потом целый год приставали ко мне с вопросом, когда же Пятигорский приедет к ним в следующий раз. Их глава, Лев Нусберг, начал, как мне показалось, даже ревновать. Но Александр Моисеевич за один раз полностью удовлетворил свой интерес. Сила его воздействия на окружающих действительно была необычайной — знаю по себе; когда я шла с ним по улице, я уже не замечала ничего и никого.

Ну а дурная репутация была у него потому, что он шел своим путем, был ярок, выделялся и тем самым сильно раздражал окружающих. Не умел ладить с начальством и не старался этому научиться. Кроме того, имел обыкновение вмешиваться в то, что его совершенно не касалось. Однажды он позвонил мне домой и попросил узнать, что происходит с Таней Панченко. Я выяснила, что Татьяну,

отличницу, студентку пятого курса философского факультета, выгоняют из Университета за какую-то полную чушь — то ли письмо какое-то подписала, то ли выступила где-то. У нас на факультете такое случилось сплошь и рядом, ведь факультет был школой идеологических кадров. Татьяна сказала, что, по всей видимости, единственное, что могло бы ей помочь, это поручительство какого-нибудь коммуниста. Пятигорский — беспартийный, как и все мы, — тут же выразил готовность попросить об этом Мераба Константиновича Мамардашвили, своего друга и соавтора. Я усомнилась, согласится ли тот, ведь это отразится на его репутации. Александр Моисеевич спокойно ответил, что они друзья, а потому каждый готов выполнить любую просьбу другого. И действительно, Мераб Константинович, идеологическая репутация которого отнюдь не была безупречной, зато научная вполне основательной, пошел в партком и ходатайствовал о Тане, обещая самолично перевоспитать ее. Надо заметить, что оба джентльмена практически не знали эту девушку. Татьяне это, к сожалению, ничем не помогло, а Пятигорский и Мамардашвили получили по дополнительной черной метке. Однако благородство поступков было безупречным.

В доме Волковых постоянно как бы витала тень бурятского Дхармараджи, странного и загадочного человека Бидии Дандаровича Дандарона. Иногда он останавливался у них, в другое время о нем часто упоминали. Однажды Дандарон вышел к ним на кухню и сообщил: голос Учителя сказал ему, что придется опять сидеть. У Октябрьины Федоровны и у Пятигорского к тому, что мы называем мистикой, отношение было странное. Они верили в нее и одновременно над ней же иронизировали. Услышанное Дандароном они отнесли на счет его расстроенных нервов. Однако всякий раз, собираясь выпить что-то жидкое, вначале совершали обряд кропления духам. И Октябрьина Федоровна почему-то очень часто говорила мне, чтобы я никогда не вздумала выходить в тантры, что это очень опасно. Я в то время занималась исключительно индийской классикой и о тантрах даже не думала. А вот надо же, вышла. А потом спрашивала у других ее учеников, говорила ли она им то же самое, — оказалось, что нет, но они и не выходили в тантры.

Прекрасное это было время, и казалось, что так и будет всегда. Ощущение прочности бытия вообще свойственно молодости.

Но однажды все начало рассыпаться. Вначале умерла голубая колли Зедя; ей, умирающей, Октябрьина Федоровна читала *Бхагавадгиту*, говоря, что в следующей жизни Зедя родится человеком и возьмет себе собаку, которой будет она, Октябрьина Федоровна.

Потом начались неприятности у Эдика. Он был аспирантом Института социологии в секторе Левады. А Институт уже подлежал разгону, ибо его исследования приносили результаты, никак не соответствующие официальным установкам. Начать было решено как раз с сектора Левады. И как раз на семинар, где с

докладом выступал Эдик, пришел проверяющий, должным образом озадаченный. Когда Зильберман закончил, инспектирующий поинтересовался у него: что нужно делать, чтобы сохранить революционные традиции? Всегда искренний и не знающий ни о каких подтекстах Эдик честно ответил, что для этого нужно как можно чаще создавать революционные ситуации. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Потеряв аспирантуру, общежитие и московскую прописку, Эдик уехал в родную Одессу и стал зарабатывать на жизнь переводами и рефератами. Он бы так и жил, но к нему стал захаживать участковый, поскольку Эдик официально был безработным. Жена не выдержала всех этих мытарств и настояла на отъезде в Америку. Начался первый отсчет сорока дней наоборот: сорок дней до отъезда, девять, три, и наконец, вынос тела. Правда, Пятигорский тогда сказал, что незачем куда-то уезжать, так как если карма забросила тебя именно в это место, в нем и следует жить. В Америке Эдик вначале устроился на педагогическую работу, но преподавание не было его призванием, и он писал грустные письма о чудовищно низком уровне американских студентов. Но вскоре все уладилось, он смог заниматься любимой научной работой, за которую к тому же платили. Однажды он вышел из дома прогуляться. На тротуар выехал автомобиль, удар попал Эдику в висок, и он мгновенно ушел из этого мира страданий — как раз в тот момент, когда, казалось бы, все проблемы были решены и жизнь наладилась. Я всегда не верю периодам полного благополучия и боюсь их; к счастью, они редки. На Востоке говорят, что самый опасный момент — это тот, когда все решают, что все хорошо.

А потом Октябрина Федоровна, Пятигорский и востоковеды из Эстонии и Ленинграда радостно отправились в экспедицию в Бурятию, в гости к Дандарону. И нет бы московским гостям сразу пойти в обком или хотя бы в академические институты — они поехали по дацанам, беседовали с ламами, смотрели буддистские тексты, при этом их сопровождал сам Дандарон.

После отъезда из Улан-Удэ московских гостей тут же исполнилось услышанное ранее Дандароном: его посадили, на многих верующих бурят завели уголовные дела. В Москву же пришла официальная бумага, где поименно перечислялись все участники столь удачно сложившейся поездки, им предъявлялось обвинение в организации зверской секты с человеческими жертвоприношениями. Происходило все это в 1972 году.

Что ж, бумага пришла, и реакция последовала незамедлительно. Октябрину Федоровну и Александра Моисеевича допросили по всем правилам, дома у обоих провели обыски. У сестер Волковых при обыске изъяли санскритский текст *Бхагавадгиты*, Библию и Коран. Правда, потом вернули. Ну а основная реакция в таких случаях бывает по месту работы. Участвовавшую в экспедиции аспирантку из Ленинграда выгнали из аспирантуры ЛГУ, в Тарту другого участника, Лин-

нерта Мялля, формально перевели на должность лаборанта. А вот что делать с Волковой и Пятигорским, было неясно. Оба они в бытность свою в Институте занимали должности всего лишь младших научных сотрудников, премий и почестей никогда не имели. Октябрина Федоровна так и не стала защищать кандидатскую диссертацию, а Александр Моисеевич — докторскую. А уникальные знания и интеллигентность в сочетании с глубокой порядочностью как-то не котиновалась.

Еще до всех этих событий меня однажды поразило, как настороженно, точнее, даже враждебно реагировал зал на выступления и реплики Пятигорского и Волковой во время традиционных ежегодных Рериховских чтений, посвященных памяти их Учителя. Но зато как спокойно проглатывал тот же зал то и дело возникавшие перлы — например, когда ведущий заседание, выслушав доклад молодой девушки, только что вернувшейся из экспедиции в Монголию и восторженно рассказывавшей о зверином стиле в искусстве, поморщился и сказал: «Ну зачем же Вы так грубо, вульгарно выражаетесь, зачем говорить о каком-то зверином стиле?». Естественно, мои Учителя резко выделялись на таком фоне и разносторонней образованностью, и яркостью личности.

Кроме того, репутация диссидентов у них к тому времени была уже устойчивой, так как в 1968 году они успели поставить свои подписи под письмом в защиту гласности, что было тогда жутким криминалом. Словом, они полностью повторяли ситуацию Ю.Н. Рериха, не добиваясь ни степеней, ни званий, ни денег, ни почета. Более того, как и к Ю.Н. Рериху, к ним всегда относились с идеологическим недоверием, они были чужими среди конформистов. Словом, у них даже нечего было отнять. Естественно, не были они и членами партии, исключение из которой было тогда одним из самых сильных наказаний, ибо влекло за собой массу последствий. Вот так с тех пор и врезалось мне в память и в глубины сознания: стыдно карабкаться по ступеням карьеры, следует просто достойно делать свое дело.

Ну а дальше, приходя в дом Волковых, можно было встретить там и обаятельную ленинградскую аспирантку, которая теперь представлялась не иначе как «главный специалист по мокрому делу», и многих бурят. Все они приезжали в Москву и останавливались у Волковой в поисках справедливости, которую, конечно же, не нашли.

Обо всей этой истории в самый ее разгар я узнала от Октябрины Федоровны, когда весной пришла на урок с намерением сказать, что мы на некоторое время, на лето, прервем занятия. Но кто-то очень добрый не дал мне раскрыть рта. А Октябрина Федоровна сразу же начала рассказывать мне всю эту абракадабру, предупреждая, что за домом следят и изымают что попало, не исключено, что и у меня дома сейчас идет обыск. У меня на столе стояла дивная статуэтка Зеленой Тары, на книжной полке лежало Евангелие, мне стало очень жаль, вдруг

их изымут... Ну а занятия теперь прерывать было никак нельзя, с весной пришлось повременить.

Мне пора, видимо, объяснить подоплеку всей этой истории. Дело в том, что Бидия Дандарович Дандарон в Бурятии был лидером так называемого балагатского движения за возрождение истинного буддизма. Он был также известным бурятским перерождением, тулку, известного тибетского ламы Джаяксы-Гэгэна и 19 лет своей жизни провел в сталинских лагерях. Правда, лагерь был в то время очень хорошей школой, там сидело множество образованнейших людей, с которыми общался Дандарон, много буддистских ученых лам (дело было в Сибири), с помощью которых Бидия Дандарович очень продвинулся в буддистской теории и практике, получив разнообразные сиддхи — сверхъестественные способности из тех, что имеют махасиддхи. Приехав после отсидки в Москву, он стал сотрудничать с Ю.Н. Рерихом. При этом Дандарон носил в Бурятии высочайший титул Дхармараджи, Владыки Учения, данный ему в бурятском храме в 1921 году; тогда же он был объявлен полным наследником духовной власти своего Учителя Лубсана Сандана Цыденова, основателя балагатского движения. Естественно, что при таких регалиях жизнь его не могла идти гладко.

Однажды Падмасамбхава рассказал царю Трисонгу Дэвэну историю о том, что в одной из прошлых жизней оба они участвовали в строительстве ступы Боднатх в Непале и благодаря этой своей заслуге и получили возможность родиться благим царем, покровителем буддизма, и тантристским йогиним, хранителем Учения. В строительстве принимал участие также и Ворон, который пожелал родиться устранителем всех препятствий на пути распространения буддизма. Согласно одному из бурятских преданий, этим вороном как раз и был Дандарон.

И Лубсан Сандан Цыденов, и, уж конечно же, Дандарон, кармически связанный с великим Падмасамбхавой, проявляли повышенный интерес как раз к традиции ньингма и к дзогчену, свойственному еще древнему бон, тогда как в Бурятии господствовала и господствует традиция гелуг. И Цыденов, и Дандарон открыто призывали своих последователей уйти из существующих монастырей, исказивших истинное Учение, и основать собственные *сангхи* — буддистские общины — в труднодоступных местах, чтобы возродить в них истинно тантристскую практику. И именно в 1972 году, когда Учитель предупредил Дандарона о грядущей тюрьме, вокруг него собралось в Бурятии очень много учеников, которых он учил быстрым методам реализации через веселье и бесстрашие, через спонтанность и естественность.

Разумеется, все это очень не нравилось ламам гелуг, сотрудничавшим с властями, и уж конечно самим властям. А тут еще к Дандарону нему прибывает целая делегация из самой Москвы, да и из других городов и весей. Надо было срочно что-то делать. С Дандароном просто — его всегда есть за что

Илл. 75. Бидия Дандарович Дандарон

посадить. Москвичам же нельзя предъявить обвинение в религиозной деятельности, ибо она не запрещена. Тогда и рождается формулировка об организации зверской секты. По отношению к данным людям это было полным абсурдом, они вообще были не столько буддистами, сколько исследователями буддизма. Но появление такой формулировки свидетельствует о том, что отголоски древних жестоких практик не были полностью заглушены. Впрочем, современные исследователи часто обнаруживают в Тибете явные следы человеческих жертвоприношений.

Устав от абсурда, внезапно собрался и уехал вместе с семьей Александр Моисеевич Пятигорский, до этого ратовавший за изживание своей кармы в том месте, где ты родился. В Израиле он не прижился и осел в Лондоне. Говорят, он перестал опаздывать, стал точным и пунктуальным. Но это уже не тот Пятигорский. Несколько раз наблюдая его по телевизору, я не узнавала его. Куда-то ушло поразительное обаяние, ироничность и точность высказываний, мягкость и такт. Видимо, необходимость приспособиться к чужому быту не проходит бесследно. Здесь он ни к

чему и ни к кому не приспособливался.

Бидия Дандарович Дандарон прожил в лагере менее двух лет. Его очень уважали заключенные и никогда не мешали, когда он углублялся в сосредоточенную медитацию, входил в самадхи, сидя на нарах тюремного барака в позе лотоса, прямо посреди барачного быта. Однажды такое самадхи продлилось семь дней, и из него Бидия Дандарович уже не вышел. Скорее всего, он ушел сознательно, совершив *пхову* — мгновенный перенос сознания в чистые земли. А на нашей земле шел день 26 октября 1974 года.

А потом уехал из России мой уважаемый оппонент, принадлежавший к Рериховскому кругу, санскритолог Александр Яковлевич Сыркин. Он сделал все для того, чтобы быть как все: вступил в партию (чего ему так и не простил дом Волковых, расценив это как отступничество от высоких идеалов), защитил докторскую диссертацию. Но вот незадача — он блестяще перевел *Упанишады*. (Пя-

тигорский сказал по этому поводу, что, с одной стороны, он совершил научный подвиг и благое деяние, а с другой стороны, сделал ужасную вещь — ибо кто же теперь будет читать эти тексты в подлиннике?) Официальные круги расценили это деяние как апологию и распространение чуждой нам религиозной идеологии. И когда Александр Яковлевич пытался утвердить новую плановую тему, новые переводы индийских текстов, его долго пытали, зачем ему нужно переводить такие тексты. По собственному опыту могу сказать, что это весьма безысходная ситуация. В итоге Александр Яковлевич теперь живет в Израиле, перевел *Кама-сутру* и *Волшебное сокровище сновидений*, которые были изданы в Москве.

Дом Волковых со всеми этими уходами сильно опустел, там умерла рыжая колли Ильена. Но пришли в дом новые ученики, приблудилась громадная, невероятно добрая ньюфаундлендша Дуня, у нее родилась дочь Леди Джейн, которую оставили в доме. Горечь потерь несколько смягчилась, и жизнь стала обретать новые формы. Но тут тяжело заболела и умерла Инна Федоровна Волкова, которая была ангелом-хранителем этого гостеприимного и светлого дома. А потом, после долгой болезни, 21 октября 1988 года ушла из жизни и Октябрина Федоровна Волкова.

Мераб Константинович Мамардашвили, выдающийся мыслитель и совершенно неординарный человек, которого Пятигорский оставил опекать сестер Волковых, уехал жить к себе на Родину, в Грузию, но вскоре умер, ожидая своего самолета в московском аэропорту.

А в 1990 году скончался прекрасный тибетолог школы Рериха, большой друг Пятигорского и Волковых Юрий Михайлович Парфионович. Это благодаря его трудам был выполнен замысел Юрия Николаевича Рериха — издан одиннадцатитомный тибетско-санскритско-русско-английский словарь. Юрий Михайлович успел завершить еще одно важное дело своей жизни: выпустил в свет великолепный «Атлас тибетской медицины». Это он перевел *Сутру о мудрости и глупости*, *Игру Веталы с человеком*.

Так закончилась короткая и трагическая история московской школы Юрия Рериха. Видимо, именно так было угодно судьбе. Но история эта не только грустная, но и светлая, ибо противоположности сходятся в единстве. Как точно сказал поэт, «о милых спутниках, которые сей свет своим присутствием живили, не говори с тоской „их нет“, но с благодарностию — „были“».

Хорошее это было время, несмотря на все его парадоксы. Мы были тогда молоды, беззаботны и счастливы. Мы жили так, словно все и вся, включая нас самих, пребудет вечно и всегда можно будет вернуться куда угодно, увидеть всех вновь, задать возникший вопрос. Но всех разметало по небесам и земле, и уже не собрать.

Собственно, то же самое произошло и с великой тибетской культурой, и рассеялась она по белу свету, но это уже лишь осколки бывшего целого.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Но и свойственная молодости иллюзия прочности, стабильности и безопасности бытия, и свойственная зрелости иллюзия непрочности и незащищенности жизни — всего лишь иллюзии, божественная игра, майя, потому что за всем этим стоит Сияние Великой Пустоты, которое человеку надлежит увидеть.

Мне жаль расставаться с Вами, уважаемый читатель, жаль покидать моих любимых, странных и диких героев — но я принимаю их такими, какие они есть, а мой рассказ подошел к концу.

КАРТА ТИБЕТА
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ
УКАЗАТЕЛИ

[illegible]

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Арья Шура. Гирлянда джатак. — М., 2000.
Атлас тибетской медицины. — М., 1994.
Барадийн Б.Б. Буддийские монастыри // Альманах «Orient». — СПб., 1992. — Вып. 1.
Будон Ринчендуб. История буддизма. — СПб., 1999.
Волшебное сокровище. Сказки и легенды Тибета. — Новосибирск, 1997.
Гаруда. — 1993. — № 1; 1992. — №№ 1–3.
Геше Джампа Тинлей. Ум и Пустота. — М., 1999.
Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолвствующих. — М., 1998.
Гроф С. За пределами мозга. — М., 1993.
Гроф С., Халифакс Дж. Человек перед лицом смерти. — М.; К., 1996.
Дандарон Б.Д. 99 писем. — СПб., 1995.
Джатаки. — М., 1979; То же. — СПб., 1993.
Дионисий Ареопагит. О божественных именах. — СПб., 1994.
Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. — СПб., 1997.
Древнеиндийская философия. — М., 1963.
Дуглас Ник, Уайт Мерил. Кармапа. — СПб., 1998.
Дхаммапада. — М., 1960.
Дылыкова В.С. Тибетская литература. — М., 1986.
Жизнь Будды. — Самара, 1998.
Знаменитые йогини. — М., 1996.
Золотая гирлянда. Ранние учителя кагью в Индии и Тибете. — СПб., 1993.
Избранные сочинения Далай-ламы II. — М., 1998.
История Чойджид-дагини. — М., 1990.
История Эрдени-дзу. — М., 1999.
Источник мудрецов. — Улан-Удэ, 1968.
Капра Ф. Уроки мудрости. — М.; К., 1996.
Карма Чегме. Путь через врата смерти. — Улан-Удэ, 1999.
Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. — СПб., 1998.
Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги страны снегов. — М., 1975.
Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века. — Новосибирск, 1983.

Лувсан Гаваа. Традиционные и современные аспекты восточной рефлексотерапии. — М., 1994.

Митрополит Вениамин. Божьи люди. — М., 1997.

Найдакова В.Д. Буддистская мистерия Цам в Бурятии. — Улан-Удэ, 1997.

Намхай Норбу. Друнг, Дэу и Бон. — М., 1995.

Наставления по созерцанию одиночного Ямантаки в затворничестве. — Улан-Удэ, 1998.

Нидал Оле, лама. Верхом на тигре. — Б/г.

Нидал Оле. Открытие алмазного пути. — СПб., 1992.

Ницше Ф. Странник и его тень. — М., 1994.

Орлов А., Орлова Н. Астрология Тибета. — М., 2000.

Пайтген Х.О., Рихтер П.Х. Красота фракталов. — М., 1997.

Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. — Элиста, 1993.

Пригожин И. От существующего к возникающему. — М., 1985.

Рерих Ю.Н. Избранные труды. — М., 1967.

Рерих Ю.Н.: материалы юбилейной конференции. — М., 1994.

Рерих Ю.Н. Тибетская живопись. — Самара, 2000.

Свобода в изгнании. Автобиография Его Святейшества Далай-ламы Тибета. — Дхарм-сала; СПб., 1992.

Симеон Новый Богослов. Творения. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. — Т. 3.

Соднам Цзэмо. Дверь, ведущая в Учение. — СПб., 1994.

Сутра о бесчисленных Значениях; Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы; Сутра о постижении деяний и дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая мудрость. — М., 1998.

Табеева Д.М. Руководство по иглорефлексотерапии. — М., 1978.

Учебник тибетской медицины. — Л., 1991.

Хоуп Дж., Ванлоон Б. Будда. — Ростов-на-Дону, 1997.

Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха. — М., 1983.

Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. — Новосибирск, 1981. — Т. 1–2.

Чжуд-ши. — Новосибирск, 1988.

Юзефович Л. Самодержец пустыни. — М., 1993.

Geshe Ngawang Dhargyey. Kalachacrat Tantra. — Dharmasala, 1985.

Gordon A.K. The Iconography of Tibetan Lamaism. — New York, 1967.

Gordon A.K. Tibetan Religious Art. — New York, 1963.

Grunwedell A. Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolia. — Leipzig, 1900.

Guenther H.V. The Life and Teaching of Naropa. — Oxford, 1963.

Hoffman H. Die Religion Tibets. — Friburg; Munchen, 1956.

Kalachakra. Initiation. — Madison, 1981.

Nebesky-Wojkowitz. Oracles and Demons of Tibet. — Mouton, 1965.

Rechung J.K. Atisa Dipankara Srijnana // Bulletin of Tibetology. — Gangtok, 1988. — № 3.

Roerich G.N. The Blue Annals. — Delhi, 1988.

Snellgrove D.L. Buddhist Himalaya. — Oxford, 1957.

Snellgrove D.L. Four Lamas of Dolpo. — Cambridge, 1967.

Snellgrove D.L. The Nine Ways of Bon. — London, 1967.

Teachings of Tibetan Yoga. — New York, 1965.

The Tibetan Book of Great Liberation. — London, 1954.

The Tibetan Book of the Dead. — London, 1951; Ibid. — Boston; London, 1987.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- The Tibetan Great Yogi Milarepa. — Oxford, 1973.
Tibetan Yoga and Secret Doctrins. — Oxford, 1958.
Tucci G. Tibet: Land of Snows. — London, 1967.
Tucci G. Transhimalaya. — Delhi, 1973.
Waddell L.A. Buddhism and Lamaism of Tibet. — Asian Publisher, 1978.
Waddell L.A. Lhasa and it's Mysteries. — London, 1906.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фронтиспис: Авалокитешвара. Тибетская статуэтка XIX в. Из частной коллекции.

1. Манджушри, бодхисаттва мудрости. Аппликация. Монголия. Улан-Батор, Музей изобразительных искусств.

2. Бодхисаттва Ваджрапани. Танка. Бурятия, XIX в. Музей истории Бурятии.

3. Бодхисаттва Авалокитешвара. Фрагмент аппликации. Монголия. Улан-Батор, Музей изобразительных искусств.

4. Одиннадцатиликий Авалокитешвара, Милосердный Владыка. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Улан-Батор, храм-музей Чойджин Лама.

5. Белая Тара. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Улан-Батор, Музей изобразительных искусств.

6. Зеленая Тара. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Улан-Батор, дворец-музей Богдо-хана.

7. Бурятский лама, расписывающий танку с изображением Вайрочаны.

8. Дзанабадзар, великий скульптор и первый глава буддистской церкви Монголии. Статуя-автопортрет. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Частное собрание Цултэма.

9. Наковальня, на которой работал Дзанабадзар. Монголия, Улан-Батор, Государственный центральный музей.

10. Изображение нага, мифического обитателя подземного и подводного мира.

11. Шенраб, тибетский Учитель бон.

12. Ритуальный кинжал пурба. Тибет, XIX в. Москва, частная коллекция.

13. Дворец Ямбулхака в долине реки Ярлунг.

14. Падмасамбхава. Статуя школы Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Монастырь Эрдени-дзу.

15. Читипати, владыки кладбищ. Танка. Монголия. Частная коллекция Дашбалдана.

16. Бог войны Бегдзе. Танка. Монголия. Улан-Батор, Музей изобразительных искусств.

17. Колокольчик ламы (символ мудрости, женского начала) и ваджра (символ метода, мужского начала). Тибет, XX в. Москва, частная коллекция.

18. Монастырь Эрдени-дзу в Монголии. Начало XX в. Святыни храма.

19. Белая дакия. Танка. Тибет, XX в.

20. Будда Шакьямуни. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Улан-Батор, дворец-музей Богдо-хана.

21. «Поток сансары». Танка. Тибет, XIX в. Москва, частная коллекция.
22. Поклонение Будде Шакьямуни. Танка. Бурятия, XIX в. Музей истории Бурятии.
23. Дхьяни-будда Вайрочана. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Улан-Батор, Музей изобразительных искусств.
24. Дхьяни-будда Акшобхья. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Улан-Батор, Музей изобразительных искусств.
25. Дхьяни-будда Ратнасамбхава. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Улан-Батор, храм-музей Чойджин Лама.
26. Дхьяни-будда Амиитабха. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Улан-Батор, Музей изобразительных искусств.
27. Дхьяни-будда Амогхасиддхи. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Улан-Батор, Музей изобразительных искусств.
28. Лама-красношапочник (школа нyingma). Танка. Монголия. Частная коллекция Гавы.
29. Гранитное изваяние Будды. XIX в. Монголия, Архангайский аймак.
30. Далха как хранитель Учения и как группа божеств. Танка. Монголия. Частная коллекция Дашниама.
31. Гневная богиня Шридеви. Аппликация. Монголия. Улан-Батор, Музей изобразительных искусств.
32. Бог войны Бегдэ. Маска Цам. Кораллы. Монголия, XIX в. Улан-Батор, храм-музей Чойджин Лама.
33. Хайягрива, покровитель лошадей. Танка. Монголия. Частная коллекция Цултэма.
34. Владыка Смерти Яма. Танка. Монголия. Дворец-музей Богдо-хана.
35. Кубера, бог богатства. Танка. Монголия. Частная коллекция Цултэма.
36. Дхармапала. Танка. Тибет, XX в.
37. Дхармапала. Танка. Бурятия, XIX в. Музей истории Бурятии.
38. Черный Махакала. Маска Цам. Дерево. Тибет, кон. XIX в. Москва, частная коллекция.
39. Мистерия Цам. Монголия, Урга, XIX в.
40. Бог Яма — персонаж мистерии Цам. Монголия, XIX–XX вв.
41. Белый Старец — персонаж мистерии Цам. Монголия, XIX–XX вв.
42. Ритуальная церемония Цам. Монголия, XIX–XX вв.
43. Мандала Калачакры. Танка. Тибет.
44. Манла, будда медицины. Аппликация. Монголия. Улан-Батор, дворец-музей Богдо-хана.
45. Медицинская мандала. Танка. Тибет.
46. Каналы и чакры человеческого организма согласно тибетской медицине. Тибетский рисунок.
47. Древо тибетской медицины. Тибетский рисунок.
48. Тибетские врачи, составляющие гороскоп пациента. Тибетский рисунок.
49. Блаженная страна Сукхавати, западный рай будды Амиитабхи. Танка. Бурятия, нач. XX в. Музей истории Бурятии.
50. Зеленая Тара. Бронзовая статуэтка. Тибет, XVII в. Москва, частная коллекция.
51. Земля Тушита, рай бодхисаттвы Майтрейи. Танка. Бурятия, нач. XX в. Музей истории Бурятии.
52. Майтрейя, грядущий будда. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Улан-Батор, храм-музей Чойджин Лама.
53. Калачакра со своей супругой Натсог Юм. Танка. Монголия. Улан-Батор, дворец-музей Богдо-хана.
54. Ади-будда Ваджрадхара. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Монастырь Гандантэгчинлин.

55. Богиня Ваджраварахи. Аппликация. Монголия. Улан-Батор, дворец-музей Богдохана.
56. Миларепа, Учитель линии кагью. Танка. Бурятия, XIX в. Музей истории Бурятии.
57. Кармапа XVI Ранджунг Ригпе Дордже.
58. Тибетский монастырь.
59. Литавры ламы. Монголия, XIX в. Москва, частная коллекция.
60. Белая Тара. Танка. Монголия. Улан-Батор, Музей изобразительных искусств.
61. Бодхисаттва Авалокитешвара. Статуэтка. Тибет, XIX в. Москва, частная коллекция.
62. Бодхисаттва мудрости Манджушри. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Улан-Батор, Музей изобразительных искусств.
63. Цзонхава, создатель традиции гелуг. Танка. Бурятия, XIX в. Музей истории Бурятии.
64. Монастырь Ташилунпо, резиденция Панчен-лам в Шигацзе.
65. Панчен-лама I Лобсанг Чойджин. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Улан-Батор, монастырь Гандантэгчинлин.
66. Потала, резиденция Далай-лам в Лхасе.
67. Богиня Праджняпарамита, воплощение совершенной мудрости. Бронзовая статуэтка. Бурятия, XIX в. Москва, частная коллекция.
68. Главный храм Цугольского дацана в Бурятии.
69. Книга «Жадамба» (восемьдесятчетыре) с золотыми изображениями Будды с двух сторон. Фрагмент. Монголия. Государственная библиотека МНР.
70. Ваджрасаттва. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Улан-Батор, храм-музей Чойджин Лама.
71. Монастырь Лабран школы гелуг, основанный в 1709 г. Роспись на свитке. Бурятия, XIX в. Музей истории Бурятии.
72. Ваджрайогиня. Статуя Дзанабадзара. Бронза, позолота. Монголия, XVII в. Собрание Ядамсүрэна.
73. Юрий Николаевич Рерих.
74. Октябрина Федоровна Волкова.
75. Бидия Дандарович Дандарон.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Авадхутита, инд. просветленный мудрец 250
Авалокита, бодхисаттва *См.* Авалокитешвара
Авалокитешвара, бодхисаттва 16–19, 23, 24, 28, 30, 38, 63, 64, 94, 110, 130, 132, 162, 188, 225, 227, 233, 247, 250, 252, 254, 256, 258, 262, 263, 265, 266
Агнивеша, инд. божественный мудрец 163
Акшобхья, дхьяни-будда 27, 39, 102, 106, 125, 128, 130, 132, 160, 183, 223
Алтан-хан, монг. хан 260
Амитабха, дхьяни-будда 18, 23, 39, 63, 64, 74, 96, 97, 106, 110, 128, 160, 178–180, 183, 192, 232–233, 235, 256, 260
Амогхасиддхи, дхьяни-будда 39, 106, 114, 183–184
Амрита, инд. божество 163
Ананда, ученик Будды 162
Ананта, нагараджа 45
Аршадхара, царь Уддияны 73, 75
Атиша, инд. пандит, основатель школы кадам (XI в.) 193, 216, 248–250, 252, 254, 258, 279, 280
Атрея, инд. божественный мудрец 163
Ашвины, инд. божества 163

Б

Бал-сас, бонск. божество 55
Банума, инд. божество 156
Барадийн В., бурят. тибетолог 146

Бегдзе, буддист. божество войны 67, 70, 128, 130, 138, 144
Белый Старец. *См.* Цагаан Эбуген
Бици Гаце, легенд. тибет. врач 158
Бог Белый Свет, бонск. божество 52
Бор Н., дат. физик 112
Брангринмо, демоница 18–19
Брангринпо, царь обезьян 18–19
Брахма-Вишну-Шива, основная триада инд. божеств 163
Брогми, переводчик 216, 247
Бролоцзава, переводчик 193
Бромтонпа, основатель школы кадам (XI в.) 252, 254, 256
Будда Шакьямуни, основатель буддизма (VI в. до н.э.) 23, 26, 27, 36, 38, 41, 76, 84–88, 92–94, 96, 100, 109, 112, 136, 138, 154, 156, 160, 162–163, 192–194, 208, 225, 227, 248, 254, 275, 276
Будда-Херука, тибет. буддист. божество 186
Буддхиракшита, инд. пандит 23
Бумкхри, бонск. божество 51. *См. также* Тобумкхри
Бумсен, сын Ютокпы 159
Бхасадхара, царица Уддияны 64
Бхрикути, тибет. царица 27, 28

В

Ваджра-Херука, тибет. буддист. божество 186
Ваджраварахи (Алмазная Свинья), буддист. божество 159, 204, 206, 210

Ваджрадхара, ади-будда 202–204, 282
 Ваджрайогиня, королева дакинй 82, 206, 210, 216, 294–296
 Ваджрапани, бодхисаттва 16, 20, 110, 162, 194, 201, 223
 Ваджрасаттва, дхьяни-будда 39, 40–41, 64, 183, 282, 299
 Вайрочана, дхьяни-будда 39, 98, 106–108, 126, 183, 186, 188
 Вайрочана, переводчик (VIII в.) 154, 155
 Варуна, нагараджа 45
 Васубандху, инд. буддист. философ (V в.) 275
 Васуки, нагараджа 45
 Вимала (Вималашри, Нигума), жена Наропы, великая йогиня 208
 Вирупа, йогин, основатель школы сакья 247
 Вишвапани, бодхисаттва 110
 Волкова О.Ф., русск. индолог 310–311, 315–317, 319
 Востриков А.И., русск. тибетолог 307
 Вэнь-Чэн, тибет. царица 26–28, 41

Г

Гава, тибет. сановник 26–27
 Гампопа, учитель кагью (XII в.) 202, 223, 224, 227, 228, 254
 Гегель Г.В.Ф., нем. философ 232
 Гедуб, ученик Цзонхавы (XIV–XV вв.) 260
 Голоцзава (Голотсаба) Шоннупал, тибет. ученый (XV в.) 23, 193, 305
 Григорий Палама, визант. богослов (XIV в.) 102, 116, 118–120
 Гроф С., основатель трансперсональной психологии 113
 Гунапрабха, инд. буддист. философ (VI в.) 275
 Гунганьинбо (Сакьяпа-Ченмо), иерарх школы сакья (XII в.) 36, 247
 Гуши-хан, монг. хан 262
 Гьелцапа Ринпоче, линия тулку 235

Д

Дагмедма, жена Марпы 217, 218, 220, 221
 Даки, тибет. буддист. божества 188–192
 Дакини, тибет. буддист. божества 55, 80, 188–192, 205
 Далай-лама I, Гьялва Гэндун Друб (XIV в.) 256
 Далай-лама II, Гьялва Гэндун Гьятсо (XV в.) 256–258

Далай-лама III, Гьялва Соднам Гьятсо (XVI в.) 254–256, 258–260
 Далай-лама IV, Гьялва Йонтэн Гьятсо (XV–XVI вв.) 260–262
 Далай-лама V, Гьялва Нгаванг Лобсанг Гьятсо (Великий Пятый) (XVII в.) 136, 262–263, 266
 Далай-лама VI, Гьялва Цаньян Гьятсо (XVII–XVIII в.) 263–266
 Далай-лама VII, Гьялва Калсанг Гьятсо (XVIII в.) 266
 Далай-лама VIII, Гьялва Джампал Гьятсо (XVIII в.) 266
 Далай-лама XII, Гьялва Тринлэ Гьятсо (XIX в.) 268
 Далай-лама XIII, Гьялва Тубтэн Гьятсо (XIX–XX вв.) 229, 268
 Далай-лама XIV, Гьялва Тэндзин Гьятсо (XX в.) 268–271
 Далха, бонско-буддист. божества 125–126
 Дандарон Б.Д., лидер балагатского движения, тулку 314–315, 317–318
 Дарма-Доде, сын Марпы 217
 Демамепа, лама 250
 Джа-лама, монг. монах-разбойник (XX в.) 66
 Джамгон Конгтрул Ринпоче, линия тулку 235
 Джебджугпайва, правитель Шамбалы 136
 Джебдзундамба-хутухта, монг. буддист. святой; линия тулку; титул Дзанабадзара 36
 Дзанабадзар, глава монг. церкви, великий скульптор (XVII в.) 34–39, 186
 Дигнага, великий инд. логик 273
 Дионисий Ареопагит, христ. философ-неоплатоник (I в.) 102, 106, 116–118
 Дмугьял-Ланги-Тхемпа, легендарный правитель Олмо 49
 Дмура. См. Шенраб
 Долма, тибет. имя Зеленой Тары 30, 184
 Домби-Херука, махасиддхи 254
 Дордже Драпэн, тибет. божество 268–269
 Дордже Цамо, дакиня, супруга Ютокпы 159–160
 Дорофей, св. авва (VII в.) 37
 Другпа Кунле, ученик Кармапы XVI 244
 Дуд, демоница 46
 Дунги Тхорцекцен, легенд. тибет. врач 158
 Дхармакирти, великий инд. логик 273

Дхармапала, божества-защитники буддизма 126–128, 138, 140
Дэвид-Неэль А., писательница и путешественница (XX в.) 244

Е

Еше Зунг, легенд. тибет. врач и маг 220
Еше Цогель, супруга и ученица Падмасамбхавы 80–83, 154, 210, 244

И

Иль Кье, риши 160
Индра, инд. божество 126, 163
Индрабодхи, легенд. царь Уддияны 62–64, 70
Ичокма, инд. буддист. божество 156

Й

Йему, тибет. род 47

К

Кази-Дава Сандуп, лама 176
Калачакра, божество, ади-будда, идам Ваджраяны 149–152, 192–194, 234, 279–281, 292–293
Канакамуни, будда 87
Каркотака, нагараджа 45
Кармапа, глава школы карма-кагью, линия тулку 227–233, 235, 260
Кармапа I Дусум Кхьенпа, основатель карма-кагью (XI в.) 227–229, 231, 235
Кармапа II Карма Пакши 236
Кармапа III Рангджунг Дордже 229, 235
Кармапа IV Ролпе Дордже 229, 230, 233
Кармапа V Дешин Шегпа (XIV–XV вв.) 228–230
Кармапа VII Чодрак Гьятсо 233
Кармапа VIII Микьо Дордже 230
Кармапа IX Ванчук Дордже (XVI в.) 233
Кармапа X Чойинг Дордже 234
Кармапа XVI Ранджунг Ригпе Дордже (Гьялва Кармапа) (XX в.) 229–235, 238–240, 242–246
Кашьяпа, будда 42, 87, 109
Калу Ринпоче, лама 244
Камалашила, инд. буддист. монах 198–199
Конпо, тибет. врач 155–156
Кракчунханда, будда 87, 109
Кубера, индо-тибетское божество 130, 137

Кукурица, тибет. отшельник 217
Кулика, династия царей Шамбалы 192
Кумараджива, личный врач Будды 162
Кхантака, конь Будды 86
Кьюнпо Дордже, тибет. врач 158
Кюнгса Цогель, царица Шанг-Шунга 58–60

Л

Ландарма Удмунгэн, тибет. правитель (IX в.) 200–202, 206, 262
Ли-тхе-се, переводчик 23
Лигмягя, легенд. царь Шанг-Шунга 56–58, 60
Лобсанг Джигме, тибет. монах 269
Лодро Тракпа, лама 233
Лонам, тибет. сановник 125
Лу, духи подземного мира 45, 46
Лха, небесные божества бон 46
Лха Шонну Паво Тобдэн, бонск. божество 188
Лхавзан-хан, монг. хан 264–266
Лхамо. См. Шридэви
Лхатхотхори Ньянцэн, тибет. правитель 22–23, 26, 158
Лэгмэ Са Нангдрон, царица Шанг-Шунга 56, 58, 59, 60

М

Майтрейя, бодхисаттва, грядущий будда 27, 39, 85, 87, 109–110, 190, 191, 248, 252, 274
Майтрипа, адепт «дальней линии передачи» Ваджраяны 216, 217, 220–221
Максим Исповедник, визант. богослов (VII в.) 102, 114, 117, 120
Мамардашвили М.К., русск. философ 314, 319
Мангчунг, тибет. сановник 56
Мандарава Кумари Девы, принцесса Уддияны, супруга Падмасамбхавы 73–76, 154, 244
Мандельброт Б., франц. математик, создатель теории фракталов 104
Манджушри, бодхисаттва мудрости 15–16, 41, 94, 130, 153, 162, 171, 198, 235, 248, 252, 254
Манла (Бхайсаджа-гуру), будда медицины 156, 159, 160
Маносиджи, риши 154
Ману, первый человек 128–130
Мара, демон 86

Марпа-лоцзава, Учитель кагью (IX в.) 202, 215–218, 220–221, 228, 254
 Мати, йогин 205
 Мать Небесного Пространства, супруга Вай-рочаны 183
 Махакала, буддист. божество 130, 132, 138, 158, 143, 247
 Махамайя, инд. царица, мать Будды Шакьямуни 85, 89
 Махапала, инд. царь 248
 Махапраджапати, инд. царица, тетя Будды Шакьямуни 85
 Машан Домпа, тибет. сановник 41–42
 Миларепа, Учитель кагью, отшельник и поэт (XI–XII в.) 202, 217–226, 228
 Молха, тибет. богиня, покровительница женщин 126
 Муне Цэнпо, тибет. правитель 199

Н

Набучи, тибет. божество 138
 Нагарджуна, будд. философ (I в.) 215, 254, 275, 302
 Наги, миф. существа 45–47, 188
 Нам Тогр Лугонг, тибет. сановник 78
 Намрисронцэн, тибет. правитель (VII в.) 23
 Нанба-Ранбьюн-Тугдже, легендарный первый Учитель бон 46
 Нангер Лодпо, Учитель бон 58, 59, 72
 Нанглха, дух земли бон 130
 Нангнам Лэгдруб, тибет. сановник 56
 Наропа, Учитель кагью 202, 208–211, 214–215, 217, 218, 220–221, 228, 248–250, 252, 294, 298, 300
 Нат Карпо, демон 202
 Натсог Юм, тибет. буддист. богиня, супруга бога Калачакры 152, 194, 293
 Нгок Чоку Дордже, ученик Марпы 217, 221
 Нейчунг, тибет. оракул 268
 Немидхра, инд. божеств. мудрец 163
 Нидал Оле, ученик Кармапы 236–246
 Нидал Ханна, ученица Кармапы 236–246
 Ниратмья, тибет. буддист. богиня 218
 Ницше Ф., нем. философ 205
 Ньян, духи 46
 Ньятри Цэнпо, первый легенд. правитель Тибета 20–23, 50, 55

О

Обладающий Лампадой Душ, бонск. божество 47
 Омар Хайям, суфийский поэт (XI–XII в.) 174

П

Павел, ап. 116
 Пагба-лама, ученый школы сакья 248
 Падма, нагараджа 45
 Падмасамбхава, махасиддхи, основатель школы нyingма 43, 60, 61, 64–70, 72–76, 78–80, 83, 84, 94–97, 123, 125–128, 130–132, 134, 136, 146, 152–156, 159, 171, 176, 190, 197, 202, 206, 228, 244, 250, 254, 258, 317–318
 Палжи Дордже, тибет. монах, убивший Ландарму 201–202
 Палмо, гелонгма 241–242
 Панчен-лама I Лобсанг Чойджин 136, 259, 260
 Панчен-лама X 269–270
 Панчен-лама Лувсанчойжанцан 36
 Парфионович Ю.М., русск. тибетолог 163, 319
 Патанджали, инд. философ (II в. до н. э.) 273
 Пейжалторе, тибет. сановник 200
 Пехар, тибет. буддист. божество, покровитель мужчин 125, 126
 Поппер К., австр. философ 116
 Праджапати, инд. божество 163
 Праджняпарамита, высшая мудрость, олицетворяемая одноименной богиней 150, 265, 266
 Пригожин И., бельг. физик 116
 Пятигорский А.М., русск. индолог 304–306, 308–310, 312–316, 318

Р

Равана, демон 130
 Ратна-Херука, буддист. божество 186
 Ратнапани, дхьяни-бодхисаттва 110
 Ратнапраджа, принц Уддияны 250
 Ратнасамбхава, дхьяни-будда 39, 106, 183
 Рахула, дхармапала 220
 Рахула, сын Будды 85
 Рерих Е.И., автор «Агни-йоги» 305–306
 Рерих Н.К., русск. мыслитель и путешественник 305

Рерих Ю.Н., русск. тибетолог 193, 305–309, 316, 317, 319
 Речунгпа, Учитель кагью 223–224
 Рикпэ Еше, тибет. Учитель медицины 160
 Руми Джалаладдин, суф. поэт (XIII в.) 284
 Рельпачен, тибет. правитель (IX в.) 199, 200

С

Сабдаги, духи земли 46, 130–132, 144
 Матерь сабдагов 132
 Самантабхадра, ади-будда или дхьяни-бодхи-саттва (в разных школах) 96, 110, 134
 Санваеше, дакина 136
 Сангье Гьятсо, тибет. врач (XVII в.) 163, 167
 Санджай Гьятсо, тибет. сановник 262–264
 Сараха, Учитель «дальней линии передачи» Ваджраяны 215–217
 Сарваджнямитра, кашмир. поэт 30
 Сатриг Эрсан, бонск. божество 51
 Серлингпа (Суварнадвила), лама 248, 250
 Симеон Новый Богослов, визант. религ. писатель (X в.) 116
 Сита-Брахма, тибетско-инд. божество 130
 Ситу Ринпоче, линия тулку 235
 Смирнов Б.Л., русск. индолог 307
 Снеллгроув, англ. исследователь тибет. буддизма 55, 282
 Собара, Учитель «дальней линии передачи» Ваджраяны 215
 Соднам Чойпал, тибет. сановник 262
 Соднам-Цэмо, иерарх школы сакья 248
 Соманатха, проповедник Калачакры (XI в.) 193
 Сронцэнгампо, тибет. правитель (VII в.) 23–28, 41, 55–58, 262
 Субхути, ученик Будды Шакьямуни 254
 Сучандра, царь Шамбалы 192–194
 Сыркин А.Я., русск. санскритолог 318–319
 Сэмаркар, царица Шанг-Шунга 56
 Сэрги Чаручен, царь Шанг-Шунга 59

Т

Ат-Табризи, кит. философ-мистик 284
 Тай Минг Чен, кит. император 228–230
 Такшака, нагараджа 45
 Тапихрица, бонск. маг 58
 Тара, тибет. буддист. богиня 16, 18, 19, 27, 30–32, 38–39, 158, 248, 252, 256
 Белая 28, 30, 248

Зеленая 28–30, 39, 183–186, 197
 иконография 37

Тилопа, Учитель кагью 202, 204–206, 208–211, 214–216, 228
 То-Бумкхри, бонск. божество 47, 48. *См. также* Бумкхри
 Тогьял-Екхен, легенд. Учитель бон 46–48, 49, 52
 Тригумцэнпо, легенд. тибет. правитель 50, 125
 Трисонг Дэвцэн, тибет. правитель (VIII в.) 41–43, 50, 58–61, 73, 76–78, 80, 153, 155, 158, 198–199, 206, 317
 Трэппа Намка, жрец бон 78
 Тхеуранги, бонск. божества 125
 Тхонми Самбхота, советник Сронцэнгампо, переводчик 26

У

Улаан сахиус. *См.* Бегдзе
 Уоддел Л.А., англ. тибетолог и путешественник 144–146
 Упагупта, архат 254
 Ургьенпа, сиддхи 236

Х

Хайдуб Санджаеше, тибет. ученый (XVI в.) 136
 Хайягрива, тибет. божество 128, 132, 159, 233
 Хакен Г., основатель синергетики 113
 Хауки, царица Уддияны 73, 74
 Хеваджра, тибет. буддист. божество 218, 225
 Херука, тибет. буддист. божество 188, 295
 Хэшан, кит. буддист. монах 198–199

Ц

Цагаан Эбуген (Белый Старец), монг. добуддистское божество 138, 144, 148
 Цаннен Херука, йогин (XV в.) 218
 Цзонхава, реформатор буддизма, основатель школы гелуг (XIV–XV вв.) 36, 254, 256, 258, 260, 269–270, 286, 287
 Цыденов Лубсан Сандан, основатель балагатского движения 317
 Цянчуб-Ода, правитель Тибета 252

Ч

Чакрасамвара, тибет. буддист. божество 204, 206, 217, 222, 225, 234
 Чандрнанда, кашмир. врач (VII в.) 154

Чанен Ванцокпа, тертон 155
 Ченреси. См. Авалокитешвара
 Чеча, лама 237–238
 Чжамсаран, тибетско-монгол. божество. См. Бегдэ
 Чжуанцзы, кит. философ (IV–III вв. до н.э.) 294
 Читипати, хозяйева кладбищ 69, 142–144
 Чойджид-дагиня 177, 180, 182
 Чу Дж., физик, основатель теории «бутстрэпа» 101, 102

Ш

Шакьи, род кшатриев 85
 Шалши, тибет. буддист. божества 138, 194–196
 Шамар Ринпоче (Шамарпа), линия тулку 232–235, 260, 262
 Шамарпа I Тракпа Сенге (XIII в.) 233
 Шамарпа II Кхаче Вангпо 233
 Шамарпа IV Чокьи Тракпа 233
 Шамарпа V Кончок Енлаг (XVI в.) 233–234
 Шамарпа VI Чокьи Вангчук 234, 261
 Шамарпа X Мипхам Чодруп Гьятсо 234
 Шамарпа XIII Чокьи Лодро (XX в.) 234, 235
 Шанкапала, нагараджа 45

Шантиракшита, инд. пандит 42–43, 60, 61, 73, 78
 Шенраб, Учитель бон 49–53, 59, 79
 Шридэви, буддист. божество 126–128
 Шудходана, инд. царь, отец Будды Шакьямуни 85, 89

Э

Эванс-Вентц У.Й., переводчик тибетской «Книги мертвых» 176, 237
 Эйнштейн А., нем. физик-теоретик 112

Ю

Юнгток Трогьял, легенд. тибет. маг 220
 Ютокпа-Младший, тибет. врач (XII–XIII вв.) 155, 158
 Ютокпа-Старший, тибет. врач (VIII в.) 155–160, 166

Я

Яма (Шиндже), инд. и тибет. божество 128–130, 134, 142, 144, 147, 186
 Ямантака, тибет. буддист. божество, покоритель Ямы 130, 132, 138
 Ями, сестра Ямы 128
 Яшер, демон 201

УКАЗАТЕЛЬ ТИБЕТСКИХ ПОНЯТИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А

Абхая, мудра 150
 Абхидхарма, философское учение буддизма 256, 275
 «Абхидхармакоша» («Энциклопедия буддизма») 275
 Абхишека, посвящение 204
 «Авалокитешвара-каранда-вьюха-сутра», буддист. текст 23
 «Агни-йога» 305
 Аграмба, ученое звание в буддизме 280
 Ади-будда 96, 106, 108, 110, 148
 Акаша, элемент. См. Элемент-энергия: Акаша (эфир, пространство)
 Акпа-дацан (Жудба-дацан), факультет тантры 279
 Акупунктура 168–172
 Алайвиджняна, универсальное сознание 108, 166
 Анагамин, ступень ученика в Хинаяне 89
 Ангелы, чин христ. иерархии 117
 Архангелы, чин христ. иерархии 117
 Архат, высшая ступень в Хинаяне 89, 90
 Арья, высокоразвитое существо 100
 Астрология 171, 279, 287
 «Аюрведа», инд. мед. трактат 154

Б

Балин (торма), жертвенный предмет 138
 Баньди. См. Рабчжун
 Бардо, посмертное состояние 163, 178, 187, 197, 282, 291

этапы 181–183, 187, 196–197
 «Бардо Тодол», тибетская «Книга мертвых» 176, 182
 Богдо-гэгэн, монг. титул духовного лица 36
 Бодхисаттва 15, 84–85, 90, 94, 96, 106, 109, 178
 Бон, тибет. религия 22, 24, 44, 53–55
 Будда 84–85, 88, 90, 96, 105, 106, 108–114, 117, 166, 180
 природа будды 16
 тела будды 112, 117, 118, 146–148, 152, 163, 166
 Буддизм 24, 105, 123
 Три Драгоценности 26
 четыре благородные истины 68, 87
 «Бутстрэпная» теория (Джефри Чу) 101, 102

В

Ваджра, основной символ тибетского буддизма 16, 74, 211
 символика 126
 Ваджракая, неразрушимое тело 176
 Ваджраяна, течение буддизма 84, 94–96, 176, 194, 215, 216, 223, 224, 272
 «Вайдурья онбо» («Голубой берилл»), тибет. мед. трактат 163, 167
 Варада, мудра 150
 Виджнянавада, школа буддизма 108
 Видьядхара, держатель полного и совершенного знания 45, 186
 Винайя, монашеская дисциплина, раздел буддизма 256, 275, 276, 278

Витарка, мудра 150
Власти, чин христ. иерархии 117
Вода, элемент. *См.* Элемент-энергия: Вода
Воздух, элемент. *См.* Элемент-энергия: Воздух

Г

Габала (капала), ритуальная чаша 126, 142
Габжа, ученое звание в буддизме 275, 279
Ганачакра, тантрист. мистерии 250
«Ганджур», тибет. буддист. канон 138, 287
Гелуг, школа Ваджраяны 202, 234, 248, 256, 260, 271
«Голубые анналы», история тибет. буддизма 23, 193, 305
Господства, чин христ. иерархии 117
Гуру Ринпоче, эпитет 176
Гухьясамаджатантра, учение 217
Гэбша, ученое звание в буддизме 274, 279
Гэгэн, монг. духовное звание 36
Гэлонг, степень монашеского посвящения в буддизме 278
Гэцул, степень монашеского посвящения в буддизме 277

Д

Далай-ламы 256
«Дальняя линия передачи», течение Ваджраяны 215, 216
«Данджур», тибет. буддист. канон 138, 287
Дацан, тибет. монастырь-университет 271–287
Джэдримба, ученое звание в буддизме 280
Дзогчен, высший раздел тантр 45, 188
Дму, жрецы бон 50
Дорамба, ученое звание в буддизме 275
Дубда (ритод), тип монастыря 287
Дуйнкор, факультет Калачакратантры 279
Дулба (Винайя), отделение Цаннит-дацана 275
«Дхаммапада», инд. буддист. текст 88, 93, 126, 213, 214, 277
Дхарма (Учение) 109
Дхармакайя (тело дхармы), тело будды 106, 108–110, 116, 117, 148, 163–164, 166, 168, 181, 225, 290–293
Дхармараджа, владыка Учения 28
Дхармачакра. *См.* Чакра: сердца

Дхьяни-бодхисаттва 109
Дхьяни-будда 96, 106–109, 117, 164
 пять дхьяни-будд 168–170, 224, 281, 282, 288, 295

Е

Единое 98–100, 109, 114

З

«Заметки о Цаме лучших и славных, пляске богов», трактат Далай-ламы V 136
Земля, элемент. *См.* Элемент-энергия: Земля
«Зермиг», сутра, намтар Шенраба 49
Знание
 в исихазме 114–117
 в тантризме 110, 112
Зот (Абхидхарма), отделение Цаннит-дацана 275

И

Идам 132, 206, 284, 289
Иллюзия 182. *См. также* Майя
Исихазм, христ. течение 100, 102, 105, 114–120, 123
 небесная иерархия 105, 117–118
«История Чойджид-дагини», монг. текст 177

Й

Йога
 жара (туммо) 294–298
 иллюзорного тела 298–300
 состояния сна 300–301
«Йога-сутры», трактат Патанджали 272
Йогачары, школа буддизма 273

К

Кагью, школа Ваджраяны 202, 216, 217, 222, 225, 228, 247, 254, 260, 261
Кадам, школа Ваджраяны 224, 248, 252, 256
Каджуна, школа Ваджраяны 202, 216, 217
«Калачакрамулатантра», текст Калачакратантры 193, 292
Калачакратантра, высшее учение тибет. буддизма 72, 110, 112, 163, 192–194, 252, 279–282, 287, 290–291, 293
Календарь лунный тибетский 33
Карма-кагью, ветвь школы кагью 226, 227, 240–241

«Книга истории монастыря Эрдени-дзу»,
монг. текст 136
«Книга мертвых» 180 *См. также* «Бардо То-
дол»
«Книга ста тысяч нагов» 50
Козел отпущения Цам 134
Кутэн, оракул 268–269
Кушен, царские жрецы бон 55, 56
Кюнг, ритуал бон 58

Л

Ла, жизненная энергия 53, 164, 170–171, 176
«Ламрим-ченмо», основной трактат Цзонха-
вы 254
«Линия нашептывания», способ передачи
учения в кагью 206, 210, 217
Линка, магическая фигурка 53, 55, 142, 144,
146, 164
«Лотосовая сутра», трактат Будды Шакьяму-
ни 90, 92–93
Лотосовый трон 15, 16, 30
Луна 162
Лунг (прана), жизненная энергия 98, 170
Лха-шен, жрец бон 53
Лхарамба, ученое звание в буддизме 275

М

Мадхьямика, школа буддизма 100, 198, 208,
256, 272, 275
Майя, иллюзия 298
Манба-дацан, факультет медицины 285
Мандала
Калачакры 150–152, 160, 280, 281
медицинская 160, 162–163
Манрамба, звание в тибетской медицине 286
Мантра 33
Мануша-будда 109–110
«Махавьютпатти», буддист. санскр.-тибет.
словарь 199
Махасиддхи 61, 62, 66, 72, 80, 83, 87, 190, 196, 210
Махатмы 305
Махаяна, течение буддизма 90–94, 188, 198,
204, 208, 254, 274, 282
Медитация 32, 54, 289–290
в бон 54, 58
в тантризме 67, 70, 106, 110, 120
параллельно смерти 290–294
туммо 294–298

Меридианы (в человеческом организме) 170
Монлам Ченмо (Великая Молитва), тибет.
праздник Нового года 32, 269
Му, серебряная нить, соединяющая небо с зем-
лей 50, 126, 156
Мудры, жесты 150
Мурид, ученик в суфизме 284
Муршид, учитель в суфизме 284

Н

Намтар 61, 83, 155, 208, 223
Начала, чин христ. иерархии 117
Нгуб, ритуал бон 58, 59
Нирвана 100, 275, 282
в Махаяне 90, 94
в Хиньяне 88, 89
Нирманакайя (тело воплощения), тело буд-
ды 109–112, 146, 163, 164, 166, 225, 291, 293
Ньянгма, школа Ваджраяны 96–97, 128, 134,
202, 228, 247

О

Огонь, элемент. *См.* Элемент-энергия: Огонь
Ом, священный слог 152
Освобождение 49, 88, 94, 116, 123, 156, 177,
181, 186, 187, 242, 248, 272

П

Падмасана, поза лотоса 16
Панчен-ламы (Таши-ламы) 256
Парамиты, добродетели в буддизме 274
Парчин (Парамита), теория Просветления;
отделение Цаннит-дацана 273–274
Перерождение 187, 196
Праджняпарамита, раздел буддизма 112, 256,
274
«Праджняпарамитасутра», буддист. текст 16
Прамана. *См.* Падма
Прана. *См.* Лунг
Пратьекабудда 88
Престолы, чин христ. иерархии 117
Притчи «Лотосовой сутры»
о блудном сыне 92–93
о горящем доме 92
о призрачном городе 93
Просветление 18, 83, 87–90, 94, 112, 116, 117,
140, 152, 177, 184, 192, 223, 238, 244, 252,
273, 279, 284, 290, 292, 293, 295

Пу, ритуал бон 58
Пульсовая диагностика 171–172
Пурба, ритуальный кинжал 52, 53
Пустота 75, 128, 149, 150, 178, 181, 186, 188, 205, 211, 269, 275, 280, 292, 300, 320. *См. также* Шунья
Пхова, техника медитации 245

Р

Рабжамба, ученое звание в буддизме 274
Рабчжун (баньди), степень монашеского посвящения 276–277
«Ригведа», ведийск. священный текст 98, 109
Ригдзин (Дхармараджа), владыка Учения 190

С

Садхана, серия медитаций 33
Сакридагамин, ступень ученика в Хинаяне 89
Сакья, школа Ваджраяны 202, 247–248
Самадхи 144, 160
«Самадхираджасутра», буддист. текст 227
Самбохогакайя (тело наслаждения), тело будды 109, 110, 146, 163–164, 166, 225, 291, 293
Сансара 90, 100, 109, 180, 275, 282
Саттва-ваджра, мудра 282
Свабхавикакайя, тело будды 106, 108, 110, 116, 117, 148, 292
Свастика (в бон и в буддизме) 53. *См. также* Юнгдрунг
Серафимы, чин христ. иерархии 117
Сиддхи, силы 82
Силы, чин христ. иерархии 117
Скелета символика 126
Скульптура буддистская 33–34, 39, 287
«оживление» 39
Смерть
гороскоп 178
процесс смерти 176–178
чистый свет смерти 181–182
Солнце 162
Сор, ритуальный предмет бон и буддизма 58, 142–144
Сосаника, медитация 68, 70
Срединный путь, учение буддизма. *См.* Мадхьямика
Сропатанна, ступень ученика в Хинаяне 89

«Сто наставлений в почитании Авалокитешвары», буддист. текст 23
Субурган, буддист. ступа 200
Сутра 94
Сутраяна, Путь Сутр 248, 272
Суфизм 284

Т

Танка 15, 32–34, 39, 287
Тантризм (тантра), течение буддизма 94, 244, 248
картина мира 105
Тарни (мантры) 134, 140, 148
Тарнич, заклинитель 136
Татхагата. *См.* Дхьяни-будда
Терма, «клад» 96, 155
Тертон, открыватель кладов 96, 155
«Точное описание диагностики по пульсу» (Ютокла-Старший), мед. трактат 155
Трикайя, три тела будды 146–148, 150
Тулку (нирманакайя), сознательные перерождения 228, 232
Тхеравада, течение буддизма 89
Тхикле (бодхичитта), жизненная сущность 164, 176, 225, 290, 294, 298
белые 164, 291, 292, 294
красные 164, 292

У

Убаши, монашеский обет в буддизме 276
Ум
Высший 116
очищение ума 118–120
уровни ума 122
энергии ума 120–122
Ума (Мадхьямика), отделение Цаннит-дацана 276
Ум-сознание 108
Ундур-гэгэн, монг. титул духовного лица 36
Учитель-ученик (отношения) 276–277, 280
Ушниша, возвышение на макушке будды, символ Просветления 148, 190

Ф

Фракталов теория 104

Х

Хатха-йога 225

«Хеваджратантра», основной свящ. текст школы сакья 247, 248
 Херувимы, чин христ. иерархии 117
 Хинаяна, течение буддизма 88–90, 93, 198
 Хубилган 36

Ц

Цадма, интуиция, ясность сознания; отделение Цаннит-дацана 272–273
 Цам, танец-мистерия 132–134, 136–138, 145, 147–149
 дхармапал (Шиндже) 140–146
 Калачакры 146–152
 Цаннит-дацан (Чойра-дацан), факультет философии 271–275, 278, 279, 285, 287
 Цза, сосуды тонкого тела в человеческом организме 164, 176

Ч

Чакра 165
 гениталий 291
 головы 164
 макушки (махасукха) 225, 291, 294, 298
 пупка 164, 225, 296
 сердца (дхармачакра) 164, 225, 291
 горла 298
 Чань-буддизм, течение буддизма 198
 Человека строение 163–166
 Черепа символика 128
 Черной Короны церемония 231, 233, 238, 242
 «Чжуд-ши», тибет. мед. трактат 154–155, 159, 160, 163, 166–168, 173, 285

Чистые страны 187–190
 Читтаматра, школа буддизма 208

Ш

Шейх 284
 Шен, жрецы бон 44, 53–55
 Шесть йог Наропы, учение школы кагью 217, 223, 233, 294, 298, 300
 «Шесть йог Наропы», трактат 215
 Шравака, ученик в Хинаяне 89
 Шунаг, носитель шапки-шунага 138
 Шунаг, шапка 136
 Шунья 97–98, 100–102, 105, 110, 114, 122, 132. *См. также* Пустота

Э

Элемент-энергия 106–108
 Акаша (эфир, пространство) 106–108, 168–170, 177
 Вода 106, 108, 125, 168–170, 176
 Воздух 168, 176, 183
 Земля 106, 168, 176, 183
 Огонь 106, 168, 176, 183, 232
 пять элементов 168–170, 176, 225, 288

Ю

Юнгдрунг, бонская свастика 44, 47, 53
 Юнгдрунг бон, высшая форма бон 55

Я

Яб-юм, единение мужского и женского начала; ритуальная позиция 73, 291, 292

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Алашанские горы 265, 266
Алашань, провинция в Монголии 265
Амбо, область к северо-востоку от Тибета 274, 275

Б

Барпосо-гъял, г. 48, 49
Бенарес, г. 72
Бенгалия 205, 208
Брайбун, тибет. буддист. монастырь 36, 136, 275
Бод, самоназвание тибетцев и название Центрального Тибета 20
Боднатх, непал. ступа 317
Бодх-Гайя, буддист. священное место в Непале 72
Бурятия 15, 18, 271, 317, 318
Бутан 231

В

Великое Кладбище На Горе, чистая страна 188
Викрашила, монастырь и университет в Кашмире 216, 227, 247, 248, 250, 252
Восемь великих кладбищ 190

Г

Галдан, тибет. буддист. монастырь 254, 275
Гандантэгчинлин, монг. буддист. монастырь 173, 193

Гумбум, тибет. буддист. монастырь 260
Гьянтце, тибет. буддист. монастырь 144
Гьячакги, тибет. буддист. монастырь 224

Д

Джамбудвипа. См. Индия
Джо-кханг, тибет. храм 27
Дрэпунг, тибет. буддист. монастырь 258, 260, 261
Дханакоша, миф. оз. 63, 63–64, 74
Дхармсала, местность в Индии, где живут тибетские буддистские иерархи 269

Е

Е, округ в Южном Тибете 262

И

Индия 26, 36, 39, 43, 45, 62, 67, 68, 70, 75, 76, 84–86, 97, 98, 126, 128, 130, 134, 136, 154–156, 158, 192, 193, 214–217, 223, 252, 263, 266, 269
Иран 155
Их-хурэ, монг. буддист. монастырь 36

К

Кайласа, гора 48, 55, 190
Кампо Ненанг, тибет. буддист. монастырь 231
Каньча, г. 206
Капилавасту, г. 85, 86
Карма Ген, тибет. буддист. монастырь 233
Кашмир 26, 158, 192, 208

Китай 27, 158, 190, 199, 248, 265, 268–270
Коко-Хотан, г. 260
Кукунор, оз. 265
Кянга-Цза, местность в Тибете 218

Л

Ланка, о. 130
Литанг, тибет. буддист. монастырь 260
Лхакан, храм 287
Лхамо Лацо, оз. 258
Лхаса, г. 19, 24, 26, 27, 36, 76, 78, 128, 200, 201, 229, 231, 234, 258, 260–263, 266, 269, 275
Лходрак, местность в Тибете 217, 220

М

Манасаровар, оз. 20, 48
Марпори, гора 262
Марпори, дворец 26, 42
Меру, гора 45
Минаг, оз. 201
Монголия 15, 16, 34, 36, 37, 80, 128, 138, 172, 174, 193, 260, 262, 265, 266, 268, 271, 287

Н

Нагалока, мир нагов 45
Наланда, инд. буддист. монастырь 36, 208, 217
Нангкаце, тибет. буддист. монастырь 263
Нартанг, тибет. буддист. монастырь 256
Нган-шонг, местность в Тибете 202
Нейчунг, тибет. буддист. монастырь 125
Непал 42, 80, 158, 200, 216, 218, 234, 236–238, 242, 317
Норбулинг, тибет. дворец, загородная резиденция Далай-лам 266

О

Огмин (Акаништха), чистая страна 187–188
Ольмо, чистая страна 48–50, 52
Отханг, оз. 24

П

Персия 158
Потала, тибет. дворец, резиденция Далай-лам 261–264
Прекрасный, миф. г. 155, 159, 160, 166

Р

Раден, тибет. тантрист. монастырь 252
Рей Тулпанг, тибет. буддист. монастырь 24–28
Румтек, тантрист. монастырь в Сиккиме 232, 239, 242–243
Рхан-тан, дворец 42

С

Самье, тибет. буддист. монастырь 42, 50, 78, 80, 125, 130, 134, 136, 155, 198
Светлый Мир, миф. страна 46
Сера, тибет. буддист. монастырь 275
Сикким, штат Индии 39, 232, 235, 239–241, 243
Согка Цунпо, гора 59
Страна Колеса Великого Света, миф. страна 47, 51
Сукхавати, чистая страна 63, 178–180, 192

Т

Тарог, о. 59
Ташилунпо, тибет. буддист. монастырь 136, 256, 258, 260, 262, 269
Тибетцы, происхождение 19–20
Тисе, р. 20
Тушита, чистая страна 84–85, 109, 188, 190, 252, 274
Тхенгчен Чокпор, монгол. буддист. монастырь 260

У

У, тибет. провинция 79
У-Тай-Шань, гора 190
Удияна (Ургьян), миф. страна 62–64, 70, 73, 155, 159, 206, 250
Урга (Улан-Батор), г. 36

Х

Хуанхэ, р. 20

Ц

Цанадийн-сумэ, монг. буддист. храм 287
Цангпо (Брахмапутра), р. 20, 202
Цзетан, г. 18
Цолинг, оз. 59

Ч

Чойджин-ламын-сумэ, монг. буддист. храм 34, 287

Ш

Шадда, монастырь 287

Шамбала, чистая страна 49, 56–58, 136, 192–194, 305

Шанг-Шунг, чистая страна 48, 50, 79, 125, 190

Шаньси, провинция Китая 265

Шри Дханакатака, ступа 192

Э

Эверест, гора в Гималаях 242

Эльчийн-сумэ, монг. буддист. храм 287

Я

Ямбулхакан, дворец в долине р. Ярлунг 23, 56

Ярлунг, р. и район в Тибете 18, 24, 58, 220

Серия
«Сокровенная история цивилизаций»

Елена Николаевна Молодцова
ТИБЕТ: СИЯНИЕ ПУСТОТЫ

Литературный редактор А.Б. Шахнович
Художественный редактор С.Ю. Гордеева
Редактор Е.В. Косолобова
Компьютерная верстка Г.А. Фетисовой, Н.С. Макогон

Сдано в набор 26.06.2013. Подписано в печать 28.06.2013.
Формат 70 × 90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «PetersburgCTT».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,16. Тираж 2 000 экз.
Заказ №

Издательство «НовыйАкрополь». www.publisher-na.ru